

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ДМИТРІЯ СЕРГѢЕВИЧА
МЕРЕЖКОВСКАГО.

Томъ XV.



Типографія Т-ва И. Д. СЫТИНА. Пятницкая ул., с.
Москва.— 1914.

БОЛЬНАЯ РОССИЯ.

Зимнія радуги.

9 января 1905 года надъ Петербургомъ видны были радуги. Великія событія того дня связывались въ народной молвѣ съ этимъ небеснымъ знаменьемъ.

Изъ будущей лѣтописи.

У меня, должно-быть, лихорадка. Не удивляйтесь же, что слова мои будутъ похожи на бредъ. Кто нынче не бредитъ? Вы къ этому привыкли. И если все чаще слова здравомыслящихъ напоминаютъ бредъ, то, можетъ-быть, въ бреду окажется крупица смысла...

Ну, довольно. Предисловія вообще бесполезны. Лучше сразу начать. Только вотъ не знаю, какъ бы повѣжливѣе.

Моя ежедневная прогулка—въ Лѣтнемъ саду, мимо дома Петра Великаго. Тамъ, на старыхъ липахъ множество вороньихъ гнѣздъ. Когда убійцы Павла I проходили ночью по средней аллеѣ сада къ Михайловскому замку, то поднялось такое карканье, что заговорщики боялись, какъ бы не проснулся спящій императоръ. Вороны и надо мною каркаютъ. Есть легенда, что эта вѣщая птица живетъ столѣтія. Можетъ-быть, нѣкоторыя изъ нихъ помнятъ Петра.

И вотъ въ послѣднее время мнѣ чудится въ ихъ карканьи злое пророчество, то самое, за которое въ 1703 году, при основаніи города, били кнутомъ, ссылали на галеры, рвали ноздри и рѣзали языки: «Петербургу быть пусту».

«Три старыхъ рыбака, жившихъ до основанія Петербурга въ мѣстахъ, гдѣ возникъ потомъ городъ, рассказывали, въ 1721 году, что за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ было такое наводненіе, что вся страна до Ніеншканца была потоплена, и что подобныя бѣдствія повторяются почти каждыя пять лѣтъ. Поэтому первобытные жители невскаго побережья никогда не строили тамъ прочныхъ жилищъ, но небольшія рыбацьи хижины. Какъ только, по примѣтамъ, ожидалась большая буря, крестьяне ломали свои хижины, а бревна и доски складывали, какъ плоты, и привязывали къ деревьямъ; сами же, въ ожиданіи убыли воды, спасались на Дудерову гору» («Петербургская Старина», академика Пекарскаго).

Вѣря этимъ пророчествамъ, русскіе люди, насильно загнанные въ «Парадизъ», говорили, что здѣсь жить нельзя, что городъ будетъ снесенъ водою или провалится въ трясину.

Осенью 1905 года я какъ-то разъ вечеромъ шелъ по Невскому. Вдругъ всѣ электрическіе фонари потухли. Наступила темнота, словно черное небо обрушилось. Подростки-хулиганы засвистѣли пронзительно, и раздался звонъ разбитаго стекла. По направленію отъ Аничкина моста къ Литейной бѣжали черныя толпы. Ковыляющая старушка-барыня со съѣхавшей на бокъ шляпой закричала мнѣ въ лицо: «Не ходите, тамъ стрѣляютъ!» И мнѣ, дѣйствительно, послышались или почудились выстрѣлы. Было страшно, какъ во снѣ. И вспомнился мнѣ сонъ. Впрочемъ, сновъ рассказывать не слѣдуетъ. Только два слова. Черный обликъ далекаго города на черномъ небѣ: груды зданіи башни, купола церквей, фабричныя трубы. Вдругъ по этой чернотѣ забѣгали огни, какъ искры по куску обугленной бумаги. И понялъ я или кто-то мнѣ сказалъ, что это взрывы исполинскаго поджопа. Я ждалъ, я зналъ, что еще мигъ—и весь городъ взлетитъ на воздухъ, и черное небо обагрится исполинскимъ заревомъ.

Я уѣхалъ въ томъ же году, когда уже почти все было кончено; вернулся этою осенью, въ самое сердце реакціи, въ самое сердце холеры. Ни той, ни другой не видно конца. Каждый день на страницахъ «Новаго Времени» печатается Memento mori: «заболѣло 17 человѣкъ, умерло 9». Кажется,

на всемъ Петербургѣ, какъ на склянкѣ съ ядомъ, появилась мертвая голова. Свѣдущіе люди увѣряютъ, будто бы холера никогда не кончится, и устье Невы сдѣлается необитаемымъ, какъ устье Ганга: «Петербургу быть пусту».

Но ни холера, ни реакція, ни чудовищные слухи о самоубійцахъ, объ «одинокихъ», о «кошкодавахъ», ни даже эта страшная тоска на лицахъ,—о, конечно, всероссійская, но которая именно здѣсь, въ Петербургѣ, достигаетъ какихъ-то небывалыхъ предѣловъ безумія (никто не замѣчаетъ своего и чужого безумія, кажется, потому, что всѣ вмѣстѣ потихоньку сходятъ съ ума),—нѣтъ, не все это, а что-то иное заставляетъ меня испытывать вновь знакомое «чувство конца», видѣть въ лицѣ Петербурга то, что врачи называютъ *facies Hippocratica*, «лицо смерти».

«Я замѣчалъ,—говоритъ Печоринъ въ лермонтовскомъ Фаталистѣ,—что часто на лицѣ человѣка, который долженъ умереть черезъ нѣсколько часовъ, есть какой-то странный отпечатокъ неизбежной судьбы».

Главное, что поразило меня въ Петербургѣ, это именно то, что лицо его *ничуть не измѣнилось*. Петербургъ тогда и теперь—какъ двѣ капли воды. Правда, весь онъ осунулся какъ-то, одряхлѣлъ, постарѣлъ собачьей старостью. Но ничего не убавилось и не прибавилось. Только электрическіе трамваи, кинематографы да призрачный двойникъ московскаго Василя Блаженнаго. Но вѣдь этого мало даже для октябристовъ и мирнообновленцевъ.

Надо прожить нѣсколько лѣтъ въ Европѣ, чтобы почувствовать, что Петербургъ все еще не европейскій городъ, а какая-то огромная каменная чухонская деревня. Невытанцовавшаяся и уже запакощенная Европа. Ежели онъ и похожъ на городъ иностранный, то развѣ въ томъ смыслѣ, какъ лакей Смердяковъ «похожъ на самаго благороднаго иностранца».—Какъ въ частушкѣ поется:

Если баринъ при цѣпочкѣ,
Это значить — безъ часовъ.
Если баринъ при галошахъ,
Это значить — безъ сапогъ.

Да, Петербургъ не измѣнился, и въ этой-то неизмѣнности, неизмѣняемости—«лицо смерти».

Шлепая по невѣроятной, черно-коричневой жижѣ среди невѣроятнаго, черно-желтаго тумана, я думаю: точь-въ-точь, какъ три года назадъ; три года—три вѣка; намъ казалось, что произошли въ нихъ бѣльшія событія, чѣмъ въ смутное время, чѣмъ петровская реформа и двѣнадцатый годъ. Но вотъ оказывается, что ничего не произошло. Было, какъ бы не было. Да ужъ полно, было ли? Всѣ голоса Петербурга вопять: не было! Но я знаю, помню. Мнѣ надо сойти съ ума чтобы забыть. Тутъ-то и начинается мой бредъ, мой ужасъ, мое «чувство конца». И тутъ же вспоминается мнѣ Достоевскій:

«Петербургское утро, гнилое, сырое и туманное... Мнѣ сто разъ среди этого тумана задавалась странная, но навязчивая греза: а что, какъ разлетится этотъ туманъ и уйдетъ—кверху,—не уйдетъ ли съ нимъ вмѣстѣ и весь этотъ гнилой, склизлый городъ, подыметъ съ туманомъ и исчезнетъ, какъ дымъ, и останется прежнее финское болото, а посреди него, пожалуй, для красоты, бронзовый Всадникъ на жаркодышащемъ, загнанномъ конѣ?.. Вотъ они всѣ кидаются и мечутся, а почему знать, можетъ-быть, все это чей-нибудь сонъ? Кто-нибудь вдругъ проснется, кому все это грезится,—и все вдругъ исчезнетъ».

Было, какъ бы не было.

Недавно ѣздилъ я въ Москву. Это нашъ древній паломнический путь, освященный первою книгою русской свободы—радищевскимъ «Путешествіемъ изъ Петербурга въ Москву». Сразу очнулся отъ бреда, какъ будто изъ подземной темницы вырвался на Божій свѣтъ.

Люди, какъ люди; городъ, какъ городъ. Веселыя санки скрипятъ по крѣпкому снѣгу, и можно не бояться, что завтра превратится онъ въ черную слякоть. Румяныя торговки у Спасскихъ воротъ, зазывая въ лавочки, предлагаютъ, должно-быть, точно такія же, какъ въ XVII вѣкѣ, вязаныя рукавички. И, кажется, пахнетъ въ воздухѣ старозавѣтнымъ малянофильскимъ бубликомъ. Вотъ-вотъ встрѣтишь на уг-

лу И. С. Аксакова, который скажетъ мнѣ, какъ нѣкогда говаривалъ Достоевскому: «Первое условіе для освобожденія въ себѣ плѣннаго чувства народности — возненавидѣть Петербургъ всѣмъ сердцемъ своимъ и всѣми помыслами своими». Я съ нимъ поспорю, поругаюсь, а все-таки почувствую въ немъ какую-то родную бабушкину сказку, бабушкину правду. Несмотря на чудовищный декадентскій «Метрополь» и горячечный, розово-фіолетовый блескъ электрическихъ солнць на бѣлокаменныхъ стѣнахъ Китай-города, лицо Москвы все еще напоминаетъ лицо пушкинской няни, Арины Родионовны—«голубка дряхлая моя». Но что-то есть въ этой дряхлости юное, вѣчное, что даетъ понять, что не отречется она отъ того, что здѣсь было. И если Петербургъ скажетъ: не было, то камни Москвы возопіютъ: было! было!

И вотъ еще что. Какъ это ни странно, но въ нѣкоторыхъ уголкахъ Кремля я чувствую себя, какъ на старыхъ площадяхъ Пизы, Флоренціи, Перуджіи: не даромъ строили эти соборы и башни, вмѣстѣ съ русскими каменщиками, итальянскіе зодчіе. Я здѣсь ближе къ подлинной святой Европѣ, чѣмъ въ Петербургѣ. И пусть это первое прикосновеніе русскаго духа къ духу всемірному—слѣпое, слабое, сонное, для насъ теперь уже невозможное, но оно все-таки правдивое, безъ тѣхъ двусмысленныхъ петербургскихъ «кумплиментовъ». («Приклады како пишутся кумплименты». Спб., изд. 1717 г.), о которыхъ говоритъ Антиохъ Кантемиръ въ своихъ виршахъ:

Иной бѣднѣй, кто сердцемъ учиться желаетъ,
Всѣми силами къ тому скоро поспѣшаетъ;
А пришедъ, кумплиментовъ увидитъ не мало,
Высокихъ же наукъ тамъ тѣни не бывало.

Ну, тѣнь-то, пожалуй, и была, но именно только тѣнь, сонъ: «проснется, кому все это грезится—и все вдругъ исчезнетъ».

Изъ русской земли Москва выросла и окружена русской землей, а не болотнымъ кладбищемъ съ кочками вмѣсто

могилъ и могилами вмѣсто кочекъ. Москва выросла—Петербургъ вырощенъ, вытащенъ изъ земли, или даже просто «вымышленъ».

«Въ 1714 году Петръ задумалъ умножить Петербургъ; замѣтивъ, что въ городѣ медленно строились дома, царь запретилъ во всемъ государствѣ, кромѣ Петербурга, сооружать каменные зданія, съ угрозою въ противномъ случаѣ разоренія имѣнія и ссылки. Постановлено было на всѣхъ судахъ, приходившихъ въ Петербургъ черезъ Ладожское озеро, также на всѣхъ подводахъ привозить камень и сдавать его оберъ-комиссару. Кто не исполнялъ этого положенія, съ того dopravлялось за каждый камень по гривнѣ».

Еще бы не «умышленный» городъ!

Рабочіе, которыхъ сгоняли, какъ скоть, со всѣхъ концовъ Россіи, пѣли заунывную пѣсню:

Подымались добры молодцы,
Добры молодцы, люди вольные,
Все ребятушки понизовые
На работушку государеву.

Одинъ изъ этихъ вольныхъ людей на Васильевскомъ славномъ островѣ корабли снаститъ и на вопросъ красной дѣвицы, зачѣмъ онъ это дѣлаеть, отвѣчаетъ:

Что ты, глупая, красна дѣвица,
Неразумная дочь отецкая:
Не своей волею корабли снащу,
Не своею я охотою, —
По указу государеву,
По приказу адмиральскому.

Воплощеніе этой «не своей воли» и есть Петербургъ.

При возведеніи первоначальныхъ укрѣпленій нужна была земля, а ея поблизости не находилось: кругомъ была только трясина, покрытая мхомъ; землю таскали къ бастіонамъ изъ дальнихъ мѣстъ въ старыхъ мѣшкахъ, рогожахъ, или даже просто въ полахъ платя. Люди оставались безъ хлѣба, безъ крова и мерли, какъ мухи. Покойниковъ не успѣвали хоронить и волокли, какъ падаль, въ общую яму. Сооруженіе

Петропавловской крѣпости стоило жизни 100 тысячъ переселенцевъ. О Петербургѣ сказано:

Богатырь его построилъ,
Топь костями забутилъ.

Недавно, по поводу холеры, одинъ врачъ въ городской думѣ замѣтилъ, съ цинической, но живописной грубостью, что «весь Петербургъ стоитъ на исполинскомъ нужникѣ».

Красуйся, градъ Петра, и стой
Неколебимо. какъ Россія!

Ужасно то, что этотъ исполинскій нужникъ—исполинская могила, наполненная человѣческими костями. И кажется иногда въ желтомъ туманѣ, что мертвецы встаютъ и говорятъ намъ, живымъ: «Вы нынче умрете!» какъ сказалъ Печоринъ Вуличу, замѣтивъ на лицѣ его «странный отпечатокъ неизбежной судьбы».

Мѣдный всадникъ—«петербургская повѣсть»—самое революціонное изъ всѣхъ произведеній Пушкина. «Пушкинъ представлялъ поэмѣ въ цензуру,—говоритъ Ефремовъ,—но разрѣшенія на напечатаніе не послѣдовало». Если бы поэмѣ поняли, какъ слѣдуетъ, то, чего добраго, и въ наши дни не послѣдовало бы разрѣшенія.

Подъ видомъ смиренной хвалы тутъ ставится дерзновенный вопросъ о томъ,

чьей волей роковой,
Надъ моремъ городъ основался, —

обо всемъ «петербургскомъ періодѣ русской исторіи».

О, мощный властелинъ судьбы,
Не такъ ли ты надъ самой бездной,
На высотѣ уздой желѣзной
Россію вздернулъ на дыбы?

«Дыбой» называлось орудіе пытки, на которомъ били кнутомъ. Сынъ Петра, царевичъ Алексѣй, за два дня до смерти,

вздернуть былъ въ застѣнкѣ на дыбу—«дано 25 ударовъ»—и «спрашиванъ о всѣхъ его дѣлахъ, и по разспросамъ и съ розыску, сказалъ: «Учитель-де Вяземскій въ разговорѣ съ нимъ, царевичемъ, говаривалъ: Степанъ-де Бѣляевъ съ пѣвчими при отцѣ твоёмъ поютъ: *Богъ, идѣже хочетъ, побѣждается естества чинъ*; а то-де всѣ поютъ маня (льстя) отцу твоему; а ему-де то и любо, что его съ Богомъ равняютъ».—«Богъ, идѣже хочетъ, побѣждается естества чинъ»—это значитъ: волею Бога побѣждаются законы природы, совершается чудо. Петербургъ и есть такое чудо. Здѣсь «чинъ естества» побѣжденъ «чудотворнымъ строителемъ»—не человѣкомъ, а «богомъ». Теофанъ Прокоповичъ называлъ его «христомъ», а раскольники называли «антихристомъ». Петербургъ—вѣчная дыба, на которой пытаются—Христось или антихристъ?

Достоевскій понялъ, что въ Петербургѣ Россія дошла до какой-то «окончательной точки» и теперь «вся колеблется надъ бездною».

...надъ бездною...

Россію вздернулъ на дыбы.

Но нельзя же вѣчно стоять на дыбахъ. И ужасъ въ томъ, что «опустить копыта» значитъ рухнуть въ бездну.

И тутъ уже дерзновенный вопросъ переходитъ въ дерзновеннѣйшій отвѣтъ, въ безумный вызовъ:

Добро, строитель чудотворны
Ужо тебѣ!..

Это и есть первая точка нашего безумія, нашего бреда, нашего ужаса: Петербургу быть пусту.

И вдругъ стремглавъ
Бѣжать пустился. Показалось
Ему, что грознаго царя,
Мгновенно гнѣвомъ возгоря,
Лицо тихонько обращалось.

Лицо бога обращается въ лицо демона. И всѣ мы, какъ этотъ «безумецъ блѣдный», блѣжимъ и слышимъ за собой,

Какъ будто грома грохотанье,
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой.

Блѣжимъ, какъ мыши отъ кота. Но сначала котъ ловить мышей, а потомъ кота мыши хоронятъ. «Мыши кота хоронятъ» лубочная картинка на кончину Петра I, а можетъ-быть, и, наконецъ, «всего петербургскаго періода русской исторіи».

«По Петербургу пронеслись вдругъ слухи, что у Калинкина моста сталъ показываться по ночамъ мертвецъ въ видѣ чиновника, ищущаго какой-то утащенной шинели, и сдирающій со всѣхъ плечъ, не разбирая чина и званія, всякія шинели». Это Акакій Акакіевичъ. Мертвецъ ухватилъ за воротникъ «одно значительное лицо»: «А, такъ вотъ ты, наконецъ... Я тебя того»...—«Ужо тебѣ!»

Навстрѣчу Мѣдному Всаднику несется Акакій Акакіевичъ. И не онъ одинъ. Безчисленные мертвецы, чьими костями «забучена топь», встаютъ въ черно-желтомъ, холерномъ туманѣ, собираются въ полчища и окружаютъ глыбу гранита, съ которой Всадникъ вмѣстѣ съ конемъ падаетъ въ бездну.

Въ Призракахъ Тургенева тотчасъ же послѣ видѣнія Петербурга возникаетъ иное видѣніе: «Что-то изжелта-черное, пестрое, какъ брюхо ящерицы—не туча и не дымъ—медленно, змѣинымъ движеніемъ, двигалось надъ землей... Гнилымъ, глетворнымъ холодомъ несло... Отъ этого холодка тошнило на сердцѣ, и въ глазахъ темнѣло, и волосы вставали дыбомъ. Это сила шла: та сила, которой нѣтъ сопротивленія, которой все подвластно, которая безъ зрѣнія, безъ образа, безъ смысла—все видитъ, все знаетъ, и, какъ хищная птица, выбираетъ свои жертвы, какъ змѣя, ихъ давитъ и лижетъ своимъ мерзлымъ жаломъ...

«Громадный образъ закутанной фигуры на блѣдномъ конѣ мгновенно всталъ и взвился подъ самое небо...»

Туть, конечно, Тургеневъ вспомнилъ Апокалипсисъ: *И я взглянулъ, и вотъ Конь Блѣдный и на немъ всадникъ, которому имя смерть.*

Нѣсколько лѣтъ назадъ въ одинъ морозно-ясный день появились вокругъ низкаго солнца надъ Петербургомъ какія-то блѣдныя радуги, похожія на сѣверное сіяніе. Видившіе помнить ли или забыли, какъ забываютъ нынѣ все, что было? Было, какъ бы не было?

Когда я смотрѣлъ на это знаменье, то казалось, вотъ-вотъ появится «Конь Блѣдный и на немъ всадникъ, имя которому смерть».

Смерть Россіи—жизнь Петербурга; можетъ-быть, и наоборотъ, смерть Петербурга—жизнь Россіи?

Глазами смотрѣть будутъ и не увидятъ; ушами слушать будутъ и не услышатъ. Не увидятъ Всадника на блѣдномъ конѣ, не услышатъ трубнаго голоса: Петербургу быть пусту.



КОНЬ БЛѢДНЫЙ.

I.

Русское освобожденіе безсловесно. Ни единымъ звукомъ не отразилось оно въ русскомъ словѣ, достойномъ этого имени. Бѣсы Достоевскаго — не отраженіе прошлаго, а видѣніе будущаго—та тѣнь, которая иногда отбрасывается великими событіями впередъ. Къ тому же тѣнь искажающая, карикатура, внушенная такою злобою, что хочется спросить: гдѣ же всѣмъ бѣсамъ — бѣсъ,—ужь не въ самомъ ли Достоевскомъ?

Но карикатура исполинская. А прочее—Смердяковское зеркальце, вздумавшее отразить Божью грозу.

Такъ, вѣроятно, и должно быть; такъ и бываетъ всегда. Океанъ съ берега кажется плоскимъ; чтобы поднялся горизонтъ, нужно самому подняться; отойти отъ великаго, чтобы измѣрить величіе. Столѣтіе нужно было Петру, чтобы отразиться въ Мѣдномъ Всадникѣ, и полстолѣтія—Двѣнадцатому году, чтобы отразиться въ Войнѣ и мирѣ.

Хорошо или дурно русское освобожденіе, оно, во всякомъ случаѣ, не меньше, чѣмъ Петръ и Двѣнадцатый годъ. Дастъ Богъ, дождется и оно великаго слова.

А пока помолчимъ. Среди этого вольнаго и невольнаго молчанія единственный звукъ—маленькая книжечка, отрывокъ отрывка, нѣсколько разрозненныхъ листковъ дневника—Конь Блѣдный.

Книжечка маленькая, бѣдненькая, бѣленькая, точно отъ испуга вся побѣлѣвшая, съжившаяся, спрятавшаяся

подъ шапкой-невидимкой, съ такимъ выраженіемъ лица, какъ будто хочетъ сказать: только бы меня не замѣтили, только бы мнѣ прошмыгнуть.

Я назвалъ книжку отрывкомъ,—вѣрнѣе было бы назвать ее оглодышемъ. Глодала ее, однако, не старая добрая цензура правительственная, а новая, освободительная. Уже при первомъ появленіи Коня Блѣднаго въ Русской Мысли, тамъ вымыли, выстирали всѣ опасныя пятна до неприличныхъ дыръ. Въ своемъ настоящемъ видѣ книжечка напоминаетъ загадочныя картинки Помпейскую живопись. А все-таки давно не появлялось въ Россіи такой смѣлой книги съ такою трусливою внѣшностью.

А, пожалуй, и трусить было нечего. Въ вопросѣ о томъ, кому книга опаснѣе,—самъ чортъ ногу сломить: ломачье же чортовой ноги кое-кому всегда выгодно. Намъ такія книги вообще не по зубамъ. Пожевали, не раскусили и выплюнули.

Сначала какъ будто и задымилло, затрещало гдѣ-то; казалось, вотъ-вотъ выкинетъ. Но залили во-время.

Успѣла, впрочемъ, одна проницательная сибилла догадаться, что Конь Блѣдный—произведеніе извѣстной декадентской писательницы, которая, не имѣя никакого понятія о русскомъ террорѣ, всю эту чепуху высосала изъ собственнаго пальца. Вотъ что значить не въ бровь, а въ глазъ. Сибилла, по крайней мѣрѣ, утѣшила, а остальные плели такой вялый вздоръ, что теперь даже вспомнить нѣтъ никакой возможности.

Наконецъ самимъ стало скучно, да и жалко старыхъ зубовъ. А тутъ еще подоспѣли дѣла важнѣйшія: еврейскій анекдотъ Чирикова, «національное лицо» Струве, Синяя Птица, Вѣхи,—ну, словомъ, хлопотъ полонъ ротъ.

Такъ и забыли о Конѣ Блѣдномъ. Какъ ключъ пошелъ ко дну. И напрасно Шиповникъ побѣлѣлъ отъ страха.

Въ литературѣ забыли, ну, а въ жизни? Забытое литературой не вспомнить ли жизнь?

Отвѣтить на этотъ вопросъ мнѣ труднѣе, чѣмъ кому-либо, потому именно, что въ книгѣ черезчуръ много жизненнаго, близкаго не мнѣ одному. Это наше, но не отъ насъ, а къ намъ

идущее, какъ грозная лавина, катящаяся, какъ сокрушающее бремя отвѣтственности, падающее. Не оказаться бы намъ тѣми неискусными заклинателями, которые, вызвавъ духа, не умѣютъ съ нимъ справиться.

Мы роёмъ два подземныхъ хода, не зная, не видя другъ друга: каменная толща между нами, но уже звенять удары съ обѣихъ сторонъ; рано или поздно, встрѣтимся.

Если бы спросили меня сейчасъ въ Европѣ, какая книга самая русская, и по какой можно судить о будущемъ Россіи, послѣ великихъ произведеній Л. Толстого и Достоевскаго, я указалъ бы на Коля Блѣднаго. Это покажется преувеличеннымъ, но, можетъ-быть, не такимъ чрезмѣрнымъ, если помнить, что рѣчь идетъ не столько о книгѣ, сколько о томъ, что за нею.

Можетъ-быть, уже и сейчасъ для кое-кого это не книга, а острый ножъ въ сердце, своего рода азефовщина, хотя и въ иномъ, обратномъ, но еще болѣе страшномъ смыслѣ. Пусть тамъ—конецъ стараго, здѣсь—начало новаго: такое начало для многихъ страшнѣе конца.

И что имъ до того, что книга въ литературѣ не сдѣлаетъ шума? Когда отъ шума нашихъ печатныхъ листовъ останется не болѣе, чѣмъ отъ шума прошлогоднихъ листьевъ,—не перестанутъ звучать голоса человѣческой совѣсти, пробужденные этою книгою, подобно гулу отъ камня, брошеннаго въ пропасть.

Не «что я писалъ,—писалъ», могъ бы сказать написавшій Коля Блѣднаго, а «что я сдѣлалъ,—сдѣлалъ».

II.

Художникъ ли онъ?

Искусство ревниво къ дѣйствию. Искусство требуетъ совершеннаго созерцанія. А если не метафизически, то эмпирически, совершенное созерцаніе противоположно дѣйствию. Это не должно быть такъ; это будетъ иначе; но сейчасъ такъ, и съ этимъ нельзя не считаться. Нельзя водить по струнамъ Аполлоновой скрипки мечомъ, какъ смычкомъ: или мечъ притупится, или струны оборвутся.

Искусство—искусъ, подвигъ всей жизни; а писанія Ропшина,—это слишкомъ чувствуется въ нихъ самихъ,—только отдыхъ между двумя иными искусствами, остановка между двумя иными дѣйствіями. Пѣсня война

Мнѣ борьба мѣшала быть поэтомъ,
Пѣсни мнѣ мѣшали быть бойцомъ.

Вотъ опасность Ропшина: отъ одного берега отплылъ, къ другому не присталъ; полусозерцатель, полудѣятель; земноводное, оборотень. Это, впрочемъ, повторяю, не гибель, а только опасность. Ропшинъ человекъ смѣлый, а смѣлыхъ Богъ хранить.

И все-таки иногда кажется, что для него самого было бы лучше, если бы книга осталась ненаписанной. Онъ увидѣлъ въ ней слишкомъ многое, чего нельзя забыть. А не забывъ,—не забудешь; не забывшись—не сдѣлаешь.

Для него самого, но не для насъ. Ему уронъ—прибыль намъ. Въ книгѣ есть то, что не всегда бываетъ въ величайшихъ созданіяхъ искусства. Послѣдняя глубина созерцанія—только въ послѣдней глубинѣ дѣйствія. Брутъ зналъ о Цезарѣ то, чего не знаетъ Шекспиръ. Будь семи пядей во лбу говорящій о дѣлѣ,—не сдѣлавшій не скажетъ того, что сдѣлавшій.

«Помню, я сидѣлъ въ тюрьмѣ и ждалъ казни. Днемъ я лежалъ на желѣзной койкѣ и читалъ прошлогоднюю Ниву... Какъ-то не вѣрилось въ смерть. Было какое-то странное равнодушіе. Не хотѣлось жить, но и умирать не хотѣлось. Не тревожилъ вопросъ, какъ прожита жизнь; не рождалось сомнѣніе, что тамъ,—за темною гранью. А вотъ помню: меня занимало, рѣжетъ ли веревка, больно ли задыхаться. И часто вечеромъ, послѣ повѣрки, когда на дворѣ затихалъ барабанъ, я пристально смотрѣлъ на желтый огонь моей лампы, стоявшей на покрытомъ хлѣбными крошками тюремномъ столѣ. Я спрашивалъ себя: нѣтъ ли страха въ душѣ? И отвѣчалъ себѣ: нѣтъ. Потому что мнѣ было все—все равно...

А потомъ я бѣжалъ».

У кого не было веревки на шеѣ, тотъ не написалъ бы такъ. Можетъ-быть, написалъ бы художественнѣе, трогательнѣе, страшнѣе, какъ Л. Андреевъ — Семь Повѣшенныхъ, — но не такъ.

Красота слова — красота дѣла. Можетъ-быть, говорить о ней, любоваться ею грѣшно, но таковъ ужъ первородный грѣхъ всякой эстетики, всякой словесности.

Мы всѣ — эпигоны, послѣдыши, александрийцы, собиратели недожатыхъ колосьевъ; слово для слова, а не для дѣла — вотъ наша «блѣдная немочь». Чтобы вылѣчиться, надо вернуться къ дѣлу. Хорошо говорить только тотъ, кто хорошо дѣлаетъ.

Ничего лишняго, ничего украшающаго. Красота слова — простота дѣла.

И какъ отдыхаешь на этой классической простотѣ отъ сложности дурного вкуса, на этой горной ясности—отъ болотной мглы Навьихъ Чаръ. Какъ радуешься, что снова понятенъ русскій языкъ; не нужно чувствовать себя дуракомъ, ломая голову надъ загадками, которыя, разгадавъ, видишь, что и разгадывать не стоило.

Дѣловая точность, сжатость, мастерство тѣхъ сокращеній, которыя въ живописи называются ракурсами и требуютъ наибольшей силы кисти — таковы особенности Ропшинскаго языка. Слова вылетаютъ какъ искры изъ-подъ кующаго молота.

«Въ городѣ ѣдкая пыль и смрадъ. По пыльнымъ улицамъ тащатся вереницы ломовиковъ. Тяжело грохочутъ колеса. Тяжело везутъ тяжелые кони. Стучать пролетки. Ноютъ шарманки. Звонко звонятъ звонки конокъ».

Это показалось бы нѣкогда декадентствомъ, но теперь это вошло въ языкъ, привилось къ нему, какъ пушкинская простота и толстовская искренность.

«Мы сидимъ въ грязномъ трактирѣ Прогрессъ. Хрипло гудитъ машина. Въ синемъ дыму бѣлѣютъ фартуки половыхъ».

Не тотъ же ли это самый трактиръ, въ которомъ «русскіе мальчики» Достоевскаго ведутъ апокалипсическіе разго-

воры? Да и весь Конь Блѣдный — не воплощенное ли видѣніе Достоевскаго? Кого онъ звалъ, тѣ и пришли. У Достоевскаго геометрія тѣль, у Ропшина тѣла; тамъ — будетъ, здѣсь — было. Никакой современной книги не прочелъ бы Достоевскій съ такимъ негодованіемъ и любопытствомъ, какъ этой; ни отъ какой не почувствовалъ бы такъ, что яблочко отъ яблони недалеко падаетъ.

«Динамитъ сильно пахнетъ аптекой, у меня по ночамъ болитъ голова... А въ сердцѣ святыя слова: *Я дамъ тебѣ звезду утреннюю*».

Вотъ русскій стиль начала XX вѣка, какъ — Бѣдная Лиза — XIX. Запахъ динамита, смѣшанный съ апокалипсическимъ ладаномъ. Одинъ волосокъ отдѣляетъ этотъ ужасъ отъ пошлости. Слава Богу, что книга не зачитана!

Печать живого — печать смѣха. Среди насъ, увы, рѣдчайшій даръ. Кажется, намъ легче умереть, чѣмъ усмѣхнуться. Кто перечтетъ прелестный рассказъ «не иначе, — кадеты»... или Федора о «солидарной», тотъ согласится, что со времени Чехова никто не смѣялся такъ, а если признакъ душевнаго здоровья — прощающій смѣхъ, то и никто не былъ такъ здоровъ.

Достоевскій, Ницше, декадентство, символизмъ, мистицизмъ, все прошло по этой душѣ, какъ вода по кремню. Отточило, но не разрушило; здоровье осталось здоровьемъ, кремьнъ кремнемъ. И опять — слава Богу!

III.

Въ маленькомъ нормандскомъ городкѣ, на берегу океана, противъ оконъ рыбацьяго домика, гдѣ я живу, — городская школа. Я каждый день слышу, какъ учатъ дѣтей пѣть Марсельезу. Точно такъ же, какъ въ русскихъ гимназіяхъ учили насъ пѣть «Боже, царя храни». Каждый день слышу и все не могу привыкнуть. Удивительна эта пѣснь кроваваго бунта, распѣваемая дѣтскими голосками, какъ почти колыбельная пѣсенка, республиканское баюшки-баю.

Революція сдѣлалась республикой, насилье — свободой, бунтъ — послушаніемъ, кровь, пролитая на площади, — кровью, льющейся въ жилахъ дѣтей.

Такъ было и будетъ всегда.

«Убить всегда можно», говоритъ Жоржъ, русскій террористъ, герой Коня Блѣднаго. Дѣти въ школѣ поютъ — и броненосцы, и дальнобойныя орудія, и военные аэропланы твердятъ: Убить всегда можно».

Кому и во имя чего можно убить, — иногда мѣняется; то, что всегда можно, — остается неизмѣннымъ.

Это основная, хотя неписаная статья всѣхъ законодательствъ; краеугольный, хотя невидимый, камень государственнаго права. Выньте этотъ камень, и зданіе рушится. Нѣтъ насилія, — нѣтъ и закона; нѣтъ закона, — нѣтъ и государства. Никто никогда не говоритъ, что это такъ; но всѣ всегда дѣлаютъ, чтобы это было такъ.

Всѣ государственники — бывшіе революціонеры; всѣ революціонеры — будущіе государственники. Отъ Робеспьера до Наполеона одинъ шагъ; правда, нужно быть Наполеономъ, чтобы сдѣлать этотъ шагъ. Всякая государственность — застывшая революція; всякая революція — расплавленная государственность.

Законное насиліе для насъ почти неощутимо, потому что слишкомъ привычно. Нельзя не дышать: дышимъ и законодательствуемъ; дышимъ и насилуемъ, проливаемъ кровь. Это ежедневное, ежечасное, ежесекундное кровопролитіе такъ же безболѣзненно, какъ правильное движеніе крови въ жилахъ. Эта по капелькѣ сочащаяся или только испаряющаяся кровь безцвѣтна какъ воздухъ, безвкусна какъ вода.

Но стоитъ ринуться толпѣ къ Бастиліи уже не съ дѣтской Марсельезой, — и привычное становится необычнымъ; вкусъ крови — острымъ, лакомымъ или отвратительнымъ; утвержденіе: «убить всегда можно», — недоумѣніемъ: когда можно и когда нельзя?

Самое опасное для государства во всѣхъ революціяхъ — не насиліе, а вотъ этотъ вопросъ о возможности, о святости

насилія, т.-е. о самомъ бытіи государственномъ, неосторожное прикосновеніе къ тому Соломонову перстню, въ которомъ заключенъ грознѣйшій изъ демоновъ бунта. Тысячи насилій, тысячи убійствъ невиннѣ предъ лицомъ государства, чѣмъ этотъ вопросъ, произнесенный шопотомъ. — «Только не прикасайтесь къ этому, не будите этого, не ворошите, — тутъ мѣсто зачатое, проходите мимо. *Circulez, messieurs, circulez!*»—какъ французскіе сержанты,—«честью просятъ» насъ всѣ государственники и всѣ революціонеры.

Во всякой революціи наступаетъ такая рѣшительная минута, когда кому-то кого-то надо разстрѣлять и притомъ непремѣнно съ легкимъ сердцемъ, какъ охотникъ подстрѣливаетъ куропатку. А если возникаетъ малѣйшее сомнѣніе, то все къ чорту летитъ,—революція не удалась.

Вопросъ о насиліи, метафизическій, нравственный, личный, общественный, возникалъ во всѣхъ революціяхъ. Но ни въ одной не обнажалось его значеніе *религіозное* съ такою неотразимою ясностью, съ такою рѣжущею остротою, какъ въ русскомъ освобожденіи. И это вовсе не потому, что мы избранники. А просто времена уже не тѣ. Наступило лѣто—побѣлѣли жатвы. Можно, конечно, и теперь, послѣ Войны и мира, Преступленія и наказанія, стрѣлять въ людей, какъ въ куропатокъ, — но уже нѣтъ-нѣтъ, да и заскребуть на сердцѣ кошки. Соломоновъ перстень разбитъ—не спаяешь; вырвался изъ него демонъ. Вотъ, кажется, главная причина того, что русское освобожденіе не удалось.

Не такъ ужъ мы, въ самомъ дѣлѣ, бездарны; не боги горшки обжигаютъ. Если бы мы шли опредѣленно и сознательно отъ одного государственнаго порядка къ другому, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, то, по всей вѣроятности, давно уже были бы у пристани. Но мы отплыли отъ всѣхъ береговъ и пустились въ открытое море, въ поискахъ Града Божьяго. Немудрено, что потерпѣли крушеніе.

Здравый смыслъ могъ бы посмѣяться надъ нами: ловили журавля въ небѣ и выпустили синицу изъ рукъ; захотѣли «того, чего не бываетъ на свѣтѣ», и получили шишъ.

Но послѣдній судъ надъ всемірною исторіей не всегда принадлежитъ здравому смыслу. И не ему — лучшей, потому что послѣдній, смѣхъ.

Кто знаетъ, можетъ-быть, величіе русскаго освобожденія заключается именно въ томъ, что оно не удалось, какъ почти никогда не удается чрезмѣрное; но чрезмѣрное сегодня — завтрашняя мѣра всѣхъ вещей. Можетъ-быть, величіе русскаго освобожденія въ томъ, что не промѣняло оно своего первородства на чечевичную похлебку.

Въ древней антологіи есть надгробная надпись: «Потерпѣвшій крушеніе на этомъ берегу мореплаватель говоритъ тебѣ: подними паруса; вѣтеръ, погубившій насъ, умчалъ въ море стаю кораблей».

Не должны ли мы сказать освобожденію грядущему: по-дыми паруса.

V.

«Убить всегда можно» — отвѣтъ на вопросъ: «если любишь, можно тогда убить или нельзя?»

Спрашиваетъ объ этомъ террориста Жоржа его противоположный двойникъ, террористъ Ваня. Жоржъ и Ваня — два воплощенія одного духа, двѣ стороны одного лица, — какъ бы Иванъ Карамазовъ и Алеша русской революціи. Въ ихъ противоположности, въ ихъ соединеніи — будущее.

«— Убить всегда можно.

— Нѣтъ, не всегда. Нѣтъ, убить — тяжкій грѣхъ. Но вспомни: нѣтъ больше той любви, какъ если за други свои положить душу свою. Не жизнь, а душу. Пойми: нужно крестную муку принять; нужно изъ любви, для любви на все рѣшиться. Вотъ я живу. Для чего? Можетъ-быть, для смертнаго моего часа живу. Молюсь: Господи, дай мнѣ смерть во имя любви. А объ убійствѣ вѣдь не помолишься. Убьешь, а молиться не станешь... И вѣдь знаю: мало во мнѣ любви, тяжель мнѣ мой крестъ... Какъ прольешь кровь? Какъ нарушишь законъ? А проливаемъ и нарушаемъ... Вѣрую во Христа, вѣрую. Но я не съ Нимъ. Недостоинъ быть съ Нимъ, ибо въ грязи и крови.

— Такъ не убій. Уйди.

— Какъ можешь ты это сказать? Какъ смѣешь? Вотъ, душа моя скорбитъ смертельно. Но я не могу не итти, ибо я люблю. Если крестъ тяжелъ, — возьми его. Если грѣхъ великъ, — прими его. А Господь пожалѣетъ тебя и проститъ.—И проститъ, — повторяетъ онъ шопотомъ».

И, когда уже идетъ на убійство, вопросъ этотъ возвращается, повторяется, какъ однообразный напѣвъ.

«— Ну, Жоржикъ, прощай. Навсегда прощай. И будь счастливъ.

— Ваня, *а не убій!?*...

— Нѣтъ, Жоржикъ, нѣтъ.

— Это ты говоришь?

— Да, я говорю. *Чтобы потомъ не убивали.* Чтобы потомъ люди по-Божьи жили, чтобы любовь освящала міръ.

— Это кощунство, Ваня.

— Знаю. *А не убій?..*»

«Не убій», противопоставленное, какъ послѣднее «нѣтъ» закона послѣднему «да» любви — развѣ не кощунство?

«Я исполнилъ мой долгъ, — пишетъ онъ изъ тюрьмы передъ казнью. — Жду суда и спокойно встрѣчу приговоръ. — Можетъ-быть, тебѣ странно, что я говорилъ о любви и рѣшился убить, т.-е. совершилъ тягчайшій грѣхъ противъ людей и Бога.—Я не могъ. Будь во мнѣ чистая и невинная вѣра учениковъ, было бы, конечно, не то. Я вѣрю: не мечомъ, а любовью спасется міръ, какъ любовью онъ и устроится. Но я не зналъ въ себѣ силы *жить* во имя любви и понять, что могу и долженъ во имя ея *умереть*».

Умереть—убить. Убить другою—самому умереть вѣчною смертью, положить не жизнь, а душу свою за любовь.

«У меня нѣтъ раскаянья, нѣтъ и радости отъ совершеннаго мною. Кровь мучитъ меня, *и я знаю*: смерть не есть еще искупленіе. Но знаю также: «Азъ есмь Истина, и Путь, и Животъ». — Люди будутъ судить меня. — Кромѣ ихъ суда будетъ, я вѣрю, судъ Божій. Мой грѣхъ безмѣрно великъ, но и милосердіе Христово не имѣетъ границъ».

Жоржъ, читая это письмо, счастливъ, какъ будто знаетъ, что Ваня спасенъ, — и его, Жоржа, еще не любящаго, не вѣрующаго, своею любовью и вѣрой спасетъ...

«Свѣтлымъ праздникомъ, торжественнымъ воскресеніемъ звучать пророческія слова:

Отъ престола раздался громкій голосъ, говорящій: совершилось».

«Я счастливъ: да, совершилось».

Кошунство, — скажутъ люди, религіозно оправдывающіе противоположное государственное насиліе. Что въ ихъ устахъ само слово о кошунствѣ — кошунство, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Но вѣдь не только имъ, а и Ванѣ «убій» и «не убій» кажутся двумя равными кошунствами.

Въ чемъ же дѣло? Откуда этотъ вопросъ? И почему у обѣихъ сторонъ одинаковое забвеніе всемірной исторіи? Вотъ уже почти два тысячелѣтія, какъ люди только и дѣлаютъ, что убиваютъ во имя Христа, и видятъ въ этомъ не кошунство, а святость. Святъ Сергій Радонежскій, благословляющій воиновъ; святъ Александръ Невскій, растопившій ледъ кровью; почти святъ Суворовъ, при взятіи Праги, навалившій груды на груды человѣческихъ тѣлъ. И мы, грѣшные, до сихъ поръ чувствуемъ, что эти святые были святы, — иначе, нѣтъ у насъ родины, нѣтъ прошлаго, нѣтъ будущаго. — А никому изъ нихъ въ голову не приходило спрашивать: можно ли воевать, убивать во имя Христа? Еще бы нельзя, когда свято.

Но вотъ люди безъ роду, безъ племени, сегодняшніе убійцы, завтрашніе висѣльники, спрашиваютъ о кошунствѣ тамъ, гдѣ святые не спрашивали; видятъ предѣлъ святости тамъ, гдѣ святые не видѣли. Не когда и за что, не кому и кого можно, — а можно ли вообще когда бы, за что бы, кому бы и кого бы то ни было, убивать во имя Христа, — спрашиваетъ Ваня.

И единственные два отвѣта — государственно-революціонное «убій», «разрѣшеніе крови по совѣсти», и мнимохристіанское, подлинно-буддійское, толстовское, духоборческое «не убій», «непротивленіе злу насиліемъ» — оди-

наково плоски, не религиозны, кощунственны. Въ обоихъ отвѣтахъ глубина вопроса не услышана. Какъ будто спрашивающій не знаетъ, что нельзя убить, что убійство неискупимый «тягчайшій грѣхъ противъ людей и Бога», вѣчная гибель; но вмѣстѣ съ тѣмъ знаетъ онъ, что надо убить, надо погибнуть, принять грѣхъ, «положить не жизнь, а душу свою за любовь», въ мѣру любви; — если же мѣра любви его — не жизнь, а смерть: умереть — убить, — то это не его вина: онъ больше любить не можетъ. Кто любить больше, пусть первый бросить въ него камень.

Нельзя и надо. Надо и нельзя. Весь вопросъ въ томъ, какъ выйти изъ этого противорѣчія.

Это не противоположность добра и зла, закона и преступленія, кощунства и святости, а противорѣчье въ самомъ добрѣ, въ самомъ законѣ, въ самой святинѣ. Это, можетъ-быть, не только человѣческая, но и божеская антиномія Ветхаго и Новаго завѣта, Отца и Сына.

«Цѣпь неразрывная. Нѣтъ мнѣ выхода, нѣтъ исхода. Иду убивать, а самъ въ Слово вѣрю, поклоняюсь Христу. Больно мнѣ, больно...»

Пусть боль не искупаетъ, не оправдываетъ; — но съ такою болью кто шелъ ко Христу? Съ такою болью и съ такою надеждою?

«Свѣтлымъ праздникомъ, торжественнымъ воскресеніемъ звучать пророческія слова: «Отъ престола раздался громкій голосъ, говорящій: совершилось».

«Я счастливъ: да, совершилось».

Пусть это кощунство; — но съ такимъ кощунствомъ и съ такою жаждою святости кто вѣрилъ во Христа?

Да, вотъ что страшнѣе всего: *небывалое*. Во всякомъ страданіи человѣкъ можетъ утѣшиться: не я первый, — это было и съ другими людьми до меня. Но этого утѣшенія для Вани уже нѣтъ. Того, чѣмъ онъ страдаетъ, не испытывала еще ни одна душа человѣческая. Онъ одинъ, онъ первый. Безъ опыта, безъ помощи. Гибнетъ или спасается — за свой собственный страхъ. И не поможетъ ему вся мудрость мудрецовъ, вся святость святыхъ. Спрашиваетъ — и люди молчатъ, небо

молчить, какъ будто само Слово молчить, можетъ-быть, потому, что не исполнились еще времена и сроки, чтобы отвѣтить. Но и замолчать вопросъ, уйти отъ него уже нельзя, некуда — поздно.

«Исхода нѣтъ», говоритъ Ваня. Но знаетъ, что есть или будетъ исходъ, хотя, можетъ-быть, болѣе страшный для человѣческаго разума, чѣмъ сама безысходность. Онъ также знаетъ, что разумъ—*не все*, что, «кромѣ разума, есть еще что-то, да шоры у насъ на глазахъ — не видимъ, не знаемъ».

На религіозный вопросъ о насиліи можетъ отвѣтить не разумъ, а только это именно «еще что-то», большее, чѣмъ разумъ.

«— Трудно въ чудо повѣрить. А если въ чудо повѣришь, то уже нѣтъ вопросовъ. Зачѣмъ насиліе тогда? Зачѣмъ мечъ? Зачѣмъ кровь? Зачѣмъ «не убій»? А вотъ нѣту въ насъ вѣры. Чудо, моль, дѣтская сказка. Но послушай и самъ скажи, сказка или нѣтъ».

И Ваня читаетъ Жоржу Евангеліе о воскрешеніи Лазаря, о воскресеніи Христа.

Вопросъ о насиліи — вопросъ о чудѣ.

Государственный порядокъ — продолженіе порядка естественнаго; законы государственные — продолженіе законовъ природы: государство такъ же естественно, природно человѣку, какъ пчелѣ — улей, муравью—муравейникъ. Законъ государственный — звено въ той цѣпи причинности, необходимости, которую разумъ человѣческой считаетъ своимъ собственнымъ верховнымъ закономъ. Нельзя мыслить разумно внѣ закона причинности; нельзя жить разумно, внѣ закона государственнаго. Но, если, кромѣ разума есть «еще что-то», то и кромѣ государства. Выходъ изъ порядка естественнаго, разумнаго, необходимаго, государственнаго, *прерывъ* въ цѣпи причинности и есть чудо. Отрицаніе насилія государственнаго, отрицаніе необходимости и есть утвержденіе чуда. Крайнее насиліе природы — смерть, крайнее насиліе человѣческое — убійство. «Убить всегда можно», говоритъ законъ человѣческой вмѣстѣ съ природою. Не убьешь — не проживешь. Сказать живущему: *не убій*—

такъ же трудно, какъ сказать умершему: *воскресни*. Побѣдить насиліе — значить побѣдить смерть. Только смерть Побѣдившій, Воскресшій и Воскрешающій можетъ сказать: не убій; — можетъ упразднить насиліе въ свободѣ, царство отъ міра сего въ царствѣ Божьемъ, государство въ Церкви.

Вопросъ о чудѣ — вопросъ о Церкви. Церковь — или ничто, «гнусный обманъ жрецовъ», или непрестанное, очевидное, всемірно-историческое чудо, ибо Церковь совершается Таинствомъ, а Таинство — чудомъ. Отношеніе насилія къ свободѣ, необходимости къ чуду, есть отношеніе государства къ церкви.

Но вопросы эти уже за предѣлами Коня Блѣднаго. Онъ только подходитъ къ нимъ и черезъ нихъ — къ намъ, потому что мы — воплощенный вопросъ о Церкви.

Достоевскій все это предвидѣлъ. Но лишь предвидѣлъ, а не испыталъ. Испугался и спрятался. Въ религіозномъ вопросѣ о насиліи между Достоевскимъ и Конемъ Блѣднымъ — такая же разница, какъ между химической формулой взрыва и взрывомъ. Тотъ сказалъ, это сдѣлалъ.

V.

Жоржъ погибаетъ, потому что убилъ? Нѣтъ, скорѣе наоборотъ: убиваетъ, потому что погибъ.

Почти тотчасъ послѣ убійства губернатора, убиваетъ онъ мужа своей любовницы.

Глубочайшій замыселъ книги, хотя слишкомъ слабо намѣченный, — параллелизмъ этихъ двухъ убійствъ, параллелизмъ пола и общественности — двухъ сообщающихся сосудовъ, въ которыхъ жидкость стремится къ одному уровню. Быть въ родѣ — значить быть въ государствѣ. Начало родовое, безличное — начало государственное. Любить женщину безъ ревности, безъ насилія надъ личностью — такое же чудо, какъ любить родину безъ революціоннаго или государственнаго насилія. Между бракомъ и блудомъ

нѣтъ границы внѣ Церкви — внѣ чуда. Прелюбодѣяніе — половое убійство.

О, какъ убійственно мы любимъ!
Какъ въ буйной слѣпотѣ страстей,
Мы то всего вѣрнѣе губимъ
Что сердцу нашему милѣй!

Любить — убить. «Убить всегда можно», говоритъ онъ. — Любить всегда можно, — говоритъ она. — «Зачѣмъ ты такъ говоришь: то можно, то нельзя?.. Въ счастья нѣтъ грѣха... Почему я должна любить одного?.. Зачѣмъ выбирать?»

Она повторяетъ его же слова, и ему отвѣтить нечего. «Въ моемъ желаніи — мое право. Я такъ хочу», — не отвѣтъ. «Ты для себя лишь хочешь воли» — могла бы она возразить, какъ Земфира. Одно и то же смердяковское: «все позволено» — у нея въ полѣ, у него — въ общественности. Одинъ уровень въ двухъ сообщающихся сосудахъ.

Когда онъ думаетъ о соперникѣ, ему кажется, что онъ думаетъ не о немъ, а о томъ, кого уже нѣтъ: «мнѣ кажется, что губернаторъ все еще живъ».

Два убійства — одно.

«До сихъ поръ я имѣлъ оправданіе: я убиваю во имя идеи, во имя дѣла. Но вотъ я убилъ для себя. Я захотѣлъ и убилъ. Кто судья? Кто судить меня? Кто оправдываетъ? Нѣту грани, нѣтъ различія. Почему для идеи бить — хорошо, для отечества — нужно, а для себя — невозможно? Кто мнѣ отвѣтитъ?»

Въ обоихъ убійствахъ — самый обыкновенный убійца, разбойникъ. «Мой разбойничій выстрѣлъ выжегъ любовь — любовь не только къ женщинѣ, но и къ родинѣ. Хуже, чѣмъ разбойникъ, — палачъ: «я — мастеръ краснаго цеха; я опять займусь ремесломъ; буду жить смертью».

«Мы — нищіе духомъ, — говоритъ Ваня. — Чѣмъ, милый, мы живемъ? Голой ненавистью живемъ... Душимъ, рѣжемъ, жжемъ. И насъ душать, вѣшаютъ, жгутъ. Во имя чего?»

Да, во имя чего? — «Я не хочу быть рабомъ. Я не хочу, чтобы были рабы». — Но если послѣдній отвѣтъ на всѣ вопро-

сы: «въ моемъ желаніи — мое право; я такъ хочу и такъ дѣлаю», — то свобода одного, произволь одного—рабство всѣхъ: «ты для себя лишь хочешь воли».

«Я вѣрю, что сила ломить солому». Но вѣдь это и есть вѣра въ абсолютную власть, та самая вѣра, которою держатся всѣ черныя сотни, всѣ старые порядки, въ томъ числѣ и русскій. Онъ, кость отъ кости, дитя стараго порядка. Отъ него и къ нему идетъ. Какъ будто борется съ нимъ, отрицаетъ, а на самомъ дѣлѣ, помогаетъ, утверждаетъ. Мнимая революція — подлинная реакція.

Революція для него не общественное, а личное дѣло. «Я одинъ. Я ни съ кѣмъ. — То — комитетъ, а то — я»... говоритъ онъ члену центральнаго комитета и могъ бы сказать всей Россіи: то — Россія, а то — я. Государство — это я. Революція — это я.

Нерелигіозное самоутвержденіе приводитъ къ самоотрицанію, самоубійству личности.

— Никого ты не любишь, даже себя», говоритъ ему Ваня и сравниваетъ его съ остервенѣвшимъ отъ злобы извозчикомъ, который хлещетъ лошаденку вожжей по глазамъ. — «Такъ и ты, Жоржикъ, всѣхъ бы ты вожжей по глазамъ. Эхъ, ты, бѣдняга!»

Не сильный и страшный, а слабый и жалкій человекъ. Это слабость и жалость всей русской революціи.

Судъ любви — страшный судъ. Насколько страшнѣе, чѣмъ судъ ненависти! Какой дѣтскій лепетъ передъ этимъ судомъ всѣ обличенія Вѣхъ! Какъ безпомощны всѣ наускиванія и подсиживанія не только современныхъ бѣсенятъ, но и Бѣсовъ Достоевскаго!

«Богъ есть любовь. — Я не люблю и не знаю Бога.— Проклять міръ. — Нѣтъ любви, нѣтъ міра, нѣтъ жизни. Есть только смерть. — Я могу сказать про себя: «я взглянулъ — и вотъ *Конь Блѣдный*, и на немъ всадникъ, которому имя: Смерть».

Это самоосужденіе революціонера было бы осужденіемъ революціи, если бы не было Вани. Напрасно Жоржъ хочетъ стереть то, что ихъ раздѣляетъ.

«Ваня вѣрилъ во Христа, я не вѣрю. Я лгу, шпіоню и убиваю. Ваня лгалъ, шпіонилъ и убивалъ. — Въ чемъ же разница между нами?»

Гибелью своею отвѣтилъ онъ на этотъ вопросъ. Въ гибели Жоржа — послѣднее «нѣтъ»; въ гибели Вани — послѣднее «да» освобожденія. Одинъ весь — любовь; другой — весь ненависть. Одинъ знаетъ, во имя чего борется; другой не знаетъ. Для одного — «нельзя и надо»; для другого не надо, хотя и можно. — «Я не хочу убивать. Зачѣмъ? — Ничего больше дѣлать не буду. Прощайте». Жоржъ уходитъ; Ваня приходитъ. Тотъ — конецъ стараго; этотъ — начало новаго.

Но не даромъ любятъ они другъ друга, какъ братья-близнецы. Ваня отвѣчаетъ за Жоржа, какъ прошлое отвѣчаетъ за будущее. Не даромъ прозвучали нѣкогда и въ сердцѣ самого Жоржа святыя слова: *я дамъ тебѣ звезду утреннюю*. — «Свѣтлымъ праздникомъ, торжественнымъ воскресеніемъ», можетъ-быть, прозвучать для него когда-либо и эти святыя слова, съ которыми Ваня умираетъ:

— Я вѣрю: вотъ идетъ дѣло крестьянское, христіанское, Христово. Во имя Бога, во имя любви. — Маловѣрымы и слабы, какъ дѣти, и поэтому поднимаемъ мечъ. Не отъ силы своей, а отъ страха и слабости. Подожди, завтра придутъ другіе, чистые. Мечъ не для нихъ, ибо будутъ сильны. Но раньше, чѣмъ придутъ, — мы погибнемъ. А внуки дѣтей будутъ Бога любить, въ Богѣ жить, Христу радоваться. Міръ имъ откроется вновь, и узрятъ въ немъ то, чего мы не видимъ».

Пусть наши кости сгніютъ прежде, чѣмъ исполнится это пророчество; — уже и теперь могутъ указать на него въ отвѣтъ на обычную провокацію: «гдѣ ваши дѣла?» — люди, вѣрящіе въ религіозную правду освобожденія: это сказано — сдѣлано, ибо, кто сказалъ, тотъ и сдѣлалъ.

Повторимъ же вмѣстѣ съ Ваней: «Будетъ удача! Услышитъ Господь моленія наши».

Не знаемъ, когда, гдѣ и какъ, но знаемъ: будетъ.

Иванычъ и Глѣбъ.

I.

Глѣбу Ивановичу Успенскому, во время предсмертной душевной болѣзни, казалось, что онъ состоитъ изъ двухъ личностей — «Глѣба» и «Иваныча».

«Борьба между ними идетъ ожесточенная, — записываетъ лѣчившій Успенскаго врачъ. — Случалось, что Глѣбъ отвоевывалъ свое существованіе, но ненадолго. Иванычъ снова заполнялъ Глѣба. При окончательномъ его пораженіи, больной не только казался себѣ, но и дѣйствительно являлся въ самыхъ отвратительныхъ видахъ, до образа *свиньи* включительно, съ ея черепомъ, и мордою, и хребтомъ, и ребрами, и даже перестановкою верхнихъ конечностей снаружи внутрь: руки его такъ и тянулись къ тому, чтобы срослись съ грудью и направиться впередъ; онъ употреблялъ неимоверныя усилія, чтобы перетянуть ихъ назадъ».

При торжествѣ Глѣба, совершалось превращеніе обратное — «свиньи въ ангела Господня». — «Увѣряю тебя, дорогая моя, — писалъ онъ въ то время женѣ, — горячая любовь къ Богу съ каждой минутой охватываетъ меня все больше и больше. Величайшее счастье — жить на бѣломъ свѣтѣ; свѣтлое, далекое будущее обрадуетъ всѣхъ, кто меня любитъ. А я люблю всѣхъ и воскресаю въ любви ко всѣмъ страждущимъ и обремененнымъ». — И подписывался: «Ангель Господень Глѣбъ».

Душевная болѣзнь Успенскаго, какъ это часто бываетъ съ такими болѣзнями, не исказила, а только обнажила сердце

его, давая возможность какъ бы заглянуть въ это сердце сквозь раскрытую рану.

Успенскій — типичнѣйшій русскій интеллигентъ. А если такъ, то по обнаженному сердцу его нельзя ли изслѣдовать то отношеніе христіанскаго подвижничества къ интеллигентскому героизму, о которомъ вопросъ поднять С. Н. Булгаковымъ въ Вѣхахъ?

«Какъ между мучениками первохристіанства и революціи, въ сущности, нѣтъ никакого внутренняго сходства, при всемъ внѣшнемъ тождествѣ ихъ подвига, — говоритъ Булгаковъ, — такъ и между интеллигентскимъ героизмомъ и христіанскимъ героизмомъ остается пропасть, и нельзя одновременно находиться на обѣихъ ея сторонахъ. Одно должно умереть, чтобы родилось другое, и, въ мѣру умиранія одного, возрастаетъ и укрѣпляется другое».

Въ мѣру умиранія Иваныча, возрастаетъ Глѣбъ, и наоборотъ. Это и есть душевная болѣзнь — раздвоеніе единой личности — Глѣба Ивановича.

Ежели русскіе интеллигенты всѣ сплошь Иванычи-свиньи, то надо помириться съ тѣмъ, что русская интеллигенція — стадо свиней, которому уподобляетъ ее Достоевскій въ Бѣсахъ: «бѣсы вошли въ свиней; и бросилось стадо съ крутизны въ озеро и потонуло». Туда ему и дорога.

Но ежели русскій интеллигентъ не одна изъ двухъ половинъ, не Глѣбъ и не Иванычъ, а цѣльная личность, — то, когда погибъ Иванычъ, куда дѣвался Глѣбъ? На это Булгаковъ не только не отвѣчаетъ, но объ этомъ и не спрашиваетъ.

А вѣдь главный ужасъ трагедіи, пережитой Успенскимъ, переживаемой всею русскою интеллигенціей, — не въ языческомъ героизмѣ, или простомъ свинствѣ Иваныча, не въ христіанскомъ подвижничествѣ, или простомъ «сумасшествіи» Глѣба, а въ ихъ *смѣшеніи, сращеніи*, въ томъ, что съ одинаковой возможностью свинья превращается въ ангела и ангелъ въ свинью. Булгаковъ опять-таки не только не преодолеваетъ, но и не видитъ этого ужаса.

Видитъ лишь «свиное рыло» Иваныча, «безбожнаго» русскаго интеллигента. — «Въ здоровомъ состояніи Успенскій

былъ совершенно равнодушень къ религіознымъ вопросамъ, — говоритъ Н. К. Михайловскій. — Не то, чтобы не вѣрилъ въ бытіе Божіе или въ истинность христіанскихъ догматовъ, а *просто* не останавливался на этихъ вопросахъ».

Ну, конечно, это не такъ просто, какъ представляется безбожному Михайловскому и православному Булгакову.

Глубже смотритъ Короленко: «въ послѣдній періодъ слова «Богъ», «нѣтъ Бога въ душѣ», въ рѣчахъ и писаніяхъ Успенскаго, попадались часто, и мнѣ кажется что въ нихъ было больше, чѣмъ простая форма. — Можетъ-быть, уже тогда въ душѣ его вставали мысли и образы, которые впоследствии отлились въ опредѣленные представленія инокини Маргариты (одно изъ его видѣній), ангеловъ, Бога».

Но глубже всѣхъ опредѣляетъ «безбожіе» Успенскаго В. Починковская въ своихъ Воспоминаніяхъ (*Минувшіе Годы, I и II, 1908*). «Въ послѣднихъ письмахъ изъ Колмова (лѣчебница, гдѣ провелъ онъ послѣдніе годы) появляется нѣчто какъ будто новое — восторженность религіознаго чувства. Психіатры опредѣлили психозъ... Въ самомъ дѣлѣ, что это такое?.. Безуміе или осіявшая истина. — «Глубокая любовь къ Богу и ко всей твари», — вотъ новый видъ этого ненормальнаго состоянія... Но дѣйствительно ли было тутъ новое? — Здоровый, онъ никогда не говорилъ ни о Богѣ, ни о религіи. Но, можетъ-быть, во всей русской литературѣ не найдется писателя болѣе религіознаго, чѣмъ онъ. Богъ какъ будто всегда стоитъ передъ нимъ, когда онъ пишетъ. — *Больной и здоровый, онъ вѣрнѣе себя самому, онъ все тотъ же*».

Того, что сказано здѣсь о русскомъ интеллигентѣ по преимуществу, — нельзя ли сказать и о всей русской интеллигенціи? Можетъ-быть, и у нея безбожіе — не безбожіе, а только безмолвіе о Богѣ?

Болѣзнь Успенскаго — зараза; онъ заболѣлъ ею первый, но не послѣдній; въ большей или меньшей степени, заражены ею мы всѣ: во всѣхъ насъ борется Глѣбъ съ Иванычемъ. Глѣбъ хочетъ превратить Иваныча въ свинью, что дѣлаютъ

Вѣхи; Иванычъ — Глѣба въ сумасшедшаго, что дѣлають противники Вѣхъ.

Конецъ борьбы—одно изъ двухъ: или соединеніе героической правды Иваныча съ подвижнической правдой Глѣба; или конецъ самой личности—самоистребленіе.

Однажды, въ припадкѣ безумія, Успенскій «размозжилъ себѣ мягкія части темени камнемъ». Не это ли именно сейчасъ происходитъ съ Булгаковымъ и остальными участниками Вѣхъ?

II.

Юродивый Парамонъ былъ самый настоящій крестьянскій, мужицкій святой человѣкъ. Происходилъ онъ изъ мужиковъ, былъ женатъ, но, повинувся гласу и видѣнію оставилъ домъ, жену, дѣтей и ушелъ спасать свою душу.— Душу онъ спасалъ также русскимъ крестьянскимъ способомъ, т.-е. самымъ подлиннымъ умерщвленіемъ плоти: на головѣ носилъ чугунную, около полпуда вѣсомъ, шапку, обшитую чернымъ сукномъ, въ рукѣ таскалъ чугунную полторапудовую палку, а на тѣлѣ носилъ вериги.

«Помню потрясающее впечатлѣніе, которое произвело на весь нашъ домъ первое его появленіе. — Онъ шелъ медленно. Голова въ тяжелой шапкѣ свѣсилась къ груди и качалась, какъ бы въ забытьи; каждый шагъ босыми ногами задерживался тяжелой палкой, которую перестанавливать надо было съ большими усиліями. Тяжело тукала она въ землю, и этотъ короткій, тупой звукъ больно отдавался въ больномъ сердцѣ каждаго зрителя. Что-то необыкновенное—не то погибель, нето милость, нето *само будущее—шло къ намъ*».

Будущее Глѣба Ивановича Успенскаго—вся его жизнь, вся судьба шла къ нему въ лицѣ Парамона Юродиваго; шелъ Глѣбъ на борьбу съ Иванычемъ.

И какъ пришелъ разъ, тогда въ дѣтствѣ—такъ ужъ не уходилъ никогда. Только спрятался за Иваныча.

«Въ послѣдній періодъ жизни Успенскаго,—говорить Короленко, — *проснулся* въ немъ обычный типъ подвижника, знакомый нашей русской старинѣ».—Проснулся, по-

тому что дремалъ всегда. «Больной и здоровый, онъ вѣренъ себѣ самому, онъ все тотъ же».

«Можетъ-быть, въ другія времена его бы оставили на свободѣ,—продолжаетъ Короленко,—и онъ бродилъ бы по деревнямъ, или жилъ бы въ какой-нибудь обители, и говорилъ бы людямъ о своей инокинѣ Маргаритѣ, которая учитъ побѣждать въ человѣкѣ звѣря и помогаетъ святому Глѣбу бороться съ животнымъ Иванычемъ».

Это значить: въ другія времена сумасшедшій Глѣбъ оказался бы святымъ Глѣбомъ или Парамономъ Юродивымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ лишь нѣсколько пристально взглянуть въ жизнь и творчество Успенскаго, чтобы увидѣть Глѣба изъ-за Иваныча.

III.

Я помню Успенскаго въ концѣ 80-хъ годовъ, когда болѣзнь уже подкрадывалась къ нему; я встрѣчался съ нимъ въ редакціи «Отечественныхъ Записокъ» и «Сѣвернаго Вѣстника»; былъ у него въ Чудовѣ. Онъ познакомилъ меня съ народнымъ проповѣдникомъ, Василиемъ Сютаевымъ, толстовцемъ до Толстого.

Однажды, завидѣвъ меня, Глѣбъ Ивановичъ подошелъ ко мнѣ торопливо, какъ будто за спѣшнымъ дѣломъ, схватилъ обѣ руки мои, крѣпко сжалъ въ своихъ и, пристально глядя мнѣ въ глаза, проговорилъ своимъ особеннымъ, какъ будто задыхающимся, захлебывающимся шопотомъ:

— Какъ хорошо! Ахъ, какъ хорошо!

— Что такое?

— Да вотъ то, что вы написали. Развѣ не помните? А я все твержу наизусть.

И онъ повторилъ четыре стиха изъ переведеннаго мною отрывка древней буддійской книги Лалита-Вистары—молитвенное обращеніе къ Буддѣ:

Въ этотъ пламень необъятный
Мукъ, желаній и страстей
Ты, какъ ливень благодатный.
Слезы жалости пролей.

— Да это не мое, Глѣбъ Ивановичъ.

— Ну, все равно, чье... А только какъ хорошо... Вотъ именно: слезы—въ пламень необъятный...

И вдругъ выпустилъ мои руки, какъ будто задумался, забылъ обо мнѣ. Привычнымъ движеніемъ пальцевъ пощипывая свою жиденькую, интеллигентски-мужичью бородку, раскуривая свою вѣчно-тухнущую папиросу, склонивъ голову набокъ, какъ будто прислушиваясь; неизмѣнный, нелѣпый и милый хохоль торчалъ на макушкѣ, какъ у больной взъерошенной птицы; одна бровь поднялась выше другой, наморщивъ кожу на лбу въ болѣзненные складки. И онъ повторилъ еще разъ про себя:

— Вотъ именно: слезы—ливень благодатный...

Но безъ слезъ, горячечно-сухимъ блескомъ блестяли его собственные глаза, какъ будто онъ давно уже хотѣлъ, но не могъ плакать. Никогда не забуду я этихъ глазъ, широко-раскрытыхъ, свѣтлыхъ плачущихъ безъ слезъ. Тогда я не понималъ ихъ—теперь понимаю: передо мною былъ великій христіанскій подвижникъ, «святой Глѣбъ». И въ томъ не разубѣдятъ меня сорокъ тысячъ Булгаковыхъ.

Любить—жалѣть, по слову народному. Это не буддійская жалость, но и не христіанская милость. Это что-то иное, болѣе жгучее, жалящее, пронзающее. Не христіанское, но, можетъ-быть, Христово? «Это разъ пронзаетъ сердце—и навѣки остается рана», по слову Достоевскаго. Кто не заглянулъ сквозь эту рану въ сердце русскаго народа и русской интеллигенціи—единое сердце,—тотъ ничего не знаетъ о нихъ.

Это любленіе-жалѣніе—все творчество, вся жизнь Успенскаго.

Въ одномъ письмѣ изъ Парижа вспоминаетъ онъ Туньку, маленькую лохматую собачонку, которую подобралъ гдѣ-то въ Россіи на улицѣ, съ переломленной ногой, цѣлый мѣсяць лѣчилъ потомъ холодными компрессами и вылѣчилъ.

Однажды, зимнею ночью, въ деревнѣ жена Успенскаго услышала со двора голосъ его:

— Дайте мнѣ что-нибудь надѣть! Я все ему отдалъ.

Онъ снялъ съ себя все до нитки и отдалъ замерзающему бродягѣ.

То было первое явленіе святого Глѣба, первый припадокъ безумія.—«Безуміе или осіявшая истина?»

Вся Россія—замерзающій бродяга или собачонка Тунька съ переломленной ногой. И не только вся Россія, но и «вся тварь, совокупно стенающая объ избавленіи».

«Глубокая любовь къ Богу и ко всей твари». Иванычъ—тварь; Глѣбъ—ангелъ Господень. Но и тварь въ Богѣ; Иванычъ—въ Глѣбѣ. Собачонка Тунька и «Агнецъ, закланный отъ созданія міра»,—между ними должна быть связь. Любленіе-жалѣніе твари—любленіе-жалѣніе Бога. Объ этомъ почти нельзя говорить. Но это есть. А если этого нѣтъ, то нѣтъ христіанства, или въ христіанствѣ нѣтъ Христа.

Безъ имени Христа—Христово любленіе, *влюбленіе* въ Бога и въ тварь;—безъ имени Христа, Христово цѣломудріе, почти монашеская дѣвственность.

Кажется, въ 60-хъ годахъ, когда онъ былъ еще здоровъ и молодъ, одна хорошенькая барыня, увлекавшаяся тогдашнею проповѣдью свободной любви, влюбилась въ него, или вообразила себя влюбленною.

«Вѣдь я красива, я красивѣе и моложе его жены. И вы знаете, я осталась у него ночевать,—онъ меня самъ оставилъ, въ надеждѣ его соблазнить. Всѣ говорятъ: онъ никогда не измѣнялъ женѣ. Я не вѣрила, я хотѣла его испытать... Ну, и вотъ мы вдвоемъ съ нимъ въ квартирѣ. Жаркая душная ночь, молнія такъ и сверкаетъ.

— Глѣбъ Ивановичъ, я не могу—дышать нечѣмъ... я сниму лифъ?

— Ну, снимите. Я вамъ сейчасъ принесу что-нибудь полегче.

Принесъ полотенце и накинулъ мнѣ на голую шею. Потомъ самоваръ началъ ставить. Меня лихорадка колотить, а онъ меня чаемъ съ лимономъ отпаиваетъ... Такъ вся ночь у насъ и прошла—всю ночь только чай вдвоемъ пили... Что же это по-вашему—уродъ или святой?» (Мин. Г., II, 1908).

Святой и уродъ вмѣстѣ—юродъ, Юродивый Парамонъ, святой Глѣбъ.

Любить жену безконечной любовью.—«Саша придетъ! Саша придетъ!»—шепчетъ въ безуміи съ послѣдней надеждой. А потомъ бредить, что отравилъ ее и дѣтей стрихниномъ.—«Семья тяготила писателя», говоритъ Починковская; вѣрнѣе было бы сказать: семья тяготила подвижника. Какъ Парамонъ, «повинуясь гласу и видѣнью, оставилъ онъ домъ, жену, дѣтей и ушелъ спасать свою душу». Подобно всѣмъ русскимъ интеллигентамъ,—вѣчный скиталецъ—«въ неприбранной комнатѣ, съ открытыми чемоданами и разбросанными вещами».

«Мнѣ кажется,—вспоминаетъ Починковская,—онъ физически не выносилъ ничего показного, ничего приукрашеннаго ни въ литературѣ, ни въ жизни. Вкусы его были строгіе и простые, въ послѣдствіи, можетъ-быть, даже *аскетически*. Красоту тургеневскаго слога называлъ онъ брезгливо «фокусами 40-хъ годовъ».—Точно стыдился и пренебрегалъ поэзіей».

Такъ вотъ откуда писаревское гоненіе на Пушкина, «разрушеніе эстетиками»: подъ маской безбожнаго матеріализма нигилизма все то же христіанское подвижничество, аскетическое разрушеніе идоловъ, все тѣ же Парамоновы вериги: «вериги были закованы на немъ наглухо, навѣки вѣковъ, а онъ, надѣвшій ихъ въ молодыхъ лѣтахъ, росъ, кости его раздавались, и желѣзо вѣдалось въ тѣло».—Русскій интеллигентъ уже не помнитъ, въ чье имя надѣты на него вериги; но на цѣпяхъ виситъ чугунная доска съ вылитой надписью: *азъ язвы Господа моего ношу на тѣлѣ моемъ*.

Успенскій могъ бы сдѣлаться поэтомъ, если бы не стыдился и не пренебрегалъ поэзіей. Но его писанія не писанія, а самоистязанія; его перо не перо, а чугунная полтора пудовая палка; и не пишетъ онъ, а тяжело «тукаетъ»; и на головѣ чугунная шапка—безуміе.

Такъ проходитъ онъ передъ нами, Глѣбъ Юродивый, и, кажется, въ лицѣ его «само будущее идетъ къ намъ».

Теперь понятно, почему Успенскій, если не въ полномъ свѣтѣ сознанія, то въ мерцающемъ прозрѣнїи, утверждаетъ связь русской интеллигенціи съ русскимъ народомъ именно тамъ, гдѣ Булгаковъ эту связь отрицаетъ,—въ «христіанскомъ подвижничествѣ».

Истинная *народная* интеллигенція для Успенскаго и есть не что иное, какъ истинно христіанское или, вѣрнѣе, Христово просвѣщеніе: «Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ».

«Божескую правду,—говоритъ Успенскій,—вносила въ народную среду *народная* интеллигенція.—Типъ ея былъ типъ *Божія угодника*» (Соч. 1884, т. VII, 135).—«Наши интеллигентные прародители были такъ умны, знали, должно-быть, такъ хорошо народную массу, что для общаго блага ввели въ нее христіанство, т.-е. взяли послѣднее слово, и притомъ самое лучшее, до чего дожило человѣчество вѣками страданій» (т. VII, 184).

Это вѣдь и значитъ: истинная «народная интеллигенція» есть просвѣщеніе народа свѣтомъ Христовымъ. Этимъ началась она—этимъ и завершится.

«Святые угодники были интеллигенціей своего времени: мы должны ихъ взять за образецъ своей дѣятельности», договариваетъ Н. К. Михайловскій главную интеллигентскую и въ то же время народническую мысль Успенскаго. Просвѣщеніе Христово было интеллигенціей народной: было—будетъ. Этому вѣрить невѣрующей Михайловскій, а вѣрующей Булгаковъ не вѣрить. Кто изъ нихъ ближе къ народу?

Поскольку интеллигенція утратила свѣтъ Христовъ, постольку перестала быть сама собою, т.-е. истинно-интеллигентною—просвѣщенной и просвѣщающею.

Но никогда этотъ свѣтъ не потухалъ въ ней окончательно, никогда не умолкалъ въ ней «голосъ неземной»:

«Войди! Христось наложитъ руки
И сниметъ волею святой
Съ души оковы, съ сердца муки
И язвы съ совѣсти больной». —

Я внялъ, я дѣтски умилился...
И долго я рыдалъ и бился
О плиты старыя челомъ,
Чтобы простилъ, чтобъ заступился,
Чтобъ осѣнилъ меня крестомъ
Богъ угнетенныхъ, Богъ скорбящихъ,
Богъ поколѣній предстоящихъ
Предъ этимъ скуднымъ алтаремъ.

Это говоритъ безбожный Некрасовъ, такой же типичный русскій интеллигентъ, какъ Успенскій.

— Видите, видите—она опять пришла. Видите, вотъ она—бьется крыльями... въ бѣлой одеждѣ...

Иногда была она свѣтлая, иногда—темная, приникшая къ стеклу окна, со строгимъ и печальнымъ лицомъ.

— Кто это, Глѣбъ Ивановичъ?

— Святая Ефросинія — отвѣтилъ онъ и прибавилъ шопотомъ:

— *Вся Россія, вся Россія.*

Христіанская подвижница, святая Ефросинія—«вся Россія, вся Россія»—не только русскій народъ, но и русская интеллигенція. Сейчасъ она темная, но будетъ свѣтлою: «свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ».

Не обращается ли вся русская интеллигенція къ «Матери всѣхъ скорбящихъ»—къ Россіи—съ тою же молитвою, съ которою обращался Некрасовъ къ собственной матери:

Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови,
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви!

Вотъ вѣчная пѣснь того *всескорбящаго сердца*,—по слову Успенскаго,—въ которомъ русская интеллигенція и русскій народъ—одна Россія—вся Россія.

Интеллигенція не видитъ Христа, какъ слѣпороденный до исцѣленія; Булгаковъ со своими единомышленниками видятъ или думаютъ видѣть. Но какъ бы не услышать имъ страшнаго слова:

«На судъ пришелъ я въ міръ, чтобы невидящіе видѣли, а видящіе стали слѣпы».

«Встрѣтилъ сегодня на улицѣ Михайловскаго и не поклонился ему. Это его, очевидно, поразило. *Такъ и надо*», пишетъ Успенскій женѣ.

Это первый бунтъ Глѣба, первый вызовъ Иванычу. То «здоровое состояніе», въ которомъ онъ былъ «совершенно равнодушенъ къ религіознымъ вопросамъ—просто не останавливался на этихъ предметахъ»,—и есть именно состояніе Иваныча.

Иванычъ довель Глѣба до сумасшествія, Каинъ убилъ Авеля.

Но и Глѣбъ у Иваныча въ долгу не остался: объявилъ его «просто свиньею», лакеемъ Смердяковымъ, провокатормъ Азефомъ, Грядущимъ Хамомъ.

Можно сказать, что вся великая русская литература—Гоголь, Достоевскій, Л. Толстой и мы, грѣшные, малыя дѣти великихъ отцовъ,—вся русская литература только и дѣлала, что истребляла Иваныча: обрушилась на него всею своею тяжестью и задавила, затоптала.

И не только русская литература, но и русская дѣйствительность: неудача революціи превратила Иванычей въ стадо бѣшенныхъ свиней, которое бросилось съ крутизны въ озеро.

Что же дѣлаетъ Булгаковъ, что дѣлають Вѣхи?

Я имѣю право объ этомъ спросить, больше чѣмъ кто-либо. Мнѣ ли не знать, что Иванычъ—«хамъ»? Я ли не боролся съ нимъ еще въ тѣ времена, когда Булгаковъ не умѣлъ отличить правой руки отъ лѣвой, Глѣба отъ Иваныча?

Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ помнить, что если одна половина русской литературы уничтожаетъ Иваныча, то другая, съ такимъ же успѣхомъ, уничтожаетъ Глѣба: для Михайловскихъ, Салтыковыхъ, Некрасовыхъ—для всѣхъ Иванычей—Глѣбъ не столько святой, сколько святоша—крѣпостникъ, мракобѣсъ, черносотенецъ, тоже «хамъ», тоже «лакей Смердяковъ», хотя и въ обратномъ смыслѣ.

Спрашивается: нѣтъ ли и въ этой другой половинѣ хоть капельки правды? Не солоно ли приходится намъ и отъ «Глѣбовъ, ангеловъ Господнихъ», въ видѣ Побѣдоносцевыхъ и Антоніевъ Волынскихъ!

На чьей же сторонѣ полная правда?

Для того, чтобы увидѣть не только правду, но и ложь Глѣба, не только ложь, но и правду Иваныча,—надо быть ни тѣмъ, ни другимъ, ни полуангеломъ, ни полусвиньей, а цѣльнымъ человѣкомъ, преодолевшимъ недугъ раздвоенія, человѣкомъ будущей «народной интеллигенціи», будущаго христіанскаго просвѣщенія.

Иванычи—«свиньи», и «бѣсы» вошли въ «свиней». Но откуда же «бѣсы»?

А вотъ откуда.

VI.

«Какъ только начинаю себя помнить, чувство какой-то виновности, какого-то тяжелаго преступленія уже тяготѣетъ надо мной.—Въ церкви я былъ виноватъ передъ всѣми этими угодниками, образами, паникадилами. Въ школѣ я былъ виноватъ передъ всѣми, начиная со сторожа—куда!—съ вѣшалки, на которой вѣшалъ свою шинель; на улицѣ каждая собака (мнѣ казалось) такъ только и ждала моего появленія, чтобъ меня, если не совсѣмъ съѣсть, то ужъ непременно укусить. Мальчишки, пускавшіе змѣи, казались мнѣ отверженными Богомъ, одержанными злымъ духомъ, порожденіемъ дьявола—такъ казалась громадна ихъ дерзость: какъ не бояться будочника, который только и смотритъ, чтобы схватить тебя и утащить неизвѣстно куда?»

Надо постоянно бояться—это корень жизненной правды.—Вѣчное безпокойство о «виновности» самаго существованія на свѣтѣ пропитало всѣ взаимныя отношенія, всѣ общественныя связи, всѣ мысли, всѣ дни и ночи, всѣ мѣсяцы и годы... Какъ будто камень этого сознанія лежалъ у всѣхъ на душѣ. Съ этимъ камнемъ молились Богу,

привозя въ домъ чудотворную икону; съ этимъ камнемъ родили дѣтей и хоронили ихъ... Увѣренности, что человекъ имѣеть право жить, не было ни у кого—напротивъ, именно эта-то увѣренность и была умерщвлена... «Пропадешь!—носилося надо всѣми,—пропадешь, если посмѣешь чего-нибудь захотѣть самъ, если самъ что-нибудь позволишь себѣ».—«Пропадешь!» кричали небо и земля, воздухъ и вода, люди и звѣри... И все ежилось и бѣжало въ первую попавшуюся нору.

«И вдругъ является Парамонъ».

Откуда и съ чѣмъ?

Успенскому кажется, будто съ Парамономъ явилось «нѣчто совсѣмъ постороннее», чуждое страху. Вотъ главная религіозная ошибка Успенскаго, религіозная ложь Глѣба.

На самомъ дѣлѣ, не чуждое страху, а самъ этотъ страхъ явился въ лицѣ Парамона. Страхъ жизни, страхъ міра, страхъ плоти. Не облегчаетъ, а отягчаетъ Парамонъ «виновность самаго существованія на свѣтѣ», не оправдываетъ, а осуждаетъ вѣчнымъ судомъ, расширяетъ ее до безпредѣльности космической—до первороднаго грѣха, какъ неискупимаго проклятія міра.

«Глубокая любовь къ Богу и ко всей твари?»—Нѣтъ, любовь къ Богу—нелюбовь къ твари, нелюбовь къ міру.—«Не любите міра, ни того, что въ мірѣ.—Весь міръ лежитъ во злѣ». Это затвердилъ онъ, это одно изъ всего христіанства, не понявъ отличія міра преходящаго, «міра сего», какъ явленія, отъ міра вѣчнаго, Божьяго, какъ сущности. Богъ есть отрицаніе міра, духъ—отрицаніе плоти, небо—отрицаніе земли—такова, метафизическая сущность Парамона.

Религіозная ошибка Успенскаго, религіозная ложь Глѣба, будто бы съ Парамономъ «можно дойти до сознанія правъ живого человека *на землѣ*». Девятнадцать вѣковъ челоуѣчество шло съ Парамонами, Іоаннами Лѣствичника и, Серафимами Саровскими и не дошло до этого сознанія, до «увѣренности, что человекъ имѣеть право жить»,—

«напротивъ, именно эта-то увѣренность и была умерщвлена».

Правды о землѣ нѣтъ у Парамона, а есть только правда о небѣ. Распаденіе міра на два непримиримыя начала—небесное и земное—такова опять-таки метафизическая сущность Парамона и всего подвижническаго христіанства.

Духъ есть Богъ, плоть есть бѣсъ—это нигдѣ въ христіанствѣ не сказано, но молча показано, сдѣлано; это не явная цѣль, а тайный уклонъ пути, не откуда, а куда все идетъ,—все течетъ, какъ рѣка по руслу.

Оживить духъ значитъ умертвить плоть. Парамонъ это и дѣлаетъ. «Душу онъ спасалъ умерщвленіемъ плоти, основаннымъ на физическомъ самоистязаніи. Любилъ жечь на огнѣ пальцы свои, ставить подошву на уголь, да, кромѣ того, обѣщаль загнать подъ кожу гвозди желѣзные».—Это и дѣлаетъ Глѣбъ: въ Колмовской больницѣ Успенскій «разбилъ себѣ камнемъ голову, перерѣзывалъ себѣ горло, огнемъ жегъ себя» (дневникъ врача).—«Онъ ненавидѣлъ въ себѣ это терзавшее его, никому *ненужное тѣло*» (Воспом. Починковской). Ненужность тѣла, безтѣлесность и есть «духовность», «святость». Глѣбово безуміе—Парамонова святость,—и въ сознаніи всего подвижническаго христіанства нѣтъ грани, которая отдѣлила бы это безуміе отъ этой святости.

Плоть—тлѣнъ; смрадъ плоти—смрадъ тлѣна.

«Александра Васильевна, взявъ изъ ящика пузырекъ съ духами, торопливо вытерла себѣ руки.

— У Глѣба Ивановича галлюцинація обонянія, — шопотомъ пояснила она,—ему кажется, что *вездѣ дурно пахнетъ*».

Можно сказать, что все монашеское христіанство подвержено этой «галлюцинаціи» обонянія: тщетно натирается духами грѣшная плоть,—святому Глѣбу «вездѣ дурно пахнетъ».

Тутъ метафизика становится физикой, откровеніе — ощущеніемъ. Вотъ почему такъ трудно съ этимъ спорить: ничего не подѣлаешь, если и фіалки пахнутъ трупомъ.

VII.

«Вообще со мной ужасно худо, необычайно худо.— Гибель висить надо мной.— Погибъ я *пропалъ* навсегда».

«*Пропадешь!*»— крикъ паническаго ужаса, который слышался ему въ дѣтствѣ, когда вдругъ явился Парамонъ,— опять прозвучалъ въ концѣ жизни, когда вдругъ явился Глѣбъ.

Чувство «тяжелаго преступленія», неискупимой виновности «самаго существованія на свѣтѣ», гиперболическое чувство «первороднаго грѣха»—вѣчную опасность христіанства, безсознательный уклонъ его къ буддизму—нельзя лучше выразить, чѣмъ это сдѣлалъ Успенскій. Чувство это—Глѣбова правда—на-время заглохло, заслонилося правдой Иваныча; но съ торжествомъ Глѣба опять возникаетъ со страшною силою.

Больному Успенскому кажется, что онъ «совершаетъ чудовищныя преступленія—убиваетъ своихъ дѣтей, перотравилъ ихъ всѣхъ стрихниномъ». Подъ нѣкоторыми записками онъ такъ и подписывался: *Разбойникъ*.

Галлюцинація совѣсти, соотвѣтствующая галлюцинаціи обонянія: подобно всей плоти міра, и человѣческая совѣсть «дурно пахнетъ», ноетъ, какъ гнилой зубъ.

Въ Парамоновомъ юродствѣ—начало этого гніенія, душевнаго разложенія, душевнаго разстройства. Религіозное чувство бездонно-глубоко, а въ сознаніи,—замѣчаетъ Успенскій,—«ничего, *кромѣ чепухи*».

Однажды на юбилейномъ обѣдѣ Скабичевскаго Глѣбъ увидѣлъ вдругъ сквозь потолокъ звѣзды и ангеловъ. Тутъ Глѣбова святая чепуха соблазнительнѣе, чѣмъ безбожное свинство Иваныча.

«Александра Васильевна просила не звонить, а повертѣть ручкою замка, такъ какъ звонки напоминали безпрестанно являющуюся съ обысками полицію и раздражали Глѣба Ивановича, — рассказываетъ Починковская.—Онъ провель меня къ себѣ въ комнату, маленькую

и темную, съ окнами въ слѣпую стѣну,—какъ онъ выразился, «чортъ знаетъ куда».

— Смыслъ жизни потерянь,—сказала я.

— Никакого нѣтъ смысла!—повторилъ онъ за мной.— Какой тутъ можетъ быть смыслъ, когда ежеминутно приходится ожидать—вотъ-вотъ, сію минуту, ни съ того, ни съ сего, придутъ и начнутъ шарить въ столѣ?.. А это жизнь теперь каждаго русскаго литератора...

... Мы промолчали, сидя рядомъ, что-то около часа. Вокругъ была полная и какая-то зловѣщая тишина... все погружалось въ молчаніе, какъ въ могилу».

Что тутъ *все* дѣло въ полиціи, кажется, вѣритъ Починковская вмѣстѣ съ Успенскимъ. Но вѣдь вотъ не даромъ же добавляетъ она: «отъ этого свиданія у меня осталось впечатлѣніе какого-то застѣнка, гдѣ не было ни свѣта, ни воздуха, ни стремленія выйти на волю. Замуравилъ себя человекъ добровольно и сидитъ въ испуганномъ ожиданіи: вотъ-вотъ придутъ»...

«Какъ только начинаю себя помнить, чувство какого-то тяжкаго преступленія тяготѣетъ надо мной.—Пропадешь!—кричали небо и земля, воздухъ и вода, люди и звѣри. И все ежилось и бѣжало отъ бѣды въ первую попавшуюся нору».

Русскій подвижникъ бѣжитъ въ пещеру, въ затворъ; русскій интеллигентъ—въ «подполье», въ маленькую, темную комнату съ окнами, «чортъ знаетъ куда». Оба «замуровали себя добровольно и сидятъ въ испуганномъ ожиданіи», одинъ—жандармовъ, другой—дьяволовъ. Интеллигентское «подполье»—тотъ же древній «Танобъ, темница кающихся», о которой повѣствуетъ Іоаннъ Лѣствичникъ. «Бѣгуны» и «нѣтовцы» народные зарываются въ землю, сжигаются на кострахъ; интеллигентные—уходятъ въ нигилизмъ, анархизмъ, непріятіе міра—тоже своего рода нѣтовщину.

И тѣ и другіе, въ сущности, одинаковымъ способомъ спасаютъ душу свою. Тутъ безбожные интеллигенты православнѣе, чѣмъ само православіе.

Во всякомъ случаѣ, дѣло *не только* въ русской полиціи: полиція приходитъ на готовое, собираетъ Глѣбову, Парамонову спѣлую жатву; для полиціи потрудились они; потому-то и можетъ она такъ безнаказанно распоряжаться человѣческой жизнью, что «ни у кого нѣтъ увѣренности въ самомъ правѣ на жизнь»; — такъ безпрепятственно шарить во всѣхъ сердцахъ и ящикахъ, что никакимъ замкомъ, никакимъ правомъ, никакимъ чувствомъ собственного достоинства не заперты они,—всѣ раскрыты настежь для полицейскихъ сыщиковъ и православныхъ дьяволовъ.

И, наконецъ, не вина же полиціи въ томъ, что святому Глѣбу вездѣ дурно пахнетъ, а разбойникъ Иванычъ перепотравилъ всѣхъ своихъ дѣтей стрихниномъ. Можетъ-быть, какъ разъ наоборотъ—вся-то русская полиція не что иное, какъ воплощеніе этого Глѣбова «дурного запаха», этого всеотравляющаго «стрихнина»; можетъ-быть, не она—ихъ, а они ее создали? Другими словами: русскую государственность создала русская церковь; и до тѣхъ поръ будетъ старый порядокъ государственный, пока будетъ старый порядокъ религіозный—все равно, народная, Парамонова или интеллигентская, Глѣбова, православная нѣтовщина.

«— Родомъ откуда вы? Ваше званіе? Какой губерніи?.. Паспорта нѣтъ?..»

«— И-и! какіе паспорта!.. Чего тамъ... на что мнѣ!.. У меня паспортъ Господній... не надо мнѣ этого!»

Позвольте, какъ же такъ?—«Нѣсть бо власть, аще не отъ Бога».—На вопросъ квартальнаго о паспортѣ Парамону слѣдовало отвѣтить: «ему же дань,—дань, ему же честь,—честь, ему же оброкъ,—оброкъ»; а ему же паспортъ,—паспортъ. Вѣдь не раскольникъ же онъ, не сектантъ, для которыхъ паспортъ—антихристова печать, а истинно-русскій, православный подвижникъ.

Нѣтъ, не отрицаетъ, а утверждаетъ Парамонъ квартальнаго и квартальный—Парамона: рука руку моетъ—на всемъ протяженіи историческаго христіанства.

Дѣти, устраивая бесѣдку-моленную, приклеили къ потолку бумажное Всевидящее Око. Когда явился къ Пара-

мону квартальный, бесѣдку разорили: «не осталось ничего, кромѣ кучи сора у порога и полѣ-Всевиद्याщаго Ока, т.-е. ползрчка, а изъ-за него торчалъ на голыхъ доскахъ лоскутъ бумаги съ гербомъ,—на подкладку шли казенныя бумаги».

Не только Парамонову, но и Булгаковскому православію не такъ-то легко раздѣлаться съ этимъ «казеннымъ гербомъ». Не даромъ бросился на шею къ участникамъ Вѣхъ Антоній Волынскій.

Одинаковая религіозная беспомощность русскаго народа и русской интеллигенціи сказывается всего болѣе именно въ томъ, что не умѣютъ они отдѣлить Всевиद्याщаго Ока отъ казеннаго герба: или принимаютъ, или отвергаютъ ихъ вмѣстѣ.

VIII.

«— Вы любите Достоевскаго?

«— Не люблю, но перечитываю.

«— Перечитываете?.. А я не могу. Знаете ли, у меня особенное ощущеніе: иногда ѣдешь въ поѣздѣ и задремлешь, и вдругъ чувствуешь, что господинъ, сидѣвшій противъ тебя, самый обыкновенный господинъ, даже съ добрымъ лицомъ... и вдругъ тянется къ тебѣ рука... и прямо, прямо за горло хочетъ схватить, или что-то сдѣлать надъ тобой... и не можешь никакъ двинуться...»

Въ статьѣ Успенскаго, по поводу Пушкинской рѣчи Достоевскаго, Иванычъ въ послѣдній разъ бунтуетъ противъ Глѣба, въ послѣдній разъ пробуетъ очнуться отъ страшнаго сна, въ которомъ мертвая рука святого Глѣба хочетъ схватить за горло русскую интеллигенцію и русскій народъ—всю Россію.

«Достоевскій человѣкъ мудреный... Онъ еще недавно цѣлую группу прославляемыхъ имъ теперь людей сравнивалъ со свинымъ стадомъ и предрекалъ имъ гибель въ пачинѣ морской» (*Бѣсы*).

Достоевскій, прославляющій русскую интеллигенцію, русскую революцію,—такъ показалось Успенскому. Что та-

кія ошибки возможны, мы теперь знаемъ, по собственному опыту: Достоевскій—двуличневая ткань; посмотришь съ одной стороны,—отливаетъ краснымъ, съ другой,—чернымъ; пророкъ русской революціи и пророкъ русской реакціи.

Недолго, впрочемъ, длилась ошибка Успенскаго: онъ скоро понялъ, въ чемъ дѣло; и никто съ такою убійственною ясностью, какъ онъ, не обнажилъ двусмысленность проповѣди Достоевскаго о христіанскомъ смиреніи и всечеловѣчности русскаго народа-богоносца,—той проповѣди, которая служить, въ сущности, единственною религіозною основою Вѣхъ.

«Пушкинская Татьяна и есть то пророчество, изъ-за котораго весь сырь-боръ загорѣлся,—говоритъ Успенскій.— Она потому пророчество, что, прогнавши отъ себя «всечеловѣка» (Онѣгина), предаетъ себя на съѣденіе старцу-генералу—жертвуетъ собою. Но, увы, тутъ же оказывается, что жертва эта недобровольная: «я другому *отдана!*» Нанялся—продался. Оказывается, что мать насильно выдала ее за старца, а старецъ, женившійся на молоденькой, не желавшей итти за него замужъ, именуется въ той же рѣчи честнымъ человѣкомъ». Неизвѣстно, что представляетъ собою мать? Вѣроятно, тоже что-нибудь «всемирное»... Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что дѣвицы, подносившія Достоевскому вѣнокъ, подносили его не въ благодарность за совѣтъ посвящать свою жизнь ухаживанію за старыми хрычами, насильно навязанными въ мужья... *Очевидно, что тутъ кто-нибудь ошибся.*

«Смиреніе Татьяны—смиреніе букашки, проткнутой булавкой и до конца жизни безропотно шевелящей лапками».

Предъ лицомъ стараго порядка, «стараго хрыча», которому на съѣденіе отдана, какъ Татьяна, вся Россія,—«смирись, гордый человѣкъ!»—есть проповѣдь полиѣйшаго мертвѣнія, тупого, подневольнаго, грубаго жертвоприношенія.

Если это было несомнѣннымъ во дни Достоевскаго, то еще несомнѣннѣе сейчасъ, во дни Булгакова, когда гнусность стараго хрыча обнажилась окончательно.

«*Всечеловѣческое—всезаячье*,—опредѣляетъ Успенскій.— Помаленьку да полегоньку, съ кочки на кочку, прыгъ да прыгъ, всезаяцъ, мало-по-малу допрыгиваетъ до непроходимой дебри, въ которой не видать ужъ и заячьяго хвоста».

Не заячій ли путь указываютъ Вѣхи? Не заячій ли хвостъ мелькаетъ у «самаго обыкновеннаго господина, даже съ добрымъ лицомъ»—Булгакова?

Да, никто не говорилъ о Достоевскомъ съ такою правдою, какъ Успенскій. А вѣдь это и есть *правда Иваныча*. И что могъ бы возразить на нее не только Булгаковъ, но и самъ Достоевскій? Во всякомъ случаѣ, слишкомъ ясно, что «тутъ кто-нибудь ошибся».

Въ полѣ бѣсъ насъ водить видно,
Да кружить по сторонамъ.

Кто же этотъ бѣсъ?

«— У Глѣба-то царство огромное!»—говаривалъ больной Успенскій.

«На похоронахъ его собралась многотысячная толпа русскихъ интеллигентовъ,—рассказываетъ очевидецъ.—Лица изможденныя, блѣдныя, мужчины и женщины безъ цвѣта лица и безъ возраста,—точно особая какая-то нація... Всѣ—*неблагонадежныя*».—Всѣ гонимые, мученики—царство не отъ міра сего, «Глѣбово царство».—«Всѣ одинаково въ черномъ»—чернецы, монахи, подвижники, «святые Глѣбы». Но святые могутъ вдругъ обернуться «разбойниками» и хулиганами, экспроприаторами и провокаторами,—«бѣшеными свиньями».

«Они (бѣсы) просили Иисуса, чтобы не повелѣлъ имъ—итти въ бездну».

Бездна — христіанская безплотность, — интеллигентская отвлеченность.

«Онъ (Иисусъ) позволилъ имъ.—Бѣсы, вышедши изъ человѣка, вошли въ свиней, и бросилось стадо съ крутизны въ озеро, и потонуло».

Если Иванычи—свиньи, то Глѣбы—тѣ бѣсы, которые вошли въ свиней. Бездушная плотность—свинство Иваныча; безплотная духовность—святость Глѣба.

Не только русскій народъ, но и русская интеллигенція—вся Россія—страна православія, христіанства подвижническаго, монашескаго, по преимуществу,—христіанства, отдѣляющаго духъ отъ плоти, Глѣба отъ Иваныча. Вотъ почему здѣсь, какъ нигдѣ, расцвѣли святые Глѣбовы лиліи на свиномъ навозѣ Иваныча; Иванычъ долженъ смердѣть, чтобы благоухалъ Глѣбъ.

И это не прекратится, пока русскій народъ и русская интеллигенція—вся Россія—не пойметъ, что божеская правда Глѣба безъ человѣческой правды Иваныча есть бѣсовская ложь, и что раздѣлять эти двѣ правды, значитъ утверждать эту ложь.

IX.

«*Власть земли*» — вотъ къ чему сходились не только всѣ писанія, но и всѣ переживанія Успенскаго первой здоровой половины жизни его, когда онъ былъ или казался «равнодушнымъ къ религіознымъ вопросамъ»—къ *власти неба*.

«Земля,—говоритъ онъ,—о власти которой надъ народомъ идетъ рѣчь, есть не какая-нибудь отвлеченная, индифферентная земля, а именно та самая, которую вы принесли съ улицы на своихъ калошахъ, которая лежитъ въ горшкахъ вашихъ цвѣтовъ, черная, сырая,—словомъ, самая обыкновенная земля.—Могущество этой «персти», «праха» съ глубочайшей силой и простотой указано еще въ стариннѣйшей былинѣ о Святогорѣ-богатырѣ. Въ сущности, это даже и не былина, а загадка, но загадка, въ которой таится вся сущность народной жизни.

Святогоръ-богатырь выѣхалъ въ чисто поле гулять. Выѣхалъ онъ просто такъ, безъ всякой задней мысли,—прогуляться, поразмять кости, силой съ кѣмъ-нибудь помѣриться.

По моей ли по силѣ богатырской,
Ка-бъ державу мнѣ найти, всю землю поднялъ бы.

Никакой, однако, «державы» на пути не встрѣтилось, а встрѣтился ему прохожій мужичокъ съ сумочкой за плечами.

Бдетъ Святогоръ рысью, а прохожій все идетъ передомъ. Во всю прыть не можетъ Святогоръ догнать прохожаго. Закричалъ тутъ Святогоръ да громкимъ голосомъ:

— Гой, прохожій человѣкъ, подожди немножечко, — не могу догнать тебя я на добромъ конѣ.

Прохожій остановился, снялъ изъ-за плечъ сумочку и сложилъ ее на землю.

Наѣзжаетъ Святогоръ на эту сумочку; своей плеточкой онъ сумочку пощупывалъ: какъ урослая, та сумочка не тронется. Святогоръ перстомъ ее съ коня потрогивалъ; не сворохнется та сумка, не шевельнется. Святогоръ хваталъ ее съ коня, потягивалъ: какъ урослая, та сумка не поднимется.—Слѣзь съ коня тутъ Святогоръ, взялся за сумочку; онъ приладился, взялъ руками обѣими, во всю силу богатырскую понатужился, отъ натуги по бѣлу лицу ала кровь пошла, а поднялъ суму отъ земли только на волосъ, по колѣна жъ самъ онъ въ мать сыру землю угрязъ.— Взговорить ли Святогоръ тутъ громкимъ голосомъ:

— Ты скажи же мнѣ, прохожій, правду-истину, а и что, скажи ты, въ сумочкѣ наложено?

Взговорить ему прохожій да на тѣ слова:

— *Тяга въ сумочкѣ отъ матери сырой земли.*

— А ты самъ кто есть? Какъ звать тебя по имени?

— Я Микула есть мужикъ, я Селяниновичъ, я Микула—*меня любитъ мать сыра земля*».

«Тяга и власть земли,—заключаетъ Успенскій,—до того огромны, что у богатыря кровь алая выступила на лицѣ, когда онъ попытался поколебать ихъ на волосъ, а между тѣмъ эту тягу и власть народъ несетъ легко, какъ пустую сумочку,—все это такъ именно и есть до сего дня».

Успенскій разгадываетъ одну половину загадки—о Микулѣ Селяниновичѣ; другую—о Святогорѣ оставляетъ неразгаданной, проходитъ мимо нея, какъ будто не задумавшись. А между тѣмъ вся тайна—не въ одной изъ половинокъ, а въ соотношеніи обѣихъ.

Мы знаемъ, что такое Микула. Что же такое Святогоръ?

«Святогоръ—богатырь на Святыхъ Горахъ», говорить былина. А Святыя Горы—не на Руси.

«Мнѣ не придано тутъ ѣздить на святую Русь», говорить онъ самъ о себѣ.

«Впослѣдствіи нарушилъ онъ этотъ завѣтъ,—замѣчаетъ Кирѣевскій (Русск. Пѣсни, I, 229),—сдвинулся со Святыхъ Горъ и черезъ Крымъ (крещеніе св. Владиміра въ Херсонесѣ Таврическомъ), т.-е. вообще черезъ южные предѣлы Руси, въѣхалъ въ Кіевскую землю, по которой и разъѣзжалъ, пока не нашелъ себѣ здѣсь гибель»—именно въ борьбѣ съ исконнымъ русскимъ богатыремъ Микулою.

Святыми Горами назывался впослѣдствіи Аѳонъ, первоисточникъ подвижническаго христіанства.

Святогоровъ родитель — древній батюшка...

Престарѣлый дѣдушка, древній да *темный*.

Не старецъ ли въ темныхъ одеждахъ—чернецъ, монахъ аѳонскій, или ѳивайдскій подвижникъ?

Если такъ, то Святогоръ не что иное, какъ христіанство до крещенія Руси, христіанство, созерцаемое сквозь первобытную языческую правду Микулы Селяниновича, — *власть неба*, созерцаемая сквозь *власть земли*. И въ составленіи этихъ двухъ богатырей отразилось колебаніе народной стихіи между двумя правдами, двумя «тягами»—новою тягою неба и древнею тягою земли.

Правды о землѣ не знаетъ Святогоръ, потому что не любитъ землю: начало его—неземное, горное, попирающее землю, какъ персть и прахъ. За то и земля не любитъ его,—не держитъ, не носитъ:

Видишь, какой я уродъ, —

Меня и земля не держитъ.

Въ этомъ главная противоположность его Микулѣ, котораго «любитъ мать сыра земля».

Святогорова сила необъятная, но нереальная, отвле-
ченная, почти хочется сказать, *интеллигентская*:

Ка-бъ державу мнѣ найти, всю землю поднѣяль бы.

А дошло до дѣла—и осрамился. Какъ будто у Микулы
къ Святогору та вѣчная усмѣшка, съ которою мужикъ
смотреть на барина: хорошо поешь, гдѣ-то сядешь.

Послѣ крещенія Руси Святогоръ уже Святъ-Егоръ,
св. Георгій, побѣлитель и просвѣтитель языческой тьмы,
тотъ народный интеллигентъ, который вводитъ въ народъ
христіанство, по опредѣленію Успенскаго.

Но и христіанскій подвижникъ могъ бы сказать о себѣ:

Видишь, какой я уродъ, —
Меня и земля не держитъ.

И въ христіанскомъ подвижничествѣ святое значить
неземное, горнее, попирающее землю, какъ персть и прахъ.

Христіанскій святой уродъ сдѣлался юродомъ—Юроди-
вымъ Парамономъ, Святымъ Глѣбомъ.

И вѣчное состязаніе Святогора съ Микулою повторяется
въ состязаніи Глѣба съ Иванычемъ.

Кажется, самъ Успенскій предчувствовалъ, что эта его
личная трагедія, трагедія русскаго интеллигента по преи-
муществу, имѣеть значеніе и всенародное, и всемірное.

Х.

Въ очеркѣ «Выпрямила!» Венера Милосская напоми-
наетъ ему деревенскую бабу, которую видѣлъ онъ однажды,
во время сѣнокоса.

«Вся она съ подобранной юбкой, голыми ногами, крас-
нымъ повойникомъ на маковкѣ, съ граблями въ рукахъ,
которыми перебирала сухое сѣно, была такъ легка, изящна,
такъ жила, а не работала, жила въ полной гармоніи съ при-
родой, съ солнцемъ, вѣтеркомъ, съ этимъ сѣномъ, со всѣмъ
ландшафтомъ, съ которыми *были слиты и ея тѣло, и ея
душа*, что я долго-долго смотрѣлъ на нее,—думалъ и чув-
ствовалъ одно: «какъ хорошо!»

Оказывается, что и у Венеры Милосской—«право, сказать совѣстно—почти мужицкіе завитки волосъ по угламъ лба».

Почти мужицкіе—почти Микулины. Божественная «баба» Венера, Великая мать Суцаго—та самая «мать сыра» земля, которая любитъ Микулу и «держитъ», «носитъ его», какъ свое любимое дитяtko. Она-то и «выпрямила», вылѣчила чужое больное дитя, русскаго интеллигента отъ монашеской согбенности, отъ Парамонова, Глѣбова, уродства, юродства, отъ христіанскаго раздвоенія на душу и тѣло: душа и тѣло у «бабы» Венеры «слиты въ полной гармоніи»,—какъ небо и земля на горизонтѣ.

Былину о Микулѣ называетъ Успенскій «загадкою»; и Венера для него—«каменная загадка». Обѣ обѣ одномъ—о власти, о тягѣ земли. Тягу эту несетъ Венера съ такою же легкостью, какъ Микула. Оба они *подвинули* (иное, не христіанское, но, можетъ-быть, Христово подвижничество), подняли землю *любовью къ землѣ*.

Любовь къ землѣ—вотъ не свиное, а святое въ Иваннычѣ, ибо, разумѣется, не Глѣбъ, а Иваннычъ увидѣлъ власть земли въ Микулѣ, красоту земли въ Венерѣ.

Глѣбу, во время сумасшествія, казалось, что земля его не держитъ,—«онъ дѣлается легкой и скоро полетитъ».—«Свою способность летать онъ намѣрсенъ былъ пустить на благо всего человѣчества: видимо для всѣхъ подыметъ на воздухъ и облетитъ вокругъ земного шара—и на землѣ наступитъ царствіе Божіе» («Г. И. Успенскій», статья Н. К. Михайловскаго, изд. «Нивы», т. I, стр. CVII).

Ка-бъ державу мнѣ найти, всю землю поднялъ бы.

Но, если и полетитъ «святой Глѣбъ», то вмѣстѣ со «свиньей Иваннычемъ»; вѣрнѣе, впрочемъ, не полетитъ вовсе, а угрузнетъ въ землю:

Тяги-то земли онъ нашель,
А Богъ его и попуталь за похвальбу.

Это — похвальба всего подвижническаго христіанства, которое, не любя землю, не зная правды о землѣ, хочетъ поднять тягу земли. А когда подыметъ ее «только на волосъ»,

Туть ему и кончаніе.

Кончаніе, конецъ христіанства—не разрушеніе, а исполненіе истины Христовой; конецъ христіанства—начало того, что за нимъ.

Власть земли Божія—царство Божіе на землѣ, какъ на небѣ.—*Да будетъ воля Твоя, царство Твое и на землю, какъ на небѣ.*—Вотъ конецъ, предѣль, къ которому христіанство вѣчно стремится. И божественная подлинность его заключается именно въ томъ, что, хотя не достигаетъ оно этого предѣла, все же стремится къ нему; хотя не можетъ,—все же хочетъ поднять землю къ небу. *И нехотя хочетъ*, и, отталкиваясь отъ земли, угрожаетъ въ нее.

Вотъ почему нѣтъ иного пути ко Христу Грядущему, кромѣ Христа Пришедшаго, кромѣ христіанства вселенскаго.

Но не вселенское, а лишь восточное, православное монашеское христіанство у Глѣба,—лишь одна половина молитвы Господней: да будетъ царство Твое на небѣ; надо, чтобы Иванычъ соединилъ съ ней другую: да будетъ царство Твое и на землѣ, какъ на небѣ.—Только тогда исполнится полнота христіанства вселенскаго—Христа Пришедшаго и Грядущаго.

ХІ.

Возможность этого соединенія предчувствуетъ Успенскій не только въ русскомъ народѣ, но и въ русской интеллигенціи; не только деревенскую бабу, но и «дѣвушку строгаго, почти монашескаго типа, революціонную подвижницу» напоминаетъ ему Венера Милосская.

«Глубокая печаль,—печаль не о своемъ горѣ, которая была начертана на этомъ лицѣ, на каждомъ ея малѣйшемъ движеніи, была такъ гармонически слита съ ея личною, собственною печалью, до такой степени эти *двѣ печали*, сливаясь, *дѣлали ее одну*, не давая ни малѣйшей возможности проникнуть въ ея душу, въ ея сердце, въ ея мысль, даже въ

сонъ ея чему-нибудь такому, что могло бы нарушить *гармонію самопожертвованія*, которую она олицетворяла,— что, при одномъ взглядѣ на нее, всякое страданіе теряло свои пугающія стороны, дѣлалось простымъ, легкимъ, успокаивающимъ и, вмѣсто словъ: «какъ страшно!» заставляло сказать: «какъ хорошо!»

Въ бабѣ—гармонія самоутвержденія, предѣлъ плоти.

Въ интеллигентной подвижницѣ—гармонія самопожертвованія, предѣлъ духа.

Мать сыра земля—Всѣхъ Скорбящихъ Матерь. Эти два материнства сливаются въ одно, какъ небо и земля на горизонтѣ: да будетъ воля Твоя—царство Твое—и на землѣ, какъ на небѣ.

Въ русской интеллигенціи, какъ и въ русскомъ народѣ, правда Глѣба *можетъ* соединиться съ правдой Иванныча.

«Ахъ, хорошій былъ человѣкъ!—говорилъ Починковской пожилой крестьянинъ.—Со всякой бѣдой пойти къ нему—лучше не надо... Ужъ такъ намъ его тогда жалко было!.. Кажется, лучше самому помереть, нежели его потерять. Вотъ какъ предъ истиннымъ Богомъ!»

Народъ видитъ въ безбожномъ интеллигентѣ христіанскаго подвижника, въ свинѣ Иваннычѣ—святого Миколу Угодника.

«Народная легенда о Николаѣ и Касьянѣ,—говорить Успенскій,—какъ нельзя лучше рисуетъ этотъ типъ народнаго интеллигентнаго человѣка, Божія угодника, ищущаго правды о землѣ.—Когда Николай и Касьянъ пришли давать Богу отчетъ, послѣ того какъ они были на землѣ между людьми, то Николай оказался весь испачканъ грязью и въ изорванномъ платьѣ, а Касьянъ пришелъ франтомъ. Вотъ Богъ и рѣшилъ, что Николай все время работалъ, толкался въ народѣ, хлопоталъ, а Касьянъ только разговоры разговаривалъ; за это и положилъ праздновать Касьяну въ четыре года разъ, а Николаю въ году чуть не двадцать разъ».

Касьянъ явился къ Богу византійскимъ франтомъ, отвлеченнымъ идеалистомъ, интеллигентомъ, летающимъ по горамъ, по верхамъ, подобно Святогору или святому Глѣбу.

А Николай—весь въ грязи—мужикъ мужикомъ, какъ Микула Селяниновичъ, «свинья свиньей», какъ Иванычъ. Но это «свиное»—святое; святая грязь—мать сыра земля. Микола Угодникъ—Микула Селяниновичъ. Такъ, на послѣднемъ, если не достигнутомъ, недостижимомъ, но все же *безсознательно* чаемомъ предѣлѣ христіанской святости Святогоръ соединяется съ Микулою, святой Глѣбъ со святымъ Иванычемъ.

Но соединеніе это не совершенно и непрочно потому именно, что *безсознательно*: бѣда христіанскаго подвижничества въ томъ, что святость Глѣба видятъ всѣ: она въ реальномъ дѣйствіи, а святость Иваныча—никто: она лишь въ мечтѣ, въ легендѣ, въ сказкѣ народной.

«Божья угодника», въ истинномъ смыслѣ, т.-е. «народнаго интеллигента», ищущаго правды о Божьей землѣ,—*«теперь нѣтъ и въ поминѣ»*, заключаетъ Успенскій.—Мы видимъ въ народѣ только двѣ фигуры: Платона Каратаева (*святого Глѣба*) и хищника (*Иваныча-свиньи*). Третья соединяющая фигура (*Миколы Угодника*) пропала безслѣдно.

Такъ и должно было случиться, не могло быть иначе: вѣдь подвижничество христіанское крестьянскую тягу земли подняло «только на волосъ» и само «угрызло въ землю»: безплотная духовность церкви угрызла въ бездушную плотность государства; церковь отдала Россію «на съѣденіе старому порядку,—старому хрычу». Глѣбъ-Насьянъ—весь въ отвлеченной святости, а Иванычъ-Микола—весь въ грязи, но не въ святой, а въ свиной грязи, черносотенной.

Вотъ въ чемъ главная ошибка русскихъ интеллигентовъ, желающихъ войти въ православную церковь: кажется, что интеллигенція должна искать религіознаго спасенія въ народѣ. Но религіозное положеніе народа не менѣе страшное, чѣмъ положеніе интеллигенціи. Спасеніе или гибель ждетъ ее,—она не только за свой страхъ погибнетъ или спасется, но и за страхъ всей Россіи, ибо вся Россія, можетъ-быть, и все христіанское человѣчество стоитъ нынѣ передъ тѣмъ же вопросомъ, что и русская интеллигенція: какъ соединить правду о небѣ съ правдой о землѣ, Святогора съ Микулою, Глѣба съ Иванычемъ?

Головка виснетъ.

Туда, гдѣ смертей и болѣзней
Лихая прошла колея, —
Исчезни въ пространство, исчезни,
Россія Россія моя!

Андрей Бѣлый.

I.

— Кабы не мучился-то, такъ ништо бы, — рассказываетъ Мавра о своемъ умершемъ ребеночкѣ. — А мучился-то какъ... покою ему сколько день не было. Возьму на руки, головка-то виснетъ, такъ и виснетъ. Плакать даже не плачетъ, а мнѣ въ глаза смотреть. — Что, молъ, тебѣ, Васюта? Чего тебѣ не дать ли, молъ, ласковый? — А онъ смотритъ. А потомъ тихонько такъ: «молочка бы ты мнѣ, мамка, — да не хоцца...» (*Черное по бѣлому*, З. Н. Гиппіусъ).

Кажется иногда, что современная русская общественность похожа на больного Васюту. — Чего тебѣ не дать ли, молъ, ласковый? Хочешь ботоискательства или богостроительства? Хочешь «Великой Россіи» или булгаково-бердяевского православія, или антисемитизма, или фило-семитизма, или порнографическихъ Необузданныхъ Сквернъ, или просто, наконецъ, Андреевской Тьмы? А Васюта только въ глаза смотреть; а потомъ тихонечко такъ: «молочка бы ты мнѣ, мамка, — да не хоцца»... И головка виснетъ.

Мы утѣшаемся тѣмъ, что побѣждены «силою штыковъ», и что реакція наша — случайная, внѣшняя, политическая.

Но такъ ли это въ дѣйствительности? Не въ томъ ли главный ужасъ нашъ, что переживаемое нами внѣшнее *отступленіе* есть внутреннее *отступничество*, что наша явная политика есть тайная метафизика?

У другихъ народовъ совершается реакція по естественному закону механики: уголь паденія равенъ углу отраженія; какъ аукнется, такъ и откликнется; у насъ — по какому-то закону сверхъестественному: уголь отраженія равенъ x ; аукнется такъ, а откликнется чортъ знаетъ какъ.

У другихъ народовъ реакція — движеніе назадъ; у насъ — впередъ, подобное теченію рѣки, стремящейся къ водопаду, къ еще невидимой, но уже притягивающей, засасывающей пропасти.

У другихъ народовъ реакція — отъ револуціи; у насъ револуція или то, что кажется ею, отъ реакціи: черезчуръ сдавятъ горло мертвою петлею — и мы начинаемъ биться въ судорогахъ; тогда петлю стягиваютъ крѣпче — и мы цѣпенѣемъ вновь.

У другихъ народовъ реакція есть явленіе *вторичное*, производное; у насъ *первичное*, производящее: не убыль, а прибыль; не минусъ, а плюсь — хотя, конечно, ужасный и отвратительный плюсь.

Кажется иногда, что эта первичная реакція есть *prima materia*, первожданное вещество Россіи; что сердце нашихъ сердець, мозгъ нашихъ костей — это разлагающій радій; что *Россія значитъ реакція, реакція значитъ Россія*.

Если у другихъ народовъ нѣкоторая степень револуціоннаго жара — нормальная температура крови, 37 градусовъ, то у насъ, какъ у рыбъ и земноводныхъ, температура ниже нормальной: Россія въ револуціи — такая же біологическая нелѣпость, какъ лягушка или рыба въ горячемъ жару, съ температурой въ 40 градусовъ.

Кажется иногда, что въ Россіи нѣтъ вовсе револуціи, а есть только бунтъ — январскій, декабрьскій, чугуевскій, холерный, пугачевскій, разинскій — вѣчный бунтъ вѣчныхъ рабовъ.

II.

14-го декабря на Исаакиевской площади, целый день, с утра до вечера, толпа стояла и кричала: ура! — Иностранцы удивлялись этому «стоячему бунту». Сами заговорщики не знали, что дѣлать. Диктаторъ, кн. Сергѣй Трубецкой, спрятался въ какое-то правительственное учрежденіе, чуть ли не въ канцелярію военнаго штаба, и дрожалъ, и плакалъ отъ страха, какъ женщина. Долговязый, нелѣпый, похожій на большого, вялаго комара, русскій иѣмецъ Кюхельбекеръ, смѣшной и добрый Кюхля, съ незаряженнымъ пистолетомъ, расхаживалъ по площади. Не ему одному, а всѣмъ было «кюхельбекерно и тошно», и всѣмъ, кажется, стало легче, когда государь велѣлъ стрѣлять въ толпу картечью: поняли, наконецъ, что надо дѣлать.

— Умремъ! Ахъ, какъ мы славно умремъ! — говорилъ наканунѣ молоденькій заговорщикъ, похожій на шестнадцатилѣтнюю дѣвочку.

Уже тогда, въ этомъ «стоячемъ бунтѣ», началась «все-россійская забастовка». Революція наша и есть, по преимуществу, забастовка, остановка, недвижность въ самомъ движеніи, недѣланіе въ самомъ дѣланіи. Пока движемся куда-то, дѣлаемъ, что-то, бунтуемъ, — мы въ положеніи противоестественномъ, какъ бы на головѣ ходимъ, обезьянничаемъ, подражаемъ Европѣ; но только что начинаемъ пятиться, каяться, отдаваться реакціи, — находимъ себя, становимся «истинно-русскими людьми», не на головѣ ходимъ, а на рѣзвыхъ ножкахъ бѣгаемъ. Мы — Ванька-Встанька: какъ бы не завалила насъ революція, реакція выпрямитъ.

Читая покаянныя письма декабристовъ къ Николаю I, не вѣришь глазамъ; это ли вчерашніе мятежники, царубійцы? Революція сползаетъ съ нихъ, какъ истлѣвшее лохмотье, открывая голое тѣло реакціи.

«Божій перстъ и царскій гнѣвъ на мнѣ тяготѣютъ, — пишетъ Александръ Бестужевъ. — Я чувствую, что употребилъ во зло свои дарованія, что могъ бы принести честь

своему отечеству, жить съ пользой и умереть честно за своего Государя... Но Царь есть залогъ Божества на землѣ, а Богъ милуетъ кающихся».

Убѣжавъ съ площади,—хотя вовсе не былъ трусомъ, картечь пробила ему шляпу на волосъ отъ головы, — цѣлую ночь и утро ходилъ по церквамъ и, наконецъ, «рѣшился пасть къ стопамъ государя», пошелъ въ Зимній дворецъ, донесъ на себя и на Тайное Общество.

Булатовъ былъ такъ потрясенъ тѣмъ, что государь не повѣрилъ ему, — что сошелъ съ ума и разбилъ себѣ голову о стѣну каземата.

Съ полнымъ основаніемъ сказано въ Прибавленіи къ Спб. Вѣдомостямъ отъ 15 декабря 1825 года: «Всякъ, кто размыслить, признаеть, что оный случай есть не иное, что, какъ минутное испытаніе, которое будетъ служить лишь къ ознаменованію истиннаго характера націи — непоколебимой вѣрности и общей преданности русскихъ къ Августѣйшему законному ихъ Монарху».

«Нѣсколько человѣкъ, гнуснаго вида во фракахъ», какъ сказано въ томъ же Прибавленіи, напоминаютъ не то будущихъ «бѣсовъ» Достоевскаго, не то старинныхъ чертей, въ образѣ «поганныхъ ляховъ», на иконахъ Страшнаго суда; а Николай I, милующій виновныхъ, четвертованіе замѣняющій висѣлицей, есть образъ «Божества на землѣ».

О, жертвы мысли безразсудной!
Вы уповали, можетъ-быть,
Что станетъ вашей крови скудной,
Чтобъ вѣчный полюсь растопить?
Едва дымясь, она сверкнула
На вѣковой громадѣ льдовъ, —
Зима желѣзная дохнула,
И не осталось и слѣдовъ.

(Тютчевъ. 1827 г.).

Тогда — лишь ручеекъ, теперь — водопадъ крови; но и теперь, какъ тогда, «не осталось и слѣдовъ».

Одинъ изъ послѣднихъ декабристовъ, умершій почти на нашихъ глазахъ въ 1886 году, Матвѣй Ивановичъ Мура-

вьевъ-Апостоль, признавался передъ смертью, что «всегда благодарилъ Бога за неудачу 14 декабря»; что «это было не русское явленіе»; что «мы жестоко ошибались»; что «конституція вообще не составляетъ счастья народовъ, а для Россіи въ особенности непригодна». Въ годовщину 14 декабря кто-то поднесъ ему вѣнокъ. Матвѣй Ивановичъ «чрезвычайно разсердился и возмутился»; а одинъ изъ друзей его сказалъ подносящему:

— 14 декабря нельзя ни чествовать, ни праздновать; въ этотъ день надо плакать и молиться.

«Сегодня день моей смерти; въ молчаніи и сокрушеніи правлю я тризну за упокой, моей души», пишетъ объ этой годовщинѣ Александръ Бестужевъ.

Получивъ извѣстіе о 14 декабря ночью, Пушкинъ раннимъ утромъ выѣхалъ изъ Михайловскаго, по направленію къ Петербургу, но, не доѣзжая первой станціи, вернулся, потому что увидѣлъ попа и зайца, трижды перебѣгавшаго ему дорогу.

Послѣ казни декабристовъ Николай Павловичъ вызвалъ Пушкина въ Москву на коронацію и, бесѣдуя съ нимъ; между прочимъ, спросилъ:

— Гдѣ бы ты былъ 14 декабря, если бы находился въ Петербургѣ?

— Въ рядахъ мятежниковъ, ваше величество!

Государь посмотрѣлъ на него и вдругъ усмѣхнулся, откровенность обезоружила «рыцарское сердце» Николая.

Лѣтъ шесть назадъ, еще до ссылки, когда распространился въ Петербургѣ и дошелъ до самого Пушкина слухъ, будто бы «высѣкли его въ тайной канцеляріи», онъ, по собственному признанію, размышлялъ: «не приступить ли мнѣ къ самоубійству или?..» Или къ тому, чего онъ и назвать не смѣетъ.

Неужели же не почувствовалъ пѣвецъ Вольности, что московская откровенность хуже петербургскихъ розогъ?

Въ предсмертной агоніи, уже причастившись, велѣлъ онъ камердинеру подать ящикъ съ пистолетами: хотѣлъ покончить съ собою, чтобы избавиться отъ невыносимыхъ

мученій. Когда же принесли записку отъ государя, прижалъ ее къ губамъ, не соглашался отдать и умолялъ, чтобы позволили ему умереть съ нею.

— Скажи государю, что мнѣ жаль умереть: *былъ бы весь его*,—сказалъ умирающій Жуковскому.

Въ такія минуты не лгутъ. Самоубійство — непокорность Богу; царю Пушкинъ покорнѣе, чѣмъ Богу.

Вотъ глубина русской реакціи — не политическая, не эмпирическая, не здѣшняя — *трансцендентная*. Реакція— религія. Кажется иногда, что послѣдняя сущность Россіи— религіозная *воля къ реакціи*.

Нѣтъ, что ужъ тутъ говорить о штыкахъ! Если кто чѣмъ оправданъ, то не мы — штыками, а нами -- штыки.

Съ богатырскихъ плечъ
Сняли голову
Не большой горой,
А соломинкой.

Соломинка сильнѣе штыковъ. Отъ нея-то «головки такъ и виснутъ, такъ и виснутъ».

III.

О 9 января могли бы сказать кающіеся нынѣ то же, что декабристы о 14 декабря: «въ этотъ день надо плакать и молиться».

— Если бы снова началась революція, я не вышелъ бы изъ комнаты! — объявилъ мнѣ бывший членъ «христіанскаго братства революціонной борьбы».

— Вотъ когда отхлестаемъ мы по щекамъ эту подлую русскую революцію, эту подлую русскую интеллигенцію!— воскликнулъ бывший марксистъ, теперешній «національ-либераль», заговоривъ со мною о книгѣ, въ которой русскую интеллигенцію русскіе интеллигенты собираются подвергнуть Страшному суду.

Я хотѣлъ было напомнить ему, что какова ни на есть русская интеллигенція, она все же единственная, другой нѣтъ и неоткуда взять, — да такъ и не рѣшился; онъ за-

хлебывался отъ ярости; казалось, что этотъ благовоспитанный человѣкъ вотъ-вотъ разразится непристойною бранью.

Не звучитъ ли въ современныхъ поношеніяхъ русской интеллигенціи — пусть виновной, но все же матери, русскими интеллигентами, пусть невинными, но все же дѣтьми — эта неслыханная въ вѣкахъ и народахъ, «истинно-русская» матерная брань?

Я промолчалъ — да онъ бы и не услышалъ меня: уже горѣлъ въ глазахъ его тотъ восторгъ самобичеванія, самоистребленія, то сладострастіе позора, которые въ области нравственной соотвѣтствуютъ физическому сладострастію побоевъ, мазохизму. Не даромъ, видно, русская реакція совпала съ русской порнографіей: всѣ эти кающіеся похожи не то на сологубовскихъ мальчиковъ, которыхъ другіе сѣкутъ, не то на гоголевскую унтеръ-офицершу, которая сама себя высѣкла, и чья-то «милостивая усмѣшка» пріосѣняетъ это добровольное сѣченіе.

— Содрать съ себя интеллигентскую шкуру, превратиться въ обывателя — вотъ съ чего надо начать! — накинулся на меня другой бывший марксистъ, теперешній православный.

— Послушайте, голубчикъ, — попытался я замѣтить, — для васъ какъ будто и само православіе только *обывательщина*?

— Вотъ именно! — обрадовался онъ какою-то свирѣпою радостью. — Обывательщины-то намъ и нужно! Все наше спасеніе въ обывательщинѣ!

Это вчера вечеромъ, а сегодня утромъ зашелъ ко мнѣ бывший декадентъ, теперешній Богъ вѣсть кто или что — какая-то воплощенная Недотыкомка съ окончательно повиснушею головкою.

— Бросить все, уйти отъ всего, уѣхать въ провинцію и сдѣлаться учителемъ ариометики въ младшихъ классахъ прогимназіи! — мечталъ онъ вслухъ.

— Къ обывательщинѣ вернуться? — вспомнилъ я вчерашнее.

— Ну, да, къ обывательщинѣ, если угодно, — къ реализму отъ романтизма, къ водѣ отъ вина.

И принялся толковать длинно-длинно, скучно-скучно о томъ, что общій грѣхъ русскаго декадентства и русской революціи — неутолимый романтизмъ, жажда опьянѣнія.

— Ну, чего другого, а трезвости-то у насъ нынче, кажется, довольно, — прошамкалъ я, подавляя зѣвоту.

Не трезвость, а похмелье: отъ одной рюмки опять опьянѣемъ...

И вновь слова полились, однозвучныя, какъ дождевая капель изъ водосточнаго желоба. Говорилъ онъ о томъ, чего ему хочется, а мнѣ только слышалось: «молочка бы ты мнѣ, мамка... да не хоцца»...

— Чистѣйшей воды реакція! — не удержался я наконецъ, — зѣвнулъ во все горло.

— Реакція? — встрепенулась Недотыкомка и даже подняла головку. — Ну, да, конечно, реакція! — согласился и обрадовался, такъ же, какъ мой вчерашній собесѣдникъ, только не буйною, а тихою радостью, какъ будто весь просвѣтлѣлъ — неугасимою лампадою затеплился.

— Реакція! Реакція! — шепталъ, какъ шепчетъ въ бреду умирающій отъ жажды: вода! вода!

IV.

Сектантъ, молоканинъ съ Урала, пишетъ мнѣ объ Александрѣ Добролюбовѣ, тоже бывшемъ декадентѣ, ушедшемъ въ народъ:

«Живетъ въ рабѣемъ зракѣ, занимается поденными работами, землекопомъ; проповѣдуетъ свою истину тайно; болѣе скрывается въ баняхъ и на кухняхъ. Смотришь — придетъ въ домъ, войдетъ въ кухню, и потомъ къ нему туда водятъ, по одному человѣку, на бесѣду. Около 900 душъ откололъ въ свою вѣру отъ Собранія нашего (т.-е. молоканскаго). Послѣдователи брата Александра находятъ лишнимъ и моленіе, и пѣніе, видимыя. Прежде много пѣли, а потомъ братъ Александръ сказалъ, что «граммофонъ ни къ чему» — и перестали пѣть. И молиться никогда не молятся, а вотъ ихъ обрядъ: сидятъ за столомъ, и хоть бы показали видъ,

что сердечно вздыхаютъ; *сидятъ поникши*, кто гдѣ сѣлъ, пока кто-нибудь что-нибудь скажетъ или запоетъ, тогда поютъ, но нехотя; а чтобы кто помолился, этого совсѣмъ нѣту.

Дорогіе братья! Можетъ-быть, этого всего не нужно—ни пѣть, ни молиться. Прошу васъ, ради Бога, обсудите и пришлите мнѣ для моего подтвержденія, потому что я сейчасъ *сильно съ этимъ борюсь и не могу вмѣстить*.

О, возлюбленные мои, помогите мнѣ!..»

«*Сидятъ поникши*»—когда я прочелъ это, сердце у меня захолонуло; такъ вотъ куда уже проникла зараза виснувшихъ головокъ! Тамъ пока еще «сильно борются съ этимъ, не могутъ вмѣстить», кричатъ: «помогите!» Но никто не слышитъ.

И вспомнилось мнѣ, какъ одинъ мой давній пріятель, глубокій мистикъ, хотя и синодальный чиновникъ, говорилъ о «жертвенномъ отношеніи къ власти».

— Чтобы не тронулъ медвѣдь, надо лечь на землю и притвориться мертвымъ — не дышать, не двигаться; медвѣдь обнюхаетъ и отойдетъ. Такъ и съ властью: надо покориться ей, смириться до смерти — до того, чтобы почувствовать себя мертвымъ — вотъ какъ лежитъ покойникъ во гробѣ съ вѣнчикомъ на лбу. Тогда власть перестанетъ быть страшною, обезоружится—и мы увидимъ въ ней сквозь ликъ Звѣриный ликъ Христовъ.

Вспомнилось и то, что утверждаетъ одинъ современный учитель православной церкви: будто бы главное и, въ сущности, единственное христіанское таинство — *погребеніе*.

Отъ Пушкина и декабристовъ, черезъ кающихся революціонеровъ, до Александра Добролюбова и этого учителя церкви — не проходитъ ли одна скрытая нить, одинъ глубочайшій уклонъ русскаго религіознаго духа — отъ христіанства къ буддизму, отъ религіи жизни къ религіи смерти, отъ воскресенія къ погребенію?

Не здѣсь ли тотъ радій, которымъ излучается темный свѣтъ русской реакціи? Та «соломинка», которою «съ богатырскихъ плечъ сняли голову?» Причина того, что не птыками, а голыми руками изъ насъ хотъ веревки вѣй?

Кажется иногда, что если и началъ растапливаться «вѣчный полюсъ» водопадомъ крови, то для того, чтобы въ наступившей оттепели полился водопадъ грязи, напоминающій тѣ стоки нечистотъ на петербургскихъ набережныхъ, мимо которыхъ нельзя пройти, не зажавъ носа,—

Какъ будто тухлое разбилось яйцо,
Иль карантинный стражъ курить жаровней сѣрной;

для того, чтобы смѣшался водопадъ крови съ водопадомъ грязи.

«Соотечественники, страшно! — хочется закричать, какъ умирающій Гоголь. — Все глухо, могила повсюду. Боже! пусто и страшно становится въ Твоемъ мірѣ».

Хочется закричать, но голоса нѣтъ.

Я долженъ признаться, что сейчасъ, когда я пишу, у меня самого «головка такъ и виснетъ, такъ и виснетъ». Ужъ не покориться ли? Не завалиться ли, какъ божья коровка, вверхъ ножками, притворяясь мертвымъ,—благо, Звѣрь мертвечины не ѣстъ, любитъ живенькихъ? Ослабѣть и лечь «подъ сводомъ шалаша на лыки», подобно рабу, принесшему ядъ Анчара?

И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.

Или бѣжать?

«Если бы я вамъ рассказалъ то, что я знаю, тогда бы помутились ваши мысли, и вы подумали бы, какъ бы убѣжать изъ Россіи», говоритъ Гоголь.

Такъ Чаадаевъ и Вл. Соловьевъ бѣжали въ западное христіанство, Герценъ и Бакунинъ—въ западное безбожіе. Такъ бѣжалъ Петръ, величайшій изъ русскихъ бѣглецовъ, для которыхъ любить Россію будущую значитъ ненавидѣть настоящую.

Какъ сладостно отчизну ненавидѣть
И жадно ждать ея уничтоженья,
И въ разрушеніи отчизны видѣть
Всемирнаго денницу возрожденья!

Что это — молитва или кощунство? Во всякомъ случаѣ, никто никогда не молился такъ или не кощунствовалъ, кромѣ насъ. Страшныя слова эти сказаны въ 30-хъ годахъ русскимъ человѣкомъ, московскимъ профессоромъ, бѣжавшимъ за границу и постригшимся въ монахи католическаго ордена Редemptористовъ, Владиміромъ Сергѣевичемъ Печеринымъ.

Туда, гдѣ смертей и болѣзней
Лихая прошла колея, —
Исчезни въ пространство, исчезни,
Россія, Россія моя!

Слова эти, еще болѣе страшныя, сказаны въ наши дни. «Соотечественники, страшно! — Вспомните *Египетскія Тьмы*. Слѣпая ночь обняла ихъ вдругъ, среди бѣла дня; со всѣхъ сторонъ уставились на нихъ ужасающіе образы; дряхлыя страшилища съ печальными лицами стали неотразимо въ глазахъ ихъ; безъ желѣзныхъ цѣпей сковала ихъ всѣхъ боязнь и лишила всего; всѣ чувства, всѣ побужденія, всѣ силы въ нихъ погибли, кромѣ одного страха».

О комъ же это сказано, какъ не о насъ?

Намъ нужно выбрать одно изъ двухъ: или окончательно предаться Египетскимъ Тьмамъ, съ окончательно повиснушею головкою сказать: «исчезни, Россія моя!»— или найти въ *бывшемъ, каково бы оно ни было*, не только временную, но и вѣчную правду, которая соединитъ бывшее съ будущимъ.

Семь смиренныхъ.

Тяжело говорить горькую правду о близкихъ людяхъ. Между участниками Вѣхъ есть люди мнѣ близкіе.

Если я все-таки рѣшаюсь говорить, то потому, что дѣло идетъ о слишкомъ важномъ, чтобы не забыть все личное. Но остается неизмѣннымъ, по крайней мѣрѣ, съ моей стороны, это личное: уваженіе ко всѣмъ и больше, чѣмъ уваженіе, къ нѣкоторымъ.

Судя ихъ, сужу себя въ прошломъ: вѣдь и я когда-то былъ почти тамъ же, гдѣ они теперь; я знаю, по собственному опыту, какіе соблазны туда влекутъ. Когда ихъ бью, бью себя.

Пусть же они простятъ меня, если могутъ, и, во всякомъ случаѣ, не думаютъ, что этими словами я золочу пилюлю: знаю опять-таки, по собственному опыту, что пилюлю не позолотишь ничѣмъ; что горечь ея можетъ быть спасительнымъ лѣкарствомъ.

I.

Маленькую лошаденку запрягли огромные мужики въ огромную телѣгу.

«— Садись, всѣхъ довезу! Вскачь пойдеть!

— Она вскачь-то ужъ десять лѣтъ, поди, не прыгала.

— Запрыгаетъ!

— Не жалѣй, братцы, бери всякъ кнуты, зготовляй!

— И то! Сѣки ея!»

Когда читаешь Вѣхи, вспоминается этотъ сонъ Раскольникова: телѣга — Россія; лошаденка — русская интеллигенція.

«Народническое мракобѣсіе», — начинаетъ сѣчь Бердяевъ.

«Сектантское изувѣрство», — подхватываетъ Франкъ.

«Общественная истерика», — продолжаетъ Булгаковъ.

«Убожество правосознанія», — Кистяковскій.

«Бездонное легкомысліе», — Струве.

«Испуганное стадо... сонмище больныхъ», — Гершензонъ.

«Онанизмъ... половая жизнь съ семилѣтняго возраста», — Изгоевъ.

«Грязь, нищета, беспорядокъ... подлинная мерзость запустѣнія», — Гершензонъ.

Вдругъ лошаденка лягается: русская интеллигенція утверждаетъ, что есть у нея всеочищающій огонь — освобожденіе.

Тогда начинаютъ бить уже не кнутами, а оглоблею.

«Героическое ханжество... самообожженіе», — Булгаковъ.

«Готтентотская мораль... хулиганское насильничество», — Франкъ.

«Убійство, грабежи, воровство, всяческое распутство и провокація», — Изгоевъ.

«Человѣкоподобныя чудовища», — Гершензонъ.

«Легіонъ бѣсовъ», — Булгаковъ.

Но лошаденка все еще не подохла: изъ послѣднихъ силъ дергаетъ, чтобы вывезти. Наконецъ, добиваютъ ее желѣзнымъ ломомъ.

«Намъ, русскимъ интеллигентамъ, не только нельзя мечтать о сліяніи съ народомъ, — бояться его мы должны пуще всѣхъ казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждаетъ насъ отъ ярости народной», — Гершензонъ.

Кляча протягиваетъ морду, тяжело вздыхаетъ и умираетъ.

«— Докопалъ!

— А зачѣмъ вскачь не пошла!

Вдругъ чудесное превращеніе: Булгаковъ, какъ маленькій мальчикъ въ снѣ Раскольниковъ, «съ крикомъ пробивается сквозь толпу къ савраскѣ, обхватываетъ ея мертвую, окровавленную морду и цѣлуетъ ее, цѣлуетъ въ глаза, губы». А мертвая кляча, русская интеллигенція, оказывается «прекрасною Суламитой»: «Возлюбленный, Тотъ, о Комъ тоскуетъ душа ея, близокъ; Онъ стоитъ и стучится въ это сердце, гордое, интеллигентское сердце».

Что во что стучится — въ сердце живой Суламиты рука Возлюбленнаго, или въ сердце мертвой клячи желѣзный ломъ?

II.

Подъ отлученіемъ Л. Толстого подписалось, не помню навѣрное, сколько «смиранныхъ», но, кажется, семь, столько же, какъ подъ Вѣхами, этимъ отлученіемъ русской интеллигенціи:

Смиранный Бердяевъ.
Смиранный Булгаковъ.
Смиранный Гершензонъ.
Смиранный Кистяковскій.
Смиранный Струве.
Смиранный Франкъ.
Смиранный Изгоевъ.

Семь смиренныхъ — семь цвѣтовъ радуги слиты въ одинъ бѣлый цвѣтъ — въ одно «общее дѣло».

«Люди, соединившіеся здѣсь для общаго дѣла, — сказано въ предисловіи, — расходятся между собою въ основныхъ вопросахъ *«вѣры»*».

Слово «вѣры» въ двусмысленныхъ кавычкахъ.

«Ихъ общей платформой является признаніе... что внутренняя жизнь личности есть *единственная* творческая сила человѣческаго бытія. — Въ предѣлахъ этой общей мысли между участниками нѣтъ разногласія», нѣтъ противорѣчій. Противорѣчіе, да и то кажущееся, только въ вопросѣ о «*религіозной*» природѣ этой мысли.

Слово «религіозной» опять въ лукаво-невинныхъ лапочкахъ.

Булгаковъ и Бердяевъ — христіане, кажется, въ послѣднее время, окончательно православные; Струве, если въ какой-либо мѣрѣ христіанинъ, то ужъ, во всякомъ случаѣ, не православный; Гершензонъ, Франкъ, Изгоевъ, если въ какой-либо мѣрѣ вѣрующіе, то ужъ, во всякомъ случаѣ, не христіане; Кистяковскій — неизвѣстно что.

И вотъ всѣ эти различія переливаются одно въ другое неуловимо, какъ цвѣта радуги: противорѣчіе христіанства и нехристіанства, можетъ-быть, даже антихристіанства, кажется кажущимся — сномъ во снѣ. А общее дѣло — лишь общая ненависть: тутъ уже не до «вѣры» — не до жиру, быть бы живу: тутъ все забыто, прощено, презрѣно; передъ лицомъ врага, враги обнялись, свились, склепились, склублились въ одинъ клубокъ.

Что значить: «внутренняя жизнь личности есть *единственная* творческая сила»? Это значить: нѣтъ христіанства. Ибо христіанство утверждаетъ, что творческая сила личности *не единственная*, что религіозный предѣлъ личности — соединеніе, соборность, общественность, церковь, какъ тѣло Христово, какъ новое Богочеловѣческое Я, въ которомъ только и можетъ совершиться полнота каждаго отдѣльнаго Я человѣческаго. Внѣ церкви нѣтъ спасенія, нѣтъ спасенія личнаго внѣ общеннаго. — *Да будутъ всѣ едино; какъ Ты, Отче, во Мнѣ и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино.* — На этомъ завѣтѣ основана церковь: уничтожить его — уничтожить ее. Если религіозная сила личности — единственная, если нѣтъ религіозной силы общественной, то нѣтъ церкви, нѣтъ христіанства, нѣтъ Христа.

Не «кажущееся противорѣчіе», не маленькая щель — въ этихъ полутора строчкахъ, а бездонная пропасть, въ которую все проваливается.

Бездонная прспасть, а надъ нею семь цвѣтовъ радуги.

III.

Для Бердяева спасеніе русской интеллигенціи въ «религіозной философіи»; для Франка — въ «религіозномъ гуманизмѣ»; для Булгакова — въ «христіанскомъ подвижничествѣ»; для Струве — въ «государственной мистикѣ»; для Изгоева — въ «любви къ жизни»; для Кистяковскаго — въ «истинномъ правосознаніи»; для Гершензона — въ стараніи сдѣлаться «человѣкомъ» изъ «человѣкоподобнаго чудовища».

Семь нянекъ семью пѣсенками баюкають дитя; семь врачей семью лѣкарствами лѣчатъ больного. Но не даромъ говаривалъ Амвросій Оптинскій, что давать совѣты — бросать съ колокольни маленькіе камешки, а исполнять — большіе камни на колокольню таскать.

Пусть правда все, что говорятъ Вѣхи о русской интеллигенціи; идущему по узенькой дощечкѣ надъ пропастью сказать: убьешься, — тоже правда; но правда не любви.

Кто можетъ помочь — помощи; но не любовь — не помощь.

Кто можетъ быть мостомъ — будь; но радуга не мостъ.

IV.

«Понятіе революціи есть отрицательное; оно не имѣетъ самостоятельнаго содержанія, а характеризуется лишь отрицаніемъ ею разрушаемаго; поэтому паѳосъ революціи есть ненависть и разрушеніе».

Въ этихъ словахъ Булгакова — основная мысль книги, та скрытая ось, вокругъ которой все вращается; тотъ бѣлый цвѣтъ, въ которомъ слиты семь цвѣтовъ радуги.

Революція — одно отрицаніе безъ всякаго утвержденія; ненависть безъ всякой любви; разрушеніе безъ всякаго творчества; зло безъ всякаго добра.

Булгаковъ отсюда не дѣлаетъ вывода, но выводъ ясенъ: если революція — разрушеніе, ненависть и отрицаніе, то реакція — возстановленіе разрушеннаго — созиданіе; угашеніе ненависти — любовь; отрицаніе отрицанія — утвер-

жденіе; и, наконецъ, если революція — антирелигія, то реакція — религія, а можетъ-быть, и обратно, религія — реакція: выводъ, давно уже сдѣланный врагами религіи.

Продолжая этотъ выводъ, мы придемъ отъ «страшнаго суда» надъ русской интеллигенціей, русской революціей, къ «страшному суду» надъ всей европейской культурой, ибо вся она вышла изъ горнила революціоннаго, вся она — застывшій сплавъ металла, кипѣвшаго нѣкогда на революціонномъ огнѣ. Если революція — одно «отрицаніе, ненависть и разрушеніе», то и вся культура то же; такъ вѣдь и думали тѣ христіанскіе подвижники, на которыхъ ссылается Булгаковъ, какъ на обладателей совершенной истины Христовой; для св. Серафима Саровскаго все европейское просвѣщеніе — антихристово.

Существуетъ два пониманія всемірной исторіи: одно, утверждающее безконечность и непрерывность развитія, ненарушимость закона причинности; для этого пониманія свобода воли, необходимая предпосылка религіи, есть метафизическое и теологическое суевѣріе; другое утверждающее «конецъ», «прерывъ», преодоленіе внѣшняго закона причинности внутреннею свободою, то вторженіе трансцендентнаго порядка въ эмпирической, которое кажется «чудомъ», а на самомъ дѣлѣ есть исполненіе иного закона, высшаго, несоизмѣримаго съ эмпирическимъ: свобода Сына не нарушаетъ, а исполняетъ законъ Отца.

Первое пониманіе — научное, *эволюціонное*; второе — религиозное, *революціонное*.

Въ послѣднемъ счетѣ, но именно только въ послѣднемъ, одно не противорѣчитъ другому: всякій «прерывъ» есть предѣлъ, конецъ развитія — *цѣль* — въ порядкѣ телеологіи; всякое развитіе есть подготовленіе, назрѣваніе, начало прерыва, «начало конца» — *причина* — въ порядкѣ детерминизма. Въ этомъ смыслѣ эволюція и революція — двѣ стороны, имманентная и трансцендентная, одной и той же всемірно-исторической динамики.

Въ Апокалипсисѣ дано это, по преимуществу, христіанское, предѣльное и *прерывное*, «катастрофическое», револю-

ціонное пониманіе всемірної історіі. Стоить раскрыть Апокалипсисъ, чтобы пахнуло на насъ «чувствомъ конца», какъ жаромъ лавы изъ кратера. Что означаютъ, въ самомъ дѣлѣ, эти молніи, громы, пожары, землетрясенія; эти чаши гнѣва Господня, битвы, возстанія и пораженія народовъ; кровь, текущая до уздъ конскихъ; эти трупы царей, пожираемые хищными птицами; это паденіе великаго Вавилона, подобное паденію жернова, брошеннаго съ неба въ море, — что означаетъ все это, если не величайшую изъ революцій — ту послѣднюю грозу, чьи блѣдныя зарницы — всѣ революціи бывшія?

Неужели же для Булгакова и эта послѣдняя — только отрицаніе, только ненависть и разрушеніе? — Но вѣдь ежели царство Звѣря, Вавилонъ, тутъ, дѣйствительно, разрушается, то царство Божіе, Іерусалимъ, создается; ту, воистину, «восторгъ разрушенія — восторгъ созиданія», гнѣвъ Агнца — гнѣвъ любви.

Отвергать положительное религіозное содержаніе *не только въ эмпирикѣ, но и въ мистикѣ революціи* — значитъ отвергать Апокалипсисъ — всю христіанскую эсхатологію, всю христіанскую динамику — Христа Грядущаго, а, слѣдовательно, и Пришедшаго, ибо Грядущій и Пришедшій — *одинъ*.

Гдѣ же и зародилось революціонное пониманіе всемірной історіі, какъ не въ христіанствѣ? Всѣ революціи древняго міра имѣютъ смыслъ національный, политическій; только у христіанскихъ народовъ начинается и продолжается, уже никогда не прекращаясь, а лишь переходя отъ одного народа къ другому, всемірное революціонное движеніе, какъ вѣчное исканіе Града Божьяго, какъ сознательно или бессознательно воплощаемая *эсхатологія*.

На Западѣ, въ папствѣ, абсолютизмъ духовномъ, на Востокѣ, въ кесарствѣ, абсолютизмъ свѣтскомъ, изсякла, исказилась и окаменѣла она; но огненный родникъ ея донинѣ бьетъ въ сердцѣ русскаго народа — въ расколѣ-сектантствѣ и въ освобожденіи, въ интеллигенціи — во всѣхъ русскихъ отщепенцахъ, «настоящаго Града не имѣющихъ, грядущаго

Града взыскующихъ». Это безсознательное *эсхатологическое самочувствіе* и дѣлаетъ интеллигенцію народною, во всякомъ случаѣ, болѣе народною, чѣмъ народники Вѣхъ.

Освобожденіе кончено для нихъ, найденъ Градъ: «17 октября 1905 года мы подошли къ поворотному пункту, — утверждаетъ Изгоевъ. — Мы — на порогѣ новой русской исторіи, знаменующейся открытымъ выступленіемъ, на ряду съ правительствомъ общественныхъ силъ». — Это вѣдь и значитъ найденъ Градъ.

Вотъ съ чѣмъ никогда не согласится русская интеллигенція: она можетъ быть раздавлена, похоронена заживо, но не смѣшаетъ настоящаго Града съ грядущимъ, Вавилона съ Иерусалимомъ. И въ этомъ, безъ имени Божьяго, она ближе къ Богу, чѣмъ тѣ, у кого Онъ съ языка не сходитъ, и для кого чаяніе Града, по откровенному заявленію Струве, есть «апокалипсическій анекдотъ».

V.

Что Петръ Великій — «первый русскій интеллигентъ», Гершензонъ слышалъ, кажется, между прочимъ, и отъ пишущаго эти строки, который далъ такое именно опредѣленіе русской интеллигенціи, по поводу «страшнаго суда», учиненнаго надъ нею нѣкогда арх. Антоніемъ Волынскимъ, — суда, поразительно совпадающаго съ Вѣхами. — «Наша интеллигенція ведетъ справедливо свою родословную отъ Петровской реформы», замѣчаетъ Гершензонъ.

Если это справедливо, то покончить съ интеллигенціей — значитъ покончить съ Петромъ. Гершензонъ это и дѣлаетъ: двумя-тремя строками уничтожаетъ Петра.

«Какъ и народъ, интеллигенція не можетъ помянуть ее (петровскую реформу) добромъ... Она расколола личность, оторвала сознание отъ воли, научила сознание праздному обжорству истиной».

Раздавилъ Петра, какъ муху, — только мокренько.

Но раздавилъ ли, полно? Нѣтъ ли все-таки въ реформѣ кое-какого «добра», которымъ должны помянуть ее русскій народъ и русская интеллигенція? Передъ исполинскими

Вѣхами Петровыми не смѣшныя ли бирюльки — вѣхи Гершензоны?

Петръ — первый русскій интеллигентъ и первый русскій отщепенецъ; все наше интеллигентское отщепенство идетъ, конечно, отъ Петра. Но именно эта способность вдругъ отщепиться, отколоться, оторваться отъ всего настоящаго и прошлаго, чтобы ринуться неистово къ будущему, — самое русское изъ русскихъ свойствъ. Вотъ почему ни крестомъ, ни пестомъ Петра изъ Россіи не выбьешь. А что онъ русскій, мы болѣе повѣримъ Пушкину, чѣмъ Гершензону.

Петръ не только первый русскій интеллигентъ, но и первый русскій революціонеръ: объ этомъ тоже зналъ Пушкинъ, который такъ прямо и назвалъ Петра *величайшимъ революціонеромъ*. Вѣнецъ преобразованія — освобожденіе Россіи: не даромъ началось оно 14 декабря у подножія Мѣднаго Всадника. Народность петровскаго преобразованія — народность русскаго освобожденія и русской интеллигенціи, потому что *русская интеллигенція есть русское освобожденіе*.

Если Петръ — муха, раздавленная Гершензоной хлопнушкой, то «намъ должно благословлять власть, которая одна своими штыками, тюрьмами еще ограждаетъ насъ отъ ярости народной», — готовой насъ проглотить; но если Петръ — камень всей Россіи, то, ну-ка, попробуйте, отнимите штыки: пусть глотаютъ — не проглотятъ, небось, подавятся камнемъ Петровымъ.

Если Петръ — «бѣсъ», то вся интеллигенція — «бѣсноватая»; но если онъ святъ для Россіи, то свята и дочь Петрова. И плевать въ лицо ей — значитъ плевать въ лицо Россіи.

VI.

«Добро, строитель чудотворный:
Ужо тебѣ!..» И вдругъ, стремглавъ,
Бѣжать пустился.

Такъ бѣжитъ Струве въ допетровскую Россію «къ тѣмъ людямъ Московскаго государства, которые, по зову патріарха Гермогена, подъ предсѣдательствомъ Минина и Пожарскаго, довели до конца дѣло возстановленія государства въ борьбѣ съ противогосударственнымъ «воровствомъ».

Кто нынѣшніе Гермогены, Минины и Пожарскіе, остается неизвѣстнымъ; но ясно, кто «ворь»: интеллигенты. «На смѣну казачества, разинской вольницы, приходитъ интеллигенція», говоритъ Струве. «Безрелигіозность и безгосударственность»—двѣ стороны одного и того же «отщепенства»; «отрицая государство, интеллигенція отвергаетъ его *мистику*». Въ этомъ, и только въ этомъ, по мнѣнію Струве, «ключъ къ пониманію революціи», которая «бросилась на атаку самодержавно-дворянской Россіи — съ бездоннымъ легкомысліемъ».

Казалось бы, изъ всего этого неотразимый выводъ, что возстановленіе и укрѣпленіе современной русской государственности есть, прежде всего, возстановленіе и укрѣпленіе самодержавія. Такъ вѣдь оно и было въ XVII вѣкѣ; для Гермогена, Минина и Пожарскаго государственная мистика заключалась въ самодержавіи.

Въ чемъ же заключается она для Струве? Въ имперіализмѣ? Но неужели не видитъ онъ, что будущій русскій имперіализмъ на современной русской конституціи — мыльный пузырь на соломинкѣ? Третья Дума и министерство Столыпина, какъ предметъ вѣры, какъ мистика — вѣдь это курамъ на-смѣхъ; это анекдотичнѣе всякаго «апокалипсическаго анекдота». Ужъ не лучше ли добрый старый порядокъ? Тутъ, по крайней мѣрѣ, дѣло идетъ на чистоту.

Почему бы, въ самомъ дѣлѣ, не послѣдовать Струве умному совѣту Гершензона — не «благословить власть съ ея штыками и тюрьмами»?

Въ идеѣ абсолютной монархіи заключены такіе мистическіе соблазны, какіе не снились конституціонному имперіализму. Можетъ-быть, главный грѣхъ, главное расхожденіе русской интеллигенціи съ народомъ именно въ томъ, что она не только не преодолѣла, но и не почувствовала этой соблазняющей мистики, отвергла ее слишкомъ поверхностно, эмпирически, не имѣя на то религіознаго права.

Вѣдь вотъ и Булгаковъ уже знаетъ, что «въ исторической душѣ русскаго народа всегда боролись завѣты обители преп. Сергія и Запорожской Сѣчи, Разина и Пугачева». Знаетъ Булгаковъ, и мы знаемъ, за что стояла обитель преп. Сергія:

за неразрывную связь самодержавія съ православіемъ. Освободительное движеніе порвало или пыталось порвать эту связь, но въ освободительномъ движеніи, по мнѣнію Булгакова, нѣтъ ничего, кромѣ «отрицанія, ненависти и разрушенія» — «легіона бѣсовъ»: эти бѣсы, воры, пугачевцы и разинцы, злѣйшіе враги церкви и власти, какъ единого народнаго тѣла, суть русскіе интеллигенты, русскіе революціонеры. Возстановить завѣты препод. Сергія, неразрывную связь церкви, съ властью, не значитъ ли побѣдить революцію въ главномъ ея отщепенствѣ, изгнать изъ Россіи легіонъ Бѣсовъ, спасти Россію въ ея единственно національной идеѣ, въ ея всемірно-историческомъ призваніи *мессіанизмъ*.

«Національная идея, — говоритъ Булгаковъ, — основывается прежде всего на *мессіанизмъ*, въ который съ необходимостью отливается всякое сознательное національное чувство. Такъ именно понимали національную идею Достоевскій, славянофилы, Вл. Соловьевъ».

Но вѣдь знаетъ опять-таки Булгаковъ, и мы знаемъ, въ чемъ для славянофиловъ заключается мессіанизмъ: въ трехъ наглухо спаянныхъ звеньяхъ: православіе, самодержавіе, народность. Принявъ два крайнія звена — православіе и народность — на какомъ основаніи выкидываетъ Булгаковъ среднее, соединяющее, главное? Выкинуть его значитъ порвать цѣпь. Въ чемъ реальное воплощеніе и динамика исторической церкви внѣ исторической власти? въ имперіализмѣ Струве, въ мыльномъ пузырьѣ на соломинкѣ? Если душа Россіи — православіе, то тѣло — самодержавіе; гдѣ душа, тамъ и тѣло; нельзя принять душу безъ тѣла или тѣло безъ души. Нѣтъ римскаго католичества безъ папы, главы церкви; нѣтъ восточнаго христіанства безъ кесаря, тоже главы церкви, не только по историческому опыту, но и по мессіанскому откровенію.

Что же касается до всѣхъ эмпирическихъ возраженій противъ идеи абсолютной монархіи, то въ плоскости мистической, на которой движется эта идея, не имѣютъ они силы, вѣдь рѣчь идетъ вовсе не о случайныхъ преходящихъ формахъ единовластія, а о вѣчныхъ предѣлахъ его; не о томъ, что

оно есть, а о томъ, чѣмъ оно можетъ или должно быть. Никакія злоупотребленія папскою властью не колеблютъ идеи папства; такъ же точно никакія злоупотребленія царскою властью не колеблютъ идеи царства.

Не дуракъ же и пошлякъ Достоевскій, не хуже Булгакова знаетъ и не меньше любитъ Россію; а вѣдь вотъ, однако, прямо утверждаетъ, что при абсолютной монархіи возможна такая свобода, о которой и не грезилось республикамъ. И въ Соловьѣвской теократіи царь — необходимый членъ тройственности: *Царь, Пророкъ, Священникъ*.

Между православіемъ и народностью Булгакова еще не нарисовано, но уже пунктиромъ намѣчено лицо самодержавія такъ ясно, что нельзя не узнать.

За чѣмъ же дѣло стало? Смѣть, такъ смѣть. А то и хочется, и колется, и бабушка не велитъ — не та же ли интеллигентская бабушка, съ которою воюють Вѣхи и которая въ нихъ самихъ жива?

Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, могли бы онѣ оградиться — если имъ нужно ограждаться — отъ идеи абсолютизма, — кромѣ вялой болтовни о «дикомъ разгулѣ реакціи», о «самовластїи, исказившемъ душу интеллигенціи», о «непрекращающихся смертныхъ казняхъ» — и прочихъ жалкихъ словъ?

Что дѣлаешь, дѣлай скорѣе. А если они сами не хотятъ, другіе за нихъ сдѣлаютъ.

VII.

Послѣ ихнихъ похвалъ захочется плюнуть на Россію», говорилъ Гоголь о славянофилахъ. Наши современные славянофилы все ищутъ въ темнотѣ ощупью и никакъ не могутъ найти «національное лицо» Россіи: тамъ, гдѣ должно быть лицо, чортъ знаетъ что.

Татары, бывало, въ Золотой Ордѣ мучили русскихъ плѣнниковъ; клали на нихъ доски, садились и пировали. Вотъ гдѣ наше «національное лицо!»

Такою же медвѣжью услугу оказываютъ Вѣхи и религіозному сознанію русской интеллигенціи.

Это младенецъ, едва сосать научившійся; а они намазываютъ грудь кормилицы горчицею.

Не медвѣжья услуга развѣ только одна: доказательство отъ противнаго, что, несмотря на безбожіе русскаго освобожденія, есть у него тайный религіозный смыслъ, такъ что, можетъ-быть, чѣмъ безбожнѣе явное, тѣмъ религіознѣе тайное,—отрицать этотъ смыслъ можно только, отрицая всякую религіозную общественность, что и дѣлаютъ Вѣхи;—доказательство отъ противнаго, что *освобожденіе, если еще не есть, то будетъ религіей; и религія, если еще не есть, то будетъ освобожденіемъ.*

Что этого нѣтъ, всѣ видятъ; что это будетъ, немногіе вѣрятъ. Не видѣть и вѣрить—уже религія. «Блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе».—А кто хочетъ видѣть и не можетъ вѣрить,—уходитъ въ станъ враговъ. Пусть уходитъ. На страшномъ глумлѣ молотятъ насъ всѣхъ, какъ пшеницу: солома отлетаетъ, зерно остается;—мало, зато чистое.

По слову Псалмпѣвца, «сидимъ во тьмѣ и тѣни смертной, окованные скорбью и желѣзомъ». Желѣзо до костей; скорбь до смерти.

Кажется, наступилъ тотъ полуночный часъ, когда вотъ-вотъ раздастся крикъ пѣтуховъ, возвѣщающій солнце.

Прислушаемся же, не прозвучитъ ли въ нашихъ сердцахъ этотъ крикъ; живъ Господь; и живы души наши; да здравствуетъ русская интеллигенція, да здравствуетъ русское освобожденіе!

Къ соблазну малыхъ сихъ.

Въ Московскомъ Еженедѣльникѣ напечатано открытое письмо Бердяева, отвѣтъ на такое же письмо арх. Антонія, по поводу Вѣхъ.

Бердяевъ начинаетъ заявленіемъ о томъ, что «нынѣ почитаетъ церковь своею духовною матерью». Заявлять объ этомъ ему нужно потому, что его недавнее присоединеніе къ церкви могло остаться неизвѣстнымъ и совершилось «путями извилистыми», какъ сознается самъ пишущій; нѣкоторыя же изъ этихъ извилинъ коснулись такъ называемаго «новаго религіознаго сознанія» — опаснѣйшей ереси въ глазахъ арх. Антонія, а, пожалуй, *нынѣ* и самого Бердяева. Настоящимъ заявленіемъ отрекается онъ отъ этой ереси, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, дѣйствительная принадлежность его къ церкви осталась бы подъ сомнѣніемъ, а слѣдовательно, и все письмо утратило бы свою главную убѣдительную силу, какъ обращеніе духовнаго сына къ отцу, пасомаго—къ пастырю.

Не пустая же учтивость эти заключительныя слова: «поручаю себя вашимъ молитвамъ и испрашиваю себѣ вашего благословенія, Владыко». Не обманываетъ же онъ себя и другихъ — вѣрить въ святость молитвъ и подлинность благословенія того, кого называетъ «виднѣйшимъ изъ епископовъ русской церкви».

Слова эти смиренны. Но менѣе смиренны другія, — по всей вѣроятности, услышанныя пастыремъ отъ пасомой овцы не безъ удивленія. «Ваше высокопреосвященство...

я позналъ тайну соблазновъ... Я получилъ право... обличать ложь... Покаяться должны всѣ».

Тутъ же, хотя и по другому поводу, говорится объ «избранникахъ, которые написаны у Агнца въ книгѣ жизни».

Невольно приходятъ на память эти избранники, когда заявляетъ Бердяевъ уже не только отъ себя, но и отъ своихъ единомышленниковъ по Вѣхамъ: «Мы побѣдили соблазны; но мы не возгордились этимъ и всегда помнимъ, что многимъ братьямъ нашимъ побѣдить это слишкомъ трудно, что для *малыхъ сихъ* соблазны страшны».

Итакъ, Бердяевъ ходатайствуетъ за малыхъ сихъ, не записанныхъ у Агнца въ книгѣ жизни, дѣлаясь посредникомъ между ними и церковью, не только русскою, но и вселенскою, ибо не о меньшемъ хлопочетъ онъ: «гдѣ голосъ вселенской церкви, которой я во всемъ подчиняюсь, и во имя которой отъ всего откажусь?»

Еще большее удивленіе должны возбудить въ арх. Антоніи дальнѣйшіе вопросы Бердяева — тѣ соблазны, которые мѣшаютъ малымъ симъ войти въ православную церковь.

Почему «мерзость запусѣнія стала на мѣстѣ святомъ»? Почему церковь «привыкла полагаться во всемъ на внѣшнюю принудительную силу, внутренняя же сила духовныхъ даровъ почти изсякла въ ней»? Почему совершается ею «превращеніе вѣры въ орудіе мірской политики»? Оправдывается «братоубійственная политика с. р. н.»? «Благословляются смертныя казни»? Почему въ церкви — «вмѣсто дѣлъ любви, дѣла ненависти»; «вмѣсто мучениковъ мучители»; «вмѣсто правды распятой, сила распинающая»? Почему, наконецъ, метафизическое отношеніе церкви къ міру — «антихристіанское, безбожное, демоническое»?

Отвѣтитъ ли арх. Антоній на всѣ эти вопросы и что именно, — не берусь угадывать; во всякомъ случаѣ, отвѣтитъ ему и легко и трудно.

Легко отвѣтитъ: если такова церковь, какъ утверждаетъ вопрошающій, то какъ могъ онъ войти въ нее? Для мерзости запусѣнія, стоящей на мѣстѣ святомъ, существуетъ ли предѣлъ, за которымъ и самое мѣсто перестаетъ быть святымъ?

Если существуетъ, то нѣ ясно ли, по вопросамъ Бердяева, что предѣлъ этотъ для него уже исполнился? А утверждать, что такого предѣла вовсе нѣтъ, — не кощунство ли? Да и о чемъ тогда спрашивать? чѣмъ соблазняться? Во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы спрашивать прежде, чѣмъ ходить въ церковь, — или, уже войдя, не спрашивать. А, снявъ голову, по волосамъ не плачутъ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, поручать себя молитвамъ тѣхъ, кого считаешь мучителями, распинателями правды Христовой, кого подозреваешь въ безбожномъ, демоническомъ отношеніи къ міру. Обличаемые могли бы отвѣтить обличителю: если ты съ нами, то зачѣмъ говоришь неправду о насъ; а если правда то, что ты говоришь, то зачѣмъ ты съ нами?

Это легкій отвѣтъ ad hominem; а вотъ столь же легкій по существу. Еще со временъ Святѣйшей Инквизиціи на тотъ же вопросъ — тотъ же отвѣтъ.

Никогда никого не преслѣдуетъ, не насилуетъ, не мучаетъ, не казнить церковь; она прощаетъ и любитъ враговъ своихъ, по завѣту Христа; и, любя, предаетъ ихъ мечу свѣтскому, правосудію государственному, не вмѣшиваясь въ него, не препятствуя ему; и ежели казнить оно преступниковъ, по своимъ собственнымъ законамъ, то это уже дѣло его, государства. Церковь же, оставаясь матерью, любящею до конца, не покидаетъ осужденнаго, когда всѣ покинули его, — утѣшаетъ, наставляетъ, напутствуетъ Св. Дарами на костеръ, на плаху, на висѣлицу, молится о спасеніи души его.

Итакъ, сколько бы крови человѣческой ни было пролито, — ни одна капля не можетъ упасть на церковь и запятнать непорочно-бѣлыя ризы Невѣсты Христовой.

Лицемѣріе? Кощунство? — Нѣтъ, кто другой, а Бердяевъ этого не скажетъ. Вѣдь самъ онъ признаетъ не только возможнымъ, но и необходимымъ такое именно отдѣленіе эмпирическаго порядка отъ мистическаго, «мірскихъ дѣлъ» государственныхъ отъ церковныхъ дѣлъ «не отъ міра сего». — «Пусть, — говоритъ онъ, — государство въ мірскихъ дѣлахъ прибѣгаетъ къ необходимому мѣрамъ принужденія; грѣховный, отпавшій отъ Бога міръ не можетъ существо-

вать безъ принудительной государственности»,—т.-е. безъ власти насильственной, меча казнящаго. «Христіанинъ, — продолжаетъ Бердяевъ, — долженъ сознавать, что *начальникъ не напрасно мечъ носить*».—А гдѣ мечъ, тамъ и казнь, тамъ «сила распинающая». — «Но церковь Христова, — заключаетъ онъ, — держится на вѣрѣ въ правду распятую, а не въ силу распинающую». Это и значить: не можетъ быть никакого религіознаго соприкосновенія между властью государственною и свободою церковною, между порядкомъ отъ міра и не отъ міра сего; а слѣдовательно, не можетъ быть и никакого вопроса о томъ, почему церковь не вмѣшивается въ государственное насиліе, не препятствуетъ ему, попускаетъ его. И если бы даже сдѣлалась она «орудіемъ мірской политики», то это — эмпирическая вина государства, а не мистическая вина церкви. Пастыри церкви участвуютъ въ этой винѣ не какъ пастыри, облеченные властью духовною, а какъ «начальники, не напрасно мечъ носящіе», люди свѣтскіе, государственные. Сама же церковь остается опять-таки невинною.

По мнѣнію Бердяева, такъ должно быть. *Но вѣдь* такъ оно и есть. Отъ добра добра не ищутъ. Чего же ему еще надо?

Уничтожить ссылки на Достоевскаго и Серафима Саровскаго арх. Антонію тоже ничего не стоитъ.

Не противопологаля ли Достоевскій именно здѣсь, въ вопросѣ о государственномъ насиліи, церковь православную, какъ воплощеніе свободы Христовой, духу Великаго Инквизитора, который господствуетъ, будто бы, въ католическомъ Римѣ? Въ христіанствѣ западномъ, по ученію Достоевскаго, церковь претворяется въ государство; тогда какъ въ христіанствѣ восточномъ, наоборотъ, государство претворяется въ церковь, «возносится до церкви». Всемирно-историческое призваніе русскаго народа-богоносца и видѣль Достоевскій въ этой новой теократіи, въ абсолютномъ, взаимопоглощающемъ соединеніи православія и самодержавія, порядка эмпирическаго и мистическаго. Эти два порядка Бердяевъ раздѣляетъ; Достоевскій соединяетъ. Для него оправданіе и утвержденіе существующаго —

необходимая предпосылка будущего: внѣ русской исторической церкви и русской исторической власти нѣтъ спасенія. Въ этомъ смыслѣ Достоевскій — могущественный теоретикъ современной реакціи. И въ этомъ же смыслѣ арх. Антоній, ученикъ Достоевскаго, никого не могъ бы противопоставить Бердяеву съ такою силою, какъ своего учителя.

Что же касается до Серафима Саровскаго, то авторъ письма какъ будто или вовсе не читалъ, или окончательно забылъ житіе этого святого. Русская церковь и русская власть для Серафима такъ неотдѣлимо слиты, что ему показался бы бессмысленнымъ и даже кощунственнымъ вопросъ о томъ, не сдѣлалась ли церковь орудіемъ мірской политики. Православіе есть душа самодержавія, а самодержавіе — тѣло православія. Не даромъ предсказывалъ Серафимъ что когда русскій царь посѣтитъ Саровскую обитель, большой колоколь московскаго Успенскаго собора самъ зазвонитъ, возвѣщая міру «новую Пасху», торжество православія и самодержавія, какъ единого цѣлаго.

Но если ужъ Бердяевъ забылъ Серафима, то пусть вспомнитъ о. Іоанна Кронштадскаго, для того чтобы убѣдиться въ томъ, что христіанская святость совмѣстима съ реакціей, съ участіемъ въ союзѣ русскаго народа, съ превращеніемъ церкви въ «орудіе мірской политики», съ благословеніемъ смертныхъ казней.

Да и что Серафимъ, что Іоаннъ, — не вся ли тысячелѣтняя исторія христіанской святости утверждаетъ не въ какомъ-либо иномъ, а именно въ этомъ смыслѣ происхожденіе *всякой* власти отъ Бога? Такъ было — такъ будетъ. А либеральные доводы противъ этого мірового теченія все равно, что бумажный корабликъ противъ Ніагары.

Да, арх. Антонію очень легко и, вмѣстѣ съ тѣмъ, повторяю, очень трудно отвѣтить на вопросы Бердяева. Трудно потому, что сами вопросы путаются въ противорѣчіяхъ и, только что поставленные, падаютъ.

Противорѣчіе въ самомъ положеніи Бердяева относительно церкви мы уже видѣли: онъ считаетъ ее своею матерью, а говоритъ о ней такъ, какъ нельзя говорить сыну о матери.

Спрашиваетъ, гдѣ голосъ церкви; но вѣдь если онъ пришелъ къ ней, то, значитъ, услышалъ голосъ ея; а если не услышалъ, то, значитъ, не пришелъ.

Арх. Антонію трудно будетъ рѣшить, кому онъ отвѣчаетъ, сыну или чужому, вѣрному или оглашенному. Мало ли что эти оглашенные говорятъ о церкви: на всякое чиханье не наздравствуешься.

Это противорѣчіе, жизненное, біографическое, вытекаетъ изъ глубочайшаго противорѣчія религіознаго.

Всѣ вопросы, всѣ соблазны Бердяева относятся, какъ онъ самъ утверждаетъ, къ «духовному упадку и разложенію церкви въ ея *человѣческой, эмпирической, исторической сторонѣ*»; но «въ *божественной сторонѣ* церковь незыблема и хранитъ вѣчную истину».

Въ существѣ церкви отдѣляетъ онъ человѣческое отъ божескаго; считаетъ возможнымъ не вѣрить въ человѣческое, продолжая вѣрить въ божеское. И тутъ же спрашиваетъ: «нѣтъ ли такой степени невѣрія въ человѣка и человѣчество, которая уже несовмѣстима съ вѣрой въ Богочеловѣка, въ Соединившаго Бога и человѣчество?» И, отвѣчая на этотъ вопросъ утвердительно, указываетъ на К. Леонтьева, у котораго невѣріе въ человѣчество, безбожное отношеніе къ міру приняло характеръ антихристіанскій, демоническій.

Такъ одно и то же оказывается то божескимъ, то демоническимъ. Основной догматъ христіанства, Богочеловѣчество, какъ совершенное соединеніе Бога съ человѣчествомъ, то утверждается, то отрицается.

Противорѣчіе въ религіозной послылкѣ рождаетъ противорѣчія и въ общественныхъ выводахъ.

Церкви противопоставляется государство, какъ область мірскихъ дѣлъ—области не отъ міра сего.—«Пусть государство въ мірскихъ дѣлахъ прибѣгаетъ къ необходимымъ мѣрамъ принужденія», къ «силѣ распинающей»; — «но церковь держится на вѣрѣ въ правду распятую, а не въ силу распинающую».

Гдѣ кончается бытіе государственное, сила распинающая, тамъ начинается бытіе церковное, правда распятая. Между ними нѣтъ и не можетъ быть никакого положительно религіознаго соприкосновенія; а слѣдовательно, не можетъ-быть и никакой «церковной политики», «христіанской государственности». Всякое отношеніе церкви къ политикѣ есть «мерзость запустѣнія на мѣстѣ святомъ». Отъ всякой политики отрещивается Бердяевъ, какъ отъ наважденія бѣсовскаго: «ради Христа,—умоляетъ онъ арх. Антонія, — вѣрьте мнѣ, что въ словахъ моихъ нѣтъ ни капли политики; въ словахъ моихъ сказалась жажда освобожденія вѣры отъ политики».

И тутъ же говоритъ о христіанскомъ государствѣ: «Наша христіанская совѣсть принуждаетъ насъ религіозно бороться со смертными казнями въ *христіанскомъ государствѣ*».

А гдѣ государство—тамъ и политика, гдѣ христіанское государство—тамъ и христіанская политика, положительное или отрицательное, но, во всякомъ случаѣ, дѣятельное отношеніе церкви къ мірскимъ дѣламъ. Какъ же «*религіозно* бороться со смертными казнями въ христіанскомъ государствѣ», будучи *религіозно* же, христіански же внѣ всякаго бытія государственнаго?

Все письмо Бердяева — сплошная сѣть такихъ противорѣчій. Онъ бьется въ нихъ и увязаетъ, какъ птица, попавшая въ сѣть.

И ужъ, конечно, соблазна малыхъ сихъ не облегчаетъ. Мы должны вѣрить, что онъ вошелъ въ церковь; но кто онъ, что онъ, гдѣ онъ! съ кѣмъ и противъ кого, а главное, вошелъ ли онъ, дѣйствительно, или только хочетъ, но не можетъ войти, да и церковь ли то, во что онъ вошелъ,—мы не знаемъ.

Можно «пріобщиться къ землѣ, не пріобщаясь у Бога», приводитъ онъ слова Серафима Саровскаго. Это значитъ: можно, считая себя вошедшимъ, не войти въ церковь.

Но и войти въ нее не значитъ еще побѣдить *всѣ* соблазны. По испанской поговоркѣ, *за крестомъ дьяволъ*. Если дьяволъ, который передъ крестомъ имѣшаетъ подойти къ нему,

силёнъ, то еще сильнѣе тотъ, который за нимъ и соблазняетъ подошедшихъ. Не являлся ли дьяволъ величайшимъ подвижникамъ въ «образѣ ангела свѣтлаго» и даже самого Христа?

Въ первые вѣка христіанства существовало преданіе о томъ, что ликъ Антихриста будетъ до такой степени подобенъ лику Христову, что едва не соблазнятся избранные. Въ настоящее время соблазнительнѣе, чѣмъ когда-либо, смѣшеніе двухъ ликовъ.

Побѣдилъ ли Бердяевъ этотъ соблазнъ?

Сердце человѣческое и сердце звѣриное.

Сердце человѣческое отнимется отъ него, и дастся ему сердце звѣриное.

Даніила, IV, 13.

I.

«Надо всего только разрушить въ человѣчествѣ идею о Богѣ, вотъ съ чего надо приняться за дѣло. — Разъ человѣчество отречется поголовно отъ Бога, то само собою наступитъ все новое.—Человѣкъ возвеличится духомъ божеской, титанической гордости, и явится Человѣкобогъ».

Это исполняется, какъ по писаному, въ спорѣ социаль-демократіи съ «новымъ религіознымъ сознаниемъ». Древній вѣчный споръ богочеловѣчества съ человѣкобожествомъ.

«Идетъ вѣтеръ къ югу и переходитъ къ сѣверу, кружится, кружится на ходу своемъ, и возвращается вѣтеръ на круги свои».

Сейчасъ трудно рѣшить, что происходитъ: кружится ли пустынный вѣтеръ, расходится ли зыбь отъ брошеннаго въ воду камня, или восходитъ, взлетаетъ отъ земли къ небу какая-то спираль—исполинская, витая лѣстница Вавилонской башни?

«Соціалистическая Вавилонская башня—это, дѣйствительно, воплощеніе современнаго атеизма», соглашается Базаровъ съ Достоевскимъ: а если такъ, то необходимая религіозная предпосылка социализма есть атеизмъ.

Но для того, чтобы утвердить атеизмъ, «разрушить въ челоѳчествѳ идею о Богѳ», недостаточно одной критики чистаго разума. Опровергнувъ онтологическія доказательства бытія Божія, тѳмъ же ударомъ опровергаетъ она и онтологическія доказательства безбожія. Есть Богъ, и нѳтъ Бога, теизмъ и атеизмъ—два одинаково произвольныя утвержденія, двѳ одинаково недоказуемыя вѳры. Мы не знаемъ, можетъ ли челоѳкъ установить въ религіозномъ опытѳ какую-либо связь съ нуменальнымъ. *Ignoramus, ignorabimus*—вотъ единственный отвѳтъ разума на всѳ вопросы вѳры. Не знаемъ и никогда не узнаемъ, не можемъ и не хотимъ знать, есть Богъ или нѳтъ.

Атеизмъ, въ такомъ чистомъ видѳ, *критическій атеизмъ*—безотвѳтенъ передъ всякимъ религіознымъ утвержденіемъ. Это не отрицательный полюсъ положительнаго электричества, а лишь дурной проводникъ—стекло. Критическій атеизмъ—пустое мѳсто въ религіи; не отрицаніе Бога, а лишь отсутствіе вопроса о Богѳ.

Необходимая предпосылка соціалъ - демократіи, какъ религіи,—атеизмъ не критическій, а *догматическій*, не критическое отрицаніе вопроса о Богѳ, а догматическое утвержденіе, что Бога нѳтъ; вѳра въ небытіе Божіе, по степени мистики, совершенно равная вѳрѳ въ Бога. Догматическій атеизмъ есть обратный теизмъ—*антитеизмъ* или, какъ выражается Бакунинъ, «антитеологизмъ».—«Если есть Богъ, то челоѳкъ—рабъ». Но мы вѳримъ, что челоѳкъ свободенъ;—слѳдовательно, мы должны вѳрить, что Бога нѳтъ. «Я вѳрую, что Бога нѳтъ!»—могли бы воскликнуть Базаровъ, Луначарскій, Горькій вмѳстѳ съ героемъ Достоевскаго.

Это поняли общіе враги новаго религіознаго сознанія и соціалъ-демократіи, какъ религіи. Вотъ почему объединяють они оба теченія, если не по качеству, то по количеству мистики.—«Теперь и безбожники, наши русскіе соціалисты, сочиняють религіи», замѳчаетъ Галичъ, и очень ядовито, но справедливо, называетъ соціалъ-демократію Луначарскаго «богословіемъ». А Струве «матеріализацію

царства Божьяго», какъ у «богостроителей», такъ и у «богоискателей», считаетъ одинаково «сквернымъ апокалипсическимъ анекдотомъ».

«Я видѣлъ всесильный и безсмертный народъ... и я молился: Ты еси Богъ, да не будетъ міру бози иніи, развѣ Тебѣ, ибо Ты еси единъ Богъ, творяй чудеса. Тако вѣрую и исповѣдую» (*Исповѣдь Горькаго*).

Это ли не вѣра? Это ли не мистика?

Нѣтъ,—успокаиваетъ Базаровъ,—«тутъ нѣтъ мистицизма», тутъ дѣло не въ дѣлѣ, а въ словахъ.

Слово, «терминъ: богостроительство, конечно, неудаченъ; лучше было бы не давать даже малѣйшаго, даже внѣшняго повода къ недоразумѣніямъ».—Итакъ, утверждать, что Богъ есть, когда Бога нѣтъ, называть не сущее сущимъ—только малѣйшій, только внѣшній поводъ къ недоразумѣніямъ? Не значить ли это: намъ до такой степени наплевать на Бога, что мы употребляемъ Его на затычку, за неимѣніемъ болѣе удачнаго слова—отъ слова де не станется?

«Горькій,—объясняетъ Базаровъ,—писаль не трактатъ, а повѣсть, и вполне понятно, что герой его употребляетъ для обозначенія атеистическихъ цѣнностей то же самое имя, какимъ онъ съ дѣтства привыкъ обозначать вообще высшія цѣнности».—Не значить ли это: употребленіе имени Божьяго—дурная дѣтская привычка?

Но вѣдь вотъ Луначарскій пишетъ не повѣсть, а трактатъ, цѣлое «богословіе». Почему же и у него та же дурная привычка?

«Человѣкъ человѣку Богъ.—Ищешь Бога? Богъ есть человѣчество», богохульствуетъ Луначарскій.

Если Богъ есть ничего,—то «человѣчество есть Богъ»,—значить: человѣчество есть ничто; а слѣдовательно, и социаль-демократія, какъ религія, основанная на идеѣ чело-вѣчества, какъ Бога, есть ничто; и богостроительство—строительство изъ ничего.

Но вѣдь это самоистребленіе, или, во всякомъ случаѣ, нѣчто гораздо худшее, чѣмъ дурная дѣтская привычка; это сознательно нечистая игра не словами, а цѣнностями, фальшивый вексель, «мошенничество», какъ выражается

чортъ Ивана Карамазова: «если захотѣлъ мошенничать, зачѣмъ бы еще, кажется, санкція истинны»—зачѣмъ санкція имени Божьяго?

Пусть такіе умные люди, какъ Луначарскій, Базаровъ, Горькій, знаютъ, что отъ слова не станется, и готовы проливать изъ-за слова «Богъ» только чернильныя рѣвки. Но вѣдь народъ, не искушенный въ этой игрѣ, можетъ повѣрить, что Богъ, дѣйствительно, есть, или что Бога, дѣйствительно нѣтъ. И тогда отъ слова станется; тогда вновь, какъ это сколько разъ бывало въ исторіи, потекутъ уже не чернильныя, а кровавыя рѣвки. И поймутъ игроки, что игра съ Богомъ въ народѣ, особенно въ русскомъ народѣ, игра съ огнемъ въ пороховомъ погребѣ—безбожная, безчеловѣчная игра.

Если остановить вниманіе на внѣшности, то, пожалуй, дѣйствительно, надо будетъ признать, что «богословіе» Луначарскаго отзывается литературщиной. Бѣда въ томъ, что теперь «мода на Бога», а Луначарскій—модникъ. Въ началѣ XIX вѣка былъ щегольской цвѣтъ «мертвой блохи» *rice mort*; въ началѣ XX вѣка—цвѣтъ «мертваго Бога»; и кажется иногда, что Луначарскому все равно какая мода.

Но я не хочу останавливаться на литературной внѣшности и не могу, на основаніи одной этой внѣшности, заподозрѣть Луначарскаго, а тѣмъ болѣе Горькаго, въ такомъ невинномъ ребячествѣ или преступномъ обманѣ, какъ богостроительство изъ ничего.

Это не обманъ, а самообманъ. И самъ Горькій съ Луначарскимъ это уже почти сознаютъ.

«Ты, Мишка, нахватался церковныхъ мыслей, какъ огурцовъ съ чужого огорода наворовалъ, и смущаешь людей. Коли говорить, что рабочій народъ вызванъ жизнь обновлять—обновляй и не подбирай то, что попами до дыръ заношено, да и брошено».

На ворѣ шапка горитъ. Въ самомъ дѣлѣ, молитва, тайна, чудо, святость, бѣсъ, Богъ,—всѣ эти религіозныя слова въ кавычкахъ, все это «богословіе» бѣднаго Мишки—не что иное, какъ огурцы съ христіанскаго огорода. И напрасно Луначарскій хватается за негорящую шапку: огурцы,

моль, выросли на дикомъ полѣ.—«Не попами создано понятіе Бога». Если не попами то кѣмъ? Человѣчествомъ? Но тогда почему этотъ естественно родившійся и выросшій въ человѣчествѣ Богъ менѣе реаленъ, чѣмъ тотъ будущій, искусственно выращенный въ литературной склянкѣ го-мункуль, или механически построенный автоматъ?

Кѣмъ бы, впрочемъ, ни было создано понятіе Бога, главное то, что стараго Бога нѣтъ, а новый «Богъ—коллективное человѣчество»—есть или будетъ. Для Базарова Бога нѣтъ, не было и *не будетъ*; для Луначарскаго и Горькаго—нѣтъ, не было, *но будетъ*. Между этими двумя утвержденіями—пропасть; пусть пока лишь словесная, зеркальная, но это—зеркало глубокихъ водъ, въ которыхъ бѣдному Мишкѣ не найти брода

Да и такъ ли ужъ увѣренъ Луначарскій, что стараго Бога нѣтъ?

«Міродержатель, Деміургъ—почти бѣсъ... Куда дѣваться? Поднять кулакъ къ небу и укусить его въ отчаяніи? Ты преступишь подлую заповѣдь... А дальше? Онъ пригнетъ тебя къ землѣ и заставитъ цѣловать палку, которой будетъ сокрушать твои ребра. Ты въ бѣшенствѣ начнешь громоздить горы на горы, строить башню, столпъ до Его проклятаго жилища, а Онъ молніей разобьетъ твою работу или коварно броситъ раздоръ между людьми. Куда бѣжать?»

Если богохульства эти не модная дешевка цвѣта «мертвой блохи» или «мертваго Бога», если въ нихъ есть какая-нибудь жизненная правда, то кажущееся отрицаніе тутъ подлинное утвержденіе, превращеніе стараго Бога въ новаго бѣса, а можетъ-быть, и стараго бѣса въ новаго Бога. Зеркало не уничтожаетъ, а только искажаетъ, перевертываетъ лицо.

Богъ противъ Бога, религія противъ религіи, Человѣкобожество противъ Богочеловѣчества—вотъ зеркальная или дѣйствительная глубина спора.

Во всякомъ случаѣ, позитивныя твердыни сданы, и напрасно хочетъ Базаровъ, вернуться въ нихъ.

Соціалъ-демократія запуталась въ сѣтяхъ мистики, пусть пока лишь однимъ ноготкомъ: ноготокъ увязъ—всей птичкѣ пропасть.

II.

«Человѣкъ есть Богъ»—одинъ членъ символа вѣры; «человѣчество есть Богъ»—другой. Я есмь Богъ для человечества; человечество есть Богъ для меня; крайній мистическій индивидуализмъ (Ницше, Штирнеръ, Л. Андреевъ) и крайній мистическій социализмъ (Фейербахъ, Луначарскій, Горькій)—между этими двумя крайностями существуетъ антиномія, неразрѣшимая въ той плоскости, на которой движется социаль-демократія, какъ религія ¹⁾).

Когда Иванъ Карамазовъ говоритъ о человѣкобогѣ, то сначала разумѣетъ подъ нимъ человѣкобожество, социалистическое человечество, а затѣмъ прибавляетъ: «но если даже періодъ этотъ (т. - е. періодъ торжествующаго социализма) никогда не наступитъ, то, такъ какъ Бога и безсмертія все-таки нѣтъ, то новому человѣку позволительно стать человѣкобогомъ *даже хотя бы одному въ цѣломъ мірѣ...* Для Бога не существуетъ закона. Гдѣ станетъ Богъ, тамъ уже мѣсто Божіе. Гдѣ стану я, тамъ сейчасъ же будетъ первое мѣсто... «все дозволено»—и шабашъ».

Здѣсь та же антиномія. Вѣдь, въ концѣ-концовъ, остается не рѣшеннымъ вопросомъ: кто Богъ — человѣкъ или человечество, я или всѣ? кому «все дозволено»—мнѣ, вопреки всѣмъ, или всѣмъ, вопреки мнѣ? Я ли уничтожаю всѣхъ, или всѣ уничтожаютъ меня?

Ни то, ни другое, отвѣчаютъ социаль-демократы, всѣ для каждаго и каждый для всѣхъ.—Но вѣдь это школьная пропись, бабушкина сказка о «предустановленной гармоніи».

На всемъ протяженіи всемірной исторіи происходитъ борьба личности съ обществомъ, одного со всѣми,—и никогда еще борьба эта не была такой убійственной для обѣихъ сторонъ, какъ теперь; никогда съ такою ясностью не

¹⁾ То, чего я здѣсь касаюсь кратко и поверхностно, глубже и подробнѣе изложено Д. В. Философовымъ въ его докладѣ, читанномъ въ Рел.-Фил. О-вѣ: «Богостроительство и богоискательство».

вскрывалось противорѣчіе между идеальной правдою анархизма и реальной правдою социализма. А предустановленная гармонія все еще вилами на водахъ писана. Ни показать, ни доказать ея нельзя,—можно только вѣрить въ нее.

Для того, чтобы разрѣшить антиномію абсолютной личности и абсолютной общественности, существуютъ, на самомъ дѣлѣ, только два средства: или отказаться отъ всякаго абсолюта, т.-е. отъ всякой религіи, богостроительства, какъ это дѣлаетъ Базаровъ; или пожертвовать однимъ абсолютомъ другому, личностью—общественности, какъ это дѣлаютъ Луначарскій и Горькій.

III.

Богъ есть ничто—вотъ первый членъ символа вѣры; человѣческая личность есть ничто—вотъ второй. Для Базарова нѣтъ вовсе «я» и «ты», а есть только «мое» и «твое»: «мое» и «твое»,—говоритъ онъ,—возникаютъ только тогда, когда рѣчь заходитъ о дѣлѣжѣ *продуктовъ* творчества, объ ихъ распредѣленіи».—Человѣческая личность для Базарова лишь экономическая единица. Чувство личности—чувство собственности.—«Индивидуализмъ (т.-е. абсолютное утвержденіе личности) создалъ великую культуру. *Мавръ исполнилъ свой долгъ, мавръ можетъ удалиться*». Личность можетъ умереть—собакѣ собачья смерть.

«Паѳосъ творчества,—продолжаетъ Базаровъ,—объективенъ, *безличенъ*, по самому существу своему. Въ коллективномъ творествѣ «я» не принижается, но *просто отсутствуетъ*».—Легко сказать: просто отсутствуетъ! Вѣдь это значить: торжество социализма—торжество безличности; вѣдь это то самое, что говорятъ злѣйшіе враги социализма.

И всего поразительнѣе невозмутимое спокойствіе, съ которымъ говорится все это. Угашаетъ солнце нашей планетной системы и глазомъ не моргнетъ. Никакой трагедіи, никакой бури около погибающей личности—тихий конецъ міра, тихій провалъ—та *вторая смерть*, отъ которой нѣтъ воскресенія.

Итакъ, двѣ необходимыя предпосылки для торжества социализма—уничтоженіе Бога и уничтоженіе личности. Надо разрушить въ человѣчествѣ идею не только о Богѣ, но и о личности. Одно вытекаетъ изъ другого, потому что утвержденіе Бога въ человѣчествѣ есть утвержденіе Богочеловѣчества, абсолютной Божественной Личности—Богочеловѣка. Соціалистическая Вавилонская башня строится на костяхъ убитаго Бога и убитаго человѣка. Богоубійство—человѣкоубійство.

«Человѣкъ есть особь вида», опредѣляетъ Луначарскій. Въ такомъ опредѣленіи человѣческая личность, такъ же какъ у Базарова, «не принижается, но просто отсутствуетъ». Для того, чтобы отождествить человѣка единственнаго, человѣка-личность съ безличнымъ, всечеловѣкомъ, «особью вида», надо уничтожить личность: вѣдь муравей есть тоже особь вида; для муравья личность—ничто, муравейникъ—все; для человѣка—человѣчество, для муравья муравейникъ—Богъ.

Леббокъ въ своихъ наблюденіяхъ надъ муравьями, чтобы отличить одного отъ другого, отмѣчалъ ихъ разноцвѣтными крапинками. Для Базарова и Луначарскаго личности Сократа, Гете, Канта, Франциска Ассизскаго—такія разноцвѣтныя крапинки на безличныхъ особяхъ вида.

«Здѣсь, скажутъ намъ, есть великая опасность,—предупреждаетъ Луначарскій,—опасность подчиненія личности вашему Левіаѳану, вашему новому богу-коллективу».—Знаетъ кошка, чье мясо съѣла. Но дѣлаетъ видъ, что не знаетъ.—«Что значитъ подчиненіе личности?» удивляется Луначарскій. И выходитъ, разумѣется, что подчиненіе личности ничего не значитъ, потому что сама личность ничего не значитъ.

И ужъ, конечно, на вопросъ о смерти, какъ объ уничтоженіи личности, единственный отвѣтъ—«безсмертіе рода», т.-е. абсолютное человѣкоубійство, окончательное поглощеніе самой идеи личности, какъ чего-то условнаго, въ идеѣ безличнаго рода, какъ абсолюта. Но это не отвѣтъ, а глухота къ вопросу. Да и что ужъ тутъ спрашивать смерти, когда и въ жизни личность «просто отсутствуетъ».

Религіозное принятіе смерти, какъ уничтоженія личности, есть религіозное принятіе безличности. «Всякій узнаеть,—говорить чортъ Ивана Карамазова,—что онъ смертенъ весь, безъ воскресенія, и приметъ смерть гордо и спокойно, какъ богъ».—Какъ богъ или звѣрь? Вѣдь и звѣрь не знаетъ, что такое смерть. Можно принять или отвергнуть это бого-звѣриное безсмертіе, но спорить о немъ нельзя, какъ о всякомъ откровеніи. Не даромъ говоритъ Базаровъ о «*паѳосъ*»: паѳосъ значитъ религіозный восторгъ: *паѳосъ безличности* для Базарова, Луначарскаго, Горькаго и есть религіозный восторгъ социаль-демократіи.

О, конечно, безсознательно! Потому-то съ этимъ такъ трудно бороться, что это пока еще слишкомъ безсознательно.

IV.

Донинѣ революціонное освобожденіе человѣчества начиналось съ утвержденія человѣческой личности. Но «мавръ исполнилъ свой долгъ, мавръ можетъ удалиться». Социаль-демократія, какъ религія, хочетъ начать освобожденіе съ отрицанія личности. Тутъ опасность предѣльнаго мистическаго рабства. Самодержавіе новаго бога—коллектива—злѣйшее изъ всѣхъ самодержавій.

Обожествленный Коллективъ становится нѣкоторымъ Великимъ Существомъ, *Grand Etre* (по О. Конту), нѣкоторою сверхчеловѣческою Личностью, а всѣ отдѣльныя человѣческія «я» безличными клѣточками этого тѣла.

Какое же это тѣло, какое лицо? Что, если не божеское и не человѣческое, а звѣриное? Что, если центральная монада этого новаго тѣла—не кто иной, какъ древній Цезарь Божественный или новый Великій Азефъ, Великій Хамъ?

«Расхаживая по царскимъ чертогамъ въ Вавилонѣ, царь сказалъ: это ли не величественный Вавилонъ, который построилъ я въ домѣ царства моего и въ славу моего величія?..

Еще рѣчь сія была въ устахъ царя, какъ былъ съ неба голосъ: тебѣ говорятъ, царь Навуходоносоръ,—царство твое отошло отъ тебя.

И отлучать тебя отъ людей, и будетъ обитаніе твое съ полевыми звѣрями».

«Сердце человѣческое отнимется отъ него, и дастся ему сердце звѣриное».

Это сказано о социализмѣ—«богостроителѣ», строителѣ Вавилонской башни.

Но о немъ же сказано: «царство твое останется при тебѣ, когда познаешь власть небесную».

Не отнимется у социализма сердце человѣческое, и не дастся ему сердце звѣриное, только въ томъ случаѣ, если познаетъ онъ власть небесную, познаетъ, что «Всевышній владычествуетъ надъ царствомъ человѣческимъ».

Истинное Богостроительство есть Богочеловѣчество. Камень, который отвергли строители, сдѣлается главою угла. Этотъ камень—Богочеловѣкъ Христосъ. И строится на немъ не Вавилонская башня, а вселенская Церковь—Царство Божіе на землѣ, въ которомъ исполнится и религіозная правда социализма

V.

Соціаль-демократія—желѣзный молотъ; новое религіозное сознаніе—хрупкое стекло: стоило, казалось, молоту прикоснуться къ стеклу, чтобы разбить его вдребезги.

Но вотъ опустился онъ всею тяжестью, ударилъ, а стекло не разбилось.

Откровеніе личности—не стекло, а сталь новаго религіознаго сознанія. Споръ идетъ о Богѣ въ человѣческой личности—о Богочеловѣкѣ, о Христѣ.

Посчитайтесь же со Христомъ, антихристіане; почитайтесь же съ Богочеловѣкомъ, человѣкобоги.

Кто не за Меня, тотъ противъ Меня.—Будьте же за или противъ. Не махайте молотомъ въ пустотѣ, бейте прямо въ цѣль.

А мы вамъ скажемъ спасибо, за то, что вы куете нашъ мечъ.

Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Борьба за догматъ.

Въ недавней статьѣ своей «Народное хозяйство и интеллигенція» Струве утверждаетъ, что Россію можетъ спасти только новое религіозное отношеніе къ экономическому, производительному процессу, который составляетъ, конечно, часть общаго культурнаго творчества, и что Россія гибнетъ отъ недостатка этого религіознаго отношенія, который выразился въ религіи Толстовскаго опрощенія, въ религіи «Иванушки-дурачка», вѣчно баюкающей насъ надеждѣ спасти Россію «по-мужицки, по-дурацки».

Не отвлеченно-умственное, а сердечно-жизненное благочестіе, благоговѣніе къ непреходящимъ цѣнностямъ культуры, т.-е. нѣкоторое начало религіозное, объединяетъ меня со Струве. Разъединяетъ же насъ вопросъ о положительномъ содержаніи этого начала—вопросъ о догматѣ.

Что такое догматъ?

Догматъ есть такое религіозное ученіе, которое синтезируетъ всѣ частныя нравственныя, соціальныя, философскія системы, не въ моментѣ теоретическаго мышленія, а въ моментѣ творческой воли, религіознаго дѣйствія, опыта. *Догматъ есть точка совпаденія личнаго и соборнаго религіознаго опыта.*

Для того, чтобы понять насъ, нужно помнить эту оговорку, а именно то, что для насъ положительное мистическое содержаніе догмата не мысленное, не мыслимое, а опытное истина догмата недоказуема, и потому непринудительна для разума;¹ путемъ отвлеченной діалектики нельзя доказать этой истины, но можно *показать* ея жизненную силу на религіозномъ опытѣ.

Въ этомъ отношеніи мы сходимся съ великимъ философскимъ движеніемъ Запада, которое началось, но едва ли окончится въ предѣлахъ такъ называемаго «католическаго модернизма», потому что оно шире не только самаго католичества, но и всего историческаго христіанства. Одинъ изъ представителей этого движенія, Эд. Леруа въ книгѣ своей *Догматъ и Критика* (Dogme et Critique. Ed. Le Roy. Paris. 1907) пытается установить, что философское содержаніе догмата—чисто-отрицательное, критическое, неадекватное и никогда не могущее быть адекватнымъ съ его содержаніемъ религіознымъ. «Познаніе Бога есть плодъ пережитаго опыта, а не отвлеченнаго мышленія». Эту главнѣйшую мысль свою подтверждаетъ онъ ссылкой на Θому Аквинскаго: «In cognitione fidei principalitatem habet voluntas.—Въ познаніи вѣры первенство имѣетъ воля».—«Философская разработка догмата,—замѣчаетъ Леруа,—остается свободно подъ однимъ условіемъ—не измѣнять дѣйственнаго и нравственнаго значенія, жизненной и спасительной цѣнности догмата. Итакъ, ежели существуетъ теоретическая обязательность, вытекающая изъ обязательности догматической, то лишь отрицательная, устраняющая извѣстныя понятія, извѣстныя теоріи, несовмѣстимыя съ практически-вѣрными догматами». — «Религія есть не столько умственное соглашеніе съ той или иной системой теоретическихъ утвержденій, сколько жизненное приобщеніе къ таинственнымъ реальностямъ».

Отсюда слѣдуетъ, что религіозное содержаніе догмата — ирраціонально, внѣразумно, и что истинно понятый догматъ ничего не утверждаетъ для разума, а только отрицаетъ ложныя, неразумныя утвержденія мистическаго опыта. Въ этомъ смыслѣ можно бы назвать будущую догматику богословской критикой чистаго разума. Догматъ есть раціональное ограниченіе мистическаго опыта. Такія ограниченія нужны, какъ вѣхи, указывающія направленіе общаго и общественнаго пути въ непредѣльности и безсознательности личныхъ религіозныхъ переживаній. *Догматъ есть исходная точка религіозной общественности.*

Но, вопреки Леруа и всему католическому модернизму, мы полагаемъ, что именно такого, единственно правильнаго, пониманія догмата въ христіанствѣ не существуетъ, и что пониманіе ложное, не прагматическое, а теоретическое, господствуетъ въ немъ. Донынѣ происходило одно изъ двухъ: или соборное начало подавлялось личнымъ; религія сводилась къ мистикѣ, дѣлу одинокаго спасенія, *Privat Sache*, что можно видѣть въ религіозныхъ переживаніяхъ всѣхъ вообще затворниковъ, древнихъ и новыхъ, христіанскихъ и нехристіанскихъ, въ томъ числѣ и современныхъ адогматиковъ. Или же внутренней личный опытъ подавлялся внѣшними, насильственными, коллективными формами, что можно видѣть во всѣхъ церквахъ историческаго христіанства. Въ обоихъ случаяхъ совпаденіе личнаго и соборнаго религіознаго опыта, т.-е. догматъ въ истинномъ смыслѣ, отсутствуетъ.

Господствующее въ христіанствѣ ложное пониманіе догмата приводитъ, съ одной стороны, къ утвержденію безобщественной личности, къ отшельничеству, «богомудрію»—теософіи; съ другой—къ безличной общественности, къ церковно-государственному насилію надъ «свободою совѣсти». Христіанину предстояло вѣрить или наперекоръ всѣмъ, или наперекоръ себѣ. Чтобы остаться вѣрнымъ догмату, надо было отречься или отъ соборнаго, вселенскаго общенія, какъ это происходитъ въ протестантствѣ, или отъ свободы совѣсти,—какъ въ католичествѣ и православіи.

Порабощаетъ всякая ложь—и ложное пониманіе догмата сдѣлалось источникомъ рабства.

Смыслъ всего освободительнаго просвѣщенія, такъ называемаго гуманизма, и заключается въ борьбѣ съ порабощающей догматикой христіанства, давно уже превратившейся въ схоластику, въ своего рода христіанскій Талмудъ.

Но борьба эта кончилась, или не сегодня, такъ завтра кончится, одержана будетъ послѣдняя побѣда критики надъ старыми твердынями ложной догматики. Критика, разбивая скорлупу догмата, вскрываетъ подъ нею зерно откровенія. Догматъ — кристаллъ откровенія. Всякій дог-

мать былъ откровеніемъ; всякое откровеніе будетъ догматомъ. Въ огненной лавѣ откровенія вѣчно плавится кристалль догмата.

Отъ неправеднаго, самодовлѣющаго, мистическаго адогматизма, который самъ становится догматикой, слѣдуетъ отличать праведный адогматизмъ критическій, который есть необходимое условіе истиннаго пониманія догмата. Но, повторяю, критическій путь завершеиъ, дальше итти некуда: отъ ветхаго зданія схоластики не осталось камня на камнѣ—все разрушено.

Нѣкогда христіанское откровеніе, т.-е. догматъ въ состояніи динамическомъ, обладалъ безконечною силою освобождающей, какъ мы теперь бы сказали—революціонною. Во имя свободы сокрушилъ онъ каменные скрижали іудейскаго закона и желѣзное иго греко-римскаго рабства: «вывести узниковъ на свободу»—таковъ завѣтъ первохристіанства. Только ложное пониманіе догмата, переведя его изъ динамическаго состоянія въ статическое, превратило революціонную силу христіанства въ реакціонную, поработило церковь іосударству. Если «не удалось» христіанство, то потому, что истинное пониманіе догмата не удалось. Вѣхи пути сдѣлались звеньями цѣпи.

Нельзя винить откровеніе въ ложномъ пониманіи догмата: вѣдь точно такъ же, какъ это произошло въ христіанствѣ, религіозное откровеніе Великой Революціи, живой догматъ «свободы, равенства, братства», превратился въ мертвую догматику, основу буржуазно-капиталистическаго рабства.

Ошибка Струве заключается въ томъ, что онъ воображаетъ, будто бы мы боремся за старую догматику-схоластику. Это недоразумѣніе: нѣтъ у нея злѣйшихъ враговъ и болѣе опасныхъ, чѣмъ мы, потому что не извнѣ, какъ простодушные вольнодумцы-гуманисты, боремся мы съ нею, а изнутри, войдя сквозь брешь въ твердыню.

Признаніе вѣчной истины откровенія даетъ намъ не только философское, но и религіозное право отрицать ложное пониманіе догмата. Не за старую ложь догматики-схоластики мы боремся, а за новое раскрытіе вѣчной истины.

заклученной въ догматѣ. Мы вовсе не такъ безпомощны, какъ думаютъ наши противники. Мы могли бы имъ сказать, подобно Достоевскому: «черезъ большое горнило сомнѣній прошла моя осанна».

Адогматизмъ—не искомое, а данное русской дѣйствительности: это хлѣбъ, который мы ѣдимъ, вода, которую мы пьемъ, воздухъ, которымъ мы дышимъ. Не загромождена ли вся Россія, какъ дымящимися головнями исполинскаго пожараща, развалинами двухъ догматовъ—реакціоннаго—въ народѣ, революціоннаго—въ интеллигенціи? Догматъ безчеловѣчнаго Бога и догматъ безбожнаго Человѣка. Чтобы расчистить почву отъ этихъ развалинъ, нуженъ рычагъ религіозной критики, а для этого рычага нужна точка опоры въ истинномъ догматѣ.

Догматъ ложный расшатывается философскою критикою, но окончательно преодолевается въ области религіозныхъ переживаній не критическимъ, и тѣмъ болѣе, не мистическимъ адогматизмомъ, а лишь истиннымъ догматомъ.

Бѣда мистическаго адогматизма въ томъ, что онъ безоруженъ противъ мистическаго анархизма, мистическаго хулиганства. «Апоѳеозъ беспочвенности», возрожденный нигилизмъ—вотъ неизбежное слѣдствіе адогматизма. Адогматизмъ не можетъ преодолѣть нигилизма; и тотъ и другой—одного поля ягода. Догматъ—адамантовая скрѣпа религіозно-общественнаго космоса: выньте эту скрѣпу—и космосъ превратится въ хаосъ.

Если вѣрно утвержденіе Струве, что «въ основѣ общественно-экономическихъ міросозерцаній лежатъ различныя міросозерцанія религіозныя», то это значитъ, что религія есть дѣло не только личное, но и общественное. А необходимое условіе всякой религіозной общественности есть *обобщеніе*, праведно догматическое, т.-е. сознательно не адекватное, не исчерпывающее, а лишь ограничивающее религіозный опытъ личный. Догматы, повторяю, суть вѣхи общаго и общественнаго религіознаго пути.

Ежели Россія гибнетъ, по мнѣнію Струве, отъ безрелигіознаго отношенія къ «идеѣ производительнаго процесса

и личной годности», то спрашивается: какое же религиозно-общественное отношеніе къ этой идеѣ, т.-е., въ послѣднемъ счетѣ, *какой догматъ* спасетъ Россію?

Адогматизмъ есть понятіе отрицательное, не творческое. А по признанію Струве, сейчасъ въ Россіи дѣло идетъ о религиозномъ творчествѣ. Правда, мистическія настроенія самого Струве такъ неопредѣленны, что можно бы иногда сказать о нихъ: и хочется и колется. Хочется огня, который бы не жегъ, догмата, который бы не былъ догматомъ.

«По моему глубочайшему убѣжденію,—заключаетъ Струве,—идея личной годности (личной силы) имѣетъ религиозный корень». Далѣе, утверждаетъ онъ, что идея эта должна произвести глубокій переворотъ въ «соціально-экономическомъ міросозерцаніи» сначала русской интеллигенціи, затѣмъ и всего русскаго народа. Слѣдовательно, религиозный корень личности долженъ разрастись въ дерево религиозной общественности. Спрашивается опять-таки: какъ же совершится въ этомъ ростѣ переходъ отъ идеи «личной годности», личной силы къ идеѣ «производительнаго процесса», т.-е. годности общественной, силы общественной? Другими словами: какъ совершится переходъ отъ мистическаго индивидуализма къ религиозной общественности? Не очевидно ли, что безъ новаго религиознаго обобщенія, безъ новаго раскрытія догмата не можетъ быть и новой религиозной общественности, новаго редигознаго отношенія къ идеѣ «производительнаго процесса», а слѣдовательно, не можетъ быть для Россіи спасенія.

Я отлично понимаю, какъ трудно, почти невозможно русской интеллигенціи довѣриться освобождающей силѣ догмата. Догматъ есть рабство, религія есть реакція,—вотъ одно изъ тѣхъ либеральныхъ общихъ мѣстъ, которое никакъ не вытравить изъ кожи русскаго интеллигента, точно родимое пятнышко. Но неужели и Струве соблазненъ этимъ общимъ мѣстомъ, на которомъ, въ сущности только и лержится весь современный адогматизмъ? Неужели не видитъ онъ, что новая революціонная казенщина такими же гнилыми нитками шита, какъ и старая, церковно-госу-

дарственная? Неужели не понимает, что религія можетъ быть, но *можетъ* и *не быть* реакціей, что именно сейчасъ въ Россіи религія—ничто, мокрый пепель залитаго водою костра, или первая искра новаго пожара.

Старая идеологія, старое безрелигіозное сознание русской интеллигенціи рухнуло; отъ грядущаго хаоса, отъ «апоѳеоза беспочвенности», стихійной безсознательности и безрелигіозности можетъ спасти лишь новое религіозное сознание, новое пониманіе догмата.

Религіозная безсознательность, преданность хаосу, адогматизмъ поработываетъ; религіозное сознание, догматъ освобождаетъ. А вѣдь и Струве, пожалуй, согласится съ тѣмъ, что соціально-политическое, экономическое и всякое иное рабство есть неотразимое слѣдствіе первоначальнѣйшаго, глубочайшаго рабства религіознаго, этого, можно сказать, рабства всѣхъ рабствъ.

Я видѣлъ сонъ: неимовѣрная тяжесть давила меня, тянула внизъ, и, казалось, готова была раздавить; я боролся съ нею, пытался поднять и не могъ; наконецъ. обезсилѣлъ, чувствуя, что проваливаюсь въ бездонную пропасть,—покорился, пересталъ бороться и понялъ вдругъ,—какъ это иногда случается съ ѣдущими въ поѣздѣ, когда они понимаютъ, что ѣдутъ не назадъ, а впередъ,—понялъ, что лечу не внизъ, а вверхъ, что тяжесть — не тяжесть, а сила полета, исполинскія крылья,—и то, что мнѣ казалось гибелью, было спасеніемъ.

Такой же переворотъ долженъ совершиться въ религіозномъ сознаниіи или, вѣрнѣе, въ религіозномъ самочувствіи русской интеллигенціи: она должна понять, что истинный догматъ—не тяжесть, а крылья. Мистическій адогматизмъ, мистическій нигилизмъ есть ужасъ бреда, въ которомъ человѣкъ борется съ мнимою тяжестью; надо пройти этотъ ужасъ до конца, надо изнemocъ въ борьбѣ до конца, чтобы понять, ощутить нижнее верхнимъ—догматъ, какъ послѣднее освобожденіе, адогматизмъ, какъ рабство всѣхъ рабствъ,—чтобы понять, что значитъ слово Сына Человѣческаго: *Истина освободитъ васъ.*

Борьба за освобождающую истину и есть борьба за догмать.

Въ послѣдніе дни во всей русской литературѣ пронесся кличъ: умерь великій Пань! умерла русская интеллигенція! Одни хоронятъ ее съ нѣжной грустью, вѣнчая цвѣтами, другіе со злорадствомъ волокутъ, какъ падалъ, въ общую яму.

Мы не вѣримъ въ смерть русской интеллигенціи, можетъ-быть, по чувству самосохраненія: намъ кажется, что смерть ея—смерть Россіи. Въ дѣйствительности происходитъ не умираніе, а лишь обмираніе, обморокъ, слишкомъ естественный послѣ того страшнаго удара, который нанесенъ былъ неудавшимся освобожденіемъ въ самое сердце Россіи.

Русская интеллигенція—единородная дочь Петра: Петръ—камень, и на семь камнѣ соизидется Великая Россія, великая русская интеллигенція. Въ сердцѣ ея—каменная твердость Петрова, которую не такъ-то легко одолѣтъ и вратамъ адовымъ. И если бы даже умерла русская интеллигенція, то мы не перестанемъ вѣрить въ чудо воскресенія: уже слышатся все явственнѣй шаги Того, Кто можетъ сказать: Лазарь, изыди!

Самыя обыкновенныя уподобленія—самыя вѣрныя: таково уподобленіе реакціи мраку. Не кажется ли иногда этотъ облегающій насъ мракъ такимъ плотнымъ, почти осязаемымъ, какъ тѣло страшилища, которое навалилось и душить? Гдѣ же мечъ для битвы съ нимъ?

Догмать въ религіозномъ сознаніи—лучъ, въ религіозномъ дѣйствіи—мечъ. Тѣло мрака, тѣло страшилища пронзитъ нашъ острый лучъ, нашъ острый мечъ—догмать.

Аракчеевъ и Фотій.

I.

Что такое Аракчеевъ?

«Просто фрунтовый солдатъ», сказалъ о немъ Пушкинъ.

Но это не такъ просто. Весь петербургскій періодъ русской исторіи создалъ Аракчеева, получилъ въ немъ то, чего хотѣлъ.

Безъ лести преданъ—въ этомъ гербѣ цѣлая религія.

— «Что мнѣ до отечества! Скажите, не въ опасности ли государь?»—воскликнулъ онъ въ Двѣнадцатомъ году передъ вступленіемъ Наполеона въ Россію.

Провались отечество, да здравствуетъ царь; не быть всѣмъ, быть одному—такова религія.

Духъ небытія, духъ человѣкоубійственной казенщины воплотился въ Аракчеевъ до такой степени, что почти не видно на немъ лица человѣческаго, какъ на гоголевскомъ Віѣ: «лицо было на немъ желѣзное».

Желѣзное лицо Аракчеева—лицо единовластія. Нѣтъ Аракчеева, есть аракчеевщина—безсмертное начало. Всего ужаснѣе въ немъ это не человѣческое, нездѣшное, «віево».

Когда онъ умиралъ, Николай I прислалъ къ нему въ Грузино своего лейбъ-медика Виліе, который предписалъ больному, кромѣ лѣкарствъ, полное спокойствіе; но однажды утромъ засталъ его съ желѣзнымъ аршиномъ въ рукѣ, которымъ умирающій наказывалъ провинившагося мальчика-садовника, «производя ему равномерные удары по носу».

Равномѣрные, «единообразные».— «Я люблю *единообразіе* во всемъ», говорилъ Александръ I. Александръ говорилъ, Аракчеевъ дѣлалъ.

Можетъ-быть, мальчикъ, съ окровавленнымъ носомъ не чувствовалъ боли, окаменѣвъ отъ ужаса передъ желѣзнымъ лицомъ этого желѣзнаго автомата, «великаго мертвеца» гоголевской Страшной мести: «хочетъ подняться выросшій въ землѣ великій, великій мертвецъ».

И донинѣ весь русскій народъ—не этотъ ли бѣдный мальчикъ, котораго безсмертный Аракчеевъ бьетъ желѣзнымъ аршиномъ по носу?

Въ государствѣ—Аракчеевъ; въ церкви—Фотій. Казенщина государственная и казенщина церковная. За обѣими—единый духъ небытія, единая религія: всякая власть отъ Бога. У Аракчеева—власть, у Фотія—Богъ; у Аракчеева—земля, у Фотія — небо; у Аракчеева — плоть, у Фотія — духъ.

Ему орудіемъ духовнымъ —

Проклятье, мечъ, и крестъ, и кнутъ?

Соединеніе Аракчеева съ Фотіемъ—соединеніе кнута съ крестомъ. И это соединеніе совершается въ лицѣ Благословеннаго.

Однажды Фотію было видѣніе: «видѣлъ онъ себя въ царскихъ палатахъ, стоящаго передъ царемъ; Фотій, объявъ царя за выю, во ухо тихо повѣдалъ ему, како, гдѣ, отъ кого и колико церковь православная обидима есть; царь же далъ маніемъ Фотію вѣдать, что постарается исправить все».

Въ томъ же видѣніи является Аракчеевъ: по одну сторону царя—Фотій, по другую—Аракчеевъ.

Въ посмертныхъ бумагахъ Фотія находится Записка объ Аракчеевѣ: «всяческая познавая, позналъ, что гр. Аракчеевъ всѣмъ сердцемъ Бога любитъ, царю преданъ, вѣренъ, правдивъ, православную церковь истинно любитъ. Онъ есть правое око царя, столпъ отечества, и таковыя люди вѣками рождаются. Въ немъ, кромѣ добра, я ничего не видѣлъ. Ему можно все повѣрить, и съ Божьею помощію все можетъ

дѣлать.—За что спаси его Боже на многія лѣта для церкви и отечества.

Въ 1829 году Пушкинъ писалъ къ торвальдсеновскому бюсту Александра I:

Не даромъ ликъ сей двуязыченъ,
Таковъ и былъ сей властелинъ:
Къ противочувствіямъ привыченъ,
Въ лицѣ и въ жизни *арлекинъ*.

Это жестоко и несправедливо, это—оскорбленіе не царскаго величества, а страданія человѣческаго. Пусть арлекинъ, но вѣдь раненый на-смерть, истекающій кровью. Двуязычность, двусмысленность, искажающая этотъ ликъ—предсмертная судорога. И онъ скрываетъ ее, трагикомическій Янусъ, двумя лицами, двумя масками: одна, обращенная къ землѣ—Аракчеевъ, другая—къ небу—Фотій.

II.

Полу-фанатикъ, полу-плутъ,

сказалъ Пушкинъ о Фотіи. И это несправедливо: фанатикъ, но не плутъ.

Не изъ плутовства же постился такъ, что желудокъ «въ орѣховую скорлупу сжимался»; удручалъ себя веригами изъ мѣдныхъ крестовъ: «вся грудь моя—едина рана; правый сосецъ внутрь отъ огня изгнилъ; стою еще на ногахъ иногда, но слабъ, какъ тѣнь». Изнурилъ себя до того, что дрожалъ въ постоянномъ ознобѣ и среди лѣта носилъ шубу.

Не изъ плутовства, «былъ въ бѣдахъ, болѣзняхъ, ранахъ, біеніяхъ, потопленіяхъ многократно».

Сынъ мужика, сельскаго причетника, самъ до конца цней мужикъ, въ рясѣ, вступаетъ въ бой противъ масоновъ и мистиковъ «съ Илиною ревностью», точь въ точь какъ рыцарь печальнаго образа—противъ призрачныхъ гигантовъ и вѣтряныхъ мельницъ.

Никому невѣдомый корпусный законоучитель «въ церкви, въ классахъ, на дорогахъ, въ кельѣ и гдѣ случай былъ ему небоязненно гласъ свой, яко трубу, возвышалъ, по-

средѣ великаго града С.-Петербурга, дабы огласить тайны беззаконія, вразумить царя, властей и всѣхъ къ покаянiю».

Отъ государя и министра духовныхъ дѣлъ, «глаголемаго патріарха», кн. Голицына, до послѣдняго синодальнаго чиновника—всѣ ему враги. Но «духъ ревности разжегъ его, и онъ, яко штурмомъ, хотѣлъ взять крѣпость вражію».

Покупалъ еретическія книги, только что вышедшія изъ типографій, и публично при всѣхъ ученикахъ въ корпусѣ «предавалъ раздиранію и огню, произнося: Анаѡема!»

Въ домахъ, гдѣ бывали тайныя собранія масоновъ и мистиковъ, подкупленные слуги проламывали стѣны подъ потолкомъ и просверливали дырочки, сквозь которыя Фотій, будучи невидимъ, самъ видѣлъ и слышалъ все, что дѣлалось внизу.

Впослѣдствіи уже войдя въ силу, вмѣстѣ съ оберъ-полицеймейстеромъ Гладковымъ, учредилъ духовно-полицейскій сыскъ. Одинъ сыщикъ, выманивъ корректурные листы еретической книги пастора Госнера изъ типографіи, представилъ ихъ оберъ-полицеймейстеру, тотъ—Магницкому, Магницкій—Аракчееву, Аракчеевъ—государю. Вотъ маленькое начало Великой Инквизиціи.

Но это впослѣдствіи, а въ первое время, за недостаткомъ помощи полицейской, приходилось надѣяться на помощь Божію, чудо Божіе—или сатанинское.

«Сатана подсылалъ къ нему духа злого, который внушалъ тайно, что онъ—Илья пророкъ новый, а посему нѣкое бы чудо сотворилъ, или хотя перешелъ по водѣ, яко по суху, противу самаго дворца черезъ рѣку Неву».

Митрополитъ вызвалъ его «на испытаніе, въ умѣ ли онъ». Кажется, въ самомъ дѣлѣ, начиналось у Фотія сумасшествіе. Вообразилъ, что масоны хотятъ его извести. Однажды въ глухую полночь прибѣжалъ изъ корпуса къ о. Иннокентію, ректору семинаріи, босикомъ, въ одной рубашкѣ, выскочивъ въ окно, при помощи кадетовъ.

По всей вѣроятности, окончательно сошелъ бы съ ума и пропалъ бы гдѣ-нибудь въ Соловкахъ или Суздалѣ, если бы не «ангелъ во плоти, дочь-дѣвица Анна».

Дочь графа Алексѣя Орлова-Чесменскаго или, вѣрнѣе Ропшинскаго, того самаго, изъ чьихъ молодецкихъ рукъ, послѣ внезапной смерти Петра III, Екатерина II получила престолъ, — благочестивая графиня Анна всю жизнь замаливала грѣхъ отца.

Благочестивая жена
Душою Богу предана,
А грѣшной плотью
Архимандриту Фотью.

Это клевета.

«Я, въ мірѣ пребывая, ни единожды не коснулся плоти женской, не позналъ сласти.— Чадо мое о Господѣ есть дѣвица непорочная во всецѣлости. — Я грѣшникъ, но рабъ Бога моего вѣрный: то ужели бы на дѣло Божіе избралъ сосудъ растлѣнный и нечистый?»

Этому, кажется, слѣдуетъ вѣрить.

Некрасива и уже немолода — «лѣтъ 35 отъ чрева матери» — была эта Дульцинея, когда встрѣтила Донъ-Кихота.

Можетъ-быть, съ ея стороны было невинное обожаніе.

— «Ахъ, отецъ! отецъ! какъ онъ милъ!» — восклицала она, млѣя, когда кн. Голицынъ читалъ ей письма Фотія.

Съ его стороны—бурсацкая, слегка циническая, но отнюдь не любовная, нѣжность.—«Что тебѣ сдѣлалось, чадо мое? Какая есть немощь твоя? Не застудилась ли?— Можно поясницу и гдѣ неловко потерять спиртомъ или оподельдохомъ. Помни, въ зеленыхъ банкахъ худой, а самый лучшій въ бѣлыхъ».

Какъ бы то ни было, встрѣча съ Анною рѣшила судьбу Фотія. Она сложила къ ногамъ его свою женскую честь, свой вельможный санъ и свои несмѣтныя богатства. «Бѣдный сирота», который родился въ свиномъ хлѣву на соломѣ и выпра-

шиваль у тетеньки конецъ пирога или гривенникъ на сбитень, оказался обладателемъ 45 милліоновъ. Но дороже милліоновъ были связи съ Голицынымъ, Аракчеевымъ и, наконецъ, самимъ государемъ.

Чудо совершилось: Фотій пошелъ черезъ Неву по водѣ, яко по суху.

III.

«Революція готовится вскорѣ.

Пароль на все наложенъ—пароль всегубительства—раскопать алтари и разрушить престолы.

Вскорѣ, какъ пожаръ, въ Россіи возгорится революція теперь уже дрова накладки, и огонь подкладывается».

И не въ одной Россіи, но и во всемъ мірѣ, «подъ видомъ тысящелѣтняго Христова царства, еократическаго правленія, готовится революція къ 1836 году; число звѣриное въ Апокалипсисѣ—666: $6+6+6=18$; $6\times 6=36$: 1836».

«Главная причина всего»—Библейское Общество, масоны, мистики, Министерство Дѣлъ Духовныхъ, кн. Голицынъ и «прочая сволочь зловредная».

Также Гречъ, издатель Сѣверной Пчелы, и Тимковскій, цензоръ: въ обоихъ—«духъ революціонный».

«Тайна беззаконія дѣется. Господь при дверяхъ.—Блаженъ, кто возьметъ мѣры осторожности. Время еще не ушло.

Какъ пособить, дабы остановить революцію?

Министерство Духовныхъ Дѣлъ уничтожить. Синоду быть попрежнему.

Въ великой борьбѣ сей должно будетъ дѣйствовать за Бога государь православный, и на главѣ Его помазанника лежать великія судьбы церкви и всего человѣчества.

Богъ побѣдилъ видимаго Наполеона, вторгшагося въ Россію: да побѣдитъ Онъ и духовнаго Наполеона лицомъ твоимъ, коего можешь ты, Господу содѣйствующу, побѣдить въ три минуты чертою пера».

Таковы «откровенія свыше», которыя сообщалъ Фотій Александру I.

Похоже на бредъ. Но есть въ этомъ бреду нѣчто до ужаса реальное, воплощенное во всю историческую русскую дѣйствительность: вѣра въ божественное всемогущество того, кто «въ три минуты чертою пера» можетъ спасти или погубить церковь.

«Исповѣдую же съ клятвою крайняго Судію Духовныя сія коллегіи быти самого всероссійскаго монарха», сказано въ присягѣ членовъ синода, по духовному регламенту Петра I, и подтверждено указомъ Павла I: «самодержецъ россійскій есть глава церкви».

Всего ужаснѣе то, что Фотій себя не обманываетъ, знаетъ, откуда идетъ «революція»; «никто не смѣлъ противиться, помышляя, что все дѣйствуется не безъ воли Высочайшей.— Императоръ самъ поврежденъ въ познаніяхъ истинъ вѣры.— самъ себѣ, по невѣдѣнію, изрываетъ ровъ погибели». Знаетъ Фотій и то, что князь Голицынъ, «главная причина всего— тридцатилѣтній другъ царевъ, соучастникъ въ тайныхъ дѣлахъ, о нихъ же не лѣтъ есть и глаголати (т.-е. въ дѣлахъ любовныхъ).—Князь любимецъ отъ начала былъ у Александра, угождая плоти, міру и дьяволу».

Кому же именно дарована будетъ побѣда «въ три минуты чертою пера»—Богу или дьяволу?

Но тутъ-то и возникаетъ Аракчеевъ: «онъ все можетъ исполнить, онъ вѣренъ.—Онъ православную церковь истинно любить».

А такъ какъ «сему одному всѣ тайны сердца царева откровенны», и «всѣ дѣла о церкви ему же ввѣряемы», то, въ послѣднемъ счетѣ, судьбы церкви зависятъ единственно отъ Аракчеева: глава церкви—не Христось, ни даже русскій царь, а русскій хамъ Аракчеевъ.

IV.

Въ 1824 году, 22 апрѣля, вечеромъ, въ девятомъ часу, въ Лавру принесена тайная вѣсть, что, по Высочайшему повелѣнію, къ митрополиту Серафиму будетъ Аракчеевъ.

«Царь Александръ не хотѣлъ явно все произвести въ дѣло, а тайно думалъ и тихо учинить; Аракчеевъ старался отъ имени царя какъ-нибудь согласить во всемъ митрополита съ княземъ Голицынымъ».

Александръ, по своему обыкновенію, пряталъ желѣзные когти въ бархатную перчатку.

Но тутъ произошло нѣчто внезапное, едва ли впрочемъ, неожиданное, для заговорщиковъ: фитиль поджегъ мину.

— «Въ дѣлѣ святой церкви и вѣры нѣтъ середины!—воскликнулъ митрополитъ.—Когда дѣлать царь хочетъ, то пусть дѣлаетъ, какъ должно; въ противномъ случаѣ, онъ будетъ предъ Богомъ виноватъ. Боже мой! страхъ одолеваетъ меня. Что дѣлается у насъ? И всѣ какъ спать и пробудиться не могутъ. Изъ святѣйшаго синода сдѣлали нечистый единъ, просто сказать, заходъ (т.-е. отхожее мѣсто). Церковь явно поругается, до чего мы дожили!»

«И тотчасъ, взявъ бѣлый клобукъ свой митрополичій, снялъ съ головы своей, бросилъ на столъ и сказалъ:

— «Графъ, донеси царю, что видишь и слышишь. Вотъ ему клобукъ мой! Я болѣе митрополитомъ быть не хочу,—съ княземъ Голицынымъ не могу служить, какъ явнымъ врагомъ церкви и государства!»

«Аракчеевъ смотрѣлъ на сіе, какъ на вещь рѣдкую», замѣчаетъ Фотій.

Дѣйствительно, за весь «петербургскій періодъ русской исторіи», вещь рѣдкая—этотъ Бѣлый Клобукъ, духовный вѣнецъ церкви, спорящій съ желѣзнымъ вѣнцомъ власти; это чудесное превращеніе Серафима въ Никона, мокрой курицы въ орла. Кости московскихъ и византійскихъ патріарховъ не повернулись ли въ гробахъ своихъ?

— «Стой, владыко, святой, стой до конца!—подливалъ масла въ огонь Фотій.—Что сказано царю, то вѣрно: все рушатъ, все раздираютъ, и нѣтъ ниоткуда помощи; весь синодъ въ плѣну у слуги дьявольскаго. Теперь едино остается дѣлать, ежели царь не исправитъ дѣло вѣры и не защититъ

благочестіе,—взять св. евангеліе въ одну руку, а въ другую— св. крестъ, итти въ Казанскій соборъ и посреди народа возгласить: православные! Вѣру Христову попирають, а новую какую-то, бѣсовскую, хотять ввести!—Послушай, графъ, донеси царю, что сіе быть можетъ сдѣлано. Вся Россія узнаеть. Жены и дѣти найдутся многія, которыя за Преподобную Присно-дѣву Богородицу вступятся. Она, Владычица наша, вскорѣ прійдетъ на помощь. Падеть врагъ, и путь нечестивыхъ погибнетъ!»

Здѣсь, какъ и вездѣ, доведенная до конца реакція, становится обратною революціей, черное желѣзо накаляется докрасна. Эта маленькая революція, буря въ стаканѣ воды— не прообразъ ли той настоящей бури, великой революціи черныхъ сотенъ, которой если не мы, то дѣти наши будутъ свидѣтелями?

Но Аракчеевъ слушаетъ молча съ полулишьей, полуволчьей усмѣшкой эти громы не изъ тучи. Онъ можетъ быть спокоенъ: ни Серафимъ ни Фотій не пойдутъ къ народу; стоитъ ихъ ударить желѣзнымъ аршиномъ по носу, чтобы тотчасъ же вновь превратились орлы въ мокрыхъ куриць.

V.

25 апрѣля Голицынъ пріѣхалъ къ Фотію въ домъ графини Орловой, въ часъ пополудни. Фотій ждалъ во всеоружіи.

Стоитъ у иконъ; горитъ свѣча; св. Тайны Христовы предстоятъ; крестъ лежитъ на аналоѣ; Библия раскрыта.—«Входитъ князь и образомъ яко звѣрь рысь является. Протягиваетъ руку для благословенія. Но Фотій, не давая благословенія, говоритъ:

— Въ книгѣ *Таинство Креста* подъ твоимъ надзоромъ непечатано: «духовенство—звѣрь» (т.-е. антихристъ), а я, Фотій,—изъ числа духовенства, то благословить тебя не хочу, да тебѣ и не нужно.

— Неужели за сіе одно?» удивился будто бы Голицынъ.

Тогда Фотій пришелъ въ ярость, схватилъ крестъ, поднялъ его надъ головою и закричалъ:

— «Анаѳема! Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази Его! Будь ты проклятъ! Сидишь во адъ и всѣ съ тобою погибнуть во вѣки! Анаѳема всѣмъ!»

Голицынъ побѣждалъ вонь изъ горницы, «во гнѣвѣ, яко лишенъ ума», утверждаетъ Фотій, но, на самомъ дѣлѣ, скорѣе въ страхѣ.

Голицынъ бѣждалъ, а Фотій кричалъ ему вслѣдъ:

— «Анаѳема! Анаѳема!»

Перепуганная дочь-дѣвица бросилась къ Фотию.

— «Отецъ! Отецъ! Что ты надѣлалъ! Пожалуется князь государю—засудятъ тебя, заточатъ, сошлютъ въ Сибирь...»

Дѣвица плакала, а Фотій, «скача и радуясь», пѣлъ:

— Съ нами Богъ!

Богъ и Аракчеевъ. Не одобровать бы Фотию, если бы не Аракчеевъ: анаѳема Голицыну, министру духовныхъ дѣлъ, тридцатилѣтнему другу цареву, была анаѳемой самому царю, разумѣется, условная—если-де царь не покается.

Во всякомъ случаѣ, теперь уже не могло быть примиренія: надо было выбрать одно изъ двухъ—пожертвовать Фотиемъ, т.-е. Аракчеевымъ, Голицыну, или Голицынымъ Фотию, т.-е. Аракчееву.

15 мая 1824 года изданъ указъ объ уничтоженіи Министерства Духовныхъ Дѣлъ и объ «оставленіи синода попрежнему» Аракчеевъ побѣдилъ, Голицынъ палъ.

«Вся столица славы великой исполнилась,—разсказываетъ Фотій.—Какъ свѣтъ солнца утренняго, разлился свѣтлый слухъ о исчезаніи мірскаго владычества надъ церковью. Паде адъ, дьяволъ побѣжденъ. Слава вѣры, побѣда церкви.—Митрополитъ пѣлъ, и Фотій пѣлъ». Кажется, вотъ-вотъ запоетъ Аракчеевъ.

Но въ чемъ же собственно побѣда церкви?—А вотъ въ чемъ: отнынѣ всѣ доклады синоду представлялись государю черезъ графа Аракчеева. Какъ нѣкогда Голицына, такъ нынѣ Аракчеева, можно было назвать патріархомъ. Самодержавіе и православіе—царство отъ міра и не отъ міра сего—соединились въ Аракчеевѣ. Желѣзный аршинъ сдѣлался жезломъ,

о которомъ сказано въ Апокалипсисѣ: «будетъ пасти народы жезломъ желѣзнымъ».

«Порадуйся, старче преподобный,—писалъ Фотій другу своему архимандриту Герасиму, — нечестіе пресѣклось, общества всѣ богопротивныя, яко же адъ, сокрушились. *Министръ нашъ одинъ Господь Іисусъ Христосъ.* — Молися объ Аракчеевѣ: онъ явился, рабъ Божій, за св. церковь и вѣру, яко Георгій Побѣдоносецъ».

Таковъ побѣда церкви, по мнѣнію Фотія: Христосъ— «министръ духовныхъ дѣлъ»; побѣда Христа—побѣда Аракчеева.

VI.

Это кажется сказкою, но это былъ, и даже не былъ, а современная русская дѣйствительность. Одинъ большой Аракчеевъ, одинъ большой Фотій раздробились на множество маленькихъ.—Нужно ли называть имена?

Духъ государственной казенщины, духъ Аракчеева въ церкви подобенъ явленію Вія:

— «Приведите Вія, ступайте за Віемъ».

«И вдругъ настала тишина; слышалось вдали волчье завываніе, и скоро раздались тяжелые шаги, звучавшіе по церкви».

Не слышится ли намъ и нынѣ это волчье завываніе? Не раздаются ли тяжелые шаги?

«Ведутъ какого-то приземистаго, дюжаго, косолапаго человѣка. Весь онъ былъ чернѣй земли. Тяжело ступалъ, по минутно оступаясь. Длиныя вѣки опущены до самой земли. Лицо на немъ желѣзное».

Желѣзное лицо Вія—лицо государственной казенщины въ церкви.

— «Поднимите мнѣ вѣки: не вижу».

Поднятіе вѣвыхъ вѣкъ церковнымъ сонмищемъ Фотіевъ есть ученіе о томъ, что свободный духъ религіи—духъ революціи. На него-то и кидается несмѣтная сила чудовищъ, какъ на бѣднаго философа Хому Брута: «бездыханный,

грянулся онъ о землю, и тутъ же вылетѣлъ изъ него духъ отъ страха».

Когда наступило утро, «вошедшій священникъ остановился при видѣ такого посрамленія Божьей святыни и не посмѣлъ служить.—Такъ навѣки и осталась церковь съ завязнувшими въ дверяхъ и окнахъ чудовищами,—и никто не найдетъ теперь къ ней дороги».

Эти чудовища родились отъ союза двухъ нечистыхъ силъ—государственной казенщины съ церковною, Аракчеева съ Фотіемъ.



Елизавета Алексѣевна.

I.

«Наконецъ - то я дышу свободно со всею Россіей!— Я проповѣдывала революціи, какъ безумная, я хотѣла одного—видѣть несчастную Россію счастливою, какою бы то ни было цѣною». Это пишетъ императрица Елизавета Алексѣевна, супруга Александра I, три дня послѣ кровавой ночи 11 марта 1801 года.

Хотя она извиняется передъ матерью въ своихъ «политическихъ убѣжденіяхъ», но это, конечно, не болѣе, какъ учтивость къ предразсудкамъ старой маркграфини Баденской. Въ дѣйствительности же, насколько можно судить по письмамъ, напечатаннымъ только что въ изданіи вел. кн. Николая Михайловича (*Императрица Елизавета Алексѣевна*, I т. Спб., 1908), никогда не отрекалась она отъ этихъ убѣжденій, осталась до конца нераскаянной въ своемъ «безуміи», въ своемъ желаніи видѣть несчастную Россію счастливою—свободною.

«Лишенная свободы, вы знаете, увы, люблю ли я свободу». Слова эти могли бы служить эпиграфомъ ко всей жизни Елизаветы Алексѣевны.

Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимнь простой,—

сказалъ Пушкинъ въ стихотвореніи, посвященномъ ей (1819).

Небеснаго земной свидѣтель,
Воспламененною душой
Я пѣлъ на тронѣ добродѣтель.

Имя этой добродѣтели—*возмущенная совѣсть*—то самое, что высказалъ поэтъ въ своей Вольности, написанной, можетъ-быть, не даромъ въ томъ же 1819 г., какъ и «простой гимнъ» Елизаветѣ:

И днесъ учитесь, о цари!
Ни наказанья, ни награды,
Ни мракъ темницъ, ни алтари —
Невѣрныя для васъ ограды.

Николай I хорошо зналъ, что дѣлаетъ, когда, послѣ кончины Елизаветы, собственноручно сжегъ ея многолѣтній дневникъ. Что думалъ и чувствовалъ онъ въ то время, какъ тлѣли на огнѣ эти обличительныя страницы, вырванныя изъ русской исторіи? Если бы въ руки его попались и эти письма,—не предалъ ли бы онъ ихъ огню вмѣстѣ съ дневникомъ? Смогутъ ли онѣ и нынѣ, въ дальнѣйшихъ томахъ, появиться безъ пропусковъ?

«Я проповѣдывала революціи, какъ безумная». Проповѣдь началась, кажется, съ послѣднимъ вздохомъ Екатерины II. Она еще дышала, когда Павелъ I поспѣшилъ объявить себя императоромъ и велѣлъ сыновьямъ надѣть новую гатчинскую форму.—«Признайтесь, мама, что это мелочность... Я не могу передать вамъ чувство, которое возбудила во мнѣ эта форма; я залилась вдругъ слезами....—Мой мужъ повелъ меня въ спальню императрицы, велѣлъ стать на колѣни и поцѣловать руку императору... А рядомъ тѣло покойницы еще лежало на полу, неубранное: ее обмывали и одѣвали... Оттуда прямо въ церковь къ присягѣ; вотъ еще отвратительныя ощущенія (*abominables sensations*), которыя пришлось мнѣ испытать, видя, какъ всѣ эти люди клялись быть рабами, и рабами того, кого я ненавидѣла въ эту минуту,—видя его самого, счастливаго, и, наконецъ, видя всѣ подлости, какія тогда уже передъ нами расточались».

Дворецъ превратился въ казарму. Надъ всею Россіей встало безобразное видѣніе—исполински выросшій карликъ, съ волчьей усмѣшкой и обезьяньими ушами, «холопъ вѣнчаннаго солдата»—Аракчеевъ.

«О, если бы всѣ думали какъ мы! — пишетъ она черезъ полгода новаго царствованія.—Простите, мама, что я даю себѣ волю, но у меня въ ушахъ звенить отъ всего, что я слышу объ его сумасшедшихъ выходкахъ: надо быть деревяннымъ, чтобы не возмутиться».—«Какіе люди, какая низость!» Но не возмущеніе, а лишь омерзѣніе ко всему, что ее окружаетъ, подступаетъ къ сердцу, сжимаетъ ей горло, какъ судорога смертельной тошноты.

Говоря о фавориткѣ Нелидовой, замѣчаетъ она: «*L'Impératrice lui fait les plus grandes bassesses*». Однажды, посорившись съ государемъ, поѣхала Марія Ѳеодоровна, одна, вечеромъ, въ бальномъ нарядѣ, въ Смольный къ Нелидовой просить, чтобы она помирила ее съ мужемъ.—«Надо видѣть, какъ въ такихъ случаяхъ негодуетъ мой мужъ», прибавляетъ Елизавета.

— «Какія глупости дѣлаетъ мама!—говоритъ онъ часто, оставшись наединѣ со мною».

Письма ее вскрываются; она это знаетъ и предлагаетъ матери способы писать невидимыми чернилами: «когда я пишу молокомъ, то, вмѣсто того, чтобы держать бумагу на огнѣ, можно также обсыпать ее порошкомъ изъ тертаго угля; тогда легко прочесть; и писать можно на обѣихъ страницахъ».

«Я хотѣла бы, по крайней мѣрѣ, чувствовать себя свободной въ собственной комнатѣ». Но за нею слѣдятъ всюду. «Со мною обращаются, какъ съ государственной преступницей».

И, пожалуй, не даромъ. Если не въ дѣлахъ, то въ мысляхъ, она—государственная преступница.

Лѣтомъ 1797 года, въ Павловскомъ гарнизонѣ, произошла одна изъ тѣхъ фальшивыхъ тревогъ, какія тогда бывали часто среди запуганныхъ войскъ: пѣхота, артиллерія, конница—все вдругъ поднялось и въ страшномъ смятеніи кинулось ко дворцу черезъ паркъ, гдѣ въ это время находилась царская фамилія. Одни говорили—пожаръ, другіе—бунтъ. Марія Ѳеодоровна перепугалась до смерти. Павелъ тоже растерялся.

Въ этотъ сѣренькій августовскій вечеръ, въ туманныхъ аллеяхъ Павловска, какъ будто пронеслось кровавое видѣніе 11 марта.

«Анна (супруга вел. кн. Константина Павловича) и я,— пишетъ Елизавета Алексѣевна,—мы слѣдили за всѣмъ; и сердца наши бились отъ надежды, потому что это, въ самомъ дѣлѣ, было похоже на *что-то...*»

На что же именно?

«Никогда не было болѣе удобнаго случая... Но горе въ томъ, что люди эти слишкомъ привыкли къ ярму, чтобы умѣть стряхнуть его: при первой же строгой командѣ, готовы они провалиться сквозь землю. О, если бы кто-нибудь сталъ во главѣ ихъ! О, мама, это, воистину, тиранъ!..»

За нѣсколько дней до смерти Павелъ подписалъ указъ объ арестѣ и заключеніи Елизаветы Алексѣевны въ Петропавловскую крѣпость вмѣстѣ съ наслѣдникомъ. И было за что,— видно по этому письму, гдѣ написанное молокомъ выступаетъ кровью.

Кн. Адамъ Чарторыжскій, «другъ дѣтства», свидѣвшись съ Александромъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ 11 марта, нашель въ немъ такую перемену, что сердце сжалось у друга.—«Если бы вы были со мною, ничего бы этого не случилось никогда бы я не былъ такъ увлеченъ...»—сказалъ ему Александръ.

«Всю жизнь тяготѣло на немъ это преступленіе, — заключаетъ Чарторыжскій,—ему казалось, что смыть его нельзя ничѣмъ. Всю жизнь мучило оно его и довело, наконецъ, до того безвыходнаго отчаянія, въ которомъ онъ умеръ». — «Мечъ прошелъ ему душу».

Въ 1801 году, весною, въ Москвѣ, во время коронаціи, среди торжественныхъ празднествъ, онъ цѣлыми часами просиживалъ одинъ, въ молчаніи, уставивъ глаза въ одну точку. Тогда никто не смѣлъ къ нему входить. Приближенные боялись за его разсудокъ. «Но когда слишкомъ долго длилась эта страшная задумчивость, я входилъ насильно и пытался развлечь его, напоминалъ о царственномъ долгѣ, о предстоящихъ трудахъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—это не можетъ пройти. Я долженъ страдать... Какъ вы хотите, чтобы я не страдалъ?.. Это всегда будетъ...»

Была такая минута въ жизни его, когда ему надо было отвѣтить прямо на прямой вопросъ: да или нѣтъ? Преступленіе его не въ томъ, что отвѣтилъ онъ «да» или «нѣтъ», а въ томъ, что не отвѣтилъ ни «да», ни «нѣтъ».

Душа его разорвалась пополамъ между этими двумя отвѣтами. И ужасно видѣть, какъ двѣ половины корчатся въ предсмертныхъ судорогахъ, точно двѣ половины разрубленной змѣи, которыя хотятъ соединиться.

Александръ не отвѣтилъ ни «да», ни «нѣтъ»; Елизавета отвѣтила: «да». И приняла на себя всю тяжесть этого «да»—тяжесть крови.

Въ ту страшную ночь, въ Михайловскомъ замкѣ, среди озвѣрѣвшей толпы пьяныхъ убійцъ и трусливыхъ жертвъ, когда самые храбрые блѣднѣли, какъ трусы, она, слабая, робкая, двадцатилѣтняя женщина, почти дѣвочка, одна казалась безстрашиѣе всѣхъ, одна сохранила спокойствіе; одна знала, что дѣлаетъ. «Въ эту ночь,—говоритъ Чарторыжскій,—императрица Елизавета была единственною властью»—да, властью и волей народа.

Вотъ чего не могъ ей простить Александръ. Произнесенное «да» легло между ними безмолвною чертою, связало и раздѣлило ихъ навѣки. Она была ему не по плечу. Онъ хотѣлъ любить свободу—она любила; съ нимъ дѣлалось—она дѣлала. Для слабой тетивы слишкомъ тяжелая стрѣла; для сложнаго слишкомъ простая; для извилистаго слишкомъ прямая. Воплощеніе его собственной совѣсти, того огненнаго меча, который прошелъ ему душу, той молніи, которая разсѣкла ее пополамъ.

«Небеснаго земной свидѣтель»,—правду сказалъ о ней Пушкинъ. Какъ небесное видѣніе, какъ свѣтлая Психея, проходитъ она въ темной глубинѣ Атридова дома, гдѣ древнее проклятіе падаетъ съ головы на голову.

Но въ ту ночь, когда Евмениды лаютъ, какъ собаки, и нюхаютъ и лижутъ кровь, превращается сама Психея въ Евмениду.

«Наконецъ-то я дышу свободно со всею Россіей»—это торжествующій крикъ Евмениды, ея святая улыбка сквозь кровь.

II.

«C'est Psyché unie à l'Amour.—Это Психея, соединенная съ Амуромъ», говорила о нихъ Екатерина.

Въ лѣтніе вечера, на Царскосельскихъ лугахъ, великіе князья и княгини бѣгали въ горѣлки передъ дворцомъ, откуда смотрѣла на нихъ Бабушка. «Елизавета едва касалась земли—до того была легка,—разсказываетъ гр. Головина,—воздухъ игралъ ея волосами, она опережала всѣхъ; ею любовались и не могли налюбоваться досыта.—«Психея, Психея!»—слышался влюбленный шопоть.

«Однажды вечеромъ, когда я пріѣхала къ ней,—вспоминаетъ та же Головина,—она открыла дверь своего кабинета, въ то время, какъ я входила въ другую. Только что меня замѣтила,—порхнула ко мнѣ; признаюсь, я приняла ее за прекрасное видѣніе: волосы были распущены, она была въ бѣломъ платьѣ, называемомъ греческою туникою, съ узкою золотой цѣпочкой не шеѣ; рукава засучены, такъ какъ только что она оставила арфу. Я остановилась и сказала:

— Боже мой, ваше высочество, какъ вы хорошо выглядите!—вмѣсто того, чтобы сказать: Боже мой, какъ вы хороши!»

«Какъ-то весной гуляли мы въ дворцовомъ саду съ графомъ Алексѣемъ Разумовскимъ. Увидавъ великую княгиню, мы залюбовались ея походкой, и графъ сказалъ мнѣ:

— Боже мой, какой у нея трогательный видъ!»

Жениху 15 лѣтъ, невѣстѣ 13. Они играютъ въ жмурки, веревочку, фанты и другія дѣтскія игры. Однажды вечеромъ въ Эрмитажѣ, въ Бриллиантовой комнатѣ, разсматривая вмѣстѣ эстампы за круглымъ столомъ, онъ сунулъ ей любовную записку; она ему отвѣтила тѣмъ же. Но знаетъ ли она, что такое любовь?

«Какъ смѣшно, мама, цѣловать мужчину—не папу, не дядю. И какъ странно не чувствовать на лицѣ своемъ жест-

кой щетины, какъ всегда, бывало, когда папа цѣлуется». — «Я не могу привыкнуть къ мысли, что я замужемъ... Ахъ, Боже мой, да вѣдь мнѣ только 14 лѣтъ! Нѣтъ, мама, это сонъ...

Двѣ фарфоровыя куколки, слишкомъ обнаженные подъ любопытными взорами старичковъ и старушекъ XVIII вѣка, которые умиляются съ похотливымъ присюсюкиваніемъ: «*C'est Psyché unie à l'Amour!*» Одна изъ тѣхъ соблазнительныхъ картинокъ, которыми увѣшиваются шелковыя стѣны тайныхъ алькововъ. Всенародное и добродѣтельное растлѣніе дѣтей.

«Гр. Шувалова, женщина пронырливая, наполненная духомъ французскихъ щеголихъ, всѣ способы употребляетъ развратить молодыхъ супруговъ, твердя обыкновенно, что нѣтъ вещи вѣчной, и что самая любовь не можетъ быть навсегда,—записываетъ въ дневникъ своемъ Протасовъ, дядька Александра.—Много она ласкалась къ великому князю; но нѣкоторое большей ея дочери на непорочность его покушеніе, противъ котораго добродѣтель его устояла, сдѣлала его матери и дочери ненавистнымъ». — «*La comtesse Schouwalow prostituait sa fille*», сообщаетъ гр. Растопчинъ. — «Великій князь,—продолжаетъ дядька,—упражнялся въ разговорахъ съ молодыми модниками, разными шутками съ парикмахеромъ Романомъ и прочими комнатными (лакеями)... Началъ употреблять вино по вкусу... Пронеслись слухи вредные въ публикѣ... Пошелъ развратъ... О Россійскомъ ученіи забыто... Великую княгиню оставилъ одну».

«Онъ любилъ свою жену, какъ братъ», замѣчаетъ Головина.

— «А вѣдь Зубовъ-то влюбленъ въ мою жену»,—сказалъ онъ однажды въ присутствіи Елизаветы. Можетъ-быть, Зубову предпочелъ бы онъ друга дѣтства, кн. Адама Чарторыжскаго, а впрочемъ, все равно.

Бѣлыя одежды Психеи запятнаны грязью. Сначала грязью, потомъ кровью.

«Я одна, одна, совсѣмъ одна, и никого у меня нѣтъ, кому бы я могла довѣрить мои маленькія мысли (*mes petites pensées*)». — «Я молчу, мама; надо эти мысли держать про себя...»

«Скука ее убиваетъ», говоритъ очевидецъ.

«Въ Берлинѣ ходять слухи,—пишетъ ей мать,—что вы такъ измѣнились, поблѣднѣли и похудѣли, что всѣхъ удивляетъ. Что съ вами, дитя мое? Ужъ не больны ли?»

Что съ нею? А вотъ что.

«У меня такая потребность любить, которая превосходить все». Но любить некого.

И бѣдная Психея, замерзающая въ ледяной пустынѣ, раздуваетъ угли послѣдняго огня—любви къ матери.

«Боже мой, мама родная, я люблю васъ свѣше всякой мѣры. — Вы для меня все. — Мнѣ кажется, что такъ любить нельзя. — Не проходитъ ночи, чтобы я васъ не видѣла во снѣ... Намедни снилось мнѣ, что я цѣлую васъ, и я чувствовала, что рыдаю, задыхаюсь отъ счастья во снѣ. Вотъ и сейчасъ ложусь и надѣюсь увидѣть васъ... Это мой самый сладкій сонъ, если бы не горечь пробужденія.—Доброй ночи, мама. Я говорю вамъ это каждую ночь, и послѣдняя мысль моя, передъ тѣмъ, чтобы заснуть, — вы... Цѣлую вамъ ноги и руки.—Впрочемъ, и наяву вы всегда со мною.—Не бываетъ, кажется, минуты въ теченіе дня, когда бы я не думала о васъ». — Стоитъ ей закрыть глаза, чтобы увидѣть себя въ знакомыхъ комнатахъ родного дома вмѣстѣ съ матерью.

Сонъ становится явью, явь — сномъ. Спящая царица въ хрустальномъ гробу.

«У насъ теперь бѣлыя ночи—свѣтло, какъ днемъ, а соловьи поютъ».

Лѣтнія бѣлыя ночи, зимнія лунныя ночи, небо прозрачное, какъ ледъ, ледъ прозрачный, какъ небо—хрустальный гробъ спящей царицы.

III.

Однажды проснулась, но не надолго.

18 мая 1799 года родилась великая княжна Марія Александровна. Любовь Елизаветы къ дочери—такая же мучительная, похожая на страсть, какъ любовь къ матери.

Какъ она тоскуетъ, что не позволяютъ ей самой кормить Мышку грудью. Какъ ясно видитъ въ этомъ кро-

шечномъ тѣльцѣ, для другихъ еще безликомъ, лицо чело-
вѣческое.

«Со дня на день я все больше привязываюсь къ моему *Коченочку* (mon petit chou). Когда она плачетъ, мнѣ хочется плакать съ нею, потому что она такая тихая, добрая, что ужъ, конечно, не плакала бы, если бы ей не было больно... Маленькій человѣкъ, кажется, скоро начнетъ говорить... Но ходить и не думаетъ; это меня огорчаетъ».

Уже мечтаетъ о воспитаніи, о предстоящихъ долгихъ годахъ жизни съ дочерью.

27 іюля 1800 года ребенокъ умеръ отъ той же болѣзни, какъ впоследствии Александръ, — отъ воспаленія мозга.

Елизавета почти не плакала. Но въ коротенькой запискѣ, посланной матери въ самый день смерти, какъ будто слышится ужасное, раздирающее душу, рыданіе безъ слезъ.

«Мама родная, я не въ силахъ сказать вамъ ничего, кро-
мѣ двухъ словъ: не беспокойтесь обо мнѣ. Сегодня утромъ я лишилась дочери, она умерла. Мама, это ужасно. Я не могу объ этомъ говорить. Но не беспокойтесь, я здорова. О, если бъ я могла отдать тысячи здоровій, вытерпѣть ты-
сячи мукъ, только бы вернуть ей жизнь!»

Дня черезъ три подробно и какъ будто спокойно опи-
сываетъ смерть. Нѣсколько дней ни на минуту не отходила отъ больной; только къ утру послѣдняго дня, когда Мышка затихла, какъ будто задремала,—прилегла на канapé ря-
домъ съ нею въ той же комнатѣ. Вдругъ очнулась и увидѣла, что ребенокъ умираетъ.

«Какъ бы я ни была счастлива,—если бы даже то было счастье видѣть васъ, мама, или имѣть еще дюжину дѣтей,—
Мышки у меня больше не будетъ!..»

И опять одна. Опять замерзаетъ въ ледяной пустынѣ.

IV.

Послѣдняя улыбка замерзающей Психеи—любовь, если это можно назвать любовью, къ гр. Головиной. Любовь Психеи къ Вакханкѣ.

«Я хочу любить васъ, вопреки всему, и, будь я за тысячи верстъ отъ васъ, я буду находить безконечную сладость въ томъ, чтобы мучить себя воспоминаніями счастливыхъ дней...—Нѣтъ, милая, нѣтъ, сердце мое слишкомъ полно. Я больше не могу терпѣть... Мысли мои убиваютъ меня. Плакать, думать о васъ—вотъ все, что мнѣ остается. Я едва удерживаю слезы, когда вижу васъ на-людяхъ или когда о васъ думаю... Боже мой, какую власть вы надо мною имѣете!.. Если бы только могла я провести съ вами два-три часа наединѣ, вы узнали бы тайну мою... Что мнѣ сказать вамъ?.. Что я васъ люблю, боготворю, вотъ все... А вѣдь кто-нибудь, читая это, подумаетъ, что я пишу любовнику...»

«Я уходила съ великою княгинею въ ея уборную, — рассказываетъ Головина.—Минута разставанія приближалась. Великій князь удалялся въ кабинетъ для ночного туалета. Великая княгиня принималась за свой; я расчесывала ей волосы, заплетала въ косу. Камерфрау ее раздѣвала. Она переходила въ спальню, чтобы лечь въ постель, и звала меня туда. Я становилась на колѣни на ступеняхъ кровати, цѣловала ей руки и удалялась...»

«Великій князь прочелъ ваши письма и потребовалъ у меня объясненій,—сообщаетъ Головиной Елизавета.—Я рассказала ему *отчасти*... Но, когда вспомнила это блаженное 30-ое мая, страшно смутилась (*cela m'a toute bouleversée*). Вы знаете, какъ дорогъ мнѣ этотъ день, въ который я отдалась вамъ вся (*on je me suis donnée toute à vous*)»

Кончилось тѣмъ, чѣмъ и должно было кончиться: ненавистью, отвращеніемъ со стороны, конечно, не Вакханки, а Психеи. Она поняла, что соленою водою не утолить жажду.

V.

И спящая царевна, уже не пытаясь проснуться, засыпаетъ все глубже. Ей снятся чудные и страшные сны: нашествіе Наполеона, пожаръ Москвы, утреннее солнце Парижскаго мира, вечернее солнце Священнаго Союза, и вдругъ наступившая ночь, въ которой встаетъ опять,

какъ тогда, исполинскій мертвецъ Аракчеевъ, и опять приближается лай Евменидъ, алчущихъ крови за кровь. Но Богъ спасъ ее отъ этого послѣдняго, самаго страшнаго сна.

Въ захолустномъ городкѣ Таганрогѣ, въ бѣдномъ дворцѣ, похожемъ на ветхій усадебный домъ, въ золотую осень, у теплаго моря, подъ ропотъ волнъ и звонъ колоколовъ старинной греческой церкви Константина и Елены, Александръ и Елизавета, какъ будто впервые за тридцать лѣтъ, встрѣтились и узнали другъ друга. Наконецъ-то спящую царевну царевичъ разбудилъ поцѣлуемъ. Психея соединилась съ Амуромъ. Но, увы, для того, чтобы вмѣстѣ лечь въ гробъ.

Александръ хотѣлъ отречься отъ престола и не смогъ. Елизаветѣ не отъ чего было отречься: корона сама упала съ головы ея, обвитой терновымъ вѣнцомъ. Эта русская императрица такъ и осталась до конца «государственной преступницей». И въ самыя страшныя минуты жизни своей, когда видѣла она въ лицѣ Александра лицо Павла, и когда казалось ей, что произнесенное ею кровавое «да» только укрѣпило то, что ей хотѣлось разрушить,—въ эти страшныя минуты, вспоминая смерть дочери, можетъ-быть, чувствовала она горестную радость о томъ, что не имѣла больше дѣтей, не оставила наслѣдниковъ—не послужила тому, что такъ ненавидѣла. Пусть ничего не сдѣлала и даже почти ничего не сказала, прошла безмолвно свѣтлая Психея—но все-таки прошла, была,—и этого довольно.

Есть легенда, кажется, о царственномъ домѣ Гогенцоллерновъ, что передъ смертью кого-нибудь изъ нихъ появляется ночью на ступеняхъ дворца *Бѣлая Женщина*.

Елизавета Алексѣевна и есть эта Бѣлая Женщина—святая, страшная Евменида—Совѣсть.

Для однихъ—Евменида, а для другихъ—Психея, воплощеніе того небеснаго, чего всѣ мы ищемъ на землѣ и не находимъ: Вѣчной Сестры—Невѣсты—Матери. Она вездѣ, она, и тамъ, въ самой темной тѣмѣ земного ада.

И, увидѣвъ ее, хочется сказать:

— Это ты. Я узналъ тебя. Дай упасть къ ногамъ твоимъ и цѣловать слѣды твоихъ ногъ.

Пророчество и провокація.

Лучше быть шуткомъ гороховымъ, чѣмъ современнымъ «пророкомъ». Лучше бить камни для мостовой, чѣмъ назваться учителемъ.

«Не называйтесь учителями, ибо одинъ у васъ Учитель». Это давно сказано. И еще: «Всѣ пророки и законъ прорекли до Іоанна.—Изъ рожденныхъ женами не возставалъ большій Іоанна Крестителя; но меньшій въ царствѣ небесномъ—больше его», т.-е. больше величайшаго пророка.

Если нѣтъ и не будетъ пророковъ, это не значитъ, что нѣтъ и не будетъ пророчества; наоборотъ: потому-то и нѣтъ пророковъ, что всѣ обладаютъ прозрѣніемъ божественной истины, т.-е. причастны духу пророческому. Никто не пророкъ, никто не учитель, потому что всѣ учатъ и учатся. Нѣтъ великихъ и малыхъ, потому что всѣ равны въ Единомъ.

Это еще не исполнилось и, судя по всему, что сейчасъ происходитъ, исполнится не скоро. Но вотъ именно теперь, когда умолкли пророчества, заговорили пророки, когда ученія мало—учителей много.

«Не называйтесь учителями», сказано такъ, что глухіе могли бы услышать. Но имѣющіе уши не слышали. Только и дѣлали, только и дѣлаютъ, что лѣзутъ въ учителя, въ пророки. Сами лѣзутъ и другихъ тащатъ.

Нѣтъ болѣе дряхлаго язычества, чѣмъ современное поклоненіе учителямъ и пророкамъ, «поклоненіе героямъ». Лучше поклоняться идолу-чурбану, чѣмъ идолу - герою,

все равно, «божественному» Цезарю или «божественному» Шаляпину.

Нѣтъ болѣе смраднaго удушья, чѣмъ то, въ которое попадаетъ пророкъ, тѣснимый толпою.

Нѣтъ болѣе злостной провокаціи, чѣмъ современное пророчество.

— Покажи знаменье, сотвори чудо.

— Чудо могутъ видѣть только вѣрующіе,—повѣрьте и увидите.

— Чему же вѣрить? Ты все говоришь, а не дѣлаешь. Какія дѣла твои? Были у насъ пророки—тѣ шли на смерть. А ты, что?

— Я пойду вмѣстѣ съ вами.

— Ступай же впередъ, а мы за тобою.

— Пойдемъ, когда велитъ намъ Богъ. Но вы не знаете Бога. Я вамъ еще не сказалъ. Слушайте...

— Слыхали, довольно. Соловья баснями не кормятъ.

— О, родъ лукавый и невѣрный!

— Нѣтъ, братъ, шалишь. Зубы не заговаривай!

— Трусъ!

— Шарлатанъ!

— Провокаторъ!

И если новаго пророка не побиваютъ камнями, какъ древнихъ, то заплевываютъ, забрасываютъ гнилыми яблоками, тухлыми яйцами и сажаютъ въ сумасшедшій домъ.

Толпа не любитъ оставаться въ дуракахъ, а по горькому опыту знаетъ она, что почти всѣ пророки оставляли ее въ дуракахъ. У толпы, какъ у мухи, тысячи глазъ, но глаза подслѣповатые: не умѣютъ отличать Магомета отъ Каліостро.

Вотъ почему толпа и въ наши дни поступаетъ со своими пророками такъ же, какъ въ средніе вѣка съ колдунами и вѣдьмами: судитъ ихъ «Божьимъ судомъ»—тащитъ въ огонь или въ воду; не сгоритъ, не утонетъ—стало-быть, съ дьяволомъ снюхался; а начнетъ горѣть или тонуть, значитъ невиненъ—вытащатъ; а не успѣютъ—воля Божья,

зато душа спаслась,—и у толпы новый мученикъ, съ которымъ она и носится впредь до новѣйшаго.

И если даже слушаютъ, вѣрятъ, то все же нѣтъ-нѣтъ—и загорится въ глазахъ толпы тотъ огонекъ, который случилось видѣть миссіонерамъ въ глазахъ людоедовъ: «разложить бы костеръ, да испечь тебя, какъ слѣдуетъ».

Лакома толпа до печенаго мяса пророковъ.

И толпа въ своей жестокости права: подѣломъ вору мука.

Ужъ сколько разъ твердили міру...
Да, видно, все не въ прокъ.

И нынѣ, какъ прежде, бѣдные, милые мальчики, вмѣсто того, чтобы учить латинскій урокъ, мечтаютъ сдѣлаться пророками.

Хочется сказать имъ: не мечтайте, повѣрьте, что участь любого Ивана Ивановича завиднѣе, чѣмъ участь пророка; будьте добрыми людьми, а если не можете, то ужъ лучше пьянствуйте, развратничайте, подписывайте фальшивые векселя—только не лѣзьте въ пророки; помните, что человѣческая, не Божья слава—позорнѣйшій изъ всѣхъ позорныхъ столбовъ.

Я думалъ такъ, читая книгу Стриндберга—«Адъ».

«Адъ?—Но вѣдь я же воспитанъ въ глубочайшемъ презрѣніи къ аду, какъ плоду фантазіи, сваленному въ общую сорную яму суевѣрій. И все же я не могу отрицать самой дѣйствительности. Въ этомъ-то и заключается новое толкованіе такъ называемой «вѣчной муки»: мы находимся въ аду *здѣсь, внизу*. Земля—это адъ, темница, воздвигнутая Высшимъ Разумомъ. Адскій огонь, это—желаніе: осужденнымъ даютъ все, чего они желаютъ; но лишь только желаніе исполнено, какъ предметъ его становится ненужнымъ. О, суета, суетъ! И послѣ перваго разочарованія Высшія Силы вновь разжигаютъ пламя. И пресыщеніе отвращеніе ко всему мучитъ больше, чѣмъ неутоленное желаніе. Такъ терпитъ дьяволъ вѣчныя муки, потому что имѣетъ все, чего

хочетъ, и не можетъ уже больше ничего желать, ничѣмъ утолиться.

Такъ будемъ же страдать, не надѣясь ни на одну радость жизни. Ибо, братъ мой, мы въ аду!

Передо мною встаетъ картина дантовскаго ада, раскаленные гробы грѣшниковъ...» заключаетъ Стриндбергъ.

Можетъ-быть, и вправду, съ дантовскаго Ада не появлялось книги, болѣе достойной этого имени, не звучало болѣе пронзительнаго вопля вѣчной муки: братъ мой, мы въ аду!

Адъ Стринберга—сумасшествіе, не въ переносномъ, а въ точномъ смыслѣ слова. А грѣхъ, за который онъ попалъ въ адъ,—желаніе быть пророкомъ.

Вотъ какъ это случилось.

Между 80-ми и 90-ми годами прошлаго вѣка испыталъ онъ три превращенія: первое—соціализмъ, мечта устроить Царствіе Божіе безъ Бога; второе—индивидуализмъ, мечта книжныхъ затворниковъ, подобныхъ Ренану и Флоберу, о верховномъ правительствѣ самодержавныхъ мудрецовъ—«мандариновъ». И третье, послѣднее—католичество, мечта о возрожденіи средневѣковой теократіи съ римскимъ папой во главѣ. Въ соціализмѣ, какъ это нерѣдко случается, Стриндбергъ былъ женолюбцемъ, феминистомъ; отрекшись отъ соціализма, какъ тоже часто бываетъ, сдѣлался женоненавистникомъ. Наконецъ переходныя ступени отъ второго превращенія къ третьему—окультизмъ, алхимія, магія, теософія.

И каждый разъ, какъ въ новую вѣру крестится,— онъ ее не только исповѣдуетъ, но и проповѣдуетъ—пророчествуетъ. Въ этомъ вся его бѣда: назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ; назвался пророкомъ, жди провокаціи.

Это и сбылось надъ Стриндбергомъ.

И здѣсь, какъ вездѣ, провокація обоюдная: обличалъ—обличаютъ; требовалъ—требуютъ; провоцировалъ—провоцируютъ.

Учитель ушелъ впередъ, а ученики, отставая, дѣлались врагами? И враговъ у него теперь больше, чѣмъ волосъ

на головѣ. Соціалисты, «мандарины», женщины, оккультисты, алхимики, маги, теософы, можетъ-быть, и католики, которые чуютъ въ немъ измѣну,—все это несется за нимъ по пятамъ, какъ свора гончихъ за раненымъ звѣремъ или толпа Евменидъ за убійцею.

Манія пророчества, манія величія переходитъ въ манію преслѣдованія, опять-таки не въ переносномъ, а въ точномъ смыслѣ слова. Онъ уже сидѣлъ въ сумасшедшемъ домѣ. Читая Адъ, испытываешь страхъ, какъ бы онъ опять туда не вернулся.

Всюду чудятся ему «покушенія»: врачи хотятъ его упрятать въ желтый домъ, женщины—отравить, соціалисты—зарѣзать, анархисты—взорвать, оккультисты—заколдовать, алхимики и маги—убить электрическимъ токомъ, который по ночамъ, когда онъ спитъ, направляется въ самое сердце его черезъ потолокъ и стѣны изъ какой-то сложной машины, поставленной на чердакъ или крышѣ сосѣдняго дома: онъ задыхается и выскакиваетъ въ окно. Бѣгаетъ изъ дома въ домъ, изъ города въ городъ, изъ страны въ страну, но нѣтъ убѣжища, нѣтъ спасенія: вездѣ враги, соглядатаи, сыщики, провокаторы.

До какого бузумія дошелъ онъ, можно судить по тому, что въ ласкѣ собственной матери онъ видитъ провокацію.

И не только люди, но и животныя, бездушныя вещи, преслѣдуютъ, подсиживаютъ, пророчествуютъ, провоцируютъ. Ночные шорохи, игра тѣней на вдавленной подушкѣ, игра свѣта на шероховатостяхъ цинковой ванны, стеариновыя сосульки оплывшей свѣчи, открывшаяся на вѣщей страницѣ книга, поднятый на улицѣ лоскутокъ газетной бумаги съ неоконченною фразою, скрещенные на лѣсной тропинкѣ, въ видѣ буквъ, сучки—все—чудо, все — знаменье, все—«персть», пророчество или провокація. Въ томъ-то и ужасъ его, что не умѣетъ онъ отличить пророчество отъ провокаціи, Бога—отъ дьявола.—«Я искалъ Бога и нашель дьявола».—Да, древній Отецъ лжи—исконный Провокаторъ. И отецъ посылаетъ дѣтей своихъ, безчисленныхъ мелкихъ бѣсовъ. Дьявольское пророчество—

провокація становиться вѣчно вѣющей, пламенѣющей недотыкомкой безумія. Отнынѣ вся жизнь его—сплошной бредъ, сплошной адъ.

И вовсе не выходъ, какъ думаетъ Стриндбергъ, а глубочайшій послѣдній «кругъ» ада—его послѣднее обращеніе въ католицизмъ.

Опять, увы, опять и тутъ пророчество, и тутъ провокація.—«Раздается проповѣдь Крестоваго похода противъ турокъ и евреевъ—и скоро на площадяхъ запылаютъ первые костры, на которыхъ будутъ сжигать вѣдьмъ».—«Мнѣ стало ясно, что освобожденіе человѣчества — одна нелѣпость». Какъ будто можно сжечь недотыкомку на кострѣ инквизиціи! Какъ будто всякая инквизиція, старая и новая, не та же провокація! Какъ будто римскій папа, назвавшій себя «непогрѣшимымъ учителемъ», — не всемірно-историческое нарушеніе заповѣди: «не называйтесь учителями»!

Кажется, впрочемъ, самъ Стриндбергъ чувствуетъ, что его крещеніе въ римскую вѣру такое же непрочное, какъ и всѣ остальные. Десницею созидаетъ, шуйцею разрушаетъ. «Дорога креста ведетъ меня назадъ къ религіи моихъ предковъ», т.-е. къ римскому католичеству.—Это съ одной стороны, а съ другой: «примиреніе со старою религіею, т.-е. съ римскимъ католицизмомъ, невозможно: насъ ожидаетъ не возвратъ къ отжившимъ идеаламъ, а движеніе къ новому».

Кажется, самъ онъ чувствуетъ, что попалъ не туда—не на лоно матери, а подъ розги мачехи. — «Развѣ религія — наказаніе, а Христось — Мститель?» спрашиваетъ онъ и знаетъ, что если получитъ отвѣтъ, то не словами, а розгами. — «Что же дѣлать? Смириться... Смириться передъ Богомъ? Но развѣ не кощунство—превращать Всевышняго въ плантатора, владѣющаго неграми?»—«Всѣ древніе боги превращались въ демоновъ: Прометей-Люциферъ сталъ Сатаной. Неужели же и...?» Тутъ русскія цензурныя точки. Но смыслъ понятенъ: «я искалъ Бога и нашелъ дьявола».

Нѣтъ, дѣйствительный исходъ изъ ада— не католицизмъ, не обращеніе въ какую бы то ни было старую или новую вѣру, а лишь обращеніе въ себя самого («metanoite, опомнитесь, обратитесь»), окончательное сознаніе того грѣха, за который онъ попалъ въ адъ.

«Моя жизнь—знаменье, примѣръ, служащій другимъ для исправленія; притча для доказательства ничтожества славы; притча для юношества о томъ, какъ не слѣдуетъ жить; притча—я, считавшій себя пророкомъ и оказавшійся нынѣ жалкимъ хвастуномъ».

Кто говоритъ такъ, тотъ не погибъ. Но и не спасся; чтобы спастись, надо не говорить, а дѣлать. И если бы Стриндбергъ началъ дѣлать, то прежде всего сжегъ бы книгу свою, ибо такихъ книгъ нельзя писать, нельзя читать. Это не книга, а та черепица, которою скребъ струпья свои прокаженный Іовъ. Какъ будто слышится и самый звукъ ужаснаго скребка. И книга выпадаетъ изъ рукъ...

Что ужъ тутъ говорить! Хочется сдѣлать, какъ друзья Іова: «сидѣли съ нимъ семь дней и семь ночей; и никто не говорилъ ему ни слова, ибо видѣли, что страданіе его весьма велико».

А когда молчать не хватитъ силъ, то скажемъ: бѣдный Стриндбергъ, бѣдные мы! Ибо не онъ одинъ, а мы всѣ въ аду, всѣ ждемъ второго Господня сошествія въ адъ. Маленькія дѣти, почти голыя, выброшенные на улицу въ лютый морозъ,—сидимъ, замерзаемъ и плачемъ, и кричимъ— не докричимся матери.

И еще скажемъ ему, чтобъ не слишкомъ онъ боялся и стыдился своего безумія: оно вѣдь не только его, но и наше; надъ всѣми нами свиститъ и воетъ ураганъ безумія— кто головой выше, надъ тѣмъ страшнѣе; былинки гнетъ, дубы выворачиваетъ съ корнемъ. Такіе разные, но одинаково современные люди, какъ Мопассанъ и Гаршинъ, Ницше и Глѣбъ Успенскій, одинаково сходятъ съ ума. И Достоевскій скользилъ по краю той же пропасти. Л. Толстой, это воплощенное душевное здоровье, нѣкогда пряталъ онъ себя ружье, чтобъ не застрѣлиться, веревку,

чтобъ не повѣситься. И теперь, уже каменья въ своей старческой мудрости, не выдержаль, вдругъ закричалъ: «Накиньте намыленную веревку на мою старую шею!» Отчего не умолкаетъ въ ушахъ этотъ крикъ, раздавшійся, точно крикъ послѣдняго ужаса, послѣдняго безумія, не только надъ Россіей, но и надъ всѣмъ человѣчествомъ?

Кажется иногда, что въ настоящее время абсолютное душевное здоровье—абсолютная пошлость.

Это, конечно, не такъ. Если путь къ религіи—черезъ безуміе, то сама она—высшій разумъ; если путь къ религіи—черезъ болѣзнь, то сама она—высшее здоровье. Истинно религіозными людьми могутъ быть только безконечно разумные, безконечно здоровые. Чудо исцѣленія—первое чудо религіи.

Но, пока не совершится оно, не будемъ считать немощь нашу здоровьемъ, безуміе наше—пророчествомъ. Будемъ помнить, что, когда заговорить пророчество, пророки замолчатъ. И не на кострахъ инквизиціи, не на ночныхъ огняхъ безумія, а только въ утреннемъ солнцѣ свободы и разума недотыкомка ложнаго пророчества—провокація до тла сгоритъ.

Душа Сахара.

Это одно изъ дѣйствующихъ лицъ метерлинковой Синеи Птицы—высокая бѣлая фигура, вышедшая изъ сахарной головы, одѣтая въ балахонъ цвѣта темно-синей сахарной бумаги, съ ледянцами вмѣсто пальцевъ, которые она отламываетъ и предлагаетъ дѣтямъ пососать. Какъ будто второстепенное, а на самомъ дѣлѣ, главное лицо—душа пьесы, душа самого Метерлинка. Когда-то была у него душа трагедіи — горькой полыни, а теперь — *душа сахара*.

Волшебное искусство Художественнаго театра вдохнуло и въ зрителей душу сахара, ибо нужно поистинѣ волшебство, чтобы взрослыхъ людей кормить отъ 8 часовъ вечера до 12^{1/2} ночи этою тающею, капающею, липнувшею сладостью.

Критики бранятся, капризничаютъ, гримасничаютъ; но не вѣрьте имъ: толпа наслаждается. сосетъ, не насосется, и облизывается, и причмокиваетъ, и слюнки распустила, какъ маленькія дѣти.—«Если не обратитесь и не станете, какъ дѣти»... Ну, вотъ и обратились, впади въ дѣтство.

Европа становится Китаемъ. А за Европой и мы. Всѣ тамъ будемъ. Благополучные мандарины, дряхлые младенцы, сидимъ на корточкахъ, киваемъ головами и присюсюкиваемъ надъ сладчайшими глупостями, утонченнѣйшими вздорами, благоуханнымъ цвѣтомъ чая въ прозрачныхъ фарфоровыхъ чашечкахъ. Кончена трагедія, наступила идиллія, Царство Небесное, идѣже нѣсть ни болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная—или смерть безконечная.

Это, впрочемъ, уже разъ было въ Европѣ — было и сплыло; но вотъ опять наплываетъ.

1909—1809. Среди безчисленныхъ юбилеевъ,—мавзолеевъ того кладбища, по которому нынѣ всѣ мы бродимъ, какъ тѣни, слѣдовало бы справить и юбилей Бѣдной Лизы, юбилей чувствительности; слѣдовало бы возобновить модныя сто лѣтъ назадъ посѣщенія «Лизина пруда, сего мѣста, очарованнаго Карамзиновымъ перомъ», какъ тогда писали.

Издыхая, услаждуся,
Вспомня взоръ, Темира, твой,
Съ свѣтомъ, съ жизнью разлучуся,
Лишь не съ милой мнѣ мечтой.

«Онъ былъ сентименталенъ, онъ былъ золь и сентименталенъ», говоритъ Достоевскій о старикѣ Карамазовѣ. Чѣмъ злѣе, тѣмъ сентиментальнѣе. Карамазовская злая сентиментальность—душа сахара—душа нашего времени.

Одинъ изъ вчерашнихъ зрителей, бывшій революціонеръ, получилъ письмо, съ описаніемъ ужасовъ, которые сейчасъ творятся въ русскихъ тюрьмахъ надъ приговоренными къ смертной казни. Называютъ ихъ *смертниками*—новое слово, вошедшее въ русскій языкъ и сразу сдѣлавшееся обиходнымъ: употребляется уже безъ кавычекъ;—смертниковъ, связанныхъ по рукамъ и ногамъ, кладутъ въ рядъ на тюремномъ дворѣ и тутъ же, одного за другимъ, вѣшаютъ; живые видятъ судороги, слышатъ стоны умирающихъ и ждутъ очереди.

Утромъ получилъ мой знакомый это письмо, а вечеромъ наслаждается Синею Птицею.

— Ну, что, какъ?—спросилъ я его.

— Хорошо! Ахъ, какъ хорошо!

— Что же именно—постановка или сама пьеса?

— Все вмѣстѣ... Я давно не наслаждался такъ, не отдыхалъ душою.

Я хотѣлъ, было, напомнить о смертникахъ, и не хватило духу; но, кажется, онъ самъ угадалъ и заторопился, немного конфузясь.

— Да, да, вотъ именно то, что для души нужно... Знаете, точно прямо съ дороги, потнаго, грязнаго, жаркаго, усталаго, такъ что всѣ косточки ноютъ, вдругъ взяли да посадили въ теплую, свѣжую, душистую ванну. Развѣ не такъ? А? Ну чего вамъ еще?..

Я промолчалъ, но хотѣлось прибавить: теплая ванна, въ которой льется кровь изъ раскрытыхъ жилъ, какъ у римскихъ самоубійцъ. Мы вѣдь всѣ немножко самоубійцы или убійцы, палачи или смертники: одни вчера, другіе завтра; одни сразу, другіе потихоньку.

И въ этой теплой ваннѣ—всѣ вмѣстѣ—революціонеры и черносотенцы, максималисты и октябристы, социалъ-демократы и кадеты, семиты и антисемиты, вѣрующіе и безбожники—всѣ вмѣстѣ въ этой бездонной сладости, бездонной мягкости, какъ маленькія дѣти въ одной колыбелькѣ. Или, какъ мухи на одной липкой и сладкой, ядовитой бумажкѣ, которая называется мушиная смерть.

Не дохлыя мухи, а здоровые люди, все равно, греки, римляне, варвары или даже русскіе мужики, не вынесли бы, стошнило бы ихъ. А вотъ намъ ничего—посасываемъ да похваливаемъ.

Герой Ибсеновскихъ призраковъ, Освальдъ Альвингъ признается, что любитъ больше всего на свѣтѣ прикосновеніе къ мягкимъ тканямъ, особенно къ бархату: подойдетъ къ занавѣси, остановится, и долго-долго, цѣлыми часами, зажмуривъ глаза, съ улыбкой, трогаетъ, щупаетъ, гладитъ мягкія складки. Кто-то замѣчаетъ, что это симптомъ размягченія мозга.

Что, если наслажденіе наше Синюю Птицею тоже зловѣщій симптомъ—щупаніе бархата? Что, если Метерлинкъ, современнѣйшій изъ современныхъ геніевъ—Гете, у котораго начинается размягченіе мозга?

Отъ гоголевскихъ «свиныхъ рылъ» сквозь чеховскую «тарарабумбію» и андреевскую Тьму къ метерлинковой Синей Птицѣ—вотъ страшный путь.

Но намъ не страшно: вѣдь въ Странѣ Воспоминаній нѣтъ угрызений; и въ Царствѣ Ночи вѣютъ забвенные,

безкровныя, спокойныя Ужасы. Какъ скоро забылись, успокоились, обезкровились!

Обезкровленіе, обезболеніе — *анэстезія*. Больная совесть—больной зубъ, съ которымъ уже ничего не остается дѣлать, какъ вырвать. Но сперва надо усыпить боль кокаиномъ или хлороформомъ. И тогда можно вырвать совесть, вырвать сердце,—а мы и не услышимъ. Сладость Метерлинка — сладость хлороформа.

Сладко—гадко. Упоительно—отвратительно.

Сладость гнили, сладость смерти, той *второй смерти*, отъ которой нѣтъ воскресенія.

Какъ въ Бобкѣ Достоевскаго,—засыпая смертнымъ сномъ, шепчемъ: «Синяя Птица, Синяя Птица!—Бобокъ! Бобокъ!

Сахаръ. входитъ въ составъ нѣкоторыхъ взрывчатыхъ веществъ. Можетъ-быть, душа сахара сдѣлается душою огня? Можетъ-быть, Синяя Птица—синее сердце того пламени, который насъ всѣхъ истребитъ?

Лучше умереть, чѣмъ жить не съ душой человѣческой, а съ этою сладкою слякотью—душою сахара.

Свинья Матушка.

I.

Одинъ современный русскій писатель сравниваетъ два памятника — Петру I и Александру III ¹⁾).

«Къ статуѣ Фальконета, этому величію, этой красотѣ, поскакавшей впередъ Россіи... какъ идетъ придвинуть эту статую, Россіи черезъ 200 лѣтъ послѣ Петра, растерявшей столько надеждъ!... Какъ все изящно началось и неуклюже кончилось!..

— Это тогда! — могъ бы сказать обыватель, взглянувъ на монументъ на Сенатской площади.

— Это теперь! — подумалъ бы онъ, взглянувъ на новый памятникъ.

Водружена матушка Русь съ царемъ ея.—Ну, какой конь Россія,—свинья, а не конь... Не затанцуетъ. Да, такая не затанцуетъ, и, какъ мундштукъ не давить въ нѣбо, матушка Русь рѣшительно не умѣетъ танцовать ни по чьей указкѣ и ни подъ какую музыку... Тутъ и Петру Великому «скончаніе», и памятникъ Фальконета—только обманувшая надежда и феерія.

Задъ, главное, какой задъ у коня! Вы замѣчали художественный вкусъ у русскихъ, у самыхъ, что ни на есть аристократическихъ русскихъ людей придѣлывать для чего-то кучерамъ чудовищные зады, кладя подъ кафтанъ цѣлую

¹⁾ См. статью Варварина въ Русск. Словѣ. Я не хочу раскрывать псевдонима, но *ex ungue leonem* — одинъ только человекъ въ Россіи пишетъ такимъ языкомъ.

подушку? — Что за идеи, объясните! Но, должно-быть, какая-то историческая тенденція, «міровой» вкусъ, что ли?...»

Міровой вкусъ къ «заду»—это и есть «родное, мое, наше, всероссійское. — Крупомъ, задомъ живетъ человѣкъ, а не головой... Вообще говоря, мы разуму не довѣряемъ...»

«Ну и что же, всѣ мы тутъ, всѣ не ангелы. И до чего намъ родная, милая вся эта Русь!.. Монументъ Трубецкого, единственный въ мірѣ, есть именно нашъ русскій монументъ.—Намъ другой Руси не надо, ни другой исторіи».

Самообличеніе—самооплеваніе русскимъ людямъ вообще свойственно. Но и среди нихъ это небывалое; до этого еще никто никогда не доходилъ. Тутъ переступлена какая-то черта, достигнуть каковой-то предѣль.

Россія—«матушка», и Россія—«свинья». Свинья—матушка. Пѣснь торжествующей любви—пѣснь торжествующей свиньи.

Полно, ужъ не насмѣшка ли? Да нѣтъ, оңъ, въ самомъ дѣлѣ, плачетъ и смѣется вмѣстѣ: «смѣюсь какимъ-то живымъ смѣхомъ «отъ пупика»,—и весь дрожить, такъ что видишь, кажется, трясущійся кадыкъ Федора Павловича Карамазова.

Ахъ, вы, дѣточки, поросяточки! Всѣ вы,—дѣточки одной Свиньи Матушки. Намъ другой Руси не надо. Да здравствуй Свинья Матушка!

Какъ мы дошли до этого?

II.

Дневникъ А. В. Никитенко (1804 — 1877),—едва ли не лучший отвѣтъ на вопросъ: какъ мы до этого дошли?

Это—исповѣдь, обнимающая три царствованія, три поколѣнія—отъ нашихъ прадѣдовъ до нашихъ отцовъ. Годъ за годомъ, день за днемъ, ступень за ступенью—та страшная лѣстница, по которой мы спускались и, наконецъ, спустились до Свиньи Матушки.

Рабыя книга о рабьей жизни. Писавшій—рабъ вдвойнѣ, по рожденію и по призванію: крѣпостной и цензоръ; откупившійся на волю крѣпостной и либеральный цензоръ. Русская воля, русскій либерализмъ.

Рабы, влачащіе оковы,
Высокихъ пѣсней не поютъ.

Вся жизнь его—пѣснь раба о свободѣ. «Боже, спаси насъ отъ революціи!»—вотъ вѣчный припѣвъ этой пѣсни.—«Безумные слѣпцы! Развѣ они не знаютъ, какая революція возможна въ Россіи?—Надо не имѣть ни малѣйшаго понятія о Россіи, чтобы добиваться радикальныхъ переворотовъ.—Я вышелъ изъ народа. Я плебей съ головы до ногъ, но не допускаю мысли, что хорошо дать народу власть.—Либерализмъ надо просѣвать сквозь сито консерватизма. — Одинъ прогрессъ *сломя голову*, другой *постепенно*; я поборникъ послѣдняго. — Мудрость есть терпѣніе.—Вотъ я люблю стибелькомъ растенія въ горшкѣ, стоящемъ на моемъ окнѣ, которое, несмотря на недостатокъ земли и на холодъ, проникающій сквозь стекло, все-таки живетъ и зеленѣетъ».

Бѣдное растеніе, бѣдная рабыя свобода!

Только изрѣдка, когда впивается желѣзо до костей, уже не поетъ онъ, а стонетъ. «Искалѣченный, измученный,—лучше сразу откажись отъ всякихъ правъ на жизнь и дѣятельность—во имя... Да во имя чего же, Господи?»

Въ 1841 году предложилъ онъ гр. Шереметеву выкупъ за мать и брата, еще крѣпостныхъ. «Вотъ я уже полноправный членъ общества, пользуюсь нѣкоторою извѣстностью и вліяніемъ и не могу добиться—чего же? Независимости моей матери и брата. Полоумный вельможа имѣетъ право мнѣ отказать: это называется правомъ! Вся кровь кипитъ во мнѣ; я понимаю, какъ люди доходятъ до крайностей».

Самъ онъ до нихъ не дошелъ. «Я всегда былъ врагомъ всякихъ крайностей». Несмотря на всѣ испытанія, всѣ искушенія,—а ихъ, видитъ Богъ, было много,—остается

онъ до конца дней своихъ либеральнымъ постепеновцемъ.

«Стоять посреди крайности, соблюдать законъ равновѣсія—ничего слишкомъ—вотъ мой девизъ.—Терпѣніе, терпѣніе и терпѣніе. — Мудрость есть терпѣніе. — Нѣтъ такого зла, котораго люди не могли бы снести: все дѣло только въ томъ, чтобы привыкнуть къ нему.—Да будетъ все такъ, какъ иначе быть не можетъ».

Да будетъ все такъ, какъ есть.

Но, если далѣко писавшему до революціи, то, по дѣйствию на душу читателя, это одна изъ революціоннѣйшихъ русскихъ книгъ.

Мы видимъ здѣсь воочию, какъ европейское лицо либеральной постепеновщины превращается въ истинно-русскій реакціонный «задъ»; какъ утвержденіе либеральной середины переходитъ въ самую чудовищную крайность: да здравствуетъ Свинья Матушка!

III.

— «Не правда ли говорилъ, что въ Европѣ будетъ смятеніе?—сказалъ Николай I въ 1848 году представлявшимся ему русскимъ католическимъ епископамъ.

— Только что я услышалъ объ этихъ безпорядкахъ,—отвѣтилъ одинъ изъ нихъ,—какъ вспомнилъ высокія слова вашего величества и изумился ихъ пророческому значенію.

— Но будетъ еще хуже,—продолжалъ государь.—Все это отъ безвѣрія, и потому я желаю, чтобы вы, господа, какъ пастыри, старались всѣми силами объ утвержденіи въ сердцахъ вѣры. Что же меня касается,—прибавилъ онъ, сдѣлавъ широкое движеніе рукой,—то я не позволю безвѣрію распространяться въ Россіи, ибо оно и сюда проникаетъ».

Еще откровеннѣе выразилъ эту главную мысль Николаевского царствованія министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ:

«Мы живемъ среди бурь и волненій политическихъ. Народы обновляются, идутъ впередъ. Но Россія еще юна...

Надобно продлить ея юность... Если мнѣ удастся отодвинуть Россію на 50 лѣтъ, то я исполню свой долгъ».

Никитенко знаетъ, откуда пошла эта «русская вѣра»: «о, рабыня Византія! Ты сообщила намъ религію...»

Борьба Россіи съ Европой, всемірно-историческаго «зада» со всемірно-историческимъ лицомъ есть возрожденіе Византіи въ ея главной религіозной сущности.

«Теперь въ модѣ патріотизмъ,—продолжаетъ Никитенко, отвергающій все европейское и увѣряющій, что Россія проживетъ однимъ православіемъ безъ науки и искусства... Они точно не знаютъ, какою вонью пропахла Византія, хотя въ ней наука и искусство были въ совершенномъ упадкѣ... Видно по всему, что дѣло Петра Великаго имѣетъ и теперь враговъ не менѣе, чѣмъ во времена раскольничьихъ и стрѣлецкихъ бунтовъ. Только прежде они не смѣли выползать изъ своихъ темныхъ норъ... Теперь же всѣ гады выползли».

Кто главный врагъ дѣла Петрова, онъ тоже знаетъ.

Въ томъ самомъ 1848 году, когда объявлена священная война Европѣ, Никитенко записываетъ: «думаютъ навсегда уничтожить дѣло Петра.—Наука блѣднѣетъ и прячется. Невѣжество возводится въ систему. Еще немного — и все, въ теченіе ста пятидесяти лѣтъ содѣянное Петромъ и Екатериною, будетъ въ конецъ низвергнуто, затоптано. Чудная земля Россія! Полтора ста лѣтъ прикидывались мы стремящимися къ образованію. Оказывается, что все это было притворство и фальшь: мы улелетьвали назадъ быстрѣе, чѣмъ когда-либо шли впередъ. Дивная земля!»

Вотъ когда начался «міровой вкусъ къ заду», превращеніе Коня въ Свинью.

Почти ни одной черты не надо мѣнять, чтобы картина тогдашней реакціи сдѣлалась картиною нашихъ дней.

Неземная скука «вѣчныхъ возвратовъ», повторяющихся еновь: «все это ужь было когда-то»,—вотъ что въ русскихъ реакціяхъ всего отвратительнѣе.

Никитенко—не Тацитъ; но инныя страницы его напоминаютъ римскаго лѣтописца, можетъ-быть, оттого, что

нѣтъ во всемірной исторіи двухъ самовластій болѣе схожихъ, по впечатлѣнію сумасшествія, которое производитъ низость великаго народа. Ибо что такое самовластіе, возведенное на степень религіи, какъ не самое сумасшедшее изъ всѣхъ сумасшествій?

IV.

Митрополитъ Филаретъ пожаловался Бенкендорфу на одинъ стихъ Пушкина въ Онѣгинѣ:

И стая галокъ на крестахъ.

Митрополитъ нашель въ этомъ оскорбленіе святыни. Цензоръ на запросъ отвѣтилъ, что «галки, сколько ему извѣстно, дѣйствительно садятся на кресты московскихъ церквей, но что, по его мнѣнію, виновать здѣсь болѣе всего московскій полицеймейстеръ». Бенкендорфъ написалъ митрополиту, что дѣло не стоитъ того, чтобы въ него вмѣшивалась такая почтенная духовная особа.

Если это легенда, то до чего нужно было дойти, чтобы повѣрить ей.

«Въ средніе вѣка жгли за идеи и мнѣнія, но, по крайней мѣрѣ, каждый зналъ, что можно и чего нельзя,—заключаетъ лѣтописецъ.—У насъ же безсмыслица, какой міръ не видалъ!»

Потерпѣвъ пораженіе въ войнѣ съ московскими галками, митрополитъ нашель поддержку въ министрѣ народнаго просвѣщенія, Уваровѣ, который приказалъ, чтобы профессора философіи во всѣхъ русскихъ университетахъ руководились въ своемъ преподаваніи статьею, напечатанной въ Журналѣ М. Н. П., гдѣ доказывалось, что «всѣ философіи вздоръ, и что всему надо учиться въ Евангеліи».

Никитенко вспоминаетъ по этому поводу проектъ Магницкаго объ уничтоженіи въ Россіи преподаванія философіи, такъ какъ оно «невозможно безъ пагубы религіи и престола».

Другой министр народнаго просвѣщенія, кн. Ширинскій-Шихматовъ, утверждалъ, что «польза философіи не доказана, а вредъ отъ нея возможенъ».

Понятно, что, съ этой точки зрѣнія, всѣ философскія системы въ Россіи не болѣе, какъ тѣ галки, которыя садятся на крестахъ и пакостятъ.

Да и гдѣ ужъ тутъ философія, когда одинъ цензоръ въ учебникѣ ариѳметики запрещаетъ рядъ точекъ, поставленный между цифрами, подозрѣвая въ нихъ вредный умыселъ, а другой—не пропускаетъ въ географической статьѣ мѣста, гдѣ говорится, что въ Сибири ѣздятъ на собакахъ, требуя, чтобы свѣдѣніе это получило подтвержденіе отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Безконечная переписка ведется о томъ, какъ ставить числа мѣсяцевъ—новаго стиля надъ старымъ, или стараго надъ новымъ.

Одного ученаго на университетскомъ диспутѣ: «О зародышѣ брюхоногихъ слизняковъ», за употребленіе иностранныхъ словъ объявили «не любящимъ своего отечества и презирающимъ свой языкъ».

Цензоръ Пушкинскаго Современника до того напуганъ гауптвахтою, что «сомнѣвается, можно ли пропускать извѣстія въ родѣ того, что такой-то король скончался».

Въ сочиненіи по археологіи нельзя говорить о римскихъ императорахъ, что они убиты, — велѣно писать: «погибли»; а греческое слово *дэмосъ*—народъ—замѣнять русскимъ словомъ *граждане*.

И опять вспоминается Магницкій, который доказывалъ нѣкогда, что книга профессора Куницына, Естественное Право, напечатанная въ Петербургѣ, произвела революцію въ Неаполѣ.

О книгѣ Продѣлки на Кавказѣ военный министръ замѣтилъ Дубельту: «книга эта уже тѣмъ вредна, что въ ней что ни строчка, то правда».

Тотъ же Дубельтъ вызвалъ Булгарина за неодобрительный отзывъ о петербургской погодѣ:

— «О чемъ ты тамъ нахрюкалъ? Климатъ царской резиденціи бранить? Смотри!»

Когда за Философскія Письма Чаадаева запрещень былъ Телескопъ, издателей петербургскихъ журналовъ вызвали въ цензурный комитетъ: «всѣ они вошли, согнувшись, со страхомъ на лицахъ, какъ школьники».

Цензоровъ тошнить отъ цензуры: «цензура теперь хуже квартальныхъ надзирателей. — Изъ цензуры сдѣлали съѣзжую и обращаются съ мыслями, какъ съ ворами и пьяницами. — Тьфу! Что же мы, наконецъ, будемъ дѣлать въ Россіи? Пить и буяннить?»

На похоронахъ Пушкина обманули народъ: сказали, что отпѣвать будутъ въ Исаакіевскомъ соборѣ, и ночью, тайкомъ, перенесли тѣло въ Конюшенную церковь. Бенкендорфъ убѣдилъ государя, что готовится манифестація; по улицамъ стояли военные пикеты, и въ толпѣ шныряло множество сыщиковъ. Точно такъ же тайкомъ увезли тѣло въ деревню.

Жена Никитенко на одной станціи, неподалеку отъ Петербурга, увидѣла простую телѣгу, на телѣгѣ солому, подъ соломой гробъ, обернутый рогожей. Три жандарма на почтовомъ дворѣ хлопотали о томъ, чтобы скорѣе перепрячь курьерскихъ лошадей и скакать дальше съ гробомъ.

— Что это такое?—спросила она у одного изъ находившихся здѣсь крестьянъ.

— А Богъ его знаетъ что! Вишь, какой-то Пушкинъ убитъ, и его мчатъ на почтовыхъ въ рогожѣ и соломѣ, прости Господи—какъ собаку...

«Чтобы все найденное мною неприличнымъ было исключено», постановилъ Николай I о посмертномъ изданіи Пушкина.

Такъ похоронили того, кто сравнивалъ Николая I съ Петромъ Великимъ и завѣщалъ, умирая: «скажите государю, что мнѣ жаль умереть,—былъ бы весь его».

Когда умеръ Гоголь, Погодина отдали подъ надзоръ полиціи за то, что онъ выпустилъ журналъ свой съ черною каймою, а предсѣдатель цензурнаго комитета объявилъ, что не будетъ пропускать похвальныхъ статей Гоголю—«лакейскому писателю».

«Уваровъ хочетъ, чтобы русская литература прекратилась: тогда, говорить, я буду спать спокойно».

«Да и къ чему въ Россіи литература?.. Родная поэзія кнута и штыка...»

Наконецъ самого Никитенко посадили на гауптвахту за то, что онъ пропустилъ въ Сынѣ Отечества нѣсколько шуточныхъ словъ о фельдъегерѣ, побрякивающимъ шпорами и крутящемъ усы, намазанные фиксатуаромъ.

Клейнмихель принялъ шутку на свой счетъ. Что такое въ самомъ дѣлѣ Клейнмихель, какъ не исполинскій фельдъегеръ? «Клейнмихель охмелѣлъ отъ царскихъ милостей», замѣчаетъ Никитенко и далѣе рассказываетъ о бѣшенномъ волкѣ, который, появившись однажды на петербургскихъ улицахъ, перекусалъ множество людей.

«Сила его,—продолжаетъ онъ о Клейнмихелѣ,—будетъ расти при дворѣ, по мѣрѣ усиленія къ нему ненависти и презрѣнія въ обществѣ».

Большой Клейнмихель повторяется въ безчисленныхъ маленькихъ, какъ солнце въ капляхъ росы.

«Недавно два офицера, такъ, ради смѣха, встрѣтивъ на улицѣ одного чиновника, совершили надъ нимъ грубое неприличіе. Тотъ спросилъ у нихъ: что они—сумасшедшіе или пьяные? Они привели его на съѣзжую, и оскорбленный долженъ былъ заплатить полицейскому пятнадцать рублей, чтобы тотъ отпустилъ его».

Гвардейскіе офицеры собрались пить. Двое поссорились, остальные рѣшили, что чѣмъ выходить на дуэль, лучше раздѣлаться кулаками. Дѣйствительно, надавали другъ другу пощечинъ и помирились.

Офицеръ въ маскарадѣ Дворянскаго собранія, въ пьяномъ видѣ, разрубилъ саблею черепъ молодому человѣку, ничѣмъ его не оскорбившему.

Вотъ первые цвѣточки того хулиганства, чьи ягодки созрѣли въ наши дни.

Въ корпусѣ мальчики освистали учителя-офицера. Сначала ихъ сѣкли такъ, что докторъ, при этомъ присутствовавшій, пересталъ отвѣчать за жизнь нѣкоторыхъ; потомъ

лишили дворянства, разжаловали въ солдаты и по этапу отправили на каавказъ.—«Русское дворянство растить своихъ сыновей для розогъ, а дочерей для придворнаго разврата!—Ужась, ужась и ужась!»

Но если иногда и загорается ужась, то гаснетъ тотчасъ же въ той сѣренькой слякоти, которая опредѣляется двумя словами: карты и скука. «Во всѣхъ салонахъ царствуютъ карты и скука».

Это слишкомъ знакомое намъ состояніе тихаго террора, благополучнаго ужаса—не только въ обществѣ, но и въ народѣ.

«Гуляль подъ качелями. Густыя массы народа двигались почти безшумно, съ тупымъ равнодушіемъ поглядывая на паяцовъ и вяло улыбаясь на ихъ грубыя выходки».

Однажды, на масленицѣ 1836 года, загорѣлся балаганъ Лемана. Когда начался пожаръ, и раздались первые вопли, народъ, толпившійся на площади, бросился къ балагану, чтобы разбирать его и освобождать людей. Явилась полиція, разогнала народъ и запретила что бы то ни было предпринимать до прибытія пожарныхъ. Народъ отхлынулъ и сдѣлался спокойнымъ зрителемъ страшнаго зрѣлища. Пожарная команда поспѣла какъ разъ во-время, чтобы вытаскивать крючками изъ огня обгорѣлыя трупы. Зато Сѣверная Пчела объявила, что люди горѣли въ удивительномъ порядкѣ.—«Государь сердился, но это никого не вернуло къ жизни».

Все нарастаетъ и нарастаетъ этотъ тихій ужась, предчувствіе неминуемой гибели.

«Въ обществѣ нѣтъ точки опоры; всѣ бродятъ, какъ шалые и пьяные. Одни воры и мѣшеники бодры и трезвы.—Общество быстро погружается въ варварство. Спасай, кто можетъ, свою душу!—Страшный гнетъ, безмолвное раболѣпство.—Не фальшь ли все, что говорятъ о народномъ патріотизмѣ? Не ложь ли это, столь привычная нашему холопскому духу? Насъ бичуютъ, какъ во времена Бирона; насъ трактуютъ, какъ бессмысленныхъ скотовъ. Или нашъ народъ, въ самомъ дѣлѣ, никогда ничего не дѣлалъ,

а за него всегда дѣлала власть?.. Неужели онъ всѣмъ обязанъ только тому, что всегда повиновался—этой гнусной способности рабовъ? Ужасъ, ужасъ, ужасъ!—Да сохранить Господь Россію!»

И всего ужаснѣе то, что гибель Россіи кажется спасеніемъ Европы.

«Ненависть къ русскимъ въ Европѣ повсемѣстная и вопіющая.—Насъ считаютъ гуннами, грозящими Европѣ новымъ варварствомъ. До сихъ поръ мы изображали въ Европѣ только огромный кулакъ.—Грубая физическая сила угрожаетъ штыками и пушками человѣческому разуму. Кто преодолѣетъ?»

«Спасая душу свою», московскій профессоръ Печеринъ бѣжалъ изъ Россіи. Это имъ въ тѣ дни написаны страшныя слова:

Какъ сладостно отчизну ненавидѣть
И жадно ждать ея уничтоженья,
И въ разрушеніи отчизны видѣть
Всемирнаго денницу возрожденья!

«Да сохранить Господь Россію»—последній вопль изъ горящаго балагана.

И балаганъ рухнулъ: «Севастополь взять!»—записываетъ Никитенко съ торжествомъ тайнаго, рабьяго, жалкаго, но все же святого мщенія.—Мы не два года ведемъ войну,—мы вели ее тридцать лѣтъ, держа милліонъ войскъ и безпрестанно грозя Европѣ. Къ чему все это?.. А мы думали столкнуть съ земного шара гнѣющей Западъ».

Николай I скончался. «Длинная и, надо-таки сознаться, безотрадная страница русскаго царства дописана до конца,—произноситъ рабъ надъ владыкою безпощадный приговоръ человѣческой совѣсти.—Главный недостатокъ царствованія Николая Павловича тотъ, что все оно было—ошибка.—Теперь только открывается, какіе ужасы были для Россіи эти двадцать девять лѣтъ. Администрація въ хаосѣ; нравственное чувство подавлено; умственное развитіе остановлено; злоупотребленіе и воровство выросли до чудовищныхъ размѣровъ. Все это плоды презрѣнія къ истинѣ и

слѣпой варварской вѣры въ одну матеріальную силу. Возставая цѣлыя двадцать девять лѣтъ противъ мысли, онъ не погасилъ ея... и заплатилъ своею жизнью, когда послѣдствія открылись ему во всемъ своемъ ужасѣ».

«Николая I, — говоритъ Никитенко, — убила эта несчастная война».

Нѣтъ, не только эта, но и вѣчная война Россіи съ Европою — космическаго зада съ человѣческимъ лицомъ. И не только надъ прошлымъ произнесенъ беспощадный приговоръ, — но и надъ будущимъ.

V.

«Великій день: манифестъ о свободѣ крестьянъ», записываетъ Никитенко 5 марта 1861 года. Онъ прочелъ этотъ манифестъ, «важнѣе котораго врядъ ли что есть въ тысячелѣтней исторіи русскаго народа», вслухъ женѣ и дѣтямъ перелъ портретомъ Александра II, «какъ передъ образомъ», и велѣлъ своему десятилѣтнему сыну «затвердить навѣки въ своемъ сердцѣ 5 марта и имя Александра II Освободителя».

Не сидѣлось дома на радостяхъ. Вышелъ бродить по улицамъ. Вездѣ читали манифестъ и наклеенныя на перекресткахъ объявленія отъ генераль-губернатора. Одинъ, дочитавъ до мѣста, гдѣ говорится, что два года дворовые должны оставаться въ повиновеніи у господъ, воскликнулъ: «Чортъ дери эту бумагу!» Другіе молчали.

Но Никитенко не обратилъ на это вниманія и, встрѣтивъ А. Д. Галахова, бросился ему на шею: «Христось воскресел!»—«Воистину воскресел!»—и обнялись, чуть не заплакавъ отъ радости.

Никитенкѣ казалось, что онъ можетъ воскликнуть: нынѣ отпускаеши раба твоего, — что освобожденіе крестьянъ—освобожденіе Россіи. И не ему одному, а почти всѣмъ его современникамъ. Почти всѣ тогда повѣрили, что освобожденіе безвозвратное. Но что возвратъ всегда возможенъ, — да еще какой, — показалъ страшный опытъ.

Начался тотъ медовый мѣсяцъ либеральной постепенщины, за который мы такъ жестоко расплачиваемся. Медъ отцовъ отрыгнулся въ дѣтяхъ полынью.

А между тѣмъ и тогда, кто хотѣлъ, видѣлъ правду. Точнѣе нельзя ее высказать, чѣмъ это сдѣлалъ Никитенко нѣсколько лѣтъ назадъ.

«Въ обществѣ начинается стремленіе къ лучшему порядку вещей. Но этимъ еще не слѣдуетъ обольщаться. Все, что до сихъ поръ являлось у насъ хорошаго или дурного, все являлось не по свободному самобытному движенію общественнаго духа, а по волѣ высшей власти, которая одна вела, куда хотѣла» (1855).

И еще раньше, во времена Николаевскія: «или нашъ народъ, въ самомъ дѣлѣ, никогда ничего не дѣлалъ, а за него всегда дѣлала власть?.. Неужели онъ всѣмъ обязанъ только тому, что всегда повиновался—этой гнусной способности рабовъ?»

Обязанъ всѣмъ—даже свободой. И воля рабовъ—рабья воля—немногимъ лучше вольнаго рабства.

Нѣтъ, несвободенъ освобождаемый и не освободившій себя народъ. Свобода—не милость, а право. Не роса нисходящая, а пламя возносящееся. Лишь Божьей милостью свободенъ свободный народъ.

Если бы Никитенко остался вѣренъ этой правдѣ, то не запутался бы въ той лжи, въ которой погибъ.

«Какіе невѣроятные успѣхи сдѣлала Россія въ нынѣшнее царствованіе! Если бы въ Николаевскія времена кто-нибудь вздумалъ напечатать о подобныхъ вещахъ, то былъ бы сочтенъ за сумасшедшаго или за государственнаго преступника. А тутъ вотъ публичное судопроизводство, гласные, присяжные, адвокатура... и все это—созданіе того государя, котораго упрекаютъ въ слабости.—Когда правительство ступило на другой путь, тогда безчестно не содѣйствовать его благимъ начинаніямъ.—Нѣтъ, господа красные, вы не поняли этого человѣка!

Во всей нашей администраціи есть одинъ только человекъ, честности и патріотизму котораго можно довѣ-

рять, — это Александръ II.—Если между нашими правительственными лицами есть кто-нибудь, желающій блага Россіи, то это государь».

Все бывшее зло—отъ личной воли Николая I, все настоящее благо—отъ личной воли Александра II. Но вѣдь это и значить: народъ самъ никогда ничего не дѣлалъ, а за него дѣлала власть; онъ всѣмъ обязанъ повиновенію—«этой гнусной способности рабовъ». Корень рабства остается нетронутымъ; заколдованный кругъ неразорваннымъ. И освобожденіе не освобождаетъ. Было и есть. Есть и будетъ.

Мудрено ли, что бывшее медомъ въ устахъ отцовъ, будетъ полынью во чревѣ дѣтей?

Либеральному постепеновцу суждено отнынѣ вѣчно искать середины, вѣчно колебаться какъ маятнику между двумя крайностями,—«я всегда былъ врагомъ всякихъ крайностей»;—между двумя террорами, бѣлымъ и краснымъ;—между двумя молитвами: Боже, спаси насъ отъ реакціи,—и Боже, спаси насъ отъ революціи.

И постепенно, и нечувствительно совершить онъ полный оборотъ слѣва направо; отъ европейскаго лица революціи къ истинно-русскому заду реакціи.

VI.

Появились нигилисты въ круглыхъ шапочкахъ съ остриженными волосами, — записываетъ онъ 21 апрѣля 1864 года.—Наши нигилисты требуютъ жизни безъ всякихъ нравственныхъ опоръ и вѣрованій.—Хотятъ разрушить все и начать съ дубины дикаря.—Смотрятъ на человѣчество, какъ на стадо животныхъ».

Изъ бесѣды съ одной нигилисткой: эта милашка до того завралась, что воскликнула: «анархія, самое лучшее состояніе общества!»

О философіи Лаврова: «Боже мой, и это философія!.. Я не говорю уже о томъ, что тутъ все одинъ матеріализмъ... Но что за хаосъ мыслей!.. Развѣ только на Сандвичевыхъ островахъ можно признать за философію весь этотъ бредъ».

О Писаревѣ: «модный пророкъ Писаревъ угрожаетъ намъ въ будущемъ кровавымъ потопомъ».

«Прокламаціи. Бредятъ конституціей, социализмомъ... Требуютъ, чтобы Россія лила кровь, какъ воду... И чего хотите вы, господа красные?.. Кто далъ вамъ право человѣческую кровь считать за воду?.. Вы хотите кровавыми буквами написать на вашихъ знаменахъ: *свобода и анархія*».

«Настоящей разумной революціи намъ не изъ чего дѣлать, хотя все къ ней клонится. Но мы способны дойти до полной анархіи.—Деспотизмъ анархической несравненно хуже монархическаго.—Мы стоимъ въ преддверіи анархіи, да она уже и началась.—Мы всѣ спускаемся по скату и съ неудержимой быстротой мчимся въ пропасть, которой предѣловъ и дна не видно».

«До чего изгажено, перепорчено, изуродовано молодое поколѣніе!.. Это—осадки, подонки вѣка... Раствѣнные умы... Краснокожіе либералы... Нелѣпныя стремленія... Безобразный порывъ... Бѣдная Россія, какъ жестоко тебя оскорбляютъ!.. Боже, спаси насъ отъ революціи!»

Что это? Полвѣка или полгода назадъ? Никитенко или Булгаковъ, Бердяевъ, Струве? Дневникъ шестидесятихъ годовъ или Вѣхи? Тѣ же мысли, чувства, тѣ же звуки голоса. «Все это ужъ было когда-то». Было и есть, есть и будетъ. Отвратительная скука русскихъ реакцій, неземная скука вѣчныхъ возвратовъ, повторяющихся сновъ.

Все также нечувствительно, постепенно—постепеновець доходить до воззванія къ ежовымъ рукавицамъ.

«Если бы правительство показало, что съ нимъ шутить нельзя, то мода эта (на нигилизмъ) быстро прошла бы.—Единственной уздой русскаго человѣка до сихъ поръ былъ страхъ; теперь страхъ этотъ снять съ его души». Страху не стало—оттого и гибнетъ Россія.

Но если такъ, то Николаевское царствованіе не было «ошибкой»; ужъ если кто сдѣлалъ ошибку, то самъ Никитенко, осудившій царство страха. Правъ былъ Николай, былъ правъ Уваровъ, желавшій «подтянуть» Россію, «отодвинуть на пятьдесятъ лѣтъ».

Оказывается, что въ Россіи, хотя «народъ никогда ничего не дѣлалъ, а все за него дѣлала власть»,—все же не избытокъ, а недостатокъ власти. «Чего смотрять высшія власти?.. Едва ли въ какомъ-нибудь благоустроенномъ государствѣ инерція правительства доходила до такой степени, какъ у насъ».

Эта желанная власть явилась, наконецъ, въ лицѣ Муравьева. «Мѣры Муравьева начинаютъ приносить плоды: возстаніе (Польши) почти прекращено. Пора, пора дѣйствовать въ духѣ одной системы, не сворачивая въ сторону ни на одну линію».

Когда генераль-губернаторъ Суворовъ отказался участвовать въ поднесеніи образа Муравьеву, говоря, что не можетъ оказать этой чести такому «людоѣду»,—Тютчевъ, благороднѣйшій изъ русскихъ поэтовъ, назвалъ это пошлостью въ пошлѣйшихъ стихахъ.

Простите насъ, нашъ симпатичный князь,
Что русскаго честимъ мы людоѣда,
Мы, русскіе, Европы не спросясь.

«Если ужъ пошло на то, такъ Россія нужнѣе для чело-вѣчества, чѣмъ Польша, рѣшаетъ Никитенко. — У Россіи есть будущность. — Насъ упрекаютъ могуществомъ нашимъ, какъ преступленіемъ. Но развѣ мы украли наше могущество? Мы добыли его терпѣніемъ и кровью».

«Смотрите, не лизните крови!» предостерегаетъ онъ русскихъ нигилистовъ и тутъ же съ «людоѣдами» лижетъ кровь.

«Не фальшь ли все, что говорятъ о народномъ патриотизмѣ? Не ложь ли это, столь привычная нашему холопскому духу?»—не вспомнились ему тогда эти его собственные слова.

Маятникъ вправо — маятникъ влево; но дѣло не въ немъ, а въ стрѣлкѣ часовъ, которая движется отъ одного полдня къ другому — отъ одного *тихаго ужаса* къ другому.

VII.

Уже въ 1858 году поворотъ назадъ становится очевиднымъ. Запрещено употреблять въ печати слово «прогрессъ». На докладѣ Ковалевскаго, въ которомъ говорилось о прогрессѣ

гражданственности, Александръ II собственноручно написалъ: «Что за *прогрессъ*? Прошу слова этого не употреблять».

Въ слѣдующемъ 1859 году: «мы, кажется, не шутя вызываемъ тѣнь Николая Павловича. Но теперь это можетъ быть и опасно. Правительство нехорошо дѣлаетъ, что, принимая начало, не допускаетъ послѣдствій».

Но начало безъ послѣдствій — въ этомъ вся сущность рабьей свободы: по устамъ текло — въ ротъ не попало.

Въ 1861 году, нѣсколько дней спустя, послѣ манифеста: «право, никогда еще, даже при Николаѣ Павловичѣ, университеты наши не были въ такомъ положеніи, какъ теперь». «Современнику»—предостереженіе.—Министръ усиливается запретить Некрасова.

«Коварнѣйшая погода: солнце свѣтитъ ярко, какъ лѣтомъ, а между тѣмъ страшный холодъ. — Прелестные майскіе дни, нечего сказать! Сегодня ночью выпалъ снѣгъ. Надѣвай опять шубу. — На душѣ уныло, мрачно, безнадежно. — Тощая зелень изъ полумертвой земли».

Бѣдный подснѣжникъ рабьей свободы, побитый морознымъ утренникомъ. Мнимая весна — петербургская оттепель.

«Государь намѣренъ закрыть нѣкоторые университеты.

«— Долѣе терпѣть такіе безпорядки нельзя,—говоритъ онъ, — я рѣшился на строгія мѣры».

«Въ Казанской губерніи бунтъ крестьянъ. — Употреблена военная сила. Шестьдесятъ человѣкъ убито».

Въ 1864 году о статьяхъ Каткова: «неужели же одною матеріальною силою мы будемъ притягивать нѣмцевъ, поляковъ, финновъ? Правительству нужны бывають цѣпныя собаки; оно и спускаетъ ихъ съ цѣпи, а потомъ не знаетъ, какъ ихъ унять».

Въ 1865 году: «Валуевъ замыслилъ сдѣлать съ нашею литературою то, чего не въ состояніи былъ сдѣлать Николай Павловичъ».

Въ 1869: «Надо зажать ротъ печати», — говоритъ новый Аракчеевъ, — Шуваловъ. — Паника всеобщая. Ожидають худшаго, чѣмъ во времена Николаевскія».

Въ 1872: «Мы возвращаемся прямо къ временамъ передъ Крымской войной. Новый законъ о цензурѣ. Finis печати. При этомъ законѣ становится невозможными въ Россіи наука и литература. Да, правду сказать, давно бы слѣдовало покончить съ ними. Къ чему онѣ намъ?»

Рабы, влачащіе оковы,
Высокихъ пѣсенъ не поютъ.

Въ концѣ пятидесятихъ годовъ отмѣтилъ лѣтописецъ появленіе славянофила А. С. Хомякова въ армякѣ и шапкѣ-мурмулкѣ: «говоритъ неумолчно и большею частью по-французски... *Себѣ на умѣ*».—Теперь появляется другой представитель русской народности, еще больше себѣ на умѣ: «казацкій генераль съ удивительною рожею,—на ней какъ будто отпечатана такая программа, что если онъ хоть четвертую часть ея исполнилъ, то его десять разъ стоило повѣсить. А между тѣмъ, странное дѣло, тутъ же видно и какое-то добродушіе».

На высотѣ русскаго освобожденія этотъ казацкій генераль—какъ рѣющій ангель на иглѣ Петропавловской крѣпости. Смѣсь либеральнаго добродушія, съ программой, достойной висѣлицы, и есть лицо того времени, въ которое мы, дѣти нашихъ отцовъ, имѣли несчастье родиться.

Въ это именно время дѣлается «провидѣніемъ Петербурга Треповъ». Не только Петербурга, но и всей Россіи. «Вся Россія отдается подъ полицейскій надзоръ... Открыто подкапываются подъ суды, стремятся опрокинуть земскія учрежденія, поразить гласность.—Земское собраніе уничтожено, какъ какое-нибудь тайное нигилистическое общество.—Администрація принимаетъ такія репрессивныя мѣры, какъ будто одни нигилисты населяютъ русскую землю».

Усилена власть губернаторовъ. Нижегородскій сдѣлалъ распоряженіе, по которому всѣ женщины въ круглыхъ шляпахъ, синихъ очкахъ, съ остриженными волосами и безъ кринолиновъ, признаются нигилистками и забираются въ полицію, гдѣ имъ приказываютъ надѣть кринолины, а если не послушаются, то высылаютъ изъ губерніи.

Въ 1872 году въ Петербургѣ одну молодую дѣвушку, дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника, остригшую себѣ волосы послѣ тифа и по слабости глазъ носившую очки, городовые схватили на улицѣ и отвели въ часть, какъ нигилистку.

«— При мнѣ этого не будетъ!»—говорить гр. Д. А. Толстой о нигилистахъ. И Катковъ, какъ бѣшенный, кидается на всѣхъ.

Полдень бѣлаго террора, тихаго ужаса.

«Все одно и то же — мрачно всюду, глухо всюду». И въ этой глухой тишинѣ, кажется, вотъ-вотъ раздастся снова паническій крикъ: «да сохранить Господь Россію!

«Какіе невѣроятные успѣхи сдѣлала Россія!»—это въ началѣ, а въ концѣ: «мнѣ пришлось горько разочароваться и убѣдиться, что всему хорошему у насъ суждено начинаться, но не доходить до конца.—Давъ свободу народу, мы хотимъ сковать всякую свободу мысли.—Одною рукою производимъ улучшенія, а другою ихъ подрываемъ; одною даемъ, а другою отнимаемъ. Устанавливаемъ новые порядки и тотчасъ же спѣшимъ сдѣлать ихъ недѣйствительными. *намъ хотѣлось бы новаго въ частностяхъ, но съ тѣмъ, чтобы все главное осталось по-старому.* У насъ испугались реформы тѣ самыя, которые ее произвели».

Это и есть участь русской либеральной постепенщины: кошачьи подарки, собачьи отнимки; и хочется, и колется; въ концѣ медового мѣсяца—тещина рожа реакціи. Чего просили, то и получили: не Божью грозу, а чортову слякоть рабьей свободы.

«Все это ужъ было когда-то».—Было и есть. Есть и будетъ.

VIII.

Да, «намъ хотѣлось бы новаго въ частностяхъ, съ тѣмъ чтобы все главное осталось по-старому».

Неужели же онъ все еще видитъ, что именно главное? Неужели все еще думаетъ, что губить Россію только бюрократія, — цвѣтъ и плодъ, а не корень дерева.

Кажется, начинаетъ видѣть.

«Не перестаютъ восхищаться благодѣянiями, излитыми въ послѣднее время на народъ. То ли скажетъ исторiя? Освобожденiе будетъ не добромъ, а зломъ и великимъ зломъ, при такомъ поворотѣ назадъ. — Лучше было бы не начинать, чѣмъ продолжать такъ».

Это увидѣлъ онъ, уже одной ногой стоя во гробѣ. «Теперь я, какъ Марiй на развалинахъ всего, что мною когда-то дѣлалось: впереди ничего, кромѣ окончательнаго уничтоженiя».

И вотъ послѣднiй вопль отчаянiя: «нашъ народъ чортъ знаетъ, что такое! — Все ложь, все ложь, все ложь въ любовномъ моемъ отечествѣ».

Было царство страха, стало царство лжи.

Ложь—рабья свобода и рабья любовь къ отечеству: у рабовъ нѣтъ отечества.

Какъ утопающiй за соломинку, хватается онъ теперь за ту самую революцiю, которой такъ боялся, за тѣхъ самыхъ нигилистовъ, которыхъ такъ ненавидѣлъ.

«Всеобщее неудовольствiе и волненiе умовъ, даже дикiя выходки нашихъ юношей доказываютъ, что нашъ народъ живъ и что у него есть будущность. — Главный двигатель матеріалистовъ—отчаянiе, и, правду сказать, есть отъ чего притти въ отчаянiе.—Но чѣмъ хуже, тѣмъ лучше.—*Можетъ-быть, намъ предстоитъ очиститься въ огонь революцiи*».

Онъ, впрочемъ, знаетъ, что ему самому этимъ огнемъ уже не очиститься; надъ самимъ собою и надъ своимъ поколѣнiемъ произнесъ онъ смертный приговоръ.

«Самое важное въ человѣческой жизни это—умѣние что-нибудь сдѣлать. Я ничего не умѣлъ и не умѣю сдѣлать. Жить въ словахъ и для словъ это—глубокое злополучiе.—Я, какъ ребенокъ, какъ дуракъ, играю въ мечты и призраки. Я и подобные мнѣ доктринеры составляемъ родъ бесполезныхъ людей, способныхъ развѣ только умирать мужественно и честно. Но мы напрасно думаемъ отвратить неотвратимое».

Приговора тягчайшаго надъ либеральной постепенностиной никто никогда не произносилъ.

IX.

Тотъ всепоглощающій нигилизмъ, съ которымъ онъ въ другихъ боролся,—теперь съ ужасомъ видитъ онъ въ себѣ самомъ. Всю жизнь отрицалъ крайности, утверждалъ середину, и вотъ въ самой серединѣ, въ самомъ сердце всего—ничто.

«Все что мы называемъ прекраснымъ, добрымъ, заключается въ идеалахъ—въ иллюзіяхъ»—во лжи. «Вся наша цивилизація—грубая, пошлая ложь, блескъ снаружи, гниль внутри.—Наука, говорятъ, освободитъ человѣка отъ иллюзій. Хороша услуга. Я не знаю, въ состояніи ли голая истина довести человѣчество до чего-нибудь, кромѣ отчаянія. Глубокое презрѣніе къ себѣ и къ жизни, вотъ все что выносишь изъ долговременнаго опыта жизни. Человѣкъ ничто. Жизнь гадка. Она есть глубочайшее ничтожество, ничтожнѣе самаго ничтожества».

Проклятіе жизни, проклятіе себѣ, проклятіе Богу.

Передъ этимъ нигилизмомъ, нигилизмъ самыхъ крайнихъ — дѣтская шалость. Тамъ золотуха; здѣсь проказа».

Напрасно хочетъ онъ сохранить мужество: «пока живъ, будь мужемъ; крѣпче и крѣпче держись за духъ.—Каждый день пачинается мыслью: борись и крѣпись.—Терпѣніе терпѣніе и терпѣніе».

Нѣтъ, проклятье всѣхъ проклятій—этому терпѣнію! Лучше умереть, чѣмъ такъ терпѣть.

«Умереть—значитъ перестать существовать и *терпѣть* зло».

И, можетъ-быть. злѣйшее зло—само терпѣніе?

«1877, іюль, 19.—Здоровье гнусное, прегнусное; лѣто гнусное, прегнусное; человѣчество гнусное, прегнусное... Вѣтеръ завываетъ, какъ лютый звѣрь. Дождь, мракъ...

Іюль, 20.—Проиграно сраженіе при Плевнѣ, и какое-то мрачное молчаніе, лишающее насъ свѣдѣній объ...»

На этомъ словѣ дневникъ обрывается. На слѣдующій день, 21 іюля, Никитенко умеръ.

Рабыя жизнь, рабыя смерть.

Рабы, влачащiе оковы,
Высокихъ пѣсней не поють.

Пѣснь его—только пѣснь умирающаго раба, сраженнаго гладіатора. Если бы онъ зналъ, что суждено ей заглушиться пѣснью торжествующей свиньи!

«Всякій народъ имѣетъ своего дьявола», говоритъ Лютеръ.. Никитенко увидѣлъ лицо русскаго дьявола—«космическій задъ»: «ну, и что же, всѣ мы тутъ, всѣ не ангелы; и до чего намъ родная, милая вся эта Русь; намъ другой Руси не надо».

Да здравствуетъ Свинья Матушка!

Онъ отъ этого умеръ, а мы этимъ живемъ.

Земля во рту.

I.

Полетимъ или не полетимъ? Это вопросъ не только о воздухоплаваніи, но и объ участіи нашемъ въ той всечеловѣческой свободѣ, которая хочетъ воплотиться въ крыльяхъ.

«1695 года, апрѣля въ 30 день, закричалъ мужикъ карауль, и сказалъ за собою государево слово, и приведенъ въ Стрѣлецкій приказъ, и спрашиванъ; а въ спросѣ сказалъ, что онъ, сдѣлавъ крылѣ, станетъ летать, какъ журавль. И, по указу Великихъ Государей, сдѣлалъ себѣ крылѣ слюдныя (слюдяныя), а стали тѣ крылѣ въ 18 рублей изъ государевой казны. И бояринъ князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ съ товарищи и съ иными прочими, вышедъ, сталъ смотрѣть; и тотъ мужикъ, тѣ крылѣ устроя, по своей обычности, перекрестился, и сталъ мѣхи подымать, и хотѣлъ летѣть, да не поднялся и сказалъ, что онъ сдѣлалъ тѣ крылѣ тяжелы. И бояринъ на него кручинился. И тотъ мужикъ билъ челомъ, чтобъ ему сдѣлать другія крылѣ иршенныя (замшевыя?). И на тѣхъ не полетѣлъ. А стали тѣ крылѣ въ 5 рублей. И за то ему учинено наказаніе: бить батоги, снемъ рубашку, и тѣ деньги велѣно доправить на немъ, и продать животы его и остатки» (*Записки Желябужскаго*).

Нѣсколько лѣтъ назадъ, когда я перелистывалъ въ Амбріазонской библіотекѣ Атлантической Кодексъ Леонардо да-Винчи съ рисунками летательныхъ машинъ, — вспомнился мнѣ крылатый мужикъ. И въ этомъ году, въ Иоганигсталѣ, около Берлина, когда съ высоты донеслось

вдругъ нѣжное жужжаніе — журавлиное курлыканье моторовъ, и я увидѣлъ впервые человѣческія крылья, серебристо-сѣрыя на темно-лиловомъ, вечерѣющемъ небѣ, и лицо человѣка, какъ лицо бога, сквозь вертящееся паутиное солнце пропеллера,—опять мнѣ вспомнился неполетѣвшій мужикъ.

Нѣтъ, не полетимъ. Пока есть то, что есть, — ни за что не полетимъ.

Возвращаясь въ Россію, каждый разъ удивляешься: до чего все заплеванное заплюзганное, точно мухами засиженное, пришибленное, ползучее, безкрылое.

Какъ мастеровые въ горбуновской сказочкѣ рѣшаютъ: «отъ хорошей жизни не полетишь».

Развѣ на дырявомъ шарѣ генерала Кованько или на слюдяныхъ крыльяхъ?

II.

Огорчился я, а Вяч. Ивановъ утѣшилъ меня ¹⁾. «Мистики Востока и Запада согласны въ томъ, что именно въ настоящее время славянству и, въ частности, Россіи переданъ нѣкій свѣточъ; вознесетъ ли его нашъ народъ или выронитъ—вопросъ міровыхъ судебъ... Благо для всего міра, если вознесетъ».

Этотъ міровой свѣточъ — «русская идея», «воля къ исхожденію».

¹⁾ См. *По звѣздамъ*. Статьи и афоризмы. С.-ПБ. 1909. «Русская Идея».

Книга эта, такъ же, какъ все явленіе Вяч. Иванова, заслуживаетъ глубокаго вниманія.

Если бы на Невскомъ, въ сумерки, когда зажигаются электрическіе огни, отражаясь пестрыми столбами въ мокрыхъ тротуарахъ,—появилась вдругъ высокая, блѣдная женщина, вся съ головы до ногъ закутанная, какъ бы запеленатая, льняными пеленами, священными повязками — Дельфійская Сибилла, — то сначала толпа удивилась бы, засмѣялась: «ряженая!» — а потомъ шарахнулась бы въ ужасъ. Такое впечатлѣніе производитъ критическая муза Вяч. Иванова въ современной русской литературѣ.

«Наши благороднѣйшія устремленія запечатлѣны жаждой саморазрушенія... словно другія народы мертвенно-скупы, мы же, народъ самосожигателей, представляемъ въ исторіи то живое, что, какъ бабочка-Психея, тоскуеть по огненной смерти».

Европейской *воль къ восхожденію*, которая воплотилась въ культурѣ «критической, люциферіанской, каино-вой», полярно-противоположна русская *воля къ нисхожденію*, относящаяся къ «тайнѣ Второй Ипостаси, къ тайнѣ Сына».

Вотъ почему народъ нашъ — «христоносецъ», по преимуществу: подобно Св. Христофору, черезъ темный бродъ исторіи несетъ онъ на плечахъ своихъ Младенца Христа.

Я утѣшенъ: я знаю теперь, что если мы не летимъ, то не потому, что не можемъ, не умѣемъ, а потому, что не хотимъ летѣть. Наше дѣло — нисходить, никнуть, погребаться, зарываться въ землю. И надо намъ отдать справедливость: мы это дѣло, какъ нельзя лучше, дѣлаемъ.

Я утѣшенъ, но, признаюсь, не совсѣмъ.

Конечно, всякому народу лестно сказать: «Я — христоносецъ». Но, во-первыхъ, совѣстно: прочіе народы-нехристи могутъ обидѣться. А, во-вторыхъ, — нисходить, такъ нисходить: къ чему же тогда слюдяныя крылья и дырявый шаръ генерала Кованько? За эти неудачныя и самохвальныя попытки не приговорили бы насъ «бить ба-тоги, снемъ рубашку», не только на историческомъ, но и на вѣчномъ Божьемъ судѣ.

«Во Христѣ умираемъ, Духомъ Святымъ воскресаемъ», увѣряетъ Вяч. Ивановъ. Его бы устами медъ пить. Что мы вообще умираемъ, этому повѣрить легко: стоитъ лишь взглянуть на все, что происходитъ сейчасъ въ Россіи. Но во Христѣ ли умираемъ, — сомнительно. Во всякомъ случаѣ, умирали, умерли достаточно, — пора бы и воскресать. А на воскресеніе что-то непохоже.

«Сѣмя не оживетъ, если не умереть». Это значитъ: всякое оживающее сѣмя должно умереть; но не значитъ, что

всякое умершее — должно воскреснуть. Может и просто сгнить.

А ну, какъ сгніемъ?

III.

«Ваше высокопревосходительство, глубокоуважаемый Тертій Ивановичъ.

... Вступленіе ваше въ первый рядъ государственныхъ сановниковъ кажется мнѣ несомнѣннымъ предзнаменованіемъ нѣкоторой общей переменны правительственныхъ взглядовъ... А переменна взглядовъ, на которую я намекаю, важна и необходима не для меня одного, а для всей Россіи, и не только для нея, но и для всей вселенской церкви.

Сторожать меня албанцы,
Я въ цѣпяхъ... но у окна
Зацвѣтають померанцы —
Добрый знакъ: близка весна.

... Меня связываетъ съ вами не столько единомысліе, сколько единоволіе. У насъ одна и та же цѣль: *ignem fovege in gremio sponsae Christi*... Во всякомъ случаѣ, чаю отъ васъ движенія воды въ нашей застоявшейся церковной купели.

Имѣю честь быть вашего высокопревосходительства покорный слуга, Владимиръ Соловьевъ» (*Письма* Вл. Соловьева, II т., стр. 328).

Бѣдный Вл. Соловьевъ! До какой глубины нисхожденія, униженія нужно было дойти, чтобы увѣрять въ Тертія Филиппова, какъ въ зацвѣтающей померанецъ! Бѣдный пророкъ, поющій оффенбаховскую пѣсенку передъ этимъ оффенбаховскимъ «эпитропомъ Гроба Господня» (церковный чинъ Тертія)! Нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ.

Вѣдь зналъ же Вл. Соловьевъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. «Не петербургскіе же чиновники разбудятъ православіе», писалъ онъ въ 1885 году, за четыре года до письма Т. Филиппову. А года за три, во второмъ изданіи «Догматическаго

развитія церкви», цензорская рука зачеркнула слово «Богочеловѣкъ». — «Эту рѣдкость, — замѣчаетъ Вл. Соловьевъ,—я буду бережно хранить для потомства». И въ 1886 году: «Оберъ-прокуроръ Синода, Побѣдоносцевъ, сказалъ одному моему пріятелю, что всякая моя дѣятельность вредна для Россіи и для православія, и, слѣдовательно, не можетъ быть допущена. — Наши государственные, церковные и литературные мошенники такъ нахальны, а публика такъ глупа, что всего можно ожидать» (*Письма*, II т., стр. 142).

И вотъ все-таки — «зацвѣтають померанцы».

Т. Филипповъ—цвѣтъ, Побѣдоносцевъ—плодъ; одинъ—романтикъ, другой—реалистъ. Принявъ цвѣтъ, надо принять и плодъ.

Принялъ ли его Вл. Соловьевъ? Какъ будто принялъ.

«Существующія основы государственнаго строя въ Россіи мы принимаемъ, какъ фактъ несомнѣнный. Дѣло не въ этомъ... При всякомъ политическомъ строѣ... и при самодержавіи, государство мрожетъ и должно удовлетворять требованіямъ... религіозной свободы» (тамъ же, Грѣхи Россіи, стр. 191).

Это значить: можно соединить самодержавіе съ православіемъ, какъ съ откровеніемъ совершенной истины Христовой.

Или, говоря языкомъ Вяч. Иванова: если въ православіи — воля къ нисхожденію, самоотреченію, погребенію себя во Христѣ — одна половина русской идеи, то въ самодержавіи — другая половина этой же идеи — воля къ восхожденію самоутвержденію, воскресенію. — *Во Христѣ ли тоже?* Для Достоевскаго, для славянофиловъ — да.

А для Вл. Соловьева? И да, и нѣтъ. Онъ спрашиваетъ Россію:

Какимъ ты хочешь быть Востокомъ,
Востокомъ Ксеркса иль Христа?

И, вмѣстѣ съ тѣмъ, полагаетъ, что «дѣло не въ этомъ», что «при всякомъ политическомъ строѣ» возможна религіозная свобода, а слѣдовательно, въ послѣднемъ счетѣ, Ксерксъ не мѣшаетъ Христу.

Напрасно думаетъ онъ, будто бы нанесъ славянофильству послѣдній ударъ — *coup de grâse*. Православіе и самодержавіе, какъ два осуществленія единой правды Христовой — вотъ живое сердце славянофильства, котораго не только не убилъ онъ, но и не коснулся.

И посмотрите, какъ это живое сердце снова забилося у Вяч. Иванова. Именно здѣсь, между государствомъ и церковью, Вяч. Ивановъ находится въ точно такомъ же двусмысленномъ положеніи, какъ Вл. Соловьевъ. Тоже готовъ сказать: *«дѣло не въ этомъ»*.

«Наше освободительное движеніе, — говоритъ Вяч. Ивановъ, — было безсильною попыткой что-то окончательно выбрать и рѣшить». Но «мы ничего не рѣшили и не выбрали окончательно, и попрежнему хаосъ въ нашемъ душевномъ тѣлѣ». Россіи угрожаетъ гибель за то, что она стоитъ,

нѣмѣя,

У перепутнаго креста

Ни звѣря скиптръ нести не смѣя,

Ни иго легкое Христа.

Но если мы «ничего не рѣшили, не выбрали окончательно», то какъ знать, въ чье имя совершается и самое нисхожденіе Россіи — во имя Христа или Звѣря?

«Намъ должно говорить не о могуществѣ, а о грѣхахъ Россіи, — напоминаетъ Вл. Соловьевъ. — Никакіе подвиги не могутъ закрыть нашихъ грѣховъ; напротивъ, эти подвиги только ярче обличаютъ внутреннее противорѣчіе, въ которомъ мы находимся», — «хаосъ въ нашемъ душевномъ тѣлѣ», колебаніе между Христомъ и Звѣремъ.

Восхожденіе можетъ быть каиновымъ, люциферіанскимъ, сатанинскимъ; но вѣдь и нисхожденіе — *точно такъ же, точно въ той же мѣрѣ*. Вѣдь вотъ знаетъ же Вяч. Ивановъ, что нисхожденіе, не закрѣпившее силы свѣта, — самоубійственно. — *Бросься отсюда внизъ, и ангелы понесутъ Тебя. — Отойди отъ меня, Сатана.*

Какое же нисхожденіе совершается сейчасъ въ Россіи? Христово или сатанинское? — Мы не рѣшили. «Мы ничего не рѣшили и не выбрали окончательно».

Со Христомъ ли погребаемся, вольно нисходимъ или низвергаемся насильственно, летимъ къ чорту?

Въ нисхожденіи Христовомъ — свобода. А свободна ли Россія нисходящая?

«Рабскій народъ рабски смиряется и жестокостью власти воздержаться въ повиновеніи любить... бичевъ и плетей у нихъ частое есть употребленіе». Эти слова Пуффендорфа русскіе цензора вычеркнули, и Петръ I возстановилъ.

Кнутъ не мука, а впредь наука. Палка нѣма, а дастъ ума. Нѣтъ того спорѣе, что кулакомъ по шеѣ. — Это въ народной мудрости, и это же въ сознаніи просвѣщенныхъ людей. — «Я люблю полицеймейстера, который, во время пожара, и меня самого съѣздилъ бы по затылку, чтобы я не стоялъ, сложа руки. — Безъ насилья нельзя», говоритъ Константинъ Леонтьевъ. И по поводу либеральныхъ реформъ въ царствованіе Александра II: «не рѣшимся ли мы просить могучаго Отца (государя), чтобы *впредь Онъ держалъ насъ грознѣе?*»

Это единственно-русское. Не столько «идея», сколько физиологія — ощущеніе свободы, какъ чего-то богопротивнаго, — рабства, какъ богоугоднаго.

«Природа ихъ такова, — говоритъ Аристотель о варварахъ, — что они не могутъ и не должны жить иначе, какъ въ рабствѣ: *quod in servitute boni, in libertate mali sunt*».

Въ свободѣ — грѣшныя, въ рабствѣ — святыя.

Святыя рабы. Святая Русь — земля святыхъ рабовъ.

IV.

Первые изобрѣтатели аэроплановъ, американцы, братья Вильбуръ и Орвиль Райтъ — сыновья пуританскаго епископа въ городѣ Дайтонъ, въ штатѣ Огіо — потомки тѣхъ англійскихъ пуританъ, которые завоевали Новый Свѣтъ.

Вѣрные преданію отцовъ своихъ, въ воскресеніе. день Господень, ни за что не полетятъ братья Райтъ: въ этотъ день молятся они, чтобы Господь благословилъ ихъ святой смиренный трудъ, святое смиренное восхожденіе.

Предѣль восхожденія, освобожденія — полеть. Западная культура только потому и могла достигнуть этого предѣла, что Господь явился ей не въ «рабьемъ зракѣ», а какъ Освободитель народовъ, Царь царей, грядущій на облакахъ со славою и силою многою. Такимъ являлся Онъ благочестивымъ и вольнолюбивымъ воинамъ Кромвеля; такимъ и донинѣ является ихъ правнукамъ.

Вотъ что для насъ, русскихъ, невообразимо. Мы уже не вѣримъ свидѣтельству св. Ипполита о томъ, что «Антихристъ на небеса возлетитъ». Но мы всосали это съ молокомъ матери; это у насъ въ крови, даже у самыхъ невѣрующихъ: каинство, окаянство, люциферіанство всякой вообще воли къ восхожденію, къ полету. Обезкрыленіе, обезцѣненіе цѣнностей. «Опрощеніе, совлеченіе всѣхъ ризъ», опредѣляетъ Вяч. Ивановъ.

Европейскій путешественникъ XVII вѣка рассказываетъ о русскомъ пьяницѣ, который пропилъ сначала кафтанъ, затѣмъ рубаху, наконецъ, порты и, выйдя, голый, изъ кабака, сорвалъ горсть одуванчиковъ и «прикрылъ ими свое срамное тѣло».

Толстовское опрощеніе, писаревскій нигилизмъ, бакунинскій анархизмъ — всѣ русскія «совлеченія» — не напоминаютъ ли эту горсть одуванчиковъ?

Тотъ же путешественникъ рассказываетъ, какъ пьяный священникъ хотѣлъ благословить стрѣльцовъ, но когда, поднявъ руку, наклонился впередъ, голова у него отяжелѣла, и онъ упалъ въ грязь. Стрѣльцы подняли его, и онъ все-таки благословилъ ихъ грязными перстами.

Когда Достоевскій или Константинъ Леонтьевъ благословляютъ Звѣря именемъ Христа, когда Союзъ Архангела Михаила благословляетъ еврейскіе погромы и смертныя казни — кажется, видишь это благословеніе грязными перстами.

«Мы обречены неборимымъ чарамъ своеобразнаго Діониса», утверждаетъ Вяч. Ивановъ.

Да, обречены. И въ самомъ христіанствѣ нашемъ, по преимуществу, аскетическомъ, «совлекающемъ», изъ-за лика Христа выглядываетъ звѣроподобный ликъ варварскаго Діониса, древняго Хмеля-Ярилы.

Единственный залогъ русскаго «воскресенія» Вяч. Ивановъ усматриваетъ въ томъ, что «въ одной Россіи Свѣтлое Христово Воскресеніе — праздникъ изъ праздниковъ, торжество изъ торжествъ». Или, по слову Гоголя: «въ одной Россіи празднуется этотъ день такъ, какъ ему слѣдуетъ праздноваться».

Вѣрнѣе было бы сказать не *день*, а *ночь*, ибо за Свѣтлою ночью — темный день, за святымъ хмелемъ — грѣшное похмелье, за мгновеннымъ полетомъ — стремительное паденіе въ грязь. Самъ же Гоголь замѣтилъ (Вяч. Ивановъ не замѣчаетъ, и это для него показательно) неимоверную грусть сквозь пасхальную радость — грусть, отъ которой хочется «завопить раздирающимъ сердце воплемъ: Боже, пусто и страшно становится въ Твоемъ мірѣ!»

И вотъ опять знакомое видѣніе русскаго бреда.

«Въ Новгородѣ ежегодно бываетъ день большого богомолья, и въ этотъ день корчмарь или цѣловальникъ, съ купленнаго позволенія митрополита, разбиваетъ передъ кабакомъ нѣсколько палатокъ. Здѣсь пьянствуютъ. — Одна напившаяся баба, вышедши изъ кабака, упала на дорогѣ и заснула. Въ то же время пьяный мужикъ, проходя мимо, увидѣлъ лежавшую и обнажившуюся бабу, возгорѣлъ похотью и прилегъ къ ней, несмотря на ясный день и на то, что мѣсто было на большой дорогѣ. Прилегши къ бабѣ онъ заснулъ. Вскорѣ вокругъ этой пары животныхъ образовалась цѣлая толпа молодыхъ парней; они смѣялись и глумились, пока, наконецъ, не подошелъ одинъ старикъ, который накиннулъ кафтанъ на лежавшихъ и прикрылъ срамоту ихъ» (Олеарій. *Путешествіе въ Московію*. 1633—1639).

Въ одной Россіи Свѣтлое Воскресеніе — праздникъ изъ праздниковъ, торжество изъ торжествъ; но и въ одной Россіи возможна такая срамота, какъ эта пара животныхъ. Ангелы—ночью, свиньи—днемъ. И это не только въ XVII вѣкѣ.

Я никогда не забуду, какъ однажды, въ первый день Пасхи, встрѣтилъ на углу Бассейной и Надеждинской

кучку пьяныхъ, которые, шагая по серединѣ улицы, горланили: Христось воскресел! — вмѣстѣ съ чудовищной, тоже, увы, единственной, русской бранью. И надъ всей Россіей, надъ одной Россіей стоитъ въ этотъ день «гуль всезвонныхъ колоколовъ», смѣшанный съ матерной бранью.

Понятно, почему Лейбницъ говорилъ о русскихъ: «крещеные медвѣди»; а ученый шведъ, Іоаннъ Ботвидъ, въ 1620 году, въ Упсальской академіи защищалъ диссертацию: «Христиане ли московиты?»

Тутъ не только эмпирическая, но и мистическая противоположность европейской воли къ восхожденію и русской воли къ нисхожденію. Они и мы не понимаемъ другъ друга именно въ этомъ, самомъ главномъ. Если они для насъ, то и мы для нихъ — «Каины». Только они вѣжливы: не говорятъ намъ этого въ лицо.

Была когда-то и въ Европѣ воля къ нисхожденію; но въ самой глубинѣ ея, въ самой тьмѣ среднихъ вѣковъ не утратилъ Западъ воли къ свѣту, къ нисхожденію, къ Возрожденію. Западный свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, и тьма не объяла его. А нашъ русскій — уже обнимаетъ. Уже «хаосъ шевелится надъ нами». — «Хаосъ въ нашемъ душевномъ тѣлѣ» — это и Вяч. Ивановъ чувствуетъ.

Что, если русская воля къ нисхожденію — воля къ хаосу?

VI.

Въ маленькомъ недавнемъ случаѣ со смертной казнью испанскаго анархиста Феррера выразился этотъ мистическій рубежъ между русскимъ Авелемъ и европейскимъ Каиномъ. На одномъ концѣ Европы кого-то повѣсили — и вся она, какъ одинъ человѣкъ, содрогнулась отъ гнѣва и ужаса. А чего бы, казалось? На другомъ концѣ — сколько вѣшаютъ! Но ей до этого дѣла нѣтъ. Эскимосы ѣдятъ сырое мясо, а русскіе вѣшаютъ.

Однажды Европѣ почудилось, что и намъ сырое мясо опротивѣло: Каинъ подошелъ къ Авелю съ братскимъ привѣтомъ. Но это оказалось недоразумѣніемъ — и Каинъ

вновь отшатнулся отъ Авеля: живите по-своему, — во Христѣ нисходите, умирайте, убивайте другъ друга; мы не судимъ васъ, — только и вы не мѣшайте намъ жить по-нашему, по-окаянному.

И вотъ они летятъ, а мы сидимъ въ лужѣ, утѣшаясь тѣмъ, что это вовсе не лужа, а «русская идея».

Св. Христофоръ не узналъ Младенца Христа, котораго несъ на плечахъ. Не такъ же ли Россія, слѣпой великанъ, не видитъ, кого несетъ, — только изнемогаетъ подъ страшною тяжестью, вотъ-вотъ упадетъ раздавленная? Не видитъ Россія, кто сидитъ у нея на плечахъ, — Младенецъ Христосъ или щенокъ Антихристовъ.

VII.

Что, если русская идея — русское безуміе?

Опасность этого безумія сознаетъ и Вяч. Ивановъ, но отвлеченно, бездѣйственно. «Опасность, — говоритъ онъ, — самоубійственная смерть — тогда, когда умирающій (нисходящій) недостойнъ умереть, чтобы воскреснуть. — Прежде чѣмъ нисходить, мы должны *укрѣпить въ себѣ свѣтъ*; прежде чѣмъ обращать въ землю силу, мы должны имѣть эту силу».

Должны, но имѣемъ ли? — вотъ вопросъ. Если имѣемъ, если укрѣпили въ себѣ свѣтъ, то почему же «хаосъ въ нашемъ душевномъ тѣлѣ, и мы ничего не рѣшили, не выбрали окончательно, —

Ни Звѣря скиптръ нести не смѣя
Ни иго легкое Христа?»

Какой же свѣтъ тамъ, гдѣ нельзя отличить Христа отъ Звѣря? Какая крѣпость тамъ, гдѣ хаосъ?

Существуетъ предѣлъ, за которымъ нисхождение становится низверженіемъ во тьму и хаосъ. Не чувствуется ли именно сейчасъ въ Россіи, что близокъ этотъ предѣлъ, что нисходить дальше некуда: еще шагъ — и Россія — уже не историческій народъ, а историческая падалъ?

Нисхожденіе и восхожденіе, — двѣ чашки вѣсовъ: если одна подымается съ тяжкимъ скиптромъ, то другая опускается не подъ легкимъ игомъ.

Сказать: нисходимъ, — значить не сказать ничего, въ смыслѣ религіозной воли, религіознаго дѣйствія. Дѣйствіе начинается только тогда, когда нисходящій говоритъ: довольно, — пора восходить. Сейчасъ въ Россіи вопросъ о волѣ есть вопросъ о томъ, какъ относится нисхожденіе наше къ восхожденію, русская церковь къ русской власти.

Вяч. Ивановъ не только не отвѣтилъ, но и не поставилъ этого вопроса. Онъ смотритъ, какъ чашки вѣсовъ колеблются, и пальцемъ не двинетъ, чтобы поднять одну и опустить другую.

Нѣтъ, спасеніе наше не въ томъ, чтобы, сознавъ себя народомъ-христоносцемъ, въ другихъ народахъ видѣть Канювъ; спасеніе наше въ томъ, чтобы увидѣть, наконецъ, свое собственное «окаянство», почувствовать себя не «христоносцами», а «христопродавцами» именно здѣсь, въ этой страшной волѣ къ нисхожденію, къ совлеченію, къ саморазрушенію, къ хаосу; чтобы понять, что Россія, только *восходящая, встающая* на скиптръ Звѣря, можетъ понести на плечахъ своихъ легкое иго Христа.

Но не мертвецъ, встающій изъ гроба, а погребенный заживо — Россія нынѣшняя. Кричитъ, стучитъ въ крышку гроба — и никто не слышитъ, только могильную землю, горсть за горстью, набрасываютъ и ровняютъ, утаптываютъ — холмъ насыпали, крестъ поставили. Достоевскій пишетъ на крестѣ: «Смирись, гордый человекъ!» Л. Толстой: «Непротивленіе злу». Вл. Соловьевъ: «Дѣло не въ этомъ». Вяч. Ивановъ: «Духомъ Св. воскресаемъ».

Нѣтъ, не Духомъ Св. воскресаю, а духомъ Звѣринымъ удушаюсь, умираю, — могъ бы отвѣтить погребенный. — Кричу, стучу — и никто не слышитъ. Уже земля обсыпалась, задавила меня. Больше не могу кричать, голоса нѣтъ. Земля во рту.

Когда воскреснетъ.

У насъ прежде, нежели во всякой другой землѣ, вос-
празднуется Свѣтлое Воскресеніе Христова. Мечта ли это?
Но зачѣмъ же эта мечта не приходитъ ни къ кому другому,
кромѣ русскаго? Что значить, въ самомъ дѣлѣ, что самый
праздникъ исчезъ, а видимые признаки его такъ ясно но-
сятся по лицу земли нашей: раздаются слова *Христосъ*
воскресъ, — и поцѣлуй, и всякій разъ также торжественно
наступаетъ святая полночь, и гулы всезвонныхъ колоко-
ловъ гудятъ и гудятъ по всей землѣ, точно какъ бы будятъ
насъ? Гдѣ носятся такъ очевидно признаки, тамъ не даромъ
носятся; гдѣ будятъ, тамъ разбудятъ».

Это говоритъ Гоголь, чей праздникъ совпалъ со Свѣт-
лымъ праздникомъ. Не для того ли, чтобы умершій, вѣчно-
живой, сказалъ намъ снова то, что говорилъ при жизни,
никѣмъ не услышанный? Неужели и теперь не услышимъ?

«Нѣтъ, не воспраздновать нынѣшнему вѣку Свѣтлаго празд-
ника такъ, какъ ему слѣдуетъ праздноваться», заключаетъ онъ.

Почему же не воспраздновать? Почему, въ самомъ дѣлѣ,
намъ праздникъ не въ праздникъ? Почему онъ исчезъ, какъ
будто навѣки затмился?

Помните, въ дѣтствѣ казалось намъ, что солнце на небѣ
играетъ въ этотъ день, какъ ни въ одинъ изъ другихъ дней
года? Отчего же теперь меркнетъ, гаснетъ — какъ будто
свѣта не стало въ нашихъ глазахъ? Отчего «гулы всезвон-
ныхъ колоколовъ» гудятъ и гудятъ надъ нами, какъ будто
не воскреснымъ, а похороннымъ звономъ? Уста произно-
сятъ: *Христосъ воскресъ*, — уста отвѣчаютъ: *воистину вос-*
кресъ; а сердце молчитъ, — сердце молчитъ, какъ будто,
если и воскресъ, то не для насъ?

«Знаю, что люди, совершающіе преступленія, которыхъ они называютъ казнями, не услышатъ, потому что не хотятъ слышать того, что я кричу, о чемъ умоляю ихъ; но я все-таки не перестану кричать, умолять ихъ объ одномъ и томъ же до послѣдней минуты моей жизни», говоритъ Л. Толстой въ недавней статьѣ своей: *Христіанство и смертная казнь*.

«Левъ Николаевичъ проситъ вамъ написать, что статья Жуковскаго о смертной казни ему извѣстна и всегда возмущала его. — Левъ Николаевичъ находитъ, что вы очень хорошо сдѣлали, что возобновили въ памяти читателей это старое ужасное кощунство», пишетъ секретарь Толстого, въ частномъ письмѣ, по поводу одной, тоже недавней статьи о смертной казни. А въ концѣ письма приписываетъ самъ Толстой слабѣющей старческой рукой:

«Я въ послѣдніе дни чувствую себя очень слабымъ отъ возобновившагося нездоровья. — въ сущности, отъ старости; но хочется самому написать вамъ, хоть нѣсколько словъ, въ благодарность за вашу статью и, въ особенности, — хорошее письмо. Стараюсь, сколько умѣю и могу, бороться съ тѣмъ зломъ представленія церковной лжи на мѣсто истины христіанства, на которое вы указываете; но думаю, что освобожденіе отъ лжи достигается не указаніемъ на ложь лжи, а на полное усвоеніе истины, такое, при которомъ истина становится единственнымъ, или хотя гла ымъ руководителемъ жизни...»

Одинъ, среди гробовой тишины, кричитъ онъ все глуше и глуше, замирающимъ голосомъ, какъ будто и вправду «накинули намыленную веревку на его старую шею», — кричитъ и будетъ кричать до послѣдней минуты жизни своей, повторять одни и тѣ же слова упорно, утомительно-однообразно, безнадежно, почти безсмысленно, почти тупо: «Это ужасно, ужасно, ужасно!.. Да, положеніе теперешняго христіанскаго человѣчества ужасно!.. Не хорошо убивать другъ друга!..»

«Убивать за убійство, — говоритъ Достоевскій, — несо-размѣрно большее наказаніе, чѣмъ самое преступленіе. Убійство по приговору несоразмѣрно ужаснѣе, чѣмъ убій-

ство разбойничье: тутъ всю послѣднюю надежду, съ которою умирать въ десять разъ легче, отнимаютъ *навѣрно*; тутъ приговоръ, и въ томъ, что навѣрно не избѣгнешь, вся ужасная-то мука и сидитъ — и сильнѣе этой муки нѣтъ на свѣтѣ. — Кто сказалъ, что человѣческая природа въ состояніи вынести это безъ сумасшествія? Зачѣмъ такое ругательство, безобразное, ненужное, напрасное? — Объ этой мукѣ и объ этомъ ужасѣ и Христось говорилъ. Нѣтъ, съ человѣкомъ такъ нельзя поступать».

«У насъ (въ Россіи) смертной казни нѣтъ», радуется Достоевскій, не подозрѣвая, какою насмѣшкою сдѣлаются эти слова черезъ сорокъ лѣтъ.

«Священникъ вполголоса читалъ молитвы. — Подошли два другіе помощника, проворно сняли съ Тропмана камзолъ, завели ему руки назадъ, связали ихъ крестъ-накрестъ и опутали все тѣло ремнями... Тропманъ покорно наклонялъ голову. Священникъ растягивалъ слова молитвы... Я не могъ отвести взора отъ этой тонкой юношеской шеи... Воображеніе невольно проводило по ней поперечную черту... Вотъ тутъ, думалось мнѣ, черезъ нѣсколько мгновеній, раздробляя позвонки, разсѣкая мускулы и жилы, пройдетъ десятипудовый топоръ... Я видѣлъ, какъ палачъ вдругъ выросъ на лѣвой сторонѣ гильотинной площадки; я видѣлъ, какъ Тропманъ взбирался по ступенямъ... какъ онъ остановился наверху, какъ справа и слѣва два человѣка бросились на него, точно пауки на муху, какъ онъ вдругъ повалился головой впередъ, и какъ подошвы его брыкнули... Но тутъ я отвернулся и началъ ждать, а земля тихо поплыла подъ ногами... Наступила бездыханная тишина... Потомъ что-то вдругъ глухо зарычало и покатилося — ухнуло... Точно огромное животное отхаркнулось... Все помутилось...» (И. С. Тургеневъ. *Казнь Тропмана*. 1870).

Все помутилось, потемнѣло и въ нашихъ глазахъ. Потемнѣло и Свѣтлое Воскресеніе.

Вотъ почему намъ праздникъ не въ праздникъ. Не можемъ, не хотимъ, не должны мы праздновать Воскресеніе Умершаго тамъ, гдѣ происходитъ умерщвленіе живыхъ.

Нельзя Христу воскреснуть тамъ, гдѣ еще распинаютъ Христа. Нельзя тѣми же устами пѣть: *Христосъ воскресъ*, — которыя вопятъ: *распи Его!* — Ибо, что такое всякая новая казнь въ человѣчествѣ, какъ не новое распятіе Сына Человѣческаго? Не повторяется ли вѣчно въ казни всѣхъ казимыхъ казнь Казненнаго за всѣхъ?

«Ибо алкалъ Я, и вы не дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы не напоили Меня; былъ странникомъ, и не приняли Меня; былъ нагъ, и не одѣли Меня; боленъ и въ темницѣ, и не посѣтили Меня». — На плахѣ Я былъ, и вы не узнали Меня.

Кошунство, скажутъ, сравнивать Христа со злодѣями. Но не кричалъ ли народъ и о Немъ: смерть Ему! а отпусти намъ Вараवву? — Не былъ ли и Онъ распятъ между двумя разбойниками и къ злодѣямъ причтенъ?

Что такое крестъ, какъ не римское орудіе казни — то же, что Французская гильотина и русская висѣлица? Для чего же на крестѣ и умеръ Онъ, какъ не для того, чтобы сдѣлать орудіе казни орудіемъ спасенія? *Смертью. смерть поправъ* — не значить ли это: собственною смертною казнью смертную казнь поправъ, отмѣнилъ, упразднилъ, уничтожилъ на вѣки вѣковъ? — А если нужно казнить и послѣ Него, значить, Онъ умеръ и не воскресъ; значить, все еще крестъ — орудіе казни, «проклятое древо», и все еще «проклять висящій на древѣ».

Гдѣ возносится висѣлица, тамъ низлагается крестъ. На мѣстѣ Креста Господня, висѣлица — антихристовъ крестъ.

Отъ этого-то креста антихристового и протянулась по всей Россіи черная тѣнь; отъ него-то и померкло солнце Воскресенія. Какъ будто «гулы всезвонныхъ колоколовъ» гудятъ: *Христосъ не воскресъ*, — и сердце наше отвѣчаетъ: *воистину не воскресъ*. — «Пасха красная», поетъ Церковь, — а намъ кажется, что она отъ крови красная.

Будемъ ли спрашивать, за что нѣтъ надъ нами благословенія Божьяго какъ будто Богъ отступилъ отъ насъ, и стала проклятою Святая Русь? Вотъ чаша гнѣва въ рукѣ Господа, вино кипитъ въ ней, полное смѣшенія, и

Онъ наливаетъ намъ изъ нея; даже дрожжи ея будемъ выжимать и пить. Бѣда за бѣдою, позоръ за позоромъ, Цусима за Цусимою. Кажется, нельзя ниже пасть, а все-таки падаемъ. За что? Не за то ли, что такъ привыкли къ виду крови, къ воплю крови, что уже не видимъ, не слышимъ этого позора позоровъ?

.
И еще смѣемъ говорить о «Великой Россіи», о нашемъ «честномъ и добромъ, національномъ лицѣ», смѣемъ спрашивать, куда оно дѣвалось, почему его не видно. Къ плахѣ пригнулъ палачъ — вотъ почему не видно.

Что ужасно и отвратительно ѣсть мясо человѣчье, человѣку нельзя доказывать. Такъ нельзя доказывать, что смертная казнь ужасна и отвратительна, что «убійство по приговору несоразмѣрно ужаснѣе, чѣмъ убійство разбойничье».

Простое убійство уничтожаетъ религіозную жизнь убійцы; смертная казнь—религіозную жизнь всего народа. Казня одного, казнимъ всѣхъ; убивая тѣло одного, убиваемъ душу всѣхъ. Кто же это сдѣлалъ съ нами? Кто виновать?

Не будемъ обвинять другихъ, себя оправдывать. Нѣтъ правыхъ, всѣ виноваты — и я, который пишу, и ты, который читаешь, — всѣ виноваты: кровью куплена жизнь, которой мы живемъ, кровью напитанъ воздухъ, которымъ дышимъ, кровью смоченъ хлѣбъ, который ѣдимъ, съ кровью смѣшана вода, которую пьемъ. Мы это знаемъ, видимъ; другіе слѣпы или не хотятъ видѣть. Преступнѣе видящіе; слѣпые несчастнѣе.

И пусть не говорятъ намъ, что смертная казнь нужна для спасенія Россіи. Ну, а если бы нужно было снова распять Христа, чтобы спасти Россію, мы бы распяли?—Въ этотъ день, по крайней мѣрѣ, въ этотъ день, вѣримъ, что не распяли бы.

«Зачѣмъ этотъ утратившій значеніе праздникъ? — спрашиваетъ Гоголь. — Зачѣмъ онъ вновь приходитъ глуше и глуше скликать въ одну семью разошедшихся людей и, грустно окликнувши, уходитъ, какъ незнакомый и чужой

всѣмъ? Всѣмъ ли точно онъ незнакомъ и чуждъ? Но зачѣмъ же уцѣлѣли кое-гдѣ люди, которымъ кажется, — какъ бы они свѣтлѣютъ въ этотъ день и празднуютъ свое младенчество, то младенчество, отъ котораго небесное лобзаніе, какъ бы лобзаніе вѣчной весны, изливается на душу?.. Зачѣмъ все это и къ чему это?.. Будто не извѣстно, зачѣмъ, будто не видно — къ чему? — Затѣмъ, чтобы хотя нѣкоторымъ, еще слышащимъ весеннее дыханіе этого праздника, сдѣлалось вдругъ такъ грустно, такъ грустно, какъ грустно ангелу на небѣ, и, завопивъ раздирающимъ сердце воплемъ, упали бы они къ ногамъ своихъ братьевъ, умоляя хотя бы одинъ этотъ день вырвать изъ ряда другихъ дней, — въ одинъ бы день только обнять и обхватить человѣка, какъ виноватый другъ обнимаетъ великодушнаго, все ему простившаго друга... Хотя бы только пожелать такъ, хотя бы только насильно заставить себя это сдѣлать, ухватиться бы за это, какъ утопающій хватается за доску! Богъ вѣсть, можетъ-быть, за одно это желаніе уже готова сброситься съ небесъ намъ лѣстница и протянуться рука, помогающая взлетѣть по ней»:

Да, можетъ-быть, не даромъ въ день Воскресенія воскресшій Гоголь снова, какъ нѣкогда, падаетъ къ нашимъ ногамъ и вопитъ раздирающимъ сердце воплемъ: «хотя бы только пожелать такъ!..»

Есть въ человѣкѣ воля всемогущая, есть вѣра въ чудо, которая сама уже чудо. Пожелаемъ же такую волею, повѣримъ такую вѣрою въ чудо Воскресенія Христова, въ чудо воскресенія Россіи.

Не будемъ умолять: отмѣните, — а со Христомъ, смертью смерть поправшимъ, казнь казнь отмѣнившимъ, отмѣнимъ сами смертную казнь.

И тогда только воспразднуемъ Свѣтлый Праздникъ; тогда только заиграетъ солнце на небѣ, и гулы всезвонныхъ колоколовъ загудятъ: Христось Воскресъ!

И отвѣтитъ вся Россія:

Воистину воскресъ!

ГОГОЛЬ.

Творчество, жизнь и религія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Т в о р ч е с т в о .

I.

«Какъ чорта выставить дуракомъ»,—это, по собственному признанію Гоголя, было главною мыслью всей его жизни и творчества. «Уже съ давнихъ поръ я только и хлопочу о томъ, чтобы послѣ моего сочиненія насмѣялся въ волю человѣкъ надъ чортомъ» (Письмо Шевыреву изъ Неаполя отъ 27 апрѣля 1847 года).

Въ религіозномъ пониманіи Гоголя чортъ есть мистическая сущность и реальное существо, въ которомъ сосредоточилось отрицаніе Бога, вѣчное зло. Гоголь, какъ художникъ, при свѣтѣ смѣха, изслѣдуетъ природу этой мистической сущности; какъ человѣкъ, оружіемъ смѣха борется съ этимъ реальнымъ существомъ: смѣхъ Гоголя—борьба человѣка съ чортомъ.

Богъ есть безконечное, конецъ и начало сущаго; чортъ—отрицаніе Бога, а слѣдовательно, и отрицаніе безконечнаго, отрицаніе всякаго конца и начала; чортъ есть начатое и неоконченное, которое выдаетъ себя за безначальное и безконечное; чортъ—нуменальная середина сущаго, отрицаніе всѣхъ глубинъ и вершинъ—вѣчная плоскость, вѣчная *пошлость*. Единственный предметъ гоголевскаго творчества и есть чортъ именно въ этомъ смыслѣ, то-есть, какъ явленіе «безсмертной пошлости людской», созерцаемое за всѣми

условіями мѣстными и временными—историческими, народными, государственными, общественными—явленіе безусловнаго, вѣчнаго и всемірнаго зла;—пошлость *sube specie aeterni*, «подъ видомъ вѣчности».

«Обо мнѣ много толковали, разбирая кое-какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣлили. Его слышалъ одинъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставить такъ ярко *пошлость* жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ. Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее, и котораго точно нѣтъ у другихъ писателей» (*Изъ Переписки съ друзьями, XVIII, 3*). Зло видимо всѣмъ въ великихъ нарушеніяхъ нравственнаго закона, въ рѣдкихъ и необычайныхъ злодѣйствахъ, въ потрясающихъ развязкахъ трагедій; Гоголь первый увидѣлъ невидимое и самое страшное, вѣчное зло не въ трагедіи, а въ отсутствіи всего трагическаго, не въ силѣ, а въ безсильи, не въ безумныхъ крайностяхъ, а въ слишкомъ благоразумной серединѣ, не въ остротѣ и глубинѣ, а въ тупости и плоскости, пошлости всѣхъ человѣческихъ чувствъ и мыслей, не въ самомъ великомъ, а въ самомъ маломъ. Гоголь сдѣлалъ для нравственныхъ измѣреній то же, что Лейбницъ для математики,—открылъ какъ бы *дифференціальное исчисленіе*, безконечно-великое значеніе безконечно малыхъ величинъ добра и зла. Первый онъ понялъ, что чортъ и есть самое малое, которое, лишь вслѣдствіе нашей собственной малости, кажется великимъ, — самое слабое, которое, лишь вслѣдствіе нашей собственной слабости, кажется сильнымъ. «Я называю вещи—говоритъ онъ,—прямо по имени, то-есть чорта называю прямо чортомъ, не даю ему великолѣпнаго костюма а la Байронъ и знаю, что онъ ходитъ во фракъ...» «Діаволь выступилъ уже безъ маски въ міръ: онъ явился въ своемъ собственномъ видѣ».

Главная сила діавола — умѣнье казаться не тѣмъ что онъ есть. Будучи серединою, онъ кажется однимъ изъ двухъ

концовъ—бесконечностей міра, то Сыномъ-Плотью, возставшимъ на Отца и Духа, то Отцомъ и Духомъ, возставшими на Сына-Плоть; будучи тварью, онъ кажется творцомъ; будучи темнымъ, кажется Денницею; будучи коснымъ, кажется крылатымъ; будучи смѣшнымъ, кажется смѣющимся. Смѣхъ Мефистофеля, гордость Каина, сила Прометея, мудрость Люцифера, свобода Сверхчеловѣка—вотъ различные въ вѣкахъ и народахъ «великолѣпные костюмы», маски этого вѣчнаго подражателя, приживальщика, обезьяны Бога. Гоголь первый увидѣлъ чорта безъ маски, увидѣлъ подлинное лицо его, страшное не своей необычайностью, а обыкновенностью, пошлостью; первый понялъ, что лицо чорта есть не далекое, чуждое, странное, фантастическое, а самое близкое, знакомое, реальное «человѣческое, слишкомъ человѣческое» лицо,—лицо толпы, лицо «какъ у всѣхъ», почти наше собственное лицо въ тѣ минуты, когда мы не смѣемъ быть сами собою, и соглашаемся быть «какъ всѣ».

Два главныхъ героя Гоголя—Хлестаковъ и Чичиковъ—суть два современныхъ русскихъ лица, двѣ ипостаси вѣчнаго и всемірнаго зла—«безсмертной пошлости людской».—По слову Пушкина: *То были двухъ бѣсовъ изображенья.*

Вдохновенный мечтатель Хлестаковъ и положительный дѣлецъ Чичиковъ—за этими двумя противоположными лицами скрыто соединяющее ихъ третье лицо чорта «безъ маски», «во фракѣ», въ «своемъ собственномъ видѣ», лицо нашего вѣчнаго двойника, который, показывая намъ въ себѣ наше собственное отраженіе, какъ въ зеркалѣ, говоритъ:

— Чему смѣтесъ? Надъ собой смѣтесъ!

II.

«Вы эту скотину (чорта) бейте по мордѣ и не смущайтесь ничѣмъ. Онъ шелкоперъ и весь состоитъ изъ надуванья. Онъ точно мелкій чиновникъ, забравшійся въ городъ будто бы на слѣдствіе. Пыль запустить всѣмъ, распечеть, раскричится. Стоитъ только немножко струсить и податься назадъ—тутъ-то онъ и пойдетъ храбриться. А какъ только наступишь на

него, онъ и хвостъ подождетъ. Мы сами дѣлаемъ изъ него великана; а въ самомъ дѣлѣ, онъ чортъ знаетъ что. Пословица не бываетъ даромъ, а пословица говоритъ: *хвалился чортъ всѣмъ міромъ овладѣть, а Богъ ему и надъ своиньей не далъ власти.*—Пугать, надувать, приводить въ уныніе — это его дѣло».

Легко догадаться, кто именно этотъ «мелкій чиновникъ, забравшійся въ городъ будто бы на слѣдствіе», т.-е. въ качествѣ ревизора, распекающей всѣхъ.

Въ черновыхъ замѣткахъ къ «Мертвымъ душамъ» Гоголь пишетъ: «Весь городъ со всѣмъ вихремъ сплетенъ прообразованіе бездѣльности (то-есть пошлости) жизни всего человечества въ массѣ... Какъ низвести всемірную картину бездѣлья во всѣхъ родахъ до сходства съ городскимъ бездѣльемъ? и какъ городское бездѣлье возвести до прообразованія бездѣлья міра?»

Итакъ, опять-таки по собственному признанію Гоголя, въ обоихъ величайшихъ произведеніяхъ его—въ «Ревизорѣ» и «Мертвыхъ душахъ», картины русскаго провинціального города 20-хъ годовъ имѣютъ, кромѣ явнаго, нѣкоторый тайный смыслъ, вѣчный и всемірный, «прообразующій», или, какъ мы теперь сказали бы, *символическій*, ибо символъ и значитъ «прообразованіе»: среди «бездѣлья», пустоты, пошлости міра человѣческаго, не человѣкъ, а самъ чортъ, «отецъ лжи», въ образѣ Хлестакова или Чичикова, плететъ свою вѣчную, всемірную «сплетню». «Я совершенно убѣдился въ томъ, что сплетня плетется чортомъ, а не человекомъ; — пишетъ Гоголь въ частномъ письмѣ, по поводу частнаго дѣла.—Человѣкъ отъ праздности и сглупа брякнетъ слово безъ смысла, котораго бы и не хотѣлъ сказать (не такъ ли именно Бобчинскій и Добчинскій брякнули слово «ревизоръ»?). Это слово пойдетъ гулять; по поводу его, другой отпуститъ въ праздности другое; и мало-по-малу сплетется сама собою исторія, безъ вѣдома всѣхъ. Настоящаго автора ея безумно и отыскивать, потому что его не отыщешь... Не обвиняйте никого... Помните, что все на свѣтѣ обманъ, все кажется намъ не тѣмъ, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ...

Трудно, трудно жить намъ, забывающимъ всякую минуту, что будетъ наши дѣйствія *ревизовать* Тотъ, Кого ничѣмъ не подкупишь» (Письмо къ Н. Ф. изъ Москвы отъ 6 декабря 1849).

Не данъ ли здѣсь полный, не только понятный всѣмъ, реальный, но и до сей поры никѣмъ, кажется, непонятый, мистическій смыслъ «Ревизора»?

Въ Хлестаковѣ, кромѣ реального человѣческаго лица, есть «призракъ»: «это фантазмагорическое лицо, — говоритъ Гоголь, — которое, какъ лживый олицетворенный обманъ, унеслось вмѣстѣ съ тройкой Богъ знаетъ куда». Герой «Шинели», Акакій Акакіевичъ, точно такъ же, какъ Хлестаковъ, только не при жизни, а послѣ смерти своей, становится призракомъ—мертвецомъ, который у Калинкина моста пугаетъ прохожихъ и стаскиваетъ съ нихъ шинели. И герой «Записокъ сумасшедшаго» становится лицомъ фантастическимъ, призрачнымъ—«королемъ испанскимъ Фердинандомъ VIII». У всѣхъ троихъ исходная точка одна и та же, это мелкіе петербургскіе чиновники, обезличенныя клѣточки огромнаго государственнаго тѣла, безконечно малыя дробы безконечно великаго цѣлага. Изъ этой-то исходной точки—почти совершеннаго поглощенія живой человѣческой личности мертвымъ безличнымъ цѣлымъ — устремляются они въ пустоту, въ пространство, и описываютъ три различныя, но одинаково чудовищныя параболы: одинъ — во лжи, другой — въ безуміи, третій — въ суевѣрной легендѣ. Во всѣхъ трехъ случаяхъ, личность мститъ за свое реальное отрицаніе; отказываясь отъ реального, мститъ призрачнымъ, фантастическимъ самоутвержденіемъ. Человѣкъ старается быть не тѣмъ, что есть, потому что не хочетъ, не можетъ, не долженъ быть ничѣмъ. И въ мертвомъ лицѣ Акакія Акакіевича, и въ сумасшедшемъ лицѣ Поприщина, и въ лживомъ лицѣ Хлестакова, сквозь ложь, безуміе и смерть, мелькаетъ нѣчто истинное, бессмертное, сверхразумное, что есть во всякой человѣческой личности и что кричитъ изъ нея къ людямъ, къ Богу: я — одинъ, другого подобнаго миѣ никогда нигдѣ не было и не будетъ, я самъ

для себя все, — «я, я, я!» — какъ въ изступленіи кричить Хлестаковъ.

Въ качествѣ реальной величины въ государствѣ Хлестаковъ — ничтожество: «одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ въ канцеляріяхъ называютъ пустѣйшими». Собственный лакей его, дуракъ и плуть Осипъ, презираетъ барина: «добро бы было въ самомъ дѣлѣ что-нибудь путное, а то вѣдь елистратишка простой». Онъ, однако, сынъ дворянина, старосвѣтскаго помѣщика изъ глубины Россіи. Но никакой связи со своимъ родомъ, народомъ, землею онъ не сохранилъ. Онъ весь до мозга костей — петербургскій безземельный «пролетарій», безродный, искусственный человѣкъ—гомункулъ, выскочившій изъ «петровской табели о рангахъ», какъ изъ алхимической склянки. Люди прошлаго, подобные отцу его, для него — варвары, почти не люди: «они, пентюхи, и не знаютъ, что такое значитъ «прикажете принять». Къ нимъ если пріѣдетъ какой-нибудь гусь помѣщикъ, такъ и валить, медвѣдь, въ гостиную». Отрицаніе, впрочемъ, обоюдное: «батюшка присылаетъ ему денежки»; но если бы узналъ онъ, какъ живетъ сынокъ въ Петербургѣ: «дѣломъ не занимается — вмѣсто того, чтобы въ должность, а онъ идетъ гулять по пришепкту, въ картишки играетъ», то, по выраженію Осипа, «не посмотрѣлъ бы на то, что ты чиновникъ, а поднявъ рубашонку, такихъ бы засыпалъ тебѣ, что дня бы четыре ты почесывался».

Какъ личность умственная и нравственная, Хлестаковъ отнюдь не полное ничтожество. «Хлестаковъ, — опредѣляетъ Гоголь, — есть человѣкъ ловкій, совершенный *compte il faut*, умный, даже пожалуй, добродѣтельный», — ну, конечно, не слишкомъ умный и добродѣтельный, но зато и не слишкомъ глупый и злой. У него самый обыкновенный умъ, самая обыкновенная — общая, легкая, «свѣтская совѣсть». Въ немъ есть все, что теперь въ ходъ *пошло* и что впослѣдствіи окажется *пошлымъ*. «Одѣтъ по модѣ», и говорить, и думать, и чувствовать по модѣ. «Онъ принадлежитъ къ тому кругу, который, повидимому, ничѣмъ не отличается отъ прочихъ молодыхъ людей», — замѣчаетъ Гоголь. Онъ,

какъ всѣ: и умъ, и душа, и слова, и лицо у него, какъ у всѣхъ. Въ немъ, по глубокому опредѣленію опять-таки самого Гоголя, *ничего не означено рѣзко*, то-есть опредѣленно, окончательно, до послѣдняго предѣла, до конца. Сущность Хлестакова именно въ этой неопредѣленности, неоконченности. «Онъ не въ состояніи остановить постояннаго вниманія на какой-нибудь мысли» — не способенъ сосредоточить, довести до конца ни одну изъ своихъ мыслей, ни одно изъ своихъ чувствъ. Онъ, какъ выражается чортъ Ивана Карамазова, «потерялъ всѣ свои концы и начала», онъ — воплощенное отрицаніе всѣхъ концовъ и началъ, воплощенная нравственная и умственная *середина*, посредственность.

Но главные силы, которыя движутъ и управляютъ имъ, не въ общественной и не въ умственной или нравственной личности, а въ безличномъ, бессознательномъ, стихійномъ существѣ его — въ инстинктахъ. Тутъ прежде всего слѣпой животный инстинктъ самосохраненія — неимовѣрный волчій голодъ: «такъ хочется ѣсть, какъ еще никогда не хотѣлось... Тѣфу, даже тошнить...» Это не простой мужичій голодъ, который насыщается хлѣбомъ насущнымъ, а благородный, господскій. Въ правѣ на удовлетвореніе этого голода Хлестаковъ сознаетъ себя въ высшей степени бариномъ: «Ты растолкуй ему (хозяину гостиницы) серьезно, что мнѣ *нужно ѣсть*... Онъ думаетъ, что какъ ему, мужику, ничего, если не поѣсть день, такъ и другимъ то же. Вотъ новости!» Ѣсть хочется, нужно ѣсть—это уже нѣчто безусловное, безконечное въ существѣ Хлестакова, — во всякомъ случаѣ это его естественный конецъ и начало, его первая и послѣдняя правда.

Природа, надѣливъ его такою потребностью, вооружила особою силою для ея удовлетворенія, — силою лжи, притворства, умѣнья казаться не тѣмъ, что онъ есть. И эта сила у него опять-таки не въ умѣ, не въ волѣ, а въ глубочайшемъ бессознательномъ инстинктѣ.

Нѣкоторыя насѣкомыя формою и окраскою тѣлѣ съ точностью, до полнаго обмана даже человѣческаго зрѣнія, воспроизводятъ форму и окраску мертвыхъ сучковъ, увяд-

шихъ листьевъ, камней и другихъ предметовъ, пользуясь этимъ свойствомъ, какъ оружіемъ въ борьбѣ за существованіе, дабы избѣгать враговъ и ловить добычу. Въ Хлестаковѣ заложено природою нѣчто подобное, этой первозданной, естественной лжи или мимикѣ лицедѣйства. Въ устахъ его ложь есть вѣчная «игра природы». Языкъ его лжетъ такъ же непроизвольно, неудержимо, какъ сердце бьется, легкія дышатъ. «Хлестаковъ лжетъ, — говоритъ Гоголь, — вовсе не холодно, или фанфаронски-театрально; онъ лжетъ съ чувствомъ; въ глазахъ его выражается наслажденіе, получаемое имъ отъ этого. Это вообще лучшая и самая поэтическая минута его жизни — почти родъ вдохновенія».

Ложь Хлестакова имѣетъ нѣчто общее съ творческимъ вымысломъ художника. Онъ опьяняетъ себя мечтою до полного самозабвенія. Меньше всего думаетъ о реальныхъ цѣляхъ, выгодахъ. Это ложь безкорыстная—ложь для лжи, искусство для искусства. Ему въ эту минуту ничего не надо отъ слушателей: только бы повѣрили. Онъ лжетъ невинно, безхитростно и первый самъ себѣ вѣрить, самъ себя обманываетъ — въ этомъ тайна его обаянія. Онъ лжетъ и чувствуетъ: это хорошо, это правда. *То чего нѣтъ*, для него, какъ для всякаго художника, прекраснѣе и потому правдивѣе самой правды. Онъ весь горитъ и трепещетъ, какъ бы отъ священнаго восторга. Тутъ какая-то нѣга, сладострастіе лжи. Если бы стали обличать его, онъ сначала просто не понялъ бы, а потомъ съ чувствомъ высшей поэтической правды и правоты презрѣлъ бы столь низменную точку зрѣнія. Беззащитно и беззлобно огорчился бы, какъ обиженный ребенокъ, какъ оскорбленный чернью поэтъ. Не даромъ утверждаетъ Гоголь, что одно изъ главныхъ свойствъ Хлестакова — «чистосердечіе и простота». У этого генія лжи, какъ у всякаго истиннаго генія, — почти дѣтская простота и ясность. Тотъ Хлестаковъ, который беретъ взятки у обманутыхъ имъ чиновниковъ съ такою безстыдною наглостью, уже совсѣмъ другой человекъ: поэтъ исчезъ, вдохновеніе потухло:

Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть-можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.

Съ ложью связано въ немъ другое столь же первозданное, стихійное свойство. «У меня, — признается онъ, — *легкость въ мысляхъ необыкновенная*». Не только въ мысляхъ, но и въ чувствахъ, въ дѣйствіяхъ, въ словахъ, даже въ «тоненькомъ, худенькомъ тѣлѣ», во всемъ существѣ его «необыкновенная легкость»: весь онъ точно «вѣтромъ подбитъ», едва земли касается — вотъ-вотъ вспорхнетъ и улетитъ. Для него и въ немъ самомъ нѣтъ ничего труднаго, тяжелаго и глубокаго — никакихъ задержекъ, никакихъ преградъ между истиной и ложью, добромъ и зломъ, законнымъ и преступнымъ; онъ даже не «преступаетъ», а перелетаетъ, благодаря этой своей окрыляющей легкости, черезъ «всѣ черты и всѣ предѣлы». Величайшія мысли человечества, которыя давятъ его цѣлые вѣка своей тяжестью, попадая въ голову Хлестакова, становятся вдругъ легче пуха. Вотъ, на примѣръ, одна изъ главныхъ мыслей XVII и XVIII вѣка, Монтэня, Гоббса, Жанъ-Жака Руссо — мысль о «естественномъ состояніи», о возвратѣ человѣка въ природу. Когда Хлестаковъ признается въ любви женѣ городничаго, та отвѣчаетъ ему съ робкимъ недоумѣніемъ: «Но, позвольте замѣтить, я въ нѣкоторомъ родѣ... я замужемъ». — «Это ничего, — возражаетъ Хлестаковъ. — Для любви нѣтъ различія: и Карамзинъ сказалъ: «Законы осуждаютъ». Мы удалимся подъ сѣнь струй»... Это значитъ: человѣческіе законы осуждаютъ нашу любовь, но мы уйдемъ отъ людей въ природу, гдѣ царствуютъ иные, вѣчные законы. Отъ древне-греческой идилліи Дафниса и Хлои, которые тоже были счастливы «подъ сѣнью струй», до чувствительныхъ романовъ XVIII вѣка, до пастушескихъ сценъ во вкусѣ Ватто, Бушэ и черезъ Карамзина до Хлестакова — какой неимовѣрный путь прошла человѣческая мысль и во что она превратилась!

А вотъ и другая сторона этой же самой мысли о противоположности природы и человѣка, естественнаго и культур-

наго состоянія: «Деревня, впрочемъ, имѣтъ свои пригорки, ручейки... Ну, конечно, кто же сравнить съ Петербургомъ! Эхъ, Петербургъ! что за жизнь, право!» Точно такъ же соблазны культуры понимаетъ и лакей Осипъ: «жизнь тонкая и политичная; кеатры, собаки тебѣ танцуютъ, и все, что хочешь. Разговариваютъ все на тонкой деликатности... Галантерейное, чортъ возьми, обхожденіе!»

Эпикурейское вольнодумство, возрожденная языческая мудрость, принципъ: «жизнью пользуйся, живущій!»— сокращается у Хлестакова въ изреченіе новой положительной мудрости: *«Вѣдь на то живешь, чтобы срывать цвѣты удовольствія»*. Какъ просто, какъ общедоступно! Это освобожденіе отъ всѣхъ нравственныхъ узъ не превратится ли въ послѣдствіи въ ницшеанское, карамазовское: «нѣтъ добра и зла, все позволено»? И здѣсь и тамъ — одно начало: крылья орла и крылья мошки борются съ одними и тѣми же законами всемірнаго тяготѣнія.

Это — язычество; а вотъ и христіанство, — тоска по неземной отчизнѣ, «идеализмъ» Хлестакова, — изъ письма его къ пріятелю Тряпичкину: «прощай, душа Тряпичкинъ... Скучно, братъ, такъ жить, хочешь, наконецъ, пищи для души. Вижу, точно надо чѣмъ-нибудь высокимъ заняться».

Таковъ всеобъемлющій кругъ его созерцанія: все, что имѣтъ три измѣренія, приводитъ онъ къ двумъ или къ одному — къ совершенной плоскости, пошлости; потому все это и въ ходъ пошло, что такъ пошло. Онъ сокращаетъ всякую мысль до послѣдней степени краткости, облегчаетъ ее до послѣдней степени легкости, отбрасываетъ ея конецъ и начало, оставляя одну лишь бѣзконечно малую, самую серединную точку — и то, что было вершиною горнаго кряжа, становится пылинкою, носимою вѣтромъ по большой дорогѣ. Нѣтъ такого благороднаго чувства, такой глубокой мысли, которыя не могли бы, стершись, вывѣтрившись, благодаря этому хлестаковскому генію сокращенія, облегченія, сдѣлаться сѣрою пылью.

Духъ его родственъ духу времени. «Я литературой существую», говоритъ Хлестаковъ, — и это не ложь, а глу-

бокое признаніе. Онъ другъ не только Тряпичкина, Булгарина, Сенковскаго, Марлинскаго, но и самого Пушкина, камеръ-юнкера, которому, въ лицѣ какого-нибудь моднаго, великосвѣтскаго хлыща, совершеннаго *comme il faut*, одного изъ безчисленныхъ однодневныхъ пріятелей Александра Сергѣевича, «добраго малаго», пожимаетъ руку на придворныхъ балахъ, со снисходительной развязностью: «ну, что, братъ?—Да такъ, братъ,—отвѣчалъ бывало тотъ,—такъ какъ-то все... — Большой оригиналъ!» И вѣдь ужъ, конечно, та сплетня, отъ которой Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ погибъ, обошлась не безъ участія Ивана Александровича Хлестакова. Пушкинъ погибъ, а Хлестаковъ процвѣтаетъ.

Духъ его сказывается не только въ романтическихъ «кровавыхъ незабудкахъ» начала XIX вѣка, но и въ нашей современной декадентской рѣзвости, въ нашей ницшеанской дерзости, за которыя здравый смыслъ, какъ старый баринъ, если бы узналъ, въ чемъ дѣло, не посмотрѣлъ бы на то, что ты декадентъ или ницшеанецъ, а, «поднявши рубашонку, такихъ бы засыпалъ тебѣ, что дня бы четыре ты почесывался». — «Я имъ всѣмъ поправлялъ стихи» — могъ бы сказать Хлестаковъ и о новѣйшихъ поэтахъ, — «моихъ много есть сочиненій — ужъ и названій даже не помню». Стоитъ прислушаться къ пріятелю Тряпичкина: «прощай, душа Тряпичкинъ... Скучно, братъ, такъ жить, хочешь, наконецъ, пищи для души. Вижу, точно надо чѣмъ-нибудь высокимъ заняться». Таковъ всеобъемлющій кругъ его созерцанія: все, что имѣетъ три измѣренія, приводитъ онъ къ двумъ. — Стоитъ прислушаться къ опереточной музыкѣ, этому *Leit-Motiv* у прошлаго вѣка, такъ назойливо заглущающему Бетховена и Вагнера, чтобы почувствовать безсмертнаго Хлестакова, которому пессимизмъ XIX столѣтія ничуть не помѣшалъ «срывать цвѣты удовольствія»: «я вѣдь тоже разные водевильчики...» Стоитъ зайти въ любой театръ, чтобы убѣдиться, что и въ наши дни театральныя дирекціи говорятъ своему доброму пріятелю, Ивану Александровичу: «Пожалуйста, братецъ, напиши что-нибудь», — «думаю себѣ:

пожалуй, изволь, братецъ. — И тутъ же въ одинъ вечеръ, кажется, все написалъ». Стоитъ заглянуть въ любую газету, чтобы изъ миѣннй о пользѣ велосипеднаго спорта и свободы совѣсти, о прелестяхъ Кавальери и Венеры Милосской, изъ предсказаній погоды и будущности Россіи, такъ и пахнуло на насъ «необыкновенною легкостью въ мысляхъ». Тутъ именно, въ современной печати, въ гласности, съ каждымъ днемъ все растеть и растеть Хлестаковъ. Теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, могъ бы онъ сказать, не хвастая: «я литературой существую», и литература существуетъ мною.— «И газетный листокъ,—ужасается Гоголь,—становится нечувствительно законодателемъ его неуважающаго человѣка. Что значить всѣ незаконные эти законы, которые, въ виду всѣхъ, чертитъ, исходящая снизу, *нечистая сила*, и міръ это видитъ весь, и, какъ очарованный, не смѣетъ шевельнуться? Что за страшная насмѣшка надъ человѣчествомъ!»—Эта исходящая снизу «нечистая сила» и есть, конечно, сила Хлестакова, который уже не только въ литературѣ, но и на страницахъ всемірной исторіи отъ Парижа до Пекина, отъ Лондона до Трансвааля, пишетъ свои «водевильчики», сплетаетъ свою сплетню.

И все растеть, растеть, какъ туманное видѣніе, какъ фата-моргана. Выше, выше, *excelsior* — это боевой кличъ Хлестакова, кличъ современнаго прогресса.

«Одинъ разъ я даже управлялъ департаментомъ». Это ложь? Едва ли. Можетъ-быть, онъ, дѣйствительно, съ тѣхъ поръ не разъ управлялъ департаментами. Можетъ-быть, и въ наши дни его упрашиваютъ: «Иванъ Александровичъ; ступайте департаментомъ управлять».—«Извольте, господа, я принимаю должность, я принимаю, такъ и быть, только ужъ у меня: ни, ни, ни! ужъ у меня ухо остро! ужъ я...» «Меня самъ государственный совѣтъ боится». Можетъ-быть, и въ наши дни, когда вѣчно-юный Хлестаковъ проходитъ черезъ либеральнѣйшій изъ департаментовъ,—«просто землетрясенье, все дрожитъ, трясется, какъ листъ». И если не тридцать пять тысячъ курьеровъ, то поѣзда-молній, телеграфы, телефоны все еще служатъ ему. Кто изъ насъ не слышалъ

надъ собой его начальническаго окрика: «о, я шутить не люблю; я имъ всѣмъ задамъ острастку!»

Но выше, выше, excelsior! Привидѣніе растеть, мыльный пузырь надувается, играя волшебной радугой. «Да что, въ самомъ дѣлѣ? Я такой! Я не посмотрю ни на кого... я говорю всѣмъ: я самъ себя знаю, самъ!» — «Я *вездѣ, вездѣ*». Вотъ нуменальное слово; вотъ уже лицо чорта почти безъ маски: онъ внѣ пространства и времени, онъ вездѣсущъ и вѣченъ. «Во дворецъ всякій день ѣзжу. Меня завтра же произведутъ сейчасъ въ фельдмарш... (поскальзывается и чуть-чуть не падаетъ на полъ, но съ почтеніемъ поддерживается чиновниками)».

До чего бы дошелъ онъ, если бы не поскользнулся? Назвалъ ли бы себя, какъ всякій самозванецъ, самодержцемъ? А, можетъ-быть, въ наши дни не удовольствовался бы и царственнымъ, никакимъ вообще человѣческимъ именемъ, и уже прямо назвалъ бы себя «сверхчеловѣкомъ», «Человѣкобогомъ»?—сказалъ бы то, что у Достоевскаго чортъ совѣтуетъ сказать Ивану Карамазову: «гдѣ станетъ Богъ — тамъ уже мѣсто Божіе: гдѣ стану я, тамъ сейчасъ же будетъ первое мѣсто—и все позволено!» Вѣдь это Хлестаковъ почти и говоритъ, по крайней мѣрѣ, хочетъ сказать, а если не умѣетъ, то только потому, что словъ такихъ еще нѣтъ: я самъ себя знаю, самъ... я, я, я!... Отъ этого изступленнаго самоутвержденія личности одинъ шагъ до самообожествленія, которое въ больной головѣ Поприщина даетъ сумасшедшій, но все еще сравнительно скромный выводъ: «я король испанскій Фердинандъ VIII», а въ метафизической головѣ Ницше и нигилиста Кириллова, героя «Бѣсовъ» — уже окончательный, нѣсколько болѣе величественный выводъ: «если нѣтъ Бога, то я — Богъ!»

Не даромъ бѣдные чиновники уѣзднаго городка подавлены какъ бы «сверхчеловѣческимъ» величіемъ Хлестакова. «Генераль» — это вѣдь для нихъ и значитъ — почти «сверхчеловѣкъ». — «Какъ вы думаете, Петръ Ивановичъ, кто онъ такой въ разсужденіи чина?» — «Я думаю, чуть ли не генераль». — «А я такъ думаю, что генераль-то ему и въ

подметки не станеть! А когда генераль, то ужъ развѣ самъ генералиссимусъ!..»—«Вотъ это, Петръ Ивановичъ, чело-вѣкъ-то!—заключаетъ Бобчинскій.—Вотъ оно, что значить чело-вѣкъ!» А уничтоженный Артемій Филипповичъ Земляника только лепечеть, дрожа и блѣднѣя: «страшно, просто. А отчего—и самъ не знаешь». И дѣйствительно, по сценѣ проносится какъ бы дыханіе сверхъестественнаго ужаса.

Зрители смѣются и не понимаютъ страшнаго въ смѣшномъ, не чувствуютъ, что они, можетъ-быть, обмануты еще больше, чѣмъ глупые чиновники. Никто не видитъ, какъ растеть за Хлестаковымъ исполинскій призракъ, тотъ, кому собственныя страсти наши вѣчно служатъ, котораго онѣ поддерживаютъ, какъ поскользнувшагося ревизора — чиновники, какъ великаго сатану—мелкіе черти. Кажется, и донинѣ никто не увидѣлъ, не узналъ его, хотя онѣ уже является «въ своемъ собственномъ видѣ», безъ маски или въ самой прозрачной изъ масокъ—и безстыдно смѣется людямъ въ глаза, и кричитъ: «это я, я самъ! *Я—вездѣ, вездѣ!*»

III.

Ежели не зрители, то дѣйствующія лица чувствуютъ какую-то ошеломляющую сонную мглу, фантастическое ма-рево чорта.

«Со мной *чудеса*»—съ лукавымъ простодушіемъ говоритъ Хлестаковъ въ письмѣ къ Тряпичкину. «Что за чортъ!»—недоумѣваетъ городничій, «протирая глаза», словно просыпаясь.—И передъ самою катастрофою, уже проснувшись: «до сихъ поръ не могу притти въ себя. Вотъ подлинно, если Богъ хочетъ наказать, то отниметь прежде разумъ». — «Ужъ какъ это случилось,—изумляется Артемій Филипповичъ, беспомощно «разставивъ руки»,—хоть убей, не могу объяснить. *Точно туманъ какой-то ошеломилъ, чортъ попуталъ*».—«Несестественная сила побудила,—объясняетъ почтмейстеръ душевное состояніе, въ которомъ находился, распечатывая письмо мнимаго ревизора,—словно *бѣсъ* какой шепчетъ: *распечатай, распечатай, распечатай!*—И какъ при-

давить сургучъ—по жиламъ огонь, а распечатать—морозъ, ей Богу, морозъ. И руки дрожать, и все помутилось». — «Что жъ онъ, по-вашему, такое?»—спрашиваетъ городничій о Хлестаковѣ.—«*Ни се, ни то*; чортъ знаетъ что такое!»—нечаянно опредѣляетъ почтмейстеръ самую внутреннюю мистическую сущность духа Вѣчной Середины.

Если бы не умчался Хлестаковъ на тройкѣ своей, не разсѣялся призракомъ въ имъ же напущенномъ «туманѣ», то городничій могъ бы спросить его, какъ въ другой комедіи Гоголя спрашиваетъ плутъ плута: «Да ты кто? *чортъ ты?* говори, кто ты?»—И тотъ отвѣтилъ бы ему почти такими же словами, какъ онъ дѣйствительно отвѣчаетъ у Гоголя, и какъ у Достоевскаго подлинный чортъ могъ бы отвѣтить Ивану Карамазову: «Да, кто я? Я былъ благородный человекъ, поневолѣ сталъ плутомъ».

«Проходить страшная мгла жизни,—пишетъ Гоголь въ одной изъ своихъ «замѣтокъ на доскуткахъ»,—и еще глубокая сокрыта въ томъ тайна.—Не ужасное ли это явленіе—жизнь безъ опоры прочной? не страшно ли великое она явленіе? Такъ—слѣпа»...

Въ этой страшной мглѣ ослѣпшіе люди блуждаютъ и кажутся другъ другу привидѣніями. — «Ничего не вижу—стонетъ городничій, ошеломленный туманомъ: — вижу какія-то свиныя рыла вмѣсто лицъ, а больше ничего». — «Вспомните *Египетскія Тьмы*, — объясняетъ Гоголь, по другому поводу, въ статьѣ «Страхи и ужасы Россіи» это марево чорта. — Слѣпая ночь обняла ихъ вдругъ, среди бѣла дня; со всѣхъ сторонъ уставились на нихъ ужасающіе образы; дряхлыя страшилища съ печальными лицами стали неотразимо въ глазахъ ихъ; безъ желѣзныхъ цѣпей сковала ихъ всѣхъ боязнь и лишила всего; всѣ чувства, всѣ пробужденія, всѣ силы въ нихъ погибли, кромѣ одного страха».

И вотъ «явленіе послѣднее», не только въ обыкновенномъ, сценическомъ, но и въ болѣе глубокомъ, символическомъ смыслѣ — «послѣднее явленіе», видѣніе, которымъ кончается все: «*Тъ же и жандармъ*»: — «Приѣхавшій по именному повелѣнію изъ Петербурга чиновникъ требуетъ

васъ сейчасъ же къ себѣ». — Слова эти поражаютъ, какъ громомъ, всѣхъ. И далѣе страшная «нѣмая сцена» — окаменѣніе ужаса.

Мы должны вѣрить, по замыслу Гоголя, что этотъ петербургскій чиновникъ, являющійся, какъ «богъ изъ машинъ», какъ ангелъ въ средневѣковыхъ мистеріяхъ, есть подлинный Ревизоръ — воплощенный рокъ, совѣсть человѣческая, правосудіе божеское. Мы, однако, не видимъ его; онъ остается для насъ еще болѣе, чѣмъ Хлестаковъ, лицомъ фантастическимъ, призрачнымъ. Но если бы увидѣли, кто знаетъ, не оказалось ли бы странное сходство между двумя «чиновниками изъ Петербурга», большимъ и маленькимъ, не мелькнуло ли бы въ грозномъ лицѣ этого, будто бы, истиннаго Ревизора знакомое лицо человѣка свѣтскаго, гораздо высшаго полета, чѣмъ Иванъ Александровичъ, но столь же ловкаго, «совершеннаго *comme il faut*, умнаго, даже, пожалуй, добродѣтельнаго» и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такого, который рѣшительно «ничѣмъ не отличается отъ прочихъ», отъ всѣхъ? Въ его начальническомъ окрикѣ, когда примется онъ распекать младшихъ братьевъ своихъ, бѣдныхъ уѣздныхъ чиновниковъ, не прозвучитъ ли знакомый, только что слышанный окрикъ: «ужъ у меня: ни, ни, ни! Ужъ у меня ухо востро!.. О, я шутить не люблю, я вамъ всѣмъ задамъ острастку!» — Что, если въ образѣ второго Ревизора возвращается, совершивъ одинъ изъ своихъ вѣчныхъ круговъ, первый, только что умчавшійся Иванъ Александровичъ, въ качествѣ Хлестакова высшаго полета, въ новомъ и окончательномъ, послѣднемъ явленіи своемъ.

«По повелѣнію изъ Петербурга» — вотъ что оглушаетъ, какъ громомъ, всѣхъ, не только дѣйствующихъ лицъ и зрителей, но, кажется, и самого Гоголя. Повелѣніе изъ Петербурга? Но откуда же, какъ не изъ Петербурга — этого самага призрачнаго, туманнаго, «фантастическаго изъ всѣхъ городовъ земнаго шара», ползеть и разстилается по всей Россіи тотъ «ошеломляющій туманъ», та страшная мгла жизни; «египетскія тьмы», чортово марево, въ которыхъ ничего не видно, видны «какія-то свинья рыла», вмѣсто

лицъ, а больше ничего»? Оба ревизора, первый и второй, простой «елистратишка» и настоящій «генералиссимусъ», не одинаково ли законныя дѣти одной и той же «табели о рангахъ», не плоды ли одного и того же «петербургскаго періода» русской исторіи?

Да и весь этотъ чудовищный уѣздный городъ не часть ли всероссійскаго «Града», гражданства, не отраженіе ли крошечное, обратное, но совершенно точное, какъ въ каплѣ воды, самого Петербурга? Петербургъ вызвалъ изъ небытія этотъ городъ. По какому же праву, съ какой высоты будетъ онъ судить и казнить его? Въ самомъ Петербургѣ гоголевскихъ временъ, что, собственно, произошло такого, что могло бы разразиться надъ этимъ маленькимъ Содомомъ не хлестковскимъ, а дѣйствительно Божьимъ громомъ? Что могло бы явиться среди этихъ «свиныхъ рылъ», не какъ лицо жандарма, все-таки похожее отчасти на лицо Держиморды, а какъ дѣйствительно человѣческое лицо божескаго правосудія?

Нѣтъ, «Ревизоръ» не конченъ, не признанъ до конца самимъ Гоголемъ и не понятъ зрителями; узелъ завязки развязанъ условно, сценически, но не религіозно. Одна комедія кончена, начинается или должна бы начаться другая, нѣсколько болѣе смѣшная и страшная. Мы ея такъ и не увидимъ на сценѣ: но и до сей поры разыгрывается она за сценою, въ жизни. Это сознаетъ отчасти Гоголь. *«Ревизоръ безъ конца»*, говоритъ онъ. Мы могли бы прибавить: Ревизоръ безконеченъ. Это смѣхъ не какой-либо частный, временный, историческій, а именно—безконечный смѣхъ русской совѣсти надъ рускимъ Градомъ.

«Въ итогѣ, — говоритъ опять самъ Гоголь устами одного изъ лицъ въ «Развязкѣ Ревизора»,—въ итогѣ остается что-то этакое... я вамъ даже объяснить не могу, что-то чудовищно - мрачное, какой-то страхъ отъ безпорядковъ нашихъ. Самое это появленіе жандарма, который является въ дверяхъ, это окаменѣніе, которое наводятъ на всѣхъ его слова, возвѣщающія о пріѣздѣ настоящаго ревизора, который долженъ ихъ истребить съ лица зѣмли, уничтожить въ конецъ — все это какъ-то необыкновенно страшно».

Почему страшно? Не заключаетъ ли въ себѣ и это окаменѣніе, какъ все въ Ревизорѣ, какого-то глубокаго «пробра-зующаго смысла»?

«Эй вы, залетныя!» — слышенъ за сценою голосъ ямщика въ концѣ четвертаго дѣйствія. — «Колокольчикъ звенить», тройка мчится, и Хлестаковъ, «фантасмагорическое лицо, какъ олицетворенный обманъ, уносится вмѣстѣ съ тройкой Богъ вѣсть куда». Тройка Хлестакова напоминаетъ тройку Поприщина: «дайте мнѣ тройку быстрыхъ, какъ вихрь, коней! садись, мой ямщикъ, звени, мой колокольчикъ, взвѣйтесь, кони, и несите меня съ этого свѣта! Далѣе, далѣе, чтобы не видно было ничего, ничего». — Точно такъ же и Хлестаковъ уносится на тройкѣ своей въ неопредѣленное пространство, въ пустоту, въ небытіе, изъ которыхъ онъ вышелъ, самъ воплощенное небытіе и пустота, — въ ничто. И между тѣмъ какъ все реальное, существующее, прошлое и настоящее, передъ неизбѣжнымъ «послѣднимъ явленіемъ» мистическаго Держиморды, замерло въ неподвижности, окаменѣло въ бессмысленномъ ужасѣ, — одинъ только призрачный Хлестаковъ, съ «необыкновенною легкостью въ мысляхъ», въ вѣчномъ движеніи несется въ неизмѣримыя пространства будущаго.

«Кажись, невѣдомая сила подхватила тебя на крыло къ себѣ, и самъ летишь, и все летитъ». Впередъ, впередъ! Excelsior! Что значить, говоря словами Гоголя, «это наводящее ужасъ движеніе», съ одной стороны, и эта наводящая ужасъ неподвижность — съ другой? Неужели окаменѣвшій русскій Градъ, безъ желѣзныхъ цѣпей скованный «египетской тьмой», — это вся старая и современная Россія; а летящій куда-то къ чорту Хлестаковъ — это Россія новая? Каменная тяжесть, призрачная легкость, реальная пошлость настоящаго, фантастическая пошлость грядущаго, и вотъ два одинаково плачевные конца, два одинаково страшные пути Россіи къ «чорту», въ пустоту, въ «нигилизмъ», въ ничто. И въ этомъ смыслѣ какую ужасною, неожиданною для самого Гоголя насмѣшкою звучитъ его сравненіе Россіи съ несущоюся тройкою: «Русь, куда жъ несешься

ты, дай отвѣтъ? Не даетъ отвѣта. Чуднымъ звономъ заливаются колокольчикъ («Звени мой колокольчикъ», бредитъ Поприщинъ; и въ четвертомъ дѣйствии Ревизора «колокольчикъ звенить»). Летитъ мимо все, что ни есть на землѣ, и косясь, постораниваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства». Безумный Поприщинъ, остроумный Хлестаковъ и благоразумный Чичиковъ — вотъ кого мчитъ эта символическая русская тройка въ своемъ страшномъ полетѣ въ необъятный просторъ или необъятную пустоту. — «Горизонтъ безъ конца... Русь! Русь! вижу тебя... Что пророчить сей необъятный просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройти ему?» — Увы, на этотъ вопросъ безпощадно отвѣтилъ смѣхъ Гоголя! Какъ исполинскія видѣнія, какъ «дряхлая страшилища съ печальными лицами», превстали ему только два героя нашего времени, два «богатыря», рожденные русскимъ просторомъ — Хлестаковъ и Чичиковъ.

IV.

Въ Хлестаковѣ преобладаетъ начало движенія, «прогресса»; въ Чичиковѣ — начало равновѣсія, устойчивости. Сила Хлестакова — въ лирическомъ порывѣ, въ опьянѣніи; сила Чичикова — въ разумномъ спокойствіи, въ трезвости. У Хлестакова — «необыкновенная легкость», у Чичикова — необыкновенная вѣскость, основательность въ мысляхъ. Хлестаковъ — созерцатель; Чичиковъ — дѣятель. Для Хлестакова все желанное — дѣйствительно; для Чичикова все дѣйствительное — желанно. Хлестаковъ идеалистъ; Чичиковъ реалистъ. Хлестаковъ — либераль; Чичиковъ — консерваторъ. Хлестаковъ — «поэзія»; Чичиковъ — «правда» современной русской дѣйствительности.

Но, несмотря на всю эту явную противоположность, тайная сущность ихъ одна и та же. Они — два полюса единой силы; они — братья-близнецы, дѣти русскаго *средняго* словія и русскаго XIX вѣка, самаго *серединнаго*, буржу-

азнаго изъ всѣхъ вѣковъ; и сущность обоихъ—вѣчная середина, «ни то, ни се» — совершенная пошлость. Хлестаковъ утверждаетъ то, чего нѣтъ, Чичиковъ—то, что есть,—оба въ одинаковой пошлости. Хлестаковъ замышляетъ, Чичиковъ исполняетъ. Фантастическій Хлестаковъ оказывается виновникомъ самыхъ реальныхъ русскихъ событій, такъ же, какъ реальный Чичиковъ виновникомъ самой фантастической русской легенды о «Мертвыхъ душахъ». Это, повторяю, два современныхъ русскія лица, двѣ ипостаси вѣчнаго и всемірнаго зла — чорта.

«Справедливѣе всего, — замѣчаетъ Гоголь, — назвать Чичикова — *хозяинъ*, пріобрѣтатель. Пріобрѣтеніе — вина всего».

— Такъ вотъ такъ! Этакимъ-то образомъ, Павелъ Ивановичъ! такъ вотъ вы *пріобрѣли*, — говоритъ председатель, послѣ совершенія купчей крѣпости на мертвыя души.

— Пріобрѣлъ, — говоритъ Чичиковъ.

— Благое дѣло! право, благое дѣло!

— Да, я вижу самъ, что болѣе благого дѣла не могъ бы предпринять. *Какъ бы то ни было, цѣль человѣка все еще не опредѣлена, если онъ не сталъ, наконецъ, твердою стопой на прочное основаніе, а не на какую-нибудь вольнодумную химеру юности.*

Не выражаетъ ли тутъ устами Чичикова вся европейская культура XIX вѣка свою самую внутреннюю сущность? Высшій смыслъ жизни, послѣдняя цѣль человѣка «не опредѣлена» на землѣ. Конецъ и начало міра непознаваемы; только середина — міръ явленій — доступна познанію, чувственному опыту, а слѣдовательно, и реальна. Единственное и окончательное мѣрило для оцѣнки всего есть прочность, основательность, «позитивность» этого чувственного опыта, то-есть обыкновенной «здоровой» — *средней* человѣческой чувственности. Всѣ философскія религіозныя чаянія прошлыхъ вѣковъ, всѣ ихъ порывы къ безначальному и безконечному, сверхчувственному суть, по Конттовскому опредѣленію, то-есть «метафизическія» и «теологическія» бредни, «вольнодумныя химеры юности»! — «Но герой нашъ

(герой нашего времени, какъ и само время) уже былъ *среднихъ* лѣтъ и осмотрительно-охлажденнаго характера». Онъ задумался «*положительнѣе*», то-есть «*позитивнѣе*». И вотъ главная позитивная дума Чичикова и есть именно дума о томъ, какъ бы отвергнуть все, что кажется ему «*химерою*», обманчивымъ призракомъ безконечнаго, безусловнаго, «*стать твердою стопой на прочное основаніе*» условнаго, конечнаго, относительнаго, единственнаго будто бы реальнаго.

«Но замѣчательно,—прибавляетъ Гоголь,— что въ словахъ его была все какая-то нетвердость, какъ будто бы тутъ же сказалъ онъ себѣ: «*Эхъ, братъ, врешь ты, да еще и сильно!*» — Да, въ глубинѣ чичиковскаго «*позитивизма*» такое же всемірное «*вранье*», какъ въ глубинѣ хлестаковскаго идеализма. Желаніе Чичикова «*стать твердою стопой на прочное основаніе*» — это именно то, что теперь въ ходъ *пошло*, а потому — *пошло*, какъ, впрочемъ, и желаніе Хлестакова «*заняться, наконецъ, чѣмъ-нибудь высокимъ*». Оба они только говорятъ и думаютъ, какъ всѣ; а въ сущности ни Чичикову нѣтъ никакого дѣла до «*прочныхъ*» основъ, ни Хлестакову — до горныхъ вершинъ бытія. За консервативною основательностью у одного скрывается такая же «*химера*», пустота, ничто, какъ за либеральною «*легкостью мыслей*» — у другого. Это не два противоположные конца и начала, не двѣ безумныя, но все-таки честныя крайности, а двѣ безчестныя, потому что слишкомъ благоразумныя, середины, двѣ одинаковыя плоскости и пошлости нашего вѣка.

Ежели нѣтъ въ человѣческой жизни никакого опредѣленнаго смысла, высшаго, чѣмъ сама эта жизнь, то нѣтъ для человѣка на землѣ и никакой опредѣленной цѣли, кромѣ реальной побѣды въ реальной борьбѣ за существованіе. «*Такъ ѣсть хочется, какъ еще никогда не хотѣлось*». — этотъ бессознательный, стихійный вопль Хлестакова, «*голосъ природы*», становится сознательною, общественно-культурною мыслью у Чичикова — мыслью о приобрѣтеніи, о собственности, о капиталѣ.

«*Больше всего береги и копи копейку: эта вещь надежнѣе всего на свѣтѣ... Копейка не выдастъ... Все сдѣлаешь и все*

прошибешь на свѣтѣ копейкой». Вотъ завѣтъ отца и всего духовнаго отечества Чичикова — XIX вѣка. Вотъ самая позитивная мысль самаго позитивнаго изъ всѣхъ вѣковъ, съ его пронизавшимъ насквозь всю культуру, промышленно капиталистическимъ, буржуазнымъ строемъ; вотъ, единственно будто бы, «прочное основаніе», найденное, если не въ отвлеченномъ созерцаніи, то въ жизненномъ дѣйствіи и противопологаемое всѣмъ «химерамъ» прошлыхъ вѣковъ. Тутъ нѣтъ, конечно, правды Божеской; зато есть «человѣческая, слишкомъ человѣческая» правда, можетъ-быть, отчасти даже оправданіе.

Сила денегъ для Чичикова вовсе не грубая, внѣшняя, а внутренняя сила духа, мысли, воли, своего рода безкорыстія, героизма, самопожертвованія. Когда князь, пріѣхавшій тоже, какъ и второй Ревизоръ, «по именному повелѣнію изъ Петербурга», въ присутствіи двухъ дюжихъ жандармовъ, распекаетъ Чичикова: — «Съ сей же минуты будешь отведенъ въ острогъ и тамъ, на ряду съ послѣдними мерзавцами и разбойниками, ты долженъ ждать разрѣшенія участи своей!» — «Я человѣкъ, ваше сіятельство! — возражаетъ Чичиковъ. Кровью нужно было добывать насущное существованіе... Вѣдь съ терпѣніемъ, можно сказать, кровавымъ добывалъ копейку, трудами, трудами, не то, чтобы кого ограбилъ, или казну обворовалъ, какъ дѣлаютъ... Гдѣ справедливость Небесъ? Гдѣ награда за терпѣніе, за постоянство безпримѣрное?.. Вѣдь сколько нужно было побороть; сколько вынести! вѣдь всякая копейка выработана, такъ сказать, всѣми силами души!»... Въ мысли о деньгахъ заключено для него нѣчто безусловное, какъ бы даже безконечное, почти религіозное. «Шкатулка! — раздирающимъ душу голосомъ вопить онъ въ тюрмѣ передъ тѣмъ, какъ разорвать на себѣ фракъ «наваринскаго пламени съ дымомъ». — Шкатулка! Вѣдь тамъ все имущество... Все украдутъ, разнесутъ! О, Боже!» Таинственная шкатулка для него новый «ковчегъ завѣта».

Странствующій рыцарь денегъ, Чичиковъ кажется иногда въ такой же мѣрѣ, какъ Донъ-Кихоть, подлиннымъ, не только

комическимъ, но и трагическимъ героемъ, «багатыремъ» своего времени. «Назначеніе ваше—быть великимъ человѣкомъ», говоритъ ему Муразовъ. И это отчасти правда: Чичиковъ такъ же, какъ Хлѣстаковъ, все растетъ и растетъ на нашихъ глазахъ. По мѣрѣ того, какъ мы умалеемся, теряемъ всѣ свои «концы» и «начала», всѣ «вольнодумныя химеры», наша благоразумная середина, наша буржуазная «положительность» — Чичиковъ—кажется все болѣе и болѣе великою, безконечною.

V.

«Зачѣмъ добывалъ копейку? Затѣмъ, чтобы въ довольствѣ прожить остатокъ дней, оставить женѣ, дѣтямъ, которыхъ намѣревался пріобрѣсти для блага, для службы отечеству. Вотъ для чего хотѣлъ пріобрѣсти!» — «Въ немъ,— говоритъ Гоголь, — не было привязанности собственно къ деньгамъ для денегъ; имъ не владѣли скряжничество и скупость. Нѣтъ, не они двигали имъ: ему мерещилась впереди жизнь во всѣхъ *довольствахъ*, со всѣми *достатками*: экипажи, домъ отлично устроенный, вкусныя обѣды — вотъ что непрерывно носилось въ головѣ его. Чтобы, наконецъ; потомъ, со временемъ, вкусить непременно все это, вотъ для чего береглась копейка; скупы отказываемая до времени и себѣ и другому. Когда проносился мимо него богачъ на пролетныхъ красивыхъ дрожкахъ, на рысакахъ въ богатой упряжи, онъ, какъ вкопанный, останавливался на мѣстѣ и потомъ, очнувшись, какъ послѣ долгаго сна, говорилъ: «А вѣдь былъ конторщикъ, волосы носилъ въ кружокъ!» И все, что ни отзывалось богатствомъ и *довольствомъ*, производило на него впечатлѣніе, непостижимое имъ самимъ. — Такъ называемый *комфортъ*, то-есть высшій культурный цвѣтъ современнаго промышленно-капиталистическаго и буржуазнаго строя, комфортъ, которому служатъ всѣ покоренныя наукою силы природы—звукъ, свѣтъ, паръ, электричество—всѣ изобрѣтенія, всѣ искусства—вотъ послѣдній вѣнецъ земнаго рая для Чичикова. *«Пуще всего въ покойномъ довольствѣ жить любите,—это пуще всего-съ»*,

опредѣляетъ лакей Смердяковъ барину Ивану Карамазову его глубочайшую духовную сущность. Не восторгъ, не роскошь, не опьянѣніе, не послѣдній предѣлъ счастья,— а лишь срединное благополучіе, умѣренная сытость духа и тѣла, «спокойное довольство» — вотъ затаенная мечта, которая соединяетъ Ивана Карамазова, трагическаго героя, съ героемъ комическимъ, Чичиковымъ, черезъ Смердякова.

— Вы, какъ Федоръ Павловичъ (то-есть, отецъ Карамазова),—говоритъ Ивану Смердяковъ. — *Вы, какъ Павелъ Ивановичъ*, могъ бы онъ сказать съ еще большимъ правомъ,—наиболѣе-съ, изо всѣхъ дѣтей наиболѣе на него похожи вышли, съ одною съ ними душой-съ.— Бунтъ Ивана, сверхчеловѣческая гордыня, съ которою онъ восклицаетъ: «все позволено;—если нѣтъ Бога, то я—Богъ!»—это все еще «вольнодумная химера юности», хлестаковская «легкость въ мысляхъ», то-есть, все-таки болѣе или менѣе «вранье». Но Хлестаковъ устанетъ врать, буря утихнетъ, волны улягутся, и обнаружится вновь *средній* уровень вѣка, его нуменальная срединность, его несокрушимая плотина—«прочное основаніе»: «пуще всего въ покойномъ довольствѣ жить». И даже въ страшномъ лицѣ Великаго Инквизитора мелькаетъ знакомое лицо не только отца Федора Павловича, но и дѣда Павла Ивановича. И антихристово царство, противопологаемое Великимъ Инквизиторомъ царству Христову—эти «тысячи милліоновъ счастливыхъ младенцевъ», умѣренная сытость, «спокойное довольство» всего человѣчества въ въ комфортабельныхъ «алюминіевыхъ дворцахъ», въ вавилонской башнѣ социаль-демократіи, есть не что иное, какъ царство Чичикова, всемірнаго и вѣчнаго, Чичикова *sub specie aeterni*, ибо царство его и есть именно царство «отъ міра сего»: «въ Чичиковѣ, — говоритъ Гоголь, — было все, что нужно для этого міра».

VI.

Вмѣсто блаженства благополучіе, вмѣсто благородства — благоприличіе, то-есть внѣшняя, условная добродѣтель, ибо для Чичикова, какъ для истиннаго позитивиста,

нѣтъ ни въ добрѣ, ни во злѣ ничего безусловнаго. Такъ какъ единственная опредѣленная цѣль и высшее благо человѣка на землѣ есть «спокойное довольство», а единственный путь къ нему пріобрѣтеніе, то вся нравственность подчиняется этой цѣли и этому благу, ибо «если ужъ избрана цѣль — нужно идти напроломъ». — «Впередъ, впередъ! Excelsior!» этотъ боевой кличъ современнаго прогресса — кличъ не только Хлестакова, но и Чичикова.

«Покривилъ, не скрою, покривилъ... что жъ дѣлать?— сознается онъ однажды въ минуту отчаянія. — Но вѣдь покривилъ только тогда, когда увидѣлъ, что прямой дорогой не возьмешь и что косою дорогою больше напрямикъ». — «Чему я всѣмъ обязанъ? — могъ бы отвѣтить за Чичикова герой «Игроковъ»: — именно тому, что называютъ плутовствомъ. И вздоръ, вовсе не плутовство... Ну, положимъ— плутовство. Да вѣдь необходимая вещь, — что жъ можно безъ него сдѣлать?... Я смотрю на жизнь совершенно съ другой точки. Этакъ прожить, какъ дуракъ, проживетъ всякій, это не штука; но прожить съ тонкостью, съ искусствомъ, обмануть всѣхъ и не быть обманутымъ самому—вотъ настоящая задача и цѣль!»—Если бы это говорилъ не жалкій провинціальный шулеръ, а такой политикъ Возрожденія, какъ Макиавелли, или такой завоеватель, какъ Цезарь Борджіа «biondo e bello», то,—какъ знать?—можетъ-быть, Иванъ Карамазовъ и Ницше признали бы въ этой свободѣ свою собственную свободу «по ту сторону добра и зла», свое сверхчеловѣческое: «все позволено». И чортъ — Смердяковъ опять воскликнулъ бы: «все это очень мило; только если захотѣлъ мошенничать, зачѣмъ бы еще, кажется, санкція истины?» Когда Чичиковъ говоритъ: «въ другомъ поступкѣ, по человѣчеству, могу провиниться, но въ подлости никогда», — то онъ искрененъ. Добро и зло для него такъ условны сравнительно съ высшимъ благомъ — пріобрѣтеніемъ, что онъ иногда самъ не сумѣлъ бы отличить одно отъ другого; самъ не знаетъ, гдѣ кончается вложенный въ него природою инстинктъ «хозяина», «пріобрѣтателя», и гдѣ начинается подлость: средняя подлость и среднее благород-

ство смѣшиваются въ одно «благоприличіе», «благопристойность».

При первомъ же взглядѣ на Чичикова, видно было,— говоритъ Гоголь,— «благоприличіе изумительное». «Нужно знать, что Чичиковъ былъ самый благопристойный человекъ, какой когда-либо существовалъ на свѣтѣ». Эстетика Чичикова, такъ же, какъ этика, есть общее достояніе современной мѣщански-денежной культуры. «Хотя онъ и долженъ былъ вначалѣ протираться въ грязномъ обществѣ, но въ душѣ всегда сохранялъ чистоту, любилъ, чтобы въ канцеляріяхъ были столы изъ лакированного дерева, и все бы было благородно... Онъ всякіе два дня перемѣнялъ на себѣ бѣлье, а лѣтомъ, во время жаровъ, даже и всякій день: всякій сколько-нибудь непріятный запахъ уже оскорблялъ его. По этой причинѣ онъ всякій разъ, когда Петрушка приходилъ раздѣвать его и скидывать сапоги, клалъ себѣ въ носъ гвоздику». — Общедоступная полезность, удобство, комфортъ, чистота, гигиена—середина въ прекрасномъ, такъ же какъ въ добромъ.

Несмотря на весь свой консерватизмъ, Чичиковъ—отчасти западникъ. Подобно Хлестакову, онъ чувствуетъ себя въ русскомъ провинціальномъ захолустьи представителемъ европейскаго просвѣщенія: тутъ — глубокая связь Чичикова съ «петербургскимъ періодомъ» русской исторіи, съ петровскими преобразованіями. Чичикова тянетъ на Западъ: онъ какъ будто предчувствуетъ, что тамъ его сила, его грядущее царство. «Вотъ бы куда перебраться,—мечтаетъ онъ о таможи: — и граница близко, и просвѣщенные люди. А какими тонкими голландскими рубашками можно обзавестись!» — «Надо прибавить, что при этомъ онъ подумалъ еще объ особенномъ сортѣ французскаго мыла, сообщавшаго необыкновенную бѣлизну кожѣ и свѣжесть щекамъ». Европейское просвѣщеніе только усиливаетъ сознаніе русскаго барина, «просвѣщеннаго дворянина», въ его вѣковой противоположности темному народу. «Хорошъ, очень хорошъ! — восклицаетъ однажды Чичиковъ, замѣтивъ, что Петрушка пьянъ. — Ужъ вотъ можно сказать

удивилъ красотой Европу!» — Сказавъ это, Чичиковъ погладилъ свой подбородокъ и подумалъ: «Какая, однакожь, разница между просвѣщеннымъ дворяниномъ и грубой лакейской фізіономіей!»

Русская культура — это повелось еще съ Петра — срываетъ со всемірной только хлестаковскіе «цвѣты удовольствія», снимаетъ съ нея только лакомую пѣнку или накипь: плоды высшаго западно-европейскаго просвѣщенія проникаютъ въ Россію вмѣстѣ съ прочимъ «галантерейнымъ товаромъ», наравнѣ съ «голландскими рубашками» и «особымъ сортомъ французскаго мыла, которое сообщаетъ необыкновенную бѣлизну и свѣжесть» русской дворянской кожѣ. Изъ всемірной культуры выбираетъ Чичиковъ то, что нужно ему, а все прочее, слишкомъ глубокое и высокое, съ такою же геніальною легкостью, какъ Хлестаковъ, сводитъ къ двумъ измѣреніямъ, облегчаетъ, сокращаетъ, расплющиваетъ до послѣдней степени плоскости и краткости. Чичиковское разсужденіе «о блаженствѣ двухъ душъ» и чтеніе Собакевичу посланія въ стихахъ Вертера къ Шарлоттѣ стоятъ, въ своемъ родѣ, хлестаковскаго «подъ сѣнью струй». — «Сердце у него было сострадательное, и онъ не могъ никакъ удержаться; чтобы не подать бѣдному чело-вѣку мѣднаго гроша», — таково христіанство Чичикова, его любовь къ другимъ. А вотъ и язычество, его любовь къ себѣ: стоя передъ зеркаломъ, онъ «дѣлаетъ себѣ множество пріятныхъ сюрпризовъ, подмигиваетъ бровью и губами, дѣлаетъ кое-что даже языкомъ, наконецъ, слегка треплетъ себя по подбородку» и восклицаетъ съ умиленною нѣжностью: «Ахъ, ты мордашка эдакой!» Христіанство, которое раскошеливается на мѣдной грошъ благотворительности, язычества, которое кончается любовью къ собственной мордашкѣ, очень легко соединить въ благоразумной и безопасной серединѣ, въ комфортабельномъ служеніи Богу и мамону вмѣстѣ.

Безсознательная сущность всякаго позитивизма, какъ ученія о смыслѣ жизни, отъ Конфуція до Конта, есть отрицаніе конца, утвержденіе безконечнаго продолженія чело-

вѣческаго рода, безконечнаго прогресса: намъ хорошо, дѣтямъ нашимъ будетъ лучше, внукамъ, правнукамъ—еще лучше — и такъ безъ конца. Не человѣчество въ Богѣ, но Богъ въ человѣчествѣ. Само человѣчество есть Богъ, и другого Бога нѣтъ. Нѣтъ личнаго безсмертія, а есть только безсмертіе въ человѣчествѣ. Каждый вѣкъ «промышляетъ», «пріобрѣтаетъ» для будущихъ вѣковъ; безконечное пріобрѣтеніе, накопленіе *мертваго* капитала — сокровища «мертвыхъ душъ», которое никогда не тратится, — вотъ безсознательная и безусловная сущность прогресса. Отсюда — «поклоненіе предкамъ» въ китайскомъ, — поклоненіе потомкамъ въ европейскомъ позитивизмѣ; отсюда — бракъ, дѣторожденіе, «семья, какъ религія». «Жена, дѣти» — вотъ вѣчное оправданіе всѣхъ нелѣпостей буржуазнаго строя, вѣчное возраженіе противъ религіи, которая говоритъ: «враги человѣку домашніе его»; вотъ «прочное основаніе», о которое разбиваются всѣ крылатыя «химеры», всѣ христіанскія пророчества о концѣ міра.

«Чичиковъ, — говоритъ Гоголь, — очень заботился о своихъ *потомкахъ*». — «Оставить *жену, дѣтямъ*, которыхъ намѣревался пріобрѣсть для блага, для службы отечеству, вотъ для чего хотѣлъ пріобрѣсти!» — признается онъ самъ. — «Богъ свидѣтель, я всегда хотѣлъ имѣть жену, исполнить долгъ человѣка и гражданина, чтобы дѣйствительно потомъ заслужить уваженіе гражданъ и начальства». — Главный смертный страхъ Чичикова не за себя самого, а за свой будущій родъ, за свою семью, за свое «сѣмя». — «Пропаль бы, — думаетъ онъ въ минуту опасности, — какъ волдырь на водѣ, безъ всякаго слѣда, *не оставивши потомковъ*». — Умереть, не родивъ, все равно, что совсѣмъ не жить, потому что всякая личная жизнь есть «волдырь на водѣ»; волдырь лопнетъ, умретъ человѣкъ—и ничего не останется, кромѣ пара. Личная жизнь имѣетъ смыслъ только въ семьѣ, въ родѣ, въ народѣ, въ государствѣ, въ человѣчествѣ, какъ жизнь полипа, пчелы, муравья только въ полипникѣ, ульѣ, муравейникѣ! Съ этой безсознательной метафизикой Чичикова согласился бы всякій «желтолицый позитивистъ»,

ученикъ Конфуція, и всякій «бѣлолицый китаецъ» — ученикъ О. Конта: тутъ крайній Западъ сходится съ крайнимъ Востокомъ, Атлантическій океанъ — съ Тихимъ.

«Что я теперь? — думаетъ разоренный Чичиковъ, — куда я гожусь? какими глазами я стану смотрѣть теперь всякому почтенному отцу семейства? какъ не чувствовать мнѣ угрызенія совѣсти, зная, что даромъ бремению землю? *И что скажутъ потомъ мои дѣти? — Вотъ, скажутъ, отецъ — скотина: не оставилъ намъ никакого состоянія!*» — «Иной, можетъ-быть, — замѣчаетъ Гоголь, — и не такъ бы глубоко запустилъ руку, если бы не вопросъ, который, неизвѣстно почему, приходитъ самъ собою: а что скажутъ дѣти? — И вотъ *будущій родоначальникъ*, какъ осторожный котъ, покося только однимъ глазомъ вбокъ, хватается поспѣшно все, что къ нему поближе». Когда Чичиковъ воображаетъ себя собственникомъ, владѣльцемъ капитала и помѣстья, тотчасъ представляется ему и «свѣжая, бѣлолицая бабенка», и молодое поколѣніе, долженствующее увѣковѣчить фамилію Чичиковыхъ: «рѣзвунчикъ-мальчишка и красавица дочка, или даже два мальчугана, двѣ и даже три дѣвчонки, *чтобы было всѣмъ извѣстно, что онъ дѣйствительно жилъ и существовалъ, а не то, что прошелъ какъ-нибудь тѣнью или призракомъ по земль, чтобы не было стыдно и передъ отечествомъ*». — «Мечта моя — воплотиться, но, чтобы ужъ окончательно, безвозвратно», говоритъ чортъ Ивану. Это и есть главная «позитивная» мечта Чичикова: «бабенки и Чиченки» нужны ему, чтобы «окончательно воплотиться», чтобы «всѣмъ было извѣстно», что онъ «дѣйствительно существовалъ» (какъ будто иначе для всѣхъ и для него самого реальность его сомнительна), а не былъ только «тѣнью», «призракомъ», «волдыремъ на водѣ». Существованіе «позитивиста» Чичикова, лишенное «потомковъ», лопається такимъ же мыльнымъ пузыремъ, какъ существованіе «идеалиста» Хлестакова, лишенное фантастической «химеры». Стремленіе Чичикова «къ бабенкамъ и Чиченкамъ» и есть стремленіе чорта, самаго призрачнаго изъ призраковъ, — «къ земному реализму». И предрекаемое

Великимъ Инквизиторомъ «царство отъ міра сего», «милліоны счастливыхъ младенцевъ» — не что иное, какъ «Серединное Царство» безчисленныхъ маленькихъ позитивистовъ, всемірныхъ будущихъ китайцевъ (здѣсь духовный «панмонголизмъ», такъ пугавшій Вл. Соловьева), милліоны счастливыхъ «Чиченковъ», въ которыхъ повторяется, какъ солнце въ капляхъ «Тихаго» океана, единый «родоначальникъ» этого царства, бессмертный «хозяинъ» мертвыхъ душъ, нуменальный Чичиковъ.

VII.

Я желаю имѣть мертвыхъ...

— Какъ-съ? извините... я нѣсколько тугъ на ухо, мнѣ послышалось престранное слово...

— Я полагаю *приобрѣсть* мертвыхъ, которые, впрочемъ, значились бы по ревизіи, какъ живые, — сказалъ Чичиковъ.

Маниловъ каменѣеть сначала отъ изумленія, потомъ отъ страха.

— *Можетъ-быть, здѣсь, въ этомъ* вами выраженномъ изъясненіи... *скрыто другое...*

— Нѣтъ, — подхватилъ Чичиковъ, — нѣтъ, я разумѣю предметъ таковъ, какъ есть, то-есть, тѣ души, которыя точно уже умерли.

«Мертвыя души» — это было нѣкогда для всѣхъ привычное казенное слово на канцелярскомъ языкѣ крѣпостного права. Но намъ теперь вовсе не надо быть чувствительными Маниловыми, а надо только дѣйствительно чувствовать и «разумѣть предметъ таковъ, каковъ онъ есть», то-есть надо разумѣть не условный, казенный, «позитивный», чичиковскій, а безусловный, религіозный, человѣческій, божескій смыслъ этихъ двухъ словъ — «душа» и «смерть», чтобы выраженіе «мертвыя души» зазвучало «престранно» и даже престрашно. Не только мертвыя, но живыя человѣческія души, какъ бездушный товаръ на рынкѣ — развѣ это не странно и не страшно? Здѣсь языкъ самой близкой и

реальной дѣйствительности не напоминаетъ ли языкъ самой чуждой и фантастической сказки? Невѣроятно, что по какимъ-то канцелярскимъ «сказкамъ», по такой-то «ревизіи» мертвыя души значатся живыми: а можетъ-быть, и наоборотъ, живыя—мертвыми, такъ что, въ концѣ-концовъ, не оказывается никакого прочнаго, позитивнаго «основанія» для того, чтобы отличить живыхъ отъ мертвыхъ, бытіе отъ небытія.

Тутъ чудовищное смѣшеніе словъ отъ чудовищнаго смѣшеній понятій. Языкъ выражаетъ понятія: какова должна быть пошлость понятій для того, чтобы получилась такая пошлость языка. И, несмотря на этотъ внутренній цинизмъ, Чичиковъ и вся его культура сохраняютъ внѣшнее «благоприличіе, изумительное». Конечно, люди здраваго смысла и даже ума государственнаго приняли въ казенный обиходъ ходячее словечко «мертвыя души»; а между тѣмъ, какая бездна хлестаковской легкости открывается здѣсь въ чичиковской «основательности»! Повторяю, не надо быть Маниловымъ, надо только не быть Чичиковымъ, чтобы почувствовать, что въ этомъ сочетаніи словъ «скрыто нѣчто другое», за явнымъ, плоскимъ — глубокой, тайный смыслъ, и чтобы сдѣлалось жутко отъ этихъ двухъ смысловъ.

— Я мертвыхъ еще никогда не продавала, возражаетъ Коробочка. — «Пріѣхалъ Богъ знаетъ откуда, — думаетъ она, — да еще и въ ночное время». — «Послушайте, ма-тушка, вѣдь это прахъ. Понимаете ли? это просто прахъ. Вы возьмите всякую негодную послѣднюю вещь, напри-мѣръ, даже простую тряпку — и тряпкѣ есть цѣна: ее хоть, по крайней мѣрѣ, купятъ на бумажную фабрику; а вѣдь это ни на что не нужно. Ну, скажите сами, на что оно нужно?»

«Собирайте сокровище ваше на небесахъ. Какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою или какая польза человѣка, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душу свою потеряетъ?— У Бога всѣ живы», такъ говоритъ Христось. А чортъ, то-бишь Чичиковъ, возражаетъ: мертвыя души — дѣло не отъ міра сего. Это — прахъ, просто прахъ! Цѣна тряпкѣ на бу-

мажной фабрикъ—больше, чѣмъ цѣна души человѣческой въ вѣчности. — «Это вѣдь мечта. Предметъ просто — фу, фу!»

Кому же мы, дѣти положительнаго вѣка, вѣримъ больше—Христу или Чичикову? Не потому, что мы говоримъ и думаемъ, а потому, какъ живемъ и умираемъ,—это, кажется, легко рѣшить. Въ нашемъ позитивномъ чичиковскомъ «фу, фу!» не открывается ли опять-таки, вмѣсто «прочнаго основанія», все та же бездна хлестаковской «легкости въ мысляхъ», безграничнаго цинизма? И развѣ наше единственное искреннее слово надъ всякимъ мертвымъ тѣломъ,—не слово Собакевича: *«мертвымъ тѣломъ хоть заборъ подпирай»*. Древніе эллины, іудеи, египтяне ужаснулись бы, безбожнаго позитивизма, который выраженъ въ этой христіанской пословицѣ.—«Право, у васъ душа человѣческая все равно, что пареная рѣпа», говоритъ вѣчный купецъ мертвыхъ душъ Собакевичу. Мы уничтожили крѣпостное право, не торгуемъ ни живыми, ни мертвыми душами. Но развѣ и донынѣ не бываетъ иногда «душа человѣческая все равно, что пареная рѣпа»?

Когда, выйдя изъ терпѣнія, Чичиковъ посулилъ Коробочкѣ чорта, «помѣщица испугалась необыкновенно.—Охъ, не припоминайте его, Богъ съ нимъ!—вскрикнула она, вся поблѣднѣвъ.—Еще третьяго дня всю ночь мнѣ снился, окаянный... Такой гадкій привидѣлся; а рога-то длиннѣе бычачьихъ».

• Не только простодушная помѣщица, но и мы, можетъ-быть, не менѣе простодушные читатели, не подозрѣваемъ, до какой степени въ эту минуту къ намъ близокъ чортъ, не тотъ старый, сказочный, у котораго «рога длиннѣе бычачьихъ», а новый, подлинный, нѣсколько болѣе страшный и таинственный, который ходитъ въ мірѣ «безъ маски, въ своемъ собственномъ видѣ, во фракѣ».

— А можетъ-быть, въ хозяйствѣ-то какъ-нибудь подь случай понадобятся...—возразила старуха, да и не окончила рѣчи, открыла ротъ и смотрѣла на него почти со страхомъ, желая знать, что онъ на это скажетъ.

— Мертвые въ хозяйствѣ! Эхъ, куда хватили! Воробьевъ развѣ пугать по ночамъ въ вашемъ огородѣ, что ли?

— Съ нами крестная сила! Какія ты страсти говоришь!— проговорила старуха, крестясь.

— Куда жъ еще вы ихъ хотѣли пристроить? Да, впрочемъ, кости и могилы—все вамъ остается: переводъ только на бумагѣ.

Тутъ слова, дѣла отъ міра и не отъ міра сего, смѣшиваясь, становятся смѣшными. Но въ этомъ смѣшномъ—страшное и притомъ такъ, что чѣмъ смѣшнѣе, тѣмъ страшнѣе. Страхъ Коробочки смѣшонъ для насъ; но можетъ быть и наоборотъ: нашъ смѣхъ страшенъ, хотя мы этого и не чувствуемъ.

«Когда я началъ читать Пушкину первыя главы изъ «Мертвыхъ душъ», то Пушкинъ, который всегда смѣялся при моемъ чтеніи (онъ же былъ охотникъ до смѣха), началъ понемногу становиться все сумрачнѣе и, наконецъ, сдѣлался совершенно мраченъ. Когда же чтеніе кончилось, онъ произнесъ голосомъ тоски: «Боже, какъ грустна наша Россія!»— Тутъ-то я понялъ,—добавляетъ Гоголь,—въ какомъ ужасающемъ для человѣка видѣ можетъ быть ему представлена тьма».—«Пошлость всего вмѣстѣ испугала читателей. Испугало ихъ то, что одинъ за другимъ слѣдуютъ у меня герои, одинъ пошлѣе другого, что нѣтъ ни одного утѣшительнаго явленія, что негдѣ даже и пріотдохнуть или духъ перевести бѣдному читателю, и что, по прочтеніи всей книги, кажется, какъ бы точно вышелъ изъ какого-то душнаго погреба на Божій свѣтъ».

Послѣ «Мертвыхъ душъ» получается такое же впечатлѣніе, какъ послѣ «Ревизора»: «что-то чудовищно-мрачное», «все это какъ-то необъяснимо страшно». Даже въ дѣтски ясной душѣ Пушкина этотъ страхъ, сначала заглушенный смѣхомъ, мало-по-малу разгорается, какъ зловѣщее зарево. Не грусть, не слезы, а именно страхъ сквозь смѣхъ.

«Казалось, въ этомъ тѣлѣ, совсѣмъ не было души», замѣчаетъ Гоголь о Собакевичѣ. У Собакевича въ живомъ тѣлѣ—мертвая душа. И Маниловъ, и Ноздревъ, и Коробочка, и Плюшкинъ, и прокуроръ «съ густыми бровями»—все это въ живыхъ тѣлахъ—мертвыя души. Вотъ отчего

такъ страшно съ ними. Это страхъ смерти, страхъ живой души, прикасающейся къ мертвымъ.—«Ныла душа моя,— признается Гоголь,—когда я видѣлъ, какъ много тутъ же, среди самой жизни, безотвѣтныхъ, мертвыхъ обитателей, страшныхъ недвижнымъ холодомъ души своей». И здѣсь, такъ же, какъ въ «Ревизорѣ», надвигается «египетская тьма», «слѣпая ночь среди бѣлаго дня», «ошеломляющій туманъ», чортово марево, въ которомъ ничего не видно, видны только «свинья рыла» вмѣсто человѣческихъ лицъ. И всего ужаснѣе, что эти уставившіяся на насъ «дряхлая страшилища съ печальными лицами», «дѣти непросвѣщенія, русскіе уроды», по слову Гоголя, «взяты изъ нашей же земли», изъ русской дѣйствительности; несмотря на всю свою призрачность, они «изъ того же тѣла, изъ котораго и мы»; они—мы, отраженные въ какомъ-то дьявольскомъ и все-таки правдивомъ зеркалѣ.

Въ одной юношеской сказкѣ Гоголя, въ «Страшной мести»—«мертвецы грызутъ мертвеца»—«блѣдны, блѣдны одинъ другого выше, одинъ другого костистѣе». Среди нихъ «еще одинъ всѣхъ выше, всѣхъ страшнѣе, вросшій въ землю, «великій, великій мертвецъ». Такъ и здѣсь, въ «Мертвыхъ душахъ», среди прочихъ мертвецовъ, «великій, великій мертвецъ» Чичиковъ, растетъ, подымается, и реальный человѣческій образъ его, преломляясь въ туманѣ чортова марева, становится неимовѣрнымъ «страшилищемъ».

Вокругъ Чичикова плетется такая же сплетня, какъ вокругъ Хлестакова. «Всѣ поиски, произведенныя чиновниками, открыли имъ только то, что они навѣрное, никакъ не знаютъ, что такое Чичиковъ; такой ли онъ человѣкъ, котораго нужно задержать и схватить, какъ неблагонамѣреннаго, или же онъ такой человѣкъ, который можетъ самъ схватить и задержать ихъ всѣхъ, какъ неблагонамѣренныхъ». Почтмейстеръ высказываетъ геніальную мысль, что Павелъ Ивановичъ есть не кто иной, какъ новый Стенька Разинъ, знаменитый разбойникъ, капитанъ Копейкинъ. Прочіе «съ своей стороны тоже не ударили лицомъ въ грязь и, наведенные остроумною догадкою почтмейстера, забрели едва ли

не далѣе. Изъ числа многихъ предположеній было, наконецъ, одно—что не есть ли Чичиковъ переодѣтый Наполеонъ, что англичанинъ издавна завидуетъ Россіи, что, дескать, Россія такъ велика и обширна... И вотъ теперь они, можетъ-быть, и выпустили Наполеона съ острова Елены, и вотъ онъ теперь и пробирается въ Россію будто бы Чичиковъ, а въ самомъ дѣлѣ вовсе не Чичиковъ.—Конечно, повѣрять этому чиновники не повѣрили, а, впрочемъ, призадумались, рассматривая это дѣло каждый про себя, нашли, что лицо Чичикова, если онъ повернется и станетъ бокомъ, очень сдаетъ на портретъ Наполеона».

Легенда просачивается изъ верхнихъ въ нижніе слои народа: о Чичиковѣ-Наполеонѣ поговаривать начинаютъ въ трактирѣ за чаемъ купцы, напуганные «предсказаніемъ одного предвѣщателя, уже три года сидѣвшаго въ острогѣ. Предвѣщатель пришелъ неизвѣстно откуда, въ лаптяхъ и нагольномъ тулупѣ, страшно отзывавшемся тухлою рыбой, и возвѣстилъ, что Наполеонъ есть Антихристъ и держится на каменной цѣпи, за шестью стѣнами и семью морями, но послѣ разорветъ цѣпь и овладѣетъ всѣмъ міромъ».

Хлестаковъ—генералиссимусъ, Чичиковъ—самъ Наполеонъ и даже самъ Антихристъ. И здѣсь, точно такъ же, какъ въ «Ревизорѣ», какъ вездѣ, всегда въ Россіи, самая фантастическая легенда становится источникомъ самаго реального дѣйствія.—«Всѣ эти толки, мнѣнія и слухи, неизвѣстно по какой причинѣ больше всего подѣйствовали на прокурора, до такой степени, что онъ, пришедши домой, сталъ думать, думать и вдругъ, какъ говорится, ни съ того, ни съ другого умеръ. Параличомъ ли его, или чѣмъ другимъ прихватило, только онъ, какъ сидѣлъ, такъ и хлопнулся со стула навзничь. Вскрикнули, какъ водится, всплеснувъ руками: «ахъ, Боже мой!»—послали за докторомъ, чтобы пустить кровь, но увидѣли, что прокуроръ былъ уже давно бездушное тѣло».

Въ стихіи народной реальное дѣйствіе призраковъ еще ужаснѣе. «Расшевелились раскольники. Кто-то пропустилъ между ними, что *народился Антихристъ, который и мер-*

твымъ не даетъ покоя, скупая какія-то мертвыя души. Каялись и грѣшили и, подѣ видомъ изловить Антихриста, уколошили не Антихристовъ... Мужики взбунтовались противъ помѣщиковъ и капитановъ-исправниковъ. Нужно было прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ».—Позитивистъ Чичиковъ оказывается невольнымъ творцомъ самой «вольнодумной химеры», которая облекается въ плоть и кровь, въ ужасающую реальность, ибо, какъ мы знаемъ, хотя бы изъ исторіи пугачевщины,—бунтъ русскихъ мужиковъ, даже съ позитивной точки зрѣнія, вовсе не «мечта», не «предметъ просто—фу, фу!»—«Сія сарынь ничѣмъ кромѣ жесточия не можетъ», по страшному слову Петра. Еще нѣсколько такихъ призраковъ—и, какъ выражается одинъ террористъ у Достоевскаго въ «Бѣсахъ»,—застонетъ земля и взволнуется море. Тутъ уже не только бѣдные, глупые чиновники, но и самъ премудрый князь, пріѣхавшій изъ Петербурга, кажется, готовъ обнаружить хлестаковскую «легкость въ мысляхъ», когда, въ виду «землетрясенія», обращается къ окаменѣвшимъ отъ страха чиновникамъ съ фантастическимъ воззваніемъ: «дѣло въ томъ, что пришло намъ спасти нашу землю!»

«Но это, однакожъ, несообразно, это несогласно ни съ чѣмъ, это невозможно, чтобы чиновники такъ могли сами напугать себя, создать такой вздоръ, такъ отдалиться отъ истины, когда даже ребенку видно, въ чемъ дѣло!—Такъ скажутъ многіе читатели и укорятъ автора,—замѣчаетъ Гоголь.—Читателю легко судить, глядя изъ своего покойнаго угла и верхушки, откуда открыть весь горизонтъ... И во всемірной лѣтописи челоуѣчества есть много цѣлыхъ столѣтій, которыя, казалось бы, вычеркнулъ и уничтожилъ, какъ ненужныя. Много совершилось въ мірѣ заблужденій, которыхъ бы, казалось, теперь не сдѣлалъ и ребенокъ.—Видитъ теперь все ясно текущее поколѣніе, дивится заблужденіямъ, смѣется надъ неразумніемъ своихъ предковъ, не зря, что небеснымъ огнемъ исчерчена сія лѣтопись, что кричитъ въ ней каждая буква, что отовсюду устремленъ произительный перстъ на него же, на него, на текущее по-

колѣніе; но смѣется текущее поколѣніе и самонадѣянно, гордо начинаетъ рядъ новыхъ заблужденій, надъ которыми также будутъ смѣяться потомъ».

Кто знаетъ, можетъ-быть, и намъ, «текущему поколѣнію», самъ «нечистый духъ» шепчетъ на ухо устами Чичикова: «чему смѣетесь? надъ собою смѣетесь!» Можетъ-быть, и наши гражданскія «распеканія» Чичикова окажутся не менѣе хлестаковскими, чѣмъ распеканія князя-ревизора. «Что жъ дѣлать!—могъ бы отвѣтить намъ Чичиковъ, какъ отвѣчаетъ Муравову,—сгубило проклятое незнаніе мѣры, сатана обольстилъ, вывелъ изъ предѣловъ разума и благоразумія человѣческаго. Преступилъ, преступилъ!»—и, отвѣтивъ такъ, оставилъ бы и насъ въ дуракахъ, ибо сущность его именно въ томъ, что онъ и не *приступаетъ* къ тому, что можно *преступить* или не *преступить*, что онъ слишкомъ хорошо соблюдаетъ «мѣру», средину во всемъ, что никогда не выходитъ онъ изъ предѣловъ «благоразумія человѣческаго», и что не его «обольстилъ сатана», а онъ самъ—сатана, который всѣхъ обольщаетъ. Можетъ-быть, и наше христіанское милосердіе къ Чичикову похоже на милосердіе новаго христіанина милліонщика Муравова, напоминающее тотъ филантропическій грошъ, на который раскошеливается самъ Чичиковъ. Такъ что, въ концѣ-концовъ, и наше гражданское правосудіе, и наше христіанское милосердіе—съ него, какъ съ гуся вода: обманувъ не только чиновниковъ, князя Хлобуева, но и насъ, и даже самого Гоголя, снова выйдетъ Чичиковъ изъ тюрьмы, оправданный, какъ ни въ чемъ не бывало, жалѣя только фрака, разорваннаго въ припадкѣ отчаянія: «зачѣмъ было предаваться такъ сильно сокрушенію?»—и закажетъ себѣ новый фракъ изъ того же самага сукна, «наваринскаго пламени съ дымомъ», и новый будетъ «точь-въ-точь какъ прежній»—и—«садись мой ямщикъ, звени мой колокольчикъ, взвѣйтесь кони и несите меня!..»—подобно Хлестакову, онъ умчится на своей птицѣ-тройкѣ, «какъ призракъ, какъ воплощенный обманъ», въ неизмѣримыя пространства будущаго. И опять—«горизонтъ безъ конца... Русь! Русь!.. что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все,

что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?.. Что пророчить сей необъятный просторъ?.. Здѣсь ли не быть богатырю?.. »

Чичиковъ скрылся. Но изъ необъятнаго русскаго простора выступить и русскій богатырь, появится снова, уже въ окончательномъ ужасающемъ явленіи своемъ, бессмертный Хозяинъ, «мертвыхъ душъ». И тогда лишь откроется то, что теперь еще скрыто не только отъ насъ, читателей, но и отъ самого художника,—какъ страшно это смѣшное пророчество:

«Чичиковъ-Антихристъ»..

VIII.

«Ну, братъ, состряпалъ ты чорта!»—могъ бы сказать себѣ Гоголь, какъ у него же въ «Портретѣ» товарищъ говоритъ художнику, написавшему портретъ стараго ростовщика, съ лицомъ, похожимъ на лицо дьявола.—«Нарисуй съ меня портретъ,—говоритъ ростовщикъ.—Я, можетъ-быть, скоро умру... *Но я не хочу умереть совершенно, я хочу жить*».—Въ художникѣ, по мѣрѣ того, какъ онъ пишетъ, пробуждается «такое странное отвращеніе, такая непонятная тоска», что онъ бросаетъ кисть и отказывается писать. Старикъ падаетъ ему въ ноги, молитъ кончить портретъ, «говоря, что отъ этого зависитъ судьба его и существованіе въ мірѣ; что уже онъ тронулъ своею кистью его живыя черты; что если онъ передастъ ихъ вѣрно, жизнь его сверхъестественною силою удержится въ портретѣ; что онъ чрезъ то *не умретъ совершенно, что ему нужно присутствовать въ мірѣ*».

Не напоминаетъ ли это страхъ Чичикова «пропасть какъ волдырь на водѣ безъ всякаго слѣда»—его желаніе, «чтобы всѣмъ было извѣстно, что онъ *дѣйствительно существовалъ, а не то, что прошелъ какъ-нибудь тѣнью или призракомъ по землѣ*»;—не напоминаетъ ли и слова чорта Ивану Карамазову: «вѣдь я и самъ, какъ и ты же, страдаю отъ фантастическаго, а потому и люблю вашу земной реализмъ.

Туть у васъ все очерчено, тутъ формула, тутъ геометрія, а у насъ все какія-то неопредѣленные уравненія... Я иксъ въ неопредѣленномъ уравненіи. Я какой-то призракъ жизни, который потерялъ всѣ концы и начала, и даже самъ позабылъ, наконецъ, какъ и назвать себя... *Моя мечта — это воплотиться, но чтобъ окончательно, безвозвратно*».

Художникъ чувствуетъ ужасъ отъ словъ ростовщика: «они ему показались до того странны и страшны, что онъ бросилъ и кисти, и палитру, и бросился опрометью вонъ изъ комнаты». Въ немъ произошелъ переворотъ; «онъ задумался не въ шутку, впалъ въ ипохондрію и, наконецъ, совершенно увѣрился въ томъ, что кисть его послужила дьявольскимъ орудіемъ». Онъ отрекся отъ своего прежняго, преступнаго, будто бы, искусства—отъ «земного реализма», покинулъ міръ и постригся въ монахи. «Донынѣ я не могу понять, что былъ тотъ странный образъ, съ котораго я написалъ изображеніе», говоритъ онъ въ своей исповѣди, сильно напоминающей «Авторскую исповѣдь» Гоголя. «Это было точно какое-то дьявольское явленіе. Я знаю, свѣтъ отвергаетъ существованіе дьявола, и потому не буду говорить о немъ; но скажу только, что я съ отвращеніемъ писалъ его: не чувствовалъ въ то время никакой любви къ своей работѣ. Насильно хотѣлъ покорить себя и, бездушно заглушивъ все, быть вѣрнымъ природѣ (это и есть «земной реализмъ», или тотъ «натурализмъ», которымъ такъ восхищались въ Гоголѣ наши критики 60-хъ годовъ). Это не было созданіе искусства, а потому чувства, которыя объемлютъ всѣхъ при взглядѣ на него, суть уже мятежныя чувства»...

Въ судьбѣ героя этой юношеской повѣсти какъ будто предсказана, «прообразована» судьба самого Гоголя.

Впечатлѣніе, которое производитъ на всѣхъ и на самого художника портретъ, напоминаетъ впечатлѣніе отъ «Ревизора» и отъ «Мертвыхъ душъ»: «въ итогѣ остается что-то чудовищно-мрачное... все это необъяснимо страшно». Самый веселый изъ людей, величайшій «охотникъ до смѣха», Пушкинъ—вдругъ перестаетъ смѣяться и становится мрачнымъ: «Боже, какъ грустна наша Россія!» Художникъ,

когда пишетъ портретъ, испытываетъ такую «непонятную тягость», такое странное отвращеніе, что принужденъ бросить кисть.

«... Ревизоръ сыгранъ,—признается Гоголь,— и у меня на душѣ такъ смутно, такъ странно... Мое созданіе мнѣ показалось противно, дико и какъ будто вовсе не мое... Я усталъ и душою и тѣломъ. Клянусь, никто не знаетъ и не слышитъ моихъ страданій. Богъ съ ними со всѣми! мнѣ опротивѣла моя пьеса... Тоска, тоска! Не знаю самъ, отчего одолеваетъ меня тоска».

Точно такъ же, во время работы надъ «Мертвыми душами», Гоголь, по собственному признанію, «не могъ почувствовать любви къ дѣлу.—Напротивъ, я чувствовалъ *что-то въ родѣ отвращенія*... Все выходило у меня натянуто, *насильственно*». Художникъ въ «Портретѣ», наконецъ, бѣжитъ отъ собственнаго созданія. Точно такъ же Гоголь бѣжитъ отъ «Ревизора». «Я хотѣлъ бы убѣжать теперь Богъ знаетъ куда, и предстоящее мнѣ путешествіе, пароходъ, море и другія, далекія небеса могутъ одни только освѣжить меня. Я жажду ихъ, какъ Богъ знаетъ чего». И отъ «Мертвыхъ душъ» такъ же, какъ отъ «Ревизора», Гоголь бѣгалъ, скитаясь по всему свѣту отъ Парижа до Іерусалима. Художникъ не кончилъ портрета. И «Мертвыя души», и «Ревизоръ»—«безъ конца». Художникъ постригся въ монахи. И мечта Гоголя во всей второй половинѣ его жизни—совершенное отреченіе отъ міра, монашество.

«Стоитъ передо мною человекъ, который смѣется надъ всѣмъ, что ни есть у насъ... Нѣтъ, это не осмѣяніе пороковъ: это отвратительная насмѣшка надъ Россіею», можетъ-быть, не только надъ Россіей, но и надъ всѣмъ человѣчествомъ, надъ всѣмъ созданіемъ Божиимъ,—вотъ въ чемъ оправдывался, а слѣдовательно, вотъ чего и боялся Гоголь. Онъ видѣлъ, что «со смѣхомъ шутить нельзя».—«То, надъ чѣмъ я смѣялся, становилось печальнымъ». Можно бы прибавить: становилось страшнымъ. Онъ чувствовалъ, что самый смѣхъ его страшенъ, что сила этого смѣха приподымаетъ какіе-то послѣдніе покровы, обнажаетъ какую-то послѣднюю тайну

зла. Заглянувъ слишкомъ прямо въ лицо «чорта безъ маски», увидѣлъ онъ то, что не добро видѣть глазамъ человѣческимъ: «дряхлое страшилище съ печальнымъ лицомъ уставилось ему въ очи», — и онъ испугался и не помня себя отъ страха, закричалъ на всю Россію: «Соотечественники! страшно!.. Замираетъ отъ ужаса душа при одномъ только предслышаніи загробнаго величія... Стонетъ весь умирающій составъ мой, чуя исполинскія возрастанія и плоды, которыхъ сѣмена мы сѣяли въ жизни, не прозрѣвая и не слыша, какія страшилища отъ нихъ подымутся»...

IX.

Въ одной сказкѣ Андерсена, «Снѣжная Королева», говорится о дьявольскомъ зеркалѣ, которое всѣ предметы отражаетъ въ искаженномъ, смѣшномъ и страшномъ видѣ. Слуги дьявола бѣгали съ зеркаломъ по всей землѣ, такъ что скоро не осталось ни одной страны, ни одного человѣка, которые бы не отразились въ немъ. Наконецъ захотѣлось имъ добратся и до неба, чтобы посмѣяться надъ ангелами и надъ самимъ Творцомъ. Чѣмъ выше подымались они, тѣмъ сильнѣе кривлялось и корчилось зеркало отъ гримасъ; они еле-еле удерживали его въ рукахъ. Но вотъ они поднялись еще, и вдругъ зеркало такъ перекосило, что оно вырвалось у нихъ изъ рукъ, полетѣло на землю и разбилось вдребезги. Милліоны, билліоны осколковъ разлетѣлись по свѣту—нѣкоторые изъ нихъ были не больше песчинки; попадая людямъ въ глаза, они такъ и оставались тамъ. Человѣкъ съ такимъ осколкомъ въ глазу начиналъ видѣть все навыворотъ или замѣчалъ во всемъ одно смѣшное, потому что каждый осколокъ сохранялъ свойство цѣлаго зеркала. Нѣкоторымъ попадали осколки въ сердце—и сердце превращалось въ кусокъ льда. Одинъ изъ нихъ попалъ въ сердце герою сказки, юношѣ Каю. Послѣ многихъ приключеній Кай очутился въ чертогахъ Снѣжной Королевы. «Посреди самой большой пустынной снѣжной залы находилось замерзшее озеро. Ледъ треснулъ на немъ на тысячи кусковъ, равныхъ

и правильныхъ, одинъ какъ другой, надиво... Кай совсѣмъ посинѣлъ, почти почернѣлъ отъ холода, но не замѣчалъ этого—поцѣлуи Снѣжной Королевы сдѣлали его нечувствительнымъ къ холоду, да и самое сердце его было кускомъ льда. Онъ возился съ плоскими остроконечными льдинами, укладывая ихъ на всевозможные лады: есть такая игра, которая называется «китайскою головоломкою...» Онъ складывалъ изъ льдинъ цѣлыя слова, но никакъ не могъ сложить того, что ему особенно хотѣлось,—слово «Вѣчность».

Судьба Кая—судьба Гоголя: кажется, и ему попалъ въ глазъ и въ сердце осколокъ проклятаго зеркала. И его безконечная возня со своими добродѣтельными правилами тоже своего рода «правильными отсроконечными льдинами», безнадежное «устроение души своей»—что то въ родѣ «китайской головоломки». И онъ, сидя на обледянѣлыхъ развалинахъ его же собственнымъ смѣхомъ разрушеннаго міра, складываетъ и не можетъ сложить изъ плоскихъ льдинъ то, что ему особенно хотѣлось бы,—слова *Вѣчность, Вѣчная Любовь*. И когда онъ утѣшаетъ себя: «въ глубинѣ холоднаго смѣха могутъ отыскаться искры *вѣчной любви*»,—то все-таки чувствуетъ, что искры эти не растопятъ его собственнаго сердца, которое превратилось въ «кусокъ льда». И когда онъ успокаиваетъ себя: «кто льетъ часто душевныя, глубокія слезы, тотъ, кажется, болѣе всѣхъ смѣется на свѣтѣ»,—онъ все-таки чувствуетъ, что ему самому никогда не заплакать этими слезами. Бѣдный Гоголь, бѣдный Кай! Оба замерзнуть, такъ и не сложивъ изъ льдинъ слова «Вѣчная Любовь».

Чтобы вырвать изъ сердца своего осколокъ дьявольскаго зеркала, готовъ онъ вырвать и самое сердце; чтобы воскресить міръ, готовъ умертвить себя; чтобы спасти другихъ, готовъ отдать себя въ жертву своему убійственному смѣху.—Нѣтъ, вы не надъ собой смѣетесь,—береть онъ назадъ свое слово,—вы смѣетесь только надо мною.—«Никто изъ читателей моихъ не зналъ того, что, смѣясь надъ моими героями, онъ смѣялся надо мною... Во мнѣ заключалось собраніе всѣхъ возможныхъ гадостей и притомъ въ такомъ

множествѣ, въ какомъ я еще не встрѣчалъ доселѣ ни въ одномъ человѣкѣ. .. Если бы онѣ открылись вдругъ и разомъ передъ моими глазами, я бы повѣсился... Я сталъ надѣлать своихъ героевъ моею собственною дрянью. Вотъ какъ это дѣлалось: взявши дурное свойство мое, я преслѣдовалъ его въ другомъ званіи и на другомъ поприщѣ, старался себѣ изобразить его въ видѣ смертельнаго врага, нанесшаго мнѣ самое чувствительное оскорбленіе, преслѣдовалъ его злобою, насмѣшкою и всѣмъ, чѣмъ ни попало. Если бы кто видѣлъ тѣ чудовища, которыя выходили изъ-подъ пера моего, вначалѣ, для меня самого, онъ бы, точно, содрогнулся.»

Два главныя «чудовища», которыя всѣхъ ближе и всѣхъ страшнѣе Гоголю, которыхъ онъ потому и преслѣдуетъ съ наибольшою злобою,—Хлестаковъ и Чичиковъ.

«Герои мои еще не отдѣлились вполне отъ меня самого, а потому не получили настоящей самостоятельности». Всѣхъ меньше отдѣлились отъ него именно эти двое — Хлестаковъ и Чичиковъ.

«Я размахнулся въ моей книгѣ (Переписка съ друзьями) такимъ Хлестаковымъ, что не имѣю духу заглянуть въ нее», пишетъ Гоголь Жуковскому (изъ Неаполя, 6 марта 1847). «Право,—заключаетъ онъ,—*есть во мнѣ что-то хлестаковское*». Какое страшное значеніе получаетъ это признаніе, ежели сопоставить съ нимъ другое—то, что въ Хлестаковѣ видѣлъ онъ чорта!

- Чичиковскаго было въ Гоголѣ, можетъ-быть, еще больше, чѣмъ хлестаковскаго. Чичикову точно такъ же, какъ Хлестакову, могъ бы онъ сказать то, что Иванъ Карамазовъ говоритъ своему чорту: «ты—воплощеніе меня самого, только одной, впрочемъ, моей стороны... моихъ мыслей и чувствъ, только самыхъ гадкихъ и глупыхъ... Ты—я, самъ я, только съ другой рожей». Но Гоголь этого не сказалъ, не увидѣлъ или только не хотѣлъ, не посмѣлъ увидѣть въ Чичиковѣ своего чорта, можетъ-быть, именно потому, что Чичиковъ еще меньше «отдѣлился отъ него самого и получилъ самостоятельность», чѣмъ Хлестаковъ. Тутъ правда и сила смѣ-

ха вдругъ измѣнили Гоголю—онъ пожалѣлъ себя въ Чичиковѣ: что-то было въ «земномъ реализмѣ» Чичикова, чего Гоголь не одолѣлъ въ себѣ самомъ. Чувствуя, что это во всякомъ случаѣ необыкновенный человѣкъ, захотѣлъ онъ его сдѣлать человѣкомъ великимъ: «назначеніе ваше, Павелъ Ивановичъ, быть великимъ человѣкомъ», говоритъ онъ ему устами новаго христіанина Муразова. Спасти Чичикова Гоголю нужно было во что бы то ни стало: ему казалось, что онъ спасаетъ себя въ немъ.

Но онъ его не спасъ, а только себя погубилъ вмѣстѣ съ нимъ. Великое призваніе Чичикова было послѣднею и самою хитрою засадою, послѣднею и самою соблазнительною маскою, за которою спрятался чортъ, подлинный хозяинъ «Мертвыхъ душъ», подстерегая Гоголя.

Какъ Иванъ Карамазовъ борется съ чортомъ въ своемъ кошмарѣ, такъ и Гоголь—въ своемъ творествѣ, тоже своего рода «кошмарѣ». «Кошмары эти давили мою собственную душу: что было въ душѣ, то изъ нея и вышло».—«Уже съ давнихъ поръ я только и хлопочу о томъ, чтобы вволю насмѣялся человѣкъ надъ чортомъ»,—вотъ главное, что было въ душѣ его. Удалось ли это ему? Въ концѣ-концовъ, кто надъ кѣмъ посмѣялся въ творествѣ Гоголя—человѣкъ надъ чортомъ или чортъ надъ человѣкомъ?

Во всякомъ случаѣ, вызовъ былъ принятъ, и Гоголь чувствовалъ, что нельзя ему отказываться отъ поединка, поздно отступать. Но эта страшная борьба, которая началась въ искусствѣ, въ отвлеченномъ отъ жизни созерцаніи, должна была рѣшиться въ самой жизни, въ реальномъ дѣйствіи. Прежде, чѣмъ одолѣть вѣчное зло въ внѣшнемъ мірѣ, какъ художникъ, Гоголь долженъ былъ одолѣть его въ себѣ самомъ, какъ человѣкъ. Онъ это понялъ и дѣйствительно перенесъ борьбу изъ творчества въ жизнь; въ борьбѣ этой увидѣлъ не только свое художественное призваніе, но и «дѣло жизни», «душевное дѣло».

Есть, впрочемъ, уже и въ самомъ созерцаніи Гоголя начало дѣйствія, въ самомъ словѣ его—начало *дѣла*. Этимъ онъ противоположенъ Пушкину.

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ —
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Вѣчную правду этого пушкинскаго завѣта, правду созерцанія, Гоголь признаетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ видитъ уже и другую, противоположную, столь же вѣчную правду дѣйствія. Тутъ воплощается въ Гоголѣ неизбѣжный, окончательно совершающійся только именно въ насъ, въ наши дни, переходъ русской литературы, всего русскаго духа отъ искусства къ религіи, отъ великаго созерцанія къ великому дѣйствию, отъ слова къ дѣлу. «Нельзя повторять Пушкина, — говоритъ Гоголь. — Нѣтъ, не Пушкинъ или кто другой долженъ стать теперь образецъ намъ: *другія времена уже пришли...* Другія *дѣла* наступаютъ для поэзіи. Какъ во времена младенчества народовъ служила она къ тому, чтобы вызывать *на битву* народы, возбуждая браннолюбивый духъ, такъ придется ей теперь вызывать на другую, высшую битву — на битву уже не за временную нашу свободу, но за нашу душу».

Пушкинъ зоветъ прочь изъ битвы; Гоголь — въ битву. Это и есть, конечно, битва съ вѣчнымъ зломъ за вѣчное благо, послѣдняя битва человѣка съ чортомъ. Этотъ «браннолюбивый духъ» въ Гоголѣ — нѣчто столь же первозданное, истинное, какъ мирный духъ въ Пушкинѣ; тутъ нѣтъ у Гоголя никакой измѣны самому себѣ, никакого отреченія: онъ столь вѣренъ природѣ своей, какъ и Пушкинъ.

«Во снѣ и наяву мнѣ грезится Петербургъ и служба государству», пишетъ матери изъ Нѣжина восемнадцатилѣтній Гоголь. — «Мысль о службѣ у меня никогда не пропадала, — говоритъ онъ въ концѣ жизни. — Я не совращался съ своего пути... Предметъ у меня былъ всегда одинъ и тотъ же: предметъ у меня былъ жизнь, а не что другое». «Жизнь я преслѣдовалъ въ ея *дѣйствительности*, а не въ мечтахъ воображенія». — «Умъ мой былъ всегда наклоненъ къ *существенности и пользѣ*». — «Я чувствовалъ всегда, что буду участникъ сильный въ *дѣлѣ* общаго добра и что

безъ меня не обойдется»...—«Мнѣ захотѣлось *служить землѣ* своей... Я примирился и съ писательствомъ своимъ только тогда, когда почувствовалъ, что на этомъ поприщѣ могу также служить землѣ своей».—«Мнѣ всегда казалось, что въ жизни моей мнѣ предстоитъ большое *самопожертвованіе*.—Въ Россіи теперь на всякомъ шагу можно сдѣлаться *богатыремъ*. Всякое званіе и мѣсто требуетъ богатырства». Но прежде, чѣмъ вступить, подобно древнимъ русскимъ богатырямъ, въ битву со «страшилищами», Гоголь долженъ былъ побѣдить самое страшное изъ нихъ, жившее въ немъ самомъ. «Я люблю добро, я ищу его и сгораю имъ; но я не люблю моихъ мерзостей... Я воюю съ ними и буду воевать, и изгоню ихъ, и въ этомъ мнѣ поможетъ Богъ».

И здѣсь, въ этой «войнѣ» съ самимъ собою, такъ же, какъ вездѣ, оставаясь вѣрнымъ своей природѣ, своей самой внутренней сущности, Гоголь не могъ не перейти отъ «воображенія» къ «дѣйствительности», отъ слова къ дѣлу: «дѣло мое—душа и прочное дѣло жизни». Онъ покидаетъ искусство для искусства; кончается пушкинская «молитва», жертвоприношеніе—начинается «битва», самопожертвованіе Гоголя; исчезаетъ поэтъ, выступаетъ пророкъ.

И вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ начинается трагедія Гоголя—*incipit tragoedia*—борьба съ вѣчнымъ зломъ—пошлостью,—уже не въ творческомъ созерцаніи, а въ религіозномъ дѣйствіи, великая борьба человѣка съ чортомъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Жизнь и религія.

I.

Изъ двухъ началъ явился Пушкинъ,—говоритъ Гоголь. Одно изъ нихъ опредѣляетъ онъ, какъ «отрѣшеніе отъ земли и существенности», стремленіе въ «область безтѣлесныхъ видѣній», т.-е. какъ начало духовности, вѣриѣ, безплотности,—христіанское или кажущееся, въ противоположность язычеству, «христіанскимъ». Другое—«прикрѣпленіе къ земли и къ тѣлу», къ «осязаемой существенности»—начало плотское, языческое или опять-таки кажущееся донинѣ, въ противоположность христіанству, «языческимъ».

Предвидѣль ли Гоголь, что, опредѣляя Пушкина, онъ и самого себя опредѣлялъ, что и онъ явился изъ этихъ же самыхъ «двухъ началъ»?

«Никогда не чувствовалъ себя погруженнымъ въ такое спокойное блаженство. О, Римъ, Римъ! О, Италія! Что за небо!.. Что за воздухъ!.. Пью—не напьюсь, гляжу—не нагляжусь... Никогда я не былъ такъ веселъ, такъ доволенъ жизнью».

Друзья Гоголя рассказываютъ, какъ на виллѣ Волконской, упиравшейся стѣной въ старый римскій акведукъ, который служилъ ей террасой, «онъ ложился спиной на аркаду и по полусуткамъ смотрѣлъ на голубое небо, на мертвую и великолѣпную римскую Кампанью, оставаясь не-

вижимымъ цѣлые часы, съ воспаленными щеками».—«Ита-лія! Она моя!.. Россія, Петербургъ, снѣга, подлещы, департаментъ, кафедра, театр—все это мнѣ снилось. Я проснулся опять на родинѣ». Одно изъ писемъ помѣчаетъ онъ, вмѣсто христіанскаго лѣтосчисленія, древне-римскимъ: «годъ 2588 отъ основанія Города», какъ будто на одно мгновеніе пожелалъ забыть, что Христось родился, какъ будто 1835 лѣтъ христіанства, вмѣстѣ съ «Россіей, Петербургомъ, снѣгами, департаментомъ», только снились ему.

Это, конечно, шутка; но надо знать, чѣмъ и тогда уже было для Гоголя христіанство, чтобы почувствовать, что значить эта шутка. «Когда я увидѣлъ во второй разъ Римъ,—говорить онъ именно въ этомъ письмѣ, помѣченномъ «отъ основанія Города»,—мнѣ казалось, что я увидѣлъ свою родину, въ которой нѣсколько лѣтъ не бывалъ я, а въ которой жили только мои мысли. Но, нѣтъ, это все не то: не свою родину, но родину души своей я увидѣлъ, гдѣ душа моя жила еще прежде меня, прежде чѣмъ я родился на свѣтъ».

Не Виолеемъ, не Голгоѳа, а «мертвая и великолѣпная Кампанья», земля умершихъ боговъ—предвѣчная родина Гоголя. Языческую древность онъ не то что понимаетъ или чувствуетъ—онъ живетъ въ ней. Такъ жили въ ней, можетъ быть, еще только два человѣка новой Европы—великіе отступники христіанства Гете и Ницше.

Римъ — ῥώμη значитъ по-гречески—сила, крѣпость плоти. Римъ есть величайшее послѣднее всемірное воплощеніе одного изъ тѣхъ «двухъ началъ», о которыхъ говоритъ Гоголь по поводу Пушкина; Римъ есть самое сильное, самое крѣпкое «прикрѣпленіе» человѣческаго духа «къ землѣ и къ тѣлу», къ «осязаемой существенности», передъ которою все, что было прежде и послѣ, кажется призрачнымъ, безплотнымъ, не существующимъ. Здѣсь, въ Римѣ, человѣкъ впервые сказалъ себѣ, подобно Гоголю: «я никогда не чувствовалъ себя погруженнымъ въ такое спокойное блаженство», или, подобно гетевскому Прометею: «я не богъ, но равень богамъ». Сюда, въ Римъ, каждый изъ отдѣльныхъ народовъ, изъ отдѣльныхъ языковъ принесъ, какъ особый

камень въ общее всемірное зданіе, особую силу и крѣпость плоти своей, особую радость жизни своей; всѣ народы, всѣ языки міра со своими богами собрались въ объединенное всемірное язычество подъ куполь Пантеона, это земное небо, и ключевымъ камнемъ, замкнувшимъ сводъ его, была послѣдняя мысль Рима: земля есть небо, человекъ есть Богъ.

Сквозь всѣ «безтѣлесныя видѣнія» христіанства Гоголь въ глубинѣ своей русской, даже малороссійской, казацкой природы, въ перевозданной стихіи своего языка и языка, иногда прощупываетъ это, какъ будто навѣки противоположное христіанству, языческое начало, эту языческую радость жизни, крѣпость плоти, непоколебимую твердь «земного неба».

«Ей-Богу, мы всѣ страшно отдѣлились отъ нашихъ *первозданныхъ элементовъ*,—пишетъ онъ своему кievскому пріятелю Максимовичу изъ Петербурга, съ его «снѣгами, подлецами и департаментами», какъ будто вдругъ проснувшись отъ дурного сна.—Мы никакъ не привыкнемъ глядѣть на жизнь, какъ на тринь-траву, какъ всегда глядѣлъ казакъ (между прочимъ, и старый казакъ «великій язычникъ», толстовскій дядя Ерошка).—Пробовалъ ли ты когда-нибудь, вставши поутру съ постели, дернуть въ одной рубашкѣ по всей комнатѣ трепака? Послушай, братъ: у насъ на душѣ столько грустнаго и заунывнаго, что если позволять всему этому выходить наружу, то это чортъ знаетъ что такое будетъ. Чѣмъ сильнѣе подходитъ къ сердцу старая печаль, тѣмъ шумнѣе должна быть новая веселость. Есть чудная вещь на свѣтѣ: это бутылка добраго вина... Откупори ее, и когда выпьешь стаканъ, то почувствуешь, какъ оживятся всѣ твои чувства... И на другой день двигайся и работай и укрѣпляйся *желѣзною силою*».

Эта «желѣзная» сила въ окончательномъ всемірномъ сознаніи и есть ϱόμη — Римъ, въ бессознательной стихійности—«прикрѣпленіе» всякаго народа «къ землѣ своей и къ тѣлу» своему, къ языческой перевозданной природѣ своей. Гоголь, конечно, и здѣсь только шутитъ; но въ шуткѣ этой скрыта та же самая тоска по предвѣчной родинѣ, съ

которую онъ смотрѣлъ на мертвую и великолѣпную Кампанью.

Изъ этой первозданной стихіи народной вышелъ смѣхъ Гоголя.

«Причина той веселости, которую замѣтили въ первыхъ сочиненіяхъ моихъ, заключалась въ нѣкоторой душевной потребности. На меня находили припадки тоски, мнѣ самому необъяснимой... Чтобы развлекать себя самого, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшныя лица и характеры, поставляя ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего и кому отъ этого выйдетъ какая польза. Молодость подталкивала». Впослѣдствіи, окончательно «удалившись отъ первозданныхъ элементовъ своихъ», онъ сдѣлалъ этотъ смѣхъ «смѣхомъ сквозь слезы» — жестокимъ орудіемъ жестокаго знанія — чѣмъ-то въ родѣ анатомическаго ножа, который рѣжетъ жизнь, какъ трупъ. Но первоначально это былъ именно только смѣхъ для смѣха, переливающийся черезъ край, избытокъ веселья. Онъ опьянялся смѣхомъ, какъ виномъ; грѣлся въ немъ отъ петербургскаго холода, какъ въ лучѣ родного малороссійскаго или римскаго солнца. Во всякомъ случаѣ, Гоголь — молодой казакъ, пляшущій въ одной рубашкѣ трепака — столь же реаленъ, столь же значителенъ, какъ и Гоголь — угрюмый монахъ, пророчествующій о «безтѣлесныхъ видѣніяхъ», о загробныхъ «страшилищахъ».

Отсюда же, изъ этой первозданной стихіи языческой, — и столь особенное, столь чуждое нашему христіанскому «ложу нескверному», иногда для насъ прямо жуткое, «демоническое» сладострастіе Гоголя.

«Я полагаю, что Гоголь *вовсе не зналъ любви къ женщинамъ*», замѣчаетъ біографъ. И въ самомъ дѣлѣ, ничего похожаго на влюбленность нельзя отыскать въ жизни Гоголя. По свидѣтельству врача, который ухаживалъ за нимъ передъ смертью: «сношеній съ женщинами давно не имѣлъ, и самъ признавался, что не чувствовалъ въ томъ потребности и никогда не ощущалъ отъ этого особаго удовольствія». —

«Очень понимаю и чувствую состояніе души твоей, хотя самому, благодаря судьбу, не удалось испытать, — пишетъ юный Гоголь одному своему влюбленному пріятелю. — Я потому говорю *благодаря*, что это пламя меня превратило бы въ прахъ въ одно мгновеніе».

Въ повѣсти «Вій» прекрасная панночка-вѣдьма разъ пришла на конюшню, гдѣ псарь Микита чистилъ коня. «Дай, — говоритъ, — Микита, я положу на тебя свою ножку. А онъ, дурень, и радъ тому: говоритъ, что не только ножку, но и сама садись на меня. Панночка подняла свою ножку, и какъ увидѣлъ онъ ея нагую и полную, и бѣлую ножку, то, говоритъ, чара такъ и ошеломила его. Онъ, дурень, пагнулъ спину и, схвативши обѣими руками за нагія ея ножки, пошелъ скакать, какъ конь, по всему полю, и куда они ѣздили, онъ ничего не могъ сказать; только воротился едва живой, а съ той поры изсохнулъ весь, какъ щепка; когда разъ пришли на конюшню, то вмѣсто него лежала только куча золы, да пустое ведро: сгорѣлъ, совсѣмъ сгорѣлъ самъ собою».

Не повторяется ли здѣсь, въ сказочномъ образѣ, личное признаніе Гоголя: «это пламя меня бы превратило въ прахъ въ одно мгновеніе» — въ прахъ, въ «кучу золы» какъ бѣднаго псаря Микиту. «Къ спасенью моему, — продолжалъ Гоголь, — твердая воля отводила меня отъ желанія заглянуть въ пропасть».

Сила, которая удаляетъ его отъ женщинъ—не скудость а, напротивъ, какой-то особый, оргіиный избытокъ чувственности; это странное молчаніе — не смерть, а чрезмерная полнота, замирающее напряженіе, грозная тишина пола.

Когда философъ Хома Брутъ скакалъ съ вѣдьмой, сидѣвшей у него верхомъ на плечахъ, онъ видѣлъ, какъ тамъ, внизу, въ нижней безднѣ, подземномъ небѣ, «изъ-за осоки выплывала русалка, мелькала спина и нога — выпуклая, упругая, вся созданная изъ блеска и трепета... Облачные перси ея, матовыя, какъ фарфоръ, не покрытый глазурью, просвѣчивали передъ солнцемъ по краямъ своей бѣлой эластической

окружности... Она вся дрожить и смѣется въ водѣ. — «Что это?» думалъ философъ, глядя внизъ, несясь во всю прыть. Потъ катился съ него градомъ; онъ чувствовалъ бѣсовски сладкое чувство, онъ чувствовалъ какое-то пронзающее, какое-то томительно-страшное наслажденіе». — «Дѣва свѣтится сквозь воду, какъ будто бы сквозь стеклянную рубашку; уста чудно усмѣхаются, щеки пылаютъ, очи выманиваютъ душу... она сгорѣла бы отъ любви, она зацѣловала бы... Бѣги, крещеный человѣкъ!» Здѣсь предѣль сладострастія, за который такъ же страшно переступить, какъ за предѣль смерти. «Въ тонкомъ серебряномъ туманѣ мелькали дѣвушки легкія, какъ тѣни. Тѣло ихъ было какъ будто изваяно изъ прозрачныхъ облаковъ и будто свѣтилось насквозь при серебряномъ мѣсяцѣ» («Майская ночь»). Эта прозрачная бѣлизна женскаго тѣла, какъ наважденіе, преслѣдуетъ Гоголя: въ «Мертвыхъ душахъ» на губернскомъ балу рядомъ съ Чичиковымъ прекрасная молодая дѣвушка «одна только *блѣхла* и восходила *прозрачною* изъ мутной и *непрозрачной* толпы» — какъ видѣніе изъ другого міра, какъ русалка въ темной заглохшей водѣ.

Эти «прозрачныя, свѣтящіяся насквозь, какъ-будто изваянныя изъ облаковъ», тѣла русалокъ, по природѣ своей, подобны тѣламъ древнихъ боговъ; это — та же самая мистически-реальная, одухотворенная плоть, величайшая противоположность христіанской безплотной духовности; — плоть легкая и все-таки нетлѣнно твердая, какъ твердь небесъ. Это есть одно изъ двухъ началъ, заключенныхъ въ самомъ Гоголѣ — начало плоти.

«Тѣло одной русалки, — продолжаетъ рассказчикъ, — не такъ свѣтилось, какъ у прочихъ: *внутри его виднѣлось что-то черное*».

Черное пятно, страшная черная точка есть и въ гоголевской «плоти», въ первозданной языческой стихіи его веселости, его смѣха. Это — точка соприкосновенія двухъ началъ, двухъ половинъ, двухъ полюсовъ міра, рождающая безпредѣльный мистическій ужасъ. Уже, впрочемъ, и тамъ, въ самой Элладѣ, есть эта черная точка: и тамъ,

въ тишинѣ самага блаженнаго, самага ослѣпительнаго полдня раздается вдругъ потрясающій крикъ, таинственный зовъ, голосъ Пана, отъ котораго все живое бѣжитъ въ сверхъестественномъ ужасѣ. Гоголю съ дѣтства знакомъ этотъ крикъ: «признаюсь, мнѣ всегда былъ страшенъ этотъ таинственный зовъ. Я помню, что въ дѣтствѣ часто его слышалъ: иногда вдругъ позади меня кто-то явственно произносилъ мое имя. День обыкновенно въ это время былъ самый ясный и солнечный; ни одинъ листъ въ саду на деревѣ не шевелился; тишина была мертвая; даже кузнечикъ въ это время переставалъ кричать; ни души въ саду. Но, признаюсь, если бы ночь самая бѣшенная и бурная, со всѣмъ адомъ стихій, настигла меня одного, среди непроходимаго лѣса, я бы не такъ испугался ея, какъ этой ужасной тишины среди безоблачнаго дня. Я обыкновенно тогда бѣжалъ съ величайшимъ страхомъ и занимавшимся дыханіемъ изъ саду и тогда только успокаивался, когда попадался мнѣ навстрѣчу какой-нибудь человѣкъ, видъ котораго изгонялъ эту страшную сердечную пустыню» (Старосвѣтскіе помѣщики).

Этотъ непонятный «паническій» ужасъ объяснился въ тотъ день, когда родился Христосъ и умеръ великій Панъ. Въ концѣ язычества есть начало христіанства; въ концѣ земного — начало небеснаго, въ концѣ плоти — начало того, что за плотью.

Страшный «таинственный зовъ» слышится Гоголю и въ Пушкинѣ. «Поэта, — говоритъ Гоголь, — поразилъ видъ Казбека, на верхушкѣ котораго увидѣлъ онъ монастырь, показавшійся ему рѣющимъ въ небесахъ ковчегомъ.

Далекій, вождѣнный брегъ!
Туда бѣ, сказавъ прости ущелью,
Подняться къ горной вышинѣ!
Туда бѣ въ заоблачную келью,
Въ сосѣдствѣ Бога скрыться мнѣ!

Вотъ и другое начало изъ тѣхъ двухъ, которыя видѣлъ онъ въ Пушкинѣ. Оно же сказалось и въ Гоголѣ, только съ гораздо большею силою, чѣмъ въ Пушкинѣ. «Я не рожденъ для тревоженій, — пишетъ Гоголь въ 1842 году, наканунѣ

своего христіанскаго обращенія, — и чувствую съ каждымъ днемъ и часомъ, что нѣтъ выше удѣла на свѣтѣ, какъ званіе монаха». Иными словами, это вѣдь и значитъ: «туда бѣ въ заоблачную келью!»

Въ тишинѣ самаго солнечнаго языческаго полдня кто-то вдругъ «назвалъ Гоголя по имени» — и страшень былъ этотъ зовъ изъ другого міра.

II.

Изъ этихъ-то «двухъ началъ» явился Гоголь. «Въ Пушкинѣ, — говоритъ онъ, — *середина*, — конечно, не въ смыслѣ посредственности, нечистаго смѣшенія, а въ смыслѣ чистѣйшаго *соединенія*, синтеза двухъ началъ. «*Въ немъ все уравновѣшено*». Равновѣсіе Пушкина нарушено въ Гоголѣ; ладъ Пушкина становится разладомъ въ Гоголѣ. Это — одно изъ величайшихъ нарушеній равновѣсія, которыя когда-либо происходили въ душѣ человѣческой. Зданіе дало трещину въ главномъ сводѣ, поколебалось до послѣднихъ основъ своихъ и упало, и «было паденіе дома того великое».

Въ этомъ-то неравновѣсіи двухъ первоначальныхъ началъ — языческаго и христіанскаго, плотскаго и духовнаго, реальнаго и мистическаго — заключается вся не только творческая, созерцательная, но и жизненная религіозная судьба Гоголя.

Разладъ, дисгармонія во внутреннемъ существѣ его отражаются и во внѣшнемъ, даже тѣлесномъ обликѣ.

При первомъ взглядѣ наружность его удивляетъ: въ ней что-то странное, на другихъ людей не похожее, слишкомъ напряженное, слишкомъ острое и вмѣстѣ съ тѣмъ надломленное, больное. «Длинный сухой носъ придавалъ этому лицу и этимъ сидѣвшимъ по его сторонамъ осторожнымъ глазамъ что-то птичье, наблюдающее, — говоритъ очевидецъ. — Такъ смотрятъ съ кровель украинскихъ хуторовъ, стоя на одной ногѣ, внимательно-задумчивые аисты». — Зоркая и грустная одинокая птица. Самое поверхностное впечатлѣніе отъ наружности Гоголя — тревожное, почти

жуткое и въ то же время смѣшное, комическое: злобѣщая карикатура; другихъ смѣшить и самъ смѣшонъ. — «Вѣдь ты, братецъ, самъ дѣлаешься комическимъ лицомъ!» говоритъ ему Погодинъ. — «Я, именно, комикъ, — соглашается Гоголь, — и вся моя фигура карикатурна».

Чѣмъ пристальнѣе всматриваешься въ него, тѣмъ это смѣшное становится болѣе жуткимъ, почти страшнымъ, фантастическимъ. «Тайнственный карла» — прозвали его школьные товарищи въ Нѣжинѣ. И Достоевскій отмѣтилъ въ немъ это иѣчто «тайнственное», фантастическое, когда назвалъ его «демономъ смѣха». — «Чудакъ онъ превеликій!» — восклицаетъ одинъ изъ его пріятелей. «Чудакъ» — это слишкомъ мало. Не «чудакъ», а скорѣе чудо или чудовище. «Это еще что такое, и откуда это?» — вотъ первое, что приходитъ въ голову при взглядѣ на лицо Гоголя среди обыкновенныхъ, хотя бы и самыхъ избранныхъ, самыхъ геніальныхъ, но все же человѣческихъ лицъ. «Птица, «карла», «демонъ», карикатура, призракъ, что-то фантастическое, только не человѣкъ или, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ человѣкъ.

«Вотъ до какой степени Гоголь для меня не человѣкъ, что я, который въ молодости ужасно боялся мертвецовъ, не могъ произвести въ себѣ этого чувства во всю послѣднюю ночь», — т.-е. чувства естественнаго страха передъ мертвымъ тѣломъ, — это пишетъ С. Т. Аксаковъ, одинъ изъ ближайшихъ друзей Гоголя, тотчасъ послѣ смерти его. Живой Гоголь для Аксакова — «не человѣкъ», мертвый — не мертвецъ. Живой для него таинственнѣе, призрачнѣе, чѣмъ умершій.

И чѣмъ ближе подходятъ къ нему люди, тѣмъ сильнѣе чувствуютъ въ немъ это страшно далекое, чуждое, удивительное, къ чему нельзя привыкнуть, и что въ иныя мгновенія внушаетъ самымъ близкимъ друзьямъ его непонятную враждебность, смѣшанную со страхомъ и отвращеніемъ.

Погодинъ съ дружескою откровенностью называетъ Гоголя «отвратительнѣйшимъ существомъ». — «Вообще въ немъ было что-то отталкивающее», — замѣчаетъ Сергѣй Аксаковъ. — «Я не знаю, — заключаетъ онъ по этому поводу, — любилъ

ли кто-нибудь Гоголя исключительно, какъ человека. Я думаю—нѣтъ; да это и невозможно». Шевыревъ, тоже старый другъ и даже отчасти ученикъ его, видитъ въ немъ «неряшество душевное, происходящее отъ неограниченнаго самолюбія».

Одни обвиняютъ его въ «ханжествѣ», другіе признаются, что считаютъ его «кандидатомъ» въ святыя отшельники или... въ домъ умалишенныхъ» и чуть не въ присутствіи «друга» и «учителя» разсуждаютъ объ его «сумасшествіи» и о «плутовствѣ въ его сумасшествіи».

Во всѣхъ этихъ «дружескихъ» отзывахъ какая-то безпричинная жестокость. Любящіе его вдругъ начинаютъ ненавидѣть, сами не зная за что, стараясь объяснить эту ненависть личными пороками Гоголя, но едва ли справедливо: вѣдь несмотря на эти пороки, тѣ же самые люди, которые называютъ его плутомъ и сумасшедшимъ, въ другія минуты съ такою же искренностью считаютъ его пророкомъ, учителемъ, даже прямо «святымъ» и «мученикомъ». С. Т. Аксаковъ, который писалъ въ 1847 году при жизни его: «я вижу въ Гоголѣ добычу сатанинской гордости»,—пишетъ черезъ пять лѣтъ послѣ смерти его: «я признаю Гоголя святымъ; это—истинный мученикъ христіанства». Въ сущности же для Аксакова такъ и осталось навсегда неразъясненнымъ что такое Гоголь—сумасшедшій или мученикъ, плутъ или святой.

Подобныя противорѣчія въ отзывахъ неразрѣшимы, если не предположить, что они зависятъ отъ противорѣчія въ самомъ Гоголѣ: «два начала», два существа въ немъ: наблюдателю является то одно изъ нихъ, то другое, сообразно съ точкою зрѣнія, на которой онъ стоитъ, и съ мѣркою, которою онъ мѣритъ.

Послѣдній годъ своего пребыванія въ Нѣжинскомъ лицей Гоголь посвятилъ «глубокому обдумыванію будущей должности и новаго бытія въ дѣятельномъ мірѣ»; онъ давалъ себѣ слово, что всѣ его «силы будутъ порываться на то, чтобы означить жизнь однимъ благодѣяніемъ, одной пользою отечества».—«Мысль о службѣ меня никогда не

оставляла,—вспоминаетъ онъ въ концѣ жизни, въ «Авторской исповѣди».—Я примирился и съ писательствомъ своимъ только тогда, когда почувствовалъ, что на этомъ поприщѣ могу также служить землѣ своей. Мнѣ всегда казалось, что въ жизни моей мнѣ предстоитъ какое-то большое самопожертвованіе».

Жизнь и смерть Гоголя свидѣтельствуютъ о томъ, какая страшная искренность была въ этой дѣтской мечтѣ его. И вотъ, однако, въ это же самое время, среди глубокаго обдумыванія «новаго бытія», уже стремясь въ Петербургъ на великое служеніе, онъ пишетъ туда же о другой столь же пламенной и завѣтной мечтѣ своей—о модномъ фракѣ и панталонахъ. «Напиши, пожалуйста,—проситъ онъ своего петербургскаго пріятели,—какія модныя матеріи у васъ на жилеты, на панталоны... Какой-то у васъ модный цвѣтъ на фраки? Мнѣ очень хотѣлось бы себѣ сдѣлать синій съ металлическими пуговицами». Знаменитый фракъ Чичикова «наваринскаго пламени съ дымомъ» не родственъ ли этому синему фраку юношескихъ мечтаній Гоголя?

По выпускѣ изъ лицея онъ прежде всѣхъ своихъ товарищей одѣлся въ партикулярное платье. «Какъ теперь, вижу его въ свѣтло-коричневомъ сюртукѣ,—разсказываетъ очевидецъ,—котораго полы подбиты были какою-то красною матеріей въ большихъ клѣткахъ. Такая подкладка считалась тогда нес plus ultra молодого щегольства, и Гоголь, идучи по гимназій, безпрестанно обѣими руками, какъ будто не нарочно, раскидывалъ полы сюртука, чтобы показать подкладку».

Это, конечно, ребячество, но оно останется въ немъ надолго, можетъ-быть, навсегда. Въ Петербургѣ, поступивъ въ департаментъ, онъ вскорѣ началъ упрекать себя за то, что «осмѣлился откинуть божественныя помыслы»,—т.-е. объ истинной «службѣ», служеніи землѣ своей, о самоотверженномъ подвигѣ. И тутъ же, среди благородныхъ самообличеній, сообщаетъ провинціальному другу, какъ важное петербургское извѣстіе: «галстуковъ черныхъ не носятъ; вмѣсто нихъ употребляютъ синіе». Это уже, какъ будто изъ

письма Хлестакова; такъ и ждешь продолженія: «прощай, душа Тряпичкинъ. Скучно, братъ, такъ жить... Вижу, точно, надо чѣмъ-нибудь высокимъ заняться».

Въ заботѣ челоуѣка объ одеждѣ сказывается любовь и уваженіе къ своему тѣлу. Байронъ и Пушкинъ хорошо одѣвались; у нихъ выходило это такъ же просто и естественно, какъ и то, что они хорошо писали: во внѣшнемъ изяществѣ невольно выражались соотвѣтствіе, гармонія между внѣшнимъ и внутреннимъ. Въ древней латеранской статуѣ Софокла складки одежды кажутся столь же гармоническими, какъ и стихи его трагедій.

У Гоголя даже въ этой мелочи, въ неумѣнн одѣваться, обнаруживается основная черта всей его личности—дисгармонія, противорѣчіе. Щегольство дурного вкуса. «Одежда его,—говоритъ очевидецъ,—представляла рѣзкую противоположность щегольства и неряшества». Зимой 1830 г., когда онъ узналъ, какой модный цвѣтъ фраковъ и галстуковъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ до такой степени обносился, что «нижняго бѣлья у него не было ни одной штуки», по собственному признанію. Однажды, несмотря на свою крайнюю зябкость, всю зиму, «отхваталъ въ лѣтней шинели». Эти подробности, какъ будто заимствованы изъ жизнеописанія Хлестакова. Но, кто знаетъ? Не внушила ли Гоголю одного изъ глубочайшихъ, геніальнѣйшихъ его созданій «Шинели» эта именно хлестаковская, подбитая вѣтромъ, шинель?

Въ Петербургѣ сблизился онъ съ Пушкинымъ. Дружба эта оставила на всей жизни Гоголя неизгладимый слѣдъ. Онъ благоговѣлъ передъ Пушкинымъ. «Тайный трепеть невкушаемаго на землѣ удовольствія обнималъ мою душу... Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта».—«О, Пушкинъ, Пушкинъ! вспомнить онъ впоследствии, какой прекрасный сонъ удалось мнѣ видѣть въ жизни». Но въ тогдашнихъ письмахъ своихъ хвастаетъ «не этимъ прекраснымъ сномъ», а тѣмъ, что книга его понравилась здѣсь всѣмъ, начиная съ государыни, и что государыня приказала ему читать въ «находящемся въ ея вѣдѣнн пансіонѣ благородныхъ дѣвицъ». «Квартира моя на пятомъ этажѣ; это здѣсь

не значить ничего: самъ государь занимаетъ комнаты не ниже моихъ; напротивъ, вверху гораздо чище и здоровѣе воздухъ». Въ дѣйствительности, онъ въ это время, какъ самъ жалуется по другому поводу, «живетъ на чердакѣ». Но хотя, моль, и чердакъ, а на одномъ уровнѣ съ покоями Зимняго дворца. И это безъ малѣйшей ироніи, съ дѣтской искренностью. «Есть во мнѣ что-то хлестаковское», опять невольно вспоминается признаніе Гоголя.

Отсутствіе нравственной выдержки, цѣльности, внутренняя неустойчивость, неравновѣсіе ставятъ его въ самыя нелѣпыя и смѣшныя, унижительныя положенія, дѣлаютъ «комическимъ» или, вѣрнѣе, траги-комическимъ лицомъ, собственною карикатурою, правда, карикатурою исполинскою, ибо въ самомъ ничтожествѣ сохраняетъ онъ величіе своихъ «первозданныхъ элементовъ».

Такова исторія съ его профессорствомъ. «Онъ смотрѣлъ на науку, какъ на средство для составленія карьеры» — замѣчаетъ біографъ. По выраженію самого Гоголя—онъ «отжилилъ кафедрѣ». Пріятелю Максимовичу, тоже будущему профессору, совѣтуетъ «работать съ плеча, что придется», и съ истинно хлестаковскою легкостью рѣшаетъ «хватить среднюю исторію томиковъ въ восемь или девять, если Богъ поможетъ». И. С. Тургеневъ, одинъ изъ слушателей Гоголя, увѣряетъ, будто бы всѣ студенты были убѣждены, что онъ «ничего не смыслить въ исторіи». Лекціи начиналъ онъ фразами въ родѣ слѣдующей: «Азія была какимъ-то народовержущимъ вулканомъ». Скучалъ самъ и видѣлъ, что всѣмъ скучно. «Я читаю одинъ... Никто меня не слушаетъ! Хоть бы одно студенческое существо меня понимало». На экзаменъ пришелъ съ головою, окутанною косынками, предоставилъ экзаменовать слушателей декану и ассистентамъ, а самъ молчалъ все время.—«Боится, что Шульгинъ (другой профессоръ) собьетъ его самого, такъ и притворяется, будто рта разинуть не можетъ», объясняли студенты.—«Непризнанный взошелъ я на кафедрѣ и непризнанный схожу съ нея!»—съ торжественностью заявляетъ онъ врагамъ своимъ, а друзьямъ—съ циническою откровен-

ностью: «я расплевался съ университетомъ». И въ самомъ дѣлѣ, въ этой жалкой и смѣшной фигурѣ университетскаго Акакія Акакіевича съ подвязанной щекою, кто могъ бы признать великаго учителя, обладавшаго, несмотря на недостатокъ свѣдѣній, гениальными историческими прозрѣніями?

Противорѣчіе—и въ самыхъ простыхъ, кровныхъ чувствахъ, на примѣръ, въ любви къ матери.

Любилъ ли Гоголь мать? Иногда его отношеніе къ ней кажется безсердечнымъ. Она сама нуждается, а онъ беретъ у нея деньги и тратитъ «на франтовство, на разные фраки, сюртучки, галстуки, подтяжки, платочки». Деньги, полученные отъ матери для передачи въ Опекунскій совѣтъ, оставляетъ себѣ, безъ ея вѣдома, и тратитъ на нелѣпую заграничную поѣздку, оправдываясь мнимою болѣзнью и страстью, отъ которой будто бы ему нужно бѣжать изъ Петербурга. Впослѣдствіи самъ называетъ этотъ поступокъ «безразсуднымъ»—выраженіе, кажется, слишкомъ снисходительное. «Чтобы отомстить вамъ и разсердить васъ, я написалъ это», пишетъ онъ матери по другому поводу.

Такъ—съ одной стороны; а съ другой—стоитъ вспомнить, какъ въ самыя страшныя минуты жизни обращается онъ къ матери съ просьбой помолиться за него и вѣрить въ чудо молитвы, какъ въ свою послѣднюю святыню и спасеніе,—чтобы почувствовать, чѣмъ для него была мать, и чтобы воздержаться отъ легкихъ приговоровъ. Нѣкоторыя изъ его обращеній къ матери напоминаютъ ужасный, душу раздирающій вопль, которымъ кончаются «Записки сумасшедшаго»: «матушка, спаси твоего бѣднаго сына!.. Посмотри, какъ мучать они его!.. Ему нѣтъ мѣста на свѣтѣ! его гонять!.. Матушка, пожалѣй о своемъ бѣдномъ дитяткѣ».

Одинъ изъ самыхъ строгихъ судей Гоголя сознается, что не могъ бы отрицать въ немъ «безпримѣрной доброты» (Отзывъ Іордана у Шенрока въ «Матеріалахъ», III, стр. 221). Эта простая человѣческая доброта, способность простой и нѣжной любви сказались въ той самоотверженности, съ которою онъ, самъ больной, цѣлые дни и ночи на-

пролетъ ухаживалъ въ Римъ за своимъ умирающимъ другомъ, молодымъ графомъ Вѣльгорскимъ. На вопросъ Аксакова, любилъ ли кто-нибудь Гоголя «исключительно, какъ человѣка»,—сумѣла бы отвѣтить мать его и притомъ такъ, что Аксакову сдѣлалось бы стыдно за свой вопросъ. И не только мать,—но и А. О. Смирнова, чужая Гоголю, но любившая его, какъ родного, и другія «жены-мүроносицы» этого «мученика».

Какая-то странная безчувственность и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезмѣрная, почти безумная чувствительность. Именно въ то время, когда въ немъ все наиболѣе кипитъ, пожирается внутреннимъ огнемъ, онъ кажется снаружѣ, по собственному выраженію, наиболѣе «деревяннымъ, оболваненнымъ, черствымъ и сухимъ».—«У васъ, въ вашихъ мысляхъ, я остался съ черствою фізіономіей, съ скучнымъ выраженіемъ лица».—«Если вамъ нуженъ теперь болванъ для того, чтобы надѣвать на него вашу шляпку или чепчикъ, то я весь къ вашимъ услугамъ». Въ обществѣ онъ всегда выглядывалъ какимъ-то «букою». —«*Il ma paru gauche, timide et triste*»,—вотъ первое впечатлѣніе Смирновой. И потомъ, когда уже подъ внѣшней черствою корою открывается внутренній міръ его, истинный адъ, и заглянувшій въ этотъ адъ готовъ жалѣть и любить,—въ лицѣ Гоголя вдругъ мелькаетъ опять что-то совсѣмъ неожиданное, противорѣчивое, что-то беззаботное, «хохлацкое и плутоватое», выраженіе зоркой птицы, «внимательно-задумчиваго аиста», какъ-будто онъ только съ любопытствомъ наблюдаетъ со стороны за тѣмъ, что въ немъ и въ другихъ происходитъ, какъ-будто онъ къ себѣ еще равнодушнѣе, еще безчувственнѣе, чѣмъ къ другимъ, такъ, что, въ концѣ-концовъ, сострадающій остается въ недоумѣніи.

Противорѣчіе—и въ языкѣ его. Съ одной стороны, безграничная власть надъ языкомъ: не онъ ли расплавилъ алмазно-твердый стихъ Пушкина и перелилъ его въ новыя формы? Съ другой—какая-то дѣтская беспомощность, немѣлость, косноязычіе.

«Боюсь нагрѣшить противъ языка», это вѣчный страхъ его. За границей онъ такъ отвыкъ отъ русской рѣчи, что

самыя простыя выраженія затрудняли его. «Слогъ и языкъ мой у меня до сихъ поръ въ такомъ неряшествѣ, какъ ни у кого даже изъ дурныхъ писателей, такъ что надо мною имѣеть право посмѣяться едва начинающій школьникъ». «Возьмешься за перо—находить столбнякъ».—«Перо въ рукахъ моихъ, какъ деревянная колода, между тѣмъ какъ мысли мои состоятъ изъ вихря».

Величайшій реализмъ, мѣткость, точность слова: какъ-будто оно не описываетъ, не изображаетъ предметъ, а само становится предметомъ, новымъ явленіемъ, новою реальностью. И рядомъ съ этимъ—фантастическая призрачность, неимовѣрныя преувеличенія, гиперболы, исполинскій «громоздъ»: «дико, громадно все,—нечаянно опредѣляетъ онъ себя въ другомъ,—этотъ громоздъ служить на то, чтобы неестественною силою оживить предметъ, такъ что, кажется, какъ бы тысячью глазами глядитъ онъ».

Самое любовное проникновеніе къ дѣйствительности «ты изумишься,—пишетъ онъ одному пріятелю въ разгарѣ своего мистицизма,—откуда взялся во мнѣ такой положительный и обстоятельный человѣкъ... — Я родился быть хозяиномъ».—Когда читаешь подробнѣйшія наставленія Гоголя о полевыхъ работахъ, садѣ, огородѣ, о томъ, какъ сажать овощи, какъ поливать ихъ и ухаживать за ними («особенно позаботьтесь, чтобъ было лучше для цвѣтной капусты, артишоковъ, и брунколей, которыя я очень люблю»), то чувствуешь въ этой, какъ-будто, самой прозаической—чичиковской хозяйственности не менѣе, чѣмъ въ поэтической любви его къ Италіи, къ древности, одинъ изъ «первозданныхъ элементовъ», одно изъ двухъ мистическихъ началъ его природы—начало земли, «матери сырой земли».—«Умъ мой всегда былъ склоненъ къ существенности и къ пользѣ болѣе осязательной», подводитъ онъ итогъ своей жизни. «Жизнь я преслѣдовалъ въ ея дѣйствительности, а не въ мечтахъ воображенія».—Все это опять-таки съ одной стороны, а съ другой: «о, какъ отвратительна дѣйствительность! Что она противъ мечты!»—«Изъ-подъ самыхъ облаковъ, да прямо въ грязь!»

Такъ чрезъ всю жизнь его, какъ чрезъ великолѣпное зданіе, построенное изъ твердаго камня, но съ какимъ-то нарушеніемъ основныхъ законовъ земной механики, земного равновѣсія, проходитъ одна длинная, сверху донизу, сначала едва замѣтная, тонкая, какъ волосокъ, но постепенно расширяющаяся и, наконецъ, бездонно зіяющая трещина.

III.

Нарушеніе равновѣсія, которое сказывается во всемъ духовномъ составѣ его, отъ самаго малаго до самаго великаго—отъ щегольства безвкусными галстуками и жилетами до злоупотребленія гиперболами, отъ хлестаковскихъ преувеличеній до исполинскихъ загробныхъ страшилищъ,—это же самое нарушеніе равновѣсія, эта трещина сказывается и въ его тѣлесномъ составѣ, въ его болѣзни.

Что такое болѣзнь Гоголя? Въ какомъ отношеніи находится она къ тому особому душевному состоянію, которое, повидимому, неразрывно связано съ нею, къ такъ называемому «мистицизму» Гоголя? «Мистицизмъ» ли отъ болѣзни или болѣзнь отъ «мистицизма»? Кажется, и то и другое предположенія одинаково невѣрны.

«Мистицизмъ»—болѣзнь духа и болѣзнь тѣла вовсе не находятся во взаимной причинной связи: обѣ онѣ суть только слѣдствія какой-то одной, болѣе глубокой, первой причины, чего-то, что за тѣломъ и духомъ, какого-то первоначальнаго несоотвѣтствія, несогласія, опять-таки *неравновѣсія* между тѣломъ и духомъ.

Трудно рѣшить, когда собственно началась болѣзнь Гоголя. Кажется, онъ родился съ нею точно такъ же, какъ Пушкинъ со своимъ непобѣдимымъ здоровьемъ.

«Гоголь былъ болѣзненный ребенокъ, — вспоминаетъ школьный товарищъ его, А. С. Данилевскій.—Лицо его было какое-то прозрачное. Онъ сильно страдалъ отъ золотухи; изъ ушей у него текло...»—Двадцати четырехъ лѣтъ жалуется Гоголь на ощущеніе «дряхлости»: «скудельный

составъ мой часто одолѣваемъ недугомъ и крайне дряхлѣть». Можетъ-быть, въ дѣтствѣ и юности причина болѣзни была по преимуществу физическая, но съ годами, несмотря на часто повторяющіеся припадки, организмъ крѣпнетъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обнаруживается, что причина болѣзни отнюдь *не только* физическая, что особое состояніе духа, ежели не производитъ болѣзнь тѣла, то во всякомъ случаѣ предшествуетъ ей. Поверхностнымъ наблюдателямъ кажется даже, что Гоголь—мнимый больной, что онъ воображаетъ себя или притворяется больнымъ. «Онъ считалъ себя неизлѣчимо-больнымъ и готовъ былъ совѣтоваться со всѣми докторами, хотя по наружности казался свѣжимъ и здоровымъ», замѣчаетъ біографъ (*Шенрокъ II, 117*). — «Онъ удивилъ меня тѣмъ,—разсказываетъ С. Т. Аксаковъ,—что началъ жаловаться на свои болѣзни и сказалъ даже, что боленъ неизлѣчимо. Смотри на него изумленными и недовѣрчивыми глазами, потому что онъ казался здоровымъ, я спросилъ его: «Да чѣмъ же вы больны?» Онъ отвѣчалъ неопредѣленно и сказалъ, «что причина болѣзни его находится въ кишкахъ». Изъ Рима пишутъ осенью 1840 года: «Гоголь ужасно мнителенъ... Онъ ничѣмъ не былъ занятъ, какъ только своимъ желудкомъ, а, между тѣмъ, никто изъ насъ не могъ съѣсть столько макаронъ, сколько онъ ихъ отпускалъ иной разъ». — Гоголь вообще любилъ поѣсть: бѣсъ чревоугодія искушалъ его до конца жизни; знакомая ему съ дѣтства малороссійская поэзія лакомства отразилась и въ ночныхъ закускахъ «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ», и въ сказочныхъ галушкахъ, которыя сами летятъ въ ротъ, и въ не менѣе сказочныхъ кулебякахъ Петра Петровича Пѣтуха.—«Онъ разсказалъ мнѣ,—пишетъ поэтъ Языковъ изъ Парижа,—о странностяхъ своей, вѣроятно мнимой, болѣзни: въ немъ же находятся зародыши всѣхъ возможныхъ болѣзней; также и объ особенномъ устройствѣ головы своей и неестественности положенія желудка. Его будто осматривали и ощупывали въ Парижѣ знаменитые врачи и нашли, что *желудокъ его вверхъ ногами*».

За нѣсколько недѣль до смерти, Григорій Данилевскій нашелъ его цвѣтущимъ, полнымъ силъ и здоровья. На осно-

ваніи подобныхъ отзывовъ можно бы притти къ выводу, что Гоголь кривляется и морочить друзей своихъ. Но это не такъ: болѣзнь его, несмотря на свою кажущуюся фантастичность, все-таки вполнѣ реальна—вѣдь умеръ же онъ отъ нея. Если въ значительной мѣрѣ онъ боленъ отъ мнительности, то и наоборотъ, можетъ-быть, даже еще въ большей мѣрѣ—мнителенъ отъ болѣзни.

Вотъ какъ онъ самъ описываетъ обыкновенный ходъ своихъ припадковъ. Среди совершеннаго здоровья и душевной ясности, какъ будто даже отъ избытка, отъ чрезмѣрности этого здоровья, этой грозовой силы жизни, рождается сначала смутное и, повидимому, безпричинное, неудержимо растущее возбужденіе; потомъ какой-то внезапный страхъ: словно крикъ Пана, страшный зовъ въ тишинѣ безоблачнаго полдня. Потомъ болѣзненная тоска, которой нѣтъ описанія.—«Я былъ приведенъ въ такое состояніе, что не зналъ рѣшительно, куда дѣть себя, къ чему прислониться. Ни двухъ минутъ я не могъ оставаться въ покойномъ положеніи, ни на постели, ни на стулѣ, ни на ногахъ. О, это было ужасно...»—«Я почувствовалъ то подступившее къ сердцу волненіе, которое всякій образъ, пролетавшій въ мысляхъ, превращало въ исполина, всякое незначительное пріятное чувство превращало въ такую страшную радость, какую не въ силахъ вынести природа человѣка, и всякое сумрачное чувство претворяло въ печаль, такую мучительную печаль, и потомъ слѣдовали обмороки, наконецъ, совершенно сомнамбулическое состояніе».—«У меня все разстроено внутри,—признается онъ въ 1849 г., года за три до смерти.—Я, на примѣръ, увижу, что кто-нибудь споткнулся; тотчасъ же воображеніе за это ухватится, начнетъ развиваться—и все въ самыхъ страшныхъ призракахъ. Они до того меня мучатъ, что не даютъ мнѣ спать и совершенно истощаютъ мои силы».

Итакъ, первое сотрясеніе, нарушеніе равновѣсія происходитъ не въ душѣ и не въ тѣлѣ, а гдѣ-то глубже, въ самой глубинѣ существа,—не тамъ ли, гдѣ душа и тѣло, еще не два, а одно? Какое-то разногласіе, разладъ происходятъ въ первозданномъ ладѣ, согласіи души и тѣла. И эта болѣз-

ненная зыбь, распространяясь, черезъ душу захватываетъ тѣло и оттуда, въ обратномъ движеніи, отражается снова въ душѣ и все растетъ, какъ волна, которая въ двойномъ разбѣгѣ своемъ ударяется то въ одну, то въ другую преграду. Внезапные страхи сливаются въ одинъ длительный «панический» ужасъ, отъ котораго одно спасеніе—бѣжать съ того мѣста, гдѣ впервые послышался страшный «зовъ», «голосъ Пана».

И Гоголь дѣйствительно бѣжитъ: всѣ его безконечныя скитанія не что иное, какъ бѣгства отъ себя самого. Бѣжитъ изъ Петербурга за границу, самъ не помня, что дѣлаетъ, почти укравъ у матери деньги, въ первый разъ не надолго, затѣмъ во второй, послѣ представленія «Ревизора»—уже на много лѣтъ. Но и тамъ, на чужбинѣ, не находя себѣ покоя, бѣгаетъ изъ одного конца Европы въ другой, изъ Европы въ Африку, въ Азію;—отъ Барцелоны до Иерусалима, отъ Неаполя до Камчатки, по крайней мѣрѣ, въ мечтахъ своихъ: «съ какою бы радостью я сдѣлался фельдъегеремъ, курьеромъ... даже на русскую перекладную, и отважился бы даже въ Камчатку,—чѣмъ дальше, тѣмъ лучше... Миѣ бы дорога теперь, да дорога въ дождь, въ слякоть, черезъ лѣса, черезъ степи, на край свѣта!.. Клянусь, я бы былъ здоровъ!»

Но только что онъ останавливается, внутренняя тревога пробуждается вновь, и съ еще большею силою, еще явственнѣе слышится таинственный «зовъ». — «Душа изнываетъ вся отъ страшной хандры, которую приноситъ болѣзнь, бьется съ ней и выбивается изъ силъ биться...» — «Тяжело, тяжело, иногда такъ приходится тяжело, что, хоть просто, повѣситься...» — «Тягостнѣе всего безпокойство духа, съ которымъ труднѣе всего воевать, потому что это сраженіе рѣшительно на воздухѣ. Изволь управлять воздушнымъ шаромъ, который мчитъ первымъ стремленіемъ вѣтра! Это не то, что на землѣ, гдѣ есть колеса и весла».

Здѣсь самое опредѣленное физическое ощущеніе отражаетъ, такъ сказать, метафизическую причину болѣзни:

нарушеніе земного равновѣсія, законы земной механики, отсутствіе точки опоры, головокружительный полетъ надъ бездною.

Такой же вѣщій символизмъ и въ томъ ощущеніи зябкости, которое преслѣдуетъ его цѣлые годы: точно это не простой ознобъ, а вѣяніе какого-то нездѣшняго холода. — «Я зябну и зябну, и зябкость увеличивается чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе... Существованіе мое какъ-то странно. Я долженъ бѣгать и не сидѣть на мѣстѣ, чтобы согрѣться. Едва успѣю согрѣться, какъ уже вновь остываю, а между тѣмъ бѣгать становится труднѣе и труднѣе потому, что начинаютъ пухнуть ноги, пли лучше, жилы на ногахъ». — «Малѣйшій холодъ на меня ощетинивается бурей». — «Я истаеваю не по днямъ, а по часамъ... Вы бы ужаснулись, меня увидѣвъ...» — «У меня изсушеніе всего тѣла и цвѣтъ мертвечины...» — «Я мало чѣмъ лучше скелета. — Дѣло доходило до того, что лицо сдѣлалось зеленѣй мѣди, руки почернѣли, превратившись въ ледъ, такъ что прикосновеніе ихъ ко мнѣ самому было страшно и, при 18 градусахъ тепла въ комнатѣ, я не могъ ничѣмъ согрѣться».

Не напоминаетъ ли это замерзающаго Кая въ чертогахъ Снѣжной Королевы, у котораго «лицо посинѣло, почти почернѣло отъ холода», и Данте, который съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ грѣшниковъ, замерзшихъ въ вѣчныхъ льдахъ, ничѣмъ уже не могъ согрѣться?

Въ мнительности своей, доходящей до безумія, Гоголь мечется между надеждой на докторовъ и надеждой на чудо, между лѣкарствами и молитвами. «Наше выздоровленіе въ рукахъ Божіихъ, а не въ рукахъ докторовъ». — «Молитесь обо мнѣ — отъ врачей я уже не жду никакой помощи». — «Чувствую, что больше всего мнѣ слѣдуетъ надѣяться на Святыя Мѣста и поклоненіе Гробу Господню, чѣмъ на докторовъ и лѣченіе». И тотчасъ обращается снова къ докторамъ; они его осматриваютъ, ощупываютъ, выстукиваютъ, выслушиваютъ, ничего не находятъ, и ему кажется, что они недостаточно его осмотрѣли; не вѣря одному, бѣжитъ онъ къ другому; объявляетъ, наконецъ, латинское словечко, отъ

котораго, будто бы, все зависитъ: «у меня поражены нервы въ желудочной области, такъ называемой системѣ *nervoso fascoloso*». — Изъ одной лѣчебницы въ другую, изъ Берлина въ Дрезденъ, изъ Дрездена въ Карлсбадъ, изъ Карлсбада въ Греффебергъ. — «Я, какъ во снѣ, среди завертываній въ мокрыя простыни, сажаній въ холодныя ванны, обтираній, обливаній и бѣганій какихъ-то судорожныхъ, дабы согрѣться. Я слышу одно только прикосновеніе къ себѣ холодной воды и ничего другого, кажется, и не слышу, и не знаю». Но и отсюда, изъ-подъ брызжущихъ крановъ, изъ-подъ мокрыхъ простынь опять отчаянный вопль: «отправьте молебень!.. Молитесь, молитесь обо мнѣ!.. Не переставайте обо мнѣ молиться!»

И эта агонія длится цѣлые годы, десятки лѣтъ. Гоголь какъ будто и не жилъ вовсе, а всю жизнь умиралъ.

«И ни души не было около меня въ продолженіе самыхъ трудныхъ минутъ, тогда какъ всякая душа человѣческая была бы подаркомъ», вспоминаетъ онъ объ одномъ изъ своихъ припадковъ. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ-быть, всего ужаснѣе въ болѣзни Гоголя—это его совершенное одиночество. Не говоря уже о другихъ, даже такой человѣкъ, какъ Пушкинъ, не понялъ бы нравственной причины его болѣзни. «Великій меланхоликъ», опредѣлилъ онъ Гоголя и ничего больше не могъ бы прибавить. Но откуда эта «меланхолія», ежели не только отъ положенія желудка «вверхъ ногами» и отъ *nervo fascoloso*. Пушкинъ гениальнымъ чутьемъ своимъ, вѣроятно, понялъ бы, что не только; но откуда и къ чему она, и что значитъ—это осталось бы для Пушкина такую же загадкою, какъ для всѣхъ прочихъ друзей Гоголя, на примѣръ, московскихъ славянофиловъ, въ родѣ Шевырева и Аксакова, несмотря на весь ихъ умъ и талантъ, все-таки, отчасти, нравственныхъ Собакевичей, которымъ казалось иногда, что Гоголь ничѣмъ особеннымъ не боленъ, а просто кривляется, добрыхъ людей морочить. Бѣда его была въ томъ, что онъ первый заболѣлъ новою, никому на Руси до тѣхъ поръ неизвѣстною, страшною болѣзнию, слишкомъ намъ теперь, послѣ Л. Толстого и Достоевскаго, зна-

комою,—болѣзнью нашего религіознаго *раздвоенія*: «это раздвоеніе всю жизнь во мнѣ было», говоритъ Достоевскій: «я соединилъ въ себѣ *два природы*», говоритъ Гоголь, опредѣляя болѣзнь, которую въ то время не только лѣчить, но и назвать не умѣли.

Онъ сознавалъ безнадежность своего одиночества. «Я почитаюсь загадкою для всѣхъ, никто не разгадалъ меня совершенно», пишетъ онъ матери, въ девятнадцать лѣтъ. И впослѣдствіи, уже въ зрѣломъ возрастѣ, одному изъ друзей своихъ: «души моей никто не можетъ знать». — По словамъ товарища, жившаго съ нимъ нѣсколько времени въ Петербургѣ, «не было человѣка скрытнѣе Гоголя... Онъ былъ молчаливъ въ высшей степени».

Онъ былъ скрытенъ не потому, что не хотѣлъ, а потому, что не могъ открыть то, что въ немъ происходило, потому что всякая откровенность не привлекала къ нему, а еще болѣе отталкивала людей. «Что жъ дѣлать? такъ ужъ видно на роду мнѣ написано быть скрытнымъ». — «Говорить откровенно о себѣ я никогда никакъ не могъ. Въ словахъ моихъ, равно какъ и въ сочиненіяхъ, существовала всегда страшная неточность. Почти всякимъ откровеннымъ словомъ своимъ я производилъ недоразумѣніе и всякій разъ раскаивался въ томъ, что раскрывалъ ротъ... Мнѣ недоставало такта и вѣрной середины въ словахъ». Именно той середины «между двумя началами», соразмѣрности, *равновѣсія*, которыя онъ такъ чувствовалъ въ Пушкинѣ.

«Я слышалъ самъ, что мое душевное состояніе до того сдѣлалось странно, что ни одному человѣку въ мірѣ не могъ бы я рассказать его понятно... Клянусь, бываютъ такъ трудны положенія, что ихъ можно уподобить только положенію того человѣка, который находится въ летаргическомъ снѣ, который видитъ самъ, какъ его погребаютъ живого, и не можетъ даже пошевелинуть пальцемъ и подать знака, что онъ живъ».

Все болѣе и болѣе погружаясь въ одиночество, онъ молчалъ, пока былъ въ силахъ молчать; когда же становилось ему слишкомъ страшно, то уже не говорилъ, а кричалъ

«благимъ матомъ», звалъ на помощь, какъ утопающій: «най-ти бы хоть одну живую душу!..»—«И хотя бы одна душа подала голосъ!.. Хотя бы одна душа загворила!.. Точно какъ бы вымерло все, какъ бы въ самомъ дѣлѣ обитаютъ въ Россіи не живыя, а какія-то мертвыя души».— «Соотечественники! страшно»...

Слава великаго писателя не нарушала этого одиночества. Съ двухъ противоположныхъ сторонъ простирались къ Гоголю одинаково пламенныя, но сомнительныя объятія: со стороны петербургскихъ западниковъ съ Бѣлинскимъ—и со стороны московскихъ славянофиловъ съ Аксаковымъ во главѣ. Каждая сторона надѣялась перетянуть къ себѣ Гоголя и воспользоваться имъ, какъ оружіемъ, противъ непріятельскаго стана: западники—противъ славянофиловъ, славянофилы—противъ западниковъ. И тѣ и другіе видѣли въ немъ не его самого, а только себя; ни тѣмъ, ни другимъ не было никакого дѣла до того, чѣмъ онъ жилъ и отъ чего умиралъ. Одинаково близки, одинаково чужды были ему обѣ стороны.

А между ними волновалась еще болѣе чуждая, уже совсѣмъ безликая толпа, такъ называемая «публика»; и оттуда къ нему доносились даже не человѣческіе голоса, а какіе-то стихійные шумы, что-то нечленораздѣльное.— «А что Гоголь? Опять написалъ что-нибудь смѣшное и неестественное?»—«Ревизору» смѣялись до дурноты, но говорили, что пьеса — «неестественный фарсъ».

Нѣчто въ высшей степени искреннее, подлинное, своего рода крикъ сердца во всей его «святой простотѣ» выразился въ отзывѣ одной замоскворѣцкой дамы: «да, Гоголь всѣхъ смѣшилъ! Жалко! Употребить всю жизнь, и такую краткую, на то, чтобы служить обезьяною публикѣ».—Это голосъ изъ толпы нелитературной; а вотъ голоса литераторовъ или, по крайней мѣрѣ, людей, прикосновенныхъ къ литературѣ: Владиміръ Панаевъ утверждалъ, что «Гоголю надо запретить писать, потому что отъ всѣхъ его сочиненій пахнетъ тѣмъ же запахомъ, какъ отъ лакея Лаврушки». Одни изъ критиковъ сокрушались, что Гоголь «не хочетъ возвысить-

ся хоть на столько, чтобы не уступать Поль де-Коку», по мнѣнію другихъ, «*Мертвыя души*» не слѣдовало брать въ руки изъ опасенія замараться».—«Я обожаю чистоту,—заявляетъ Сенковскій,—ваши зловонныя картины поселяютъ во мнѣ отвращеніе». Критикъ «Русскаго Вѣстника» Н. А. Полевой, обращаясь къ «*Мертвымъ душамъ*», восклицаетъ: «Начнемъ съ содержанія—какая бѣдность!»—«Отъ Гоголя много ждали,—замѣчаетъ съ грустью критикъ «Сѣверной Пчелы»,—но онъ разрѣшился ничтожными *Мертвыми душами*».—«Истинно-русскіе люди» кричали съ пѣной у рта, что Гоголь «врагъ Россіи».

Таковъ судъ «малыхъ сихъ»; не далеко ушли отъ нихъ и «великіе»; съ мнѣніемъ русскихъ Ѳерситовъ—Полевыхъ, Сенковскихъ, Булгариныхъ—почти совпадаетъ и мнѣніе Аполлона, вождя русскихъ музъ: «у Гоголя много таланта,—сказалъ однажды Николай I,—но я не прощаю ему выраженія и обороты слишкомъ грубые и низкіе». Конечно, графъ Орловъ только выразилъ тайную мысль, носившуюся въ самыхъ высшихъ кругахъ, когда осмѣлился замѣтить на повелѣніе Государя «заняться Гоголемъ»: «онъ еще молодъ и *ничего особеннаго не сдѣлалъ*». Спрашивается, что предстояло бы сдѣлать творцу «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ» дабы графъ Орловъ согласился признать, что сдѣлано нѣчто «особенное»?

IV.

Ежели когда-нибудь Гоголь обманывалъ себя надеждою на то, что «хоть одна живая душа въ Россіи подастъ голосъ» на призывъ его, то надежда эта должна была окончательно исчезнуть послѣ появленія «*Переписки съ друзьями*».

Какъ бы кто ни судилъ объ этой книгѣ, несомнѣнно, что въ извѣстныхъ частяхъ ея выразилась подлинная человѣческая личность, живое лицо Гоголя—не то, чѣмъ желали бы его видѣть друзья или недруги, а то, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности. Гоголь давно зналъ, что онъ одинъ, но тутъ только понялъ вдругъ всю глубину своего одино-

чества. Онъ ожидалъ, что его не поймутъ, но то, что случилось, превзошло всѣ его ожиданія: связь великаго писателя со временемъ, исторіей, обществомъ, государствомъ, народомъ оказалась вдругъ однимъ сплошнымъ недоразумѣніемъ; все разлетѣлось, лопнуло, какъ мыльный пузырь. Произошло нѣчто, въ самомъ дѣлѣ, единственное, ни съ чѣмъ не сравнимое, кажется, не только въ русской, но и во всемирной литературѣ. Это не провалъ литературный: не самъ онъ провалился, а то, на чемъ онъ стоялъ, земля подъ нимъ провалилась, какъ во время землетрясенія. И онъ остался вдругъ уже не въ одиночествѣ, а въ какой-то страшной пустотѣ, въ какомъ-то безвоздушномъ пространствѣ.

«Да если бы вы обнаружили покушеніе на мою жизнь, и тогда бы я не болѣе возненавидѣлъ васъ, чѣмъ за эти позорныя строки», писалъ Бѣлинскій Гоголю по поводу *«Переписки съ друзьями»*.—«Проповѣдникъ кнута, апостоль невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристъ татарскихъ нравовъ, что вы дѣлаете?» Христіанство Гоголя называетъ онъ «дьяволовымъ ученіемъ».—«Христа-то зачѣмъ вы примѣшали тутъ?»—«Или вы больны—и вамъ надо спѣшить лечиться, или... не смѣю досказать своей мысли» (это значитъ—или вы мерзавецъ).—«Гимнъ властямъ предержащимъ хорошо устраиваетъ земное положеніе набожнаго автора. Вотъ почему въ Петербургѣ распространился слухъ, будто вы написали эту книгу съ цѣлью попасть въ наставники къ сыну наслѣдника».

«Это такого рода обвиненія,—отвѣтилъ въ послѣдствіи Гоголь Бѣлинскому,—которыхъ я бы не въ силахъ былъ взвести даже на отъявленнаго мерзавца». Но это то, именно, «обвиненіе» или, вѣрнѣе, *клевета*,—какъ это иначе назвать—должна была показать Гоголю, что состояніе, въ которомъ писалось умирающимъ Бѣлинскимъ знаменитое письмо, было невмѣняемымъ, болѣе похожимъ на подлинное сумасшествіе, чѣмъ предполагаемое сумасшествіе самого Гоголя.—«Залаялъ собакою, завылъ шакаломъ, заммурилъ глаза и весь отдался бѣшенству», такъ выразился самъ Бѣлинскій о своемъ тогдашнемъ состояніи. Но въ этомъ звѣриномъ

«даѣ» и «воѣ» бѣсноватаго (вотъ, когда еще начались «Бѣсь» Достоевскаго!) была какая-то страшная человѣческая правда, искренность, которая заслуживала, требовала отвѣта или, по крайней мѣрѣ, «заклятiя бѣсовъ». И Гоголю, казалось бы, слишкомъ легко было отвѣтить не только на то обвиненiе въ подломъ угодничествѣ передъ правительствомъ, на которое онъ и отвѣтилъ дѣйствительно въ «Авторской исповѣди», но и на всѣ остальные обвиненiя.

Онъ уже и началъ было отвѣтъ или «заклятiе»: «О, да внесутъ святыя силы миръ въ вашу страждущую душу!.. О, какъ сердце мое ноетъ за васъ въ эту минуту!.. И отчего у васъ такой духъ ненависти?»... Онъ указываетъ Бѣлинскому на его «отважную самонадѣянность», «пылкость невоздержаннаго рыцаря и юноши». — «Опомнитесь, куда вы зашли!.. Какое невѣжество!.. Нельзя, получа легкое журнальное образованiе, судить о такихъ предметахъ... Журнальныя занятiя вывѣтриваютъ душу... Вспомните, что вы учились кое-какъ... Начните ученiе»...

Гоголь могъ бы также напомнить Бѣлинскому, какъ онъ, плюющiй ему въ лицо, еще недавно чуть не на колѣняхъ со слезами, какъ провинившiйся школьникъ, молилъ у него прощенiя. — «Я изрыгнулъ хулу на ваши статьи (въ «Арабескахъ»), — писалъ Бѣлинскiй Гоголю изъ Петербурга отъ 20 апрѣля 1842 года, — не понимая, что тѣмъ изрыгаю хулу на Духа. Онѣ были тогда для меня слишкомъ просты, а потому и неприступно высоки; притомъ же на мутномъ днѣ самолюбiя безсознательно шевелилось желанiе блеснуть... Я опрометчивъ и способенъ вдаваться въ дикiя нелѣпости... *Вы у насъ теперь одинъ*, и мое нравственное существованiе, моя любовь къ творчеству тѣсно связаны съ вашею судьбою; не будь васъ — и прощай для меня настоящее и будущее въ художественной жизни нашего отечества!...» (*Матер. Шенр. IV, 918*).

Да, Гоголь, казалось бы, могъ уничтожить Бѣлинскаго. Почему же онъ этого не сдѣлалъ? Почему разорвалъ уже набросанную черновую письма? Изъ жалости къ умирающему, изъ презрѣнiя къ «бѣсноватому»? — Едва ли.

Кажется, въ словахъ Бѣлинскаго, несмотря на всю ихъ слишкомъ очевидную «дикую пелѣпость», невмѣняемость, Гоголь смутно и болѣзненно почувствовалъ зерно какой-то почти невысказанной, но неотразимой, ужасной для него правоты. Въ чемъ именно заключалась эта правота, мы увидимъ впоследствии. Во всякомъ случаѣ, Бѣлинскій достаточно любилъ Гоголя, чтобы имѣть право его ненавидѣть: тутъ око за око, зубъ за зубъ: ударъ, нанесенный «отступничествомъ» Гоголя Бѣлинскому, равенъ былъ удару, который онъ самъ наносилъ теперь своему кумиру.

Но уже безъ всякой любви, а, слѣдовательно, и безъ всякаго права на ненависть позднѣйшіе западники продолжали это оплеваніе Гоголя, какъ «послѣдняго изъ мерзавцевъ». Къ тому же Бѣлинскій дѣйствительно «мало учился»: въ письмѣ его—первобытное варварство тогдашней русской полемики. Но что сказать о европейски просвѣщенномъ Тургеневѣ, который не въ пылу борьбы, а много лѣтъ спустя, съ невозмутимымъ хладнокровіемъ утверждаетъ по поводу «Переписки съ друзьями»: «болѣе противной смѣси гордыни и подыскиванія, ханжества и тщеславія, пророческаго и прихлебательскаго тона въ литературѣ не существуетъ!» (Соч. Турген., посмертн. изд., т. I, 72). Что сказать о высокомѣрії Чернышевскаго, который осаживаетъ Гоголя такимъ простымъ и «убійственнымъ», будто бы, окрикомъ: «Ты читалъ не тѣ книги, какія тебѣ нужно было читать!» Что сказать, наконецъ, объ олимпійскомъ спокойствіи современныхъ біографовъ, которые христіанскую трагедію Гоголя, этотъ, по ихъ мнѣнію, «больной бредъ изувѣра», «разъѣдавшую его нравственное существо гангрену» объясняютъ непониманіемъ слова «прогрессъ» и сожальютъ о томъ, что онъ «не нашелъ въ себѣ силы при счастливомъ руководствѣ (кого—Бѣлинскаго или Аксакова, которые оба считали его не то «пророкомъ», не то «мерзавцемъ»?) остановиться на скромной задачѣ преслѣдованія сатирой общественныхъ язвъ» (Всѣ эти мнѣнія высказаны г. Шенрокомъ въ его книгѣ *Матер. для біогр.* IV, стр. 6, 16, 107, 193).

Когда озираешь судьбу Гоголя въ русской литературѣ до нашихъ дней, то невольно вспоминается его собственное слово: *«терпѣть презрѣнье отъ презрѣнныхъ»*

Письмо Бѣлинскаго было только первою молніею той грозы, которая должна была разразиться надъ Гоголемъ: за молніей послѣдовалъ, какъ самъ онъ выразился, «вихрь недоразумѣній», въ которомъ уже все смѣшалось, всѣ враждебнѣйшія другъ другу стихіи слились въ одномъ яростномъ натискѣ.

«Какъ же вышло,—спрашивалъ себя Гоголь съ недоумѣніемъ,—что на меня разсердились всѣ до единого въ Россіи. Этого я не могу понять... Восточные, западные, нейтральные—всѣ»... Дошло до того, что въ торжествѣ надъ «провалившимся» Гоголемъ прогрессивный Бѣлинскій соединился съ ретрограднымъ Н. Ф. Павловымъ, который въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» доказывалъ съ изумительною, будто бы, «ловкостью діалектики», что «самъ діаволь напиталъ слова Гоголя духомъ неслыханной гордости». Въ то время, какъ распространялась молва о его желаніи пролѣзть посредствомъ «Переписки» въ воспитатели къ сыну наслѣдника, самъ наслѣдникъ, будущій Царь-Освободитель, выражалъ сочувствіе цензурѣ, которая оставила отъ книги только «оглодышъ». Между тѣмъ какъ западникъ Чаадаевъ видѣлъ «въ паденіи Гоголя слѣдствіе печальной ошибки славянофиловъ», сами славянофилы, видѣли въ немъ слѣдствіе печальной ошибки западниковъ: «не вы ли, бѣглець родной земли, жили на Западѣ и вдыхали въ себя его тлетворныя испаренія?.. писалъ Гоголю Конст. Аксаковъ.— Книгу вашу считаю полнымъ выраженіемъ всего зла, охватившаго васъ на Западѣ. Вы имѣли дѣло съ Западомъ, этимъ воплощеннымъ лгуномъ, и ложь его проникла въ васъ».

Ожесточеніе западниковъ до извѣстной степени понятно; но точка зрѣнія славянофиловъ представляется лишевною уже всякаго, не только религіознаго, нравственнаго, общественнаго, но и простаго здраваго смысла. Вѣдь ежели не внутреннее ядро (ядра тогда еще никто не раскусилъ), то, по крайней мѣрѣ, виѣшняя оболочка «Переписки» была

болѣ славянофильской, чѣмъ сами славянофилы. Чего же имъ не доставало? Почему въ одинъ голосъ съ «бѣсноватымъ» Бѣлинскимъ и они, точно взбѣсившись, завопили: «въ этомъ человѣкѣ бѣсъ!»

Что тутъ вообще дѣйствовали какіе-то «бѣсы», въ томъ, кажется, не можетъ быть сомнѣнія; только вопросъ—въ комъ: въ заклинаемомъ или заклинателяхъ?

«Гордость—на эту уду поймалъ тебя злой духъ, принявшій видъ ангела свѣтла», предостерегаетъ Погодинъ.— «Все это ложь, дичь и нелѣпость, и, если будетъ напечатано, сдѣлаетъ Гоголя посмѣшищемъ всей Россіи», объявляетъ С. Т. Аксаковъ еще до выхода книги. «Вы грубо и жалко ошиблись,—пишетъ онъ самому Гоголю.—Вы совершенно сбились, запутались, противорѣчите сами себѣ безпрестанно и, думая служить небу и человѣку, оскорбляете и Бога, и человѣка».—«Вы *впали въ прелесть*... Молю Господа... да будетъ надъ вами благодать!»—заклинаетъ «бѣса» нѣкая Свербѣева, дама тоже славянофильскаго кружка.

Въ общей свалкѣ заушенъ былъ и ни въ чемъ неповинный другъ Пушкина; старикъ Плетневъ: за сочувствіе «Перепискѣ» объявили его «старымъ колпакомъ».

Тогда-то снова почувствовалъ Гоголь то отвращеніе къ самому, такъ сказать, вкусу и запаху славянофильства, которое онъ уже высказалъ однажды убійственно-мѣткимъ словомъ: «послѣ ихъ (славянофильскихъ) похвалъ только плюнешь на Россію».

Запѣвалою браннаго хора, С. Т. Аксаковымъ, найдена была окончательная, кажется, и до сей поры неотмѣненная формула «общественнаго мнѣнія» о христіанствѣ Гоголя, «религіозная восторженность убила великаго художника и даже сдѣлала его сумасшедшимъ». Мысль о сумасшествіи Гоголя понравилась всѣмъ и всѣхъ успокоила: это былъ самый простой и легкій выходъ изъ положенія русской мысли, все же нѣсколько затруднительнаго.

Гоголь—или сумасшедшій, или мертвецъ. Эту дилемму, поставленную еще Бѣлинскимъ, разрѣшили славянофилы, присоединивъ къ мысли о сумасшествіи Гоголя мысль о

«плутовствѣ въ сумасшествіи»: «Гоголь точно помѣшался, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія,—пишетъ С. Т. Аксаковъ,—но въ самомъ помѣшательствѣ много плутовства. Сумасшедшіе бываютъ плуты и надуватели: это я видѣлъ не разъ, и помѣшательство ихъ дѣлается и жалко, и гадко».—«Надъ живымъ тѣломъ еще живущаго человѣка,—застоналъ, наконецъ, Гоголь въ отчаяніи,—производилась та страшная анатомія, отъ которой бросаетъ въ потъ даже и того, кто одаренъ сильнымъ сложеніемъ».

Старушка Н. Н. Шереметева, любившая Николая Васильевича въ простотѣ сердца, до такой степени была напугана всѣмъ этимъ слагянофильскимъ жупеломъ, что бѣгала къ Иверской не разъ молиться за своего бѣднаго друга.

Петербургскіе либералы соперничали съ московскими консерваторами въ благонамѣренной свирѣпости. Одинъ изъ школьныхъ товарищей Гоголя въ Петербургѣ не принялъ его, когда послѣдній заѣхалъ къ нему по старой памяти вскорѣ по выходѣ «Переписки» въ 1848 году. Говорятъ, Гоголь, пораженный отказомъ, не выдержалъ и зарыдалъ тутъ же у двери. Случай этотъ въ послѣдствіи рассказывался будто бы съ кафедры студентамъ, по всей вѣроятности, не безъ нравоучительной цѣли—показать молодому поколѣнію, какъ слѣдуетъ честнымъ людямъ поступать съ такими «мерзавцами», какъ авторъ «Переписки» (*Матер. Шенр.* VI, 556). Если это и легенда, то все-таки въ образѣ Гоголя, рыдающаго, какъ падшій ангелъ у вратъ потеряннаго рая, у запертой двери честнаго русскаго либерала, есть что-то символическое, бросающее свѣтъ въ самую тайную глубь русской общественности. «Какъ много въ человѣкѣ безчеловѣчія!»—могъ бы еще разъ воскликнуть Гоголь по поводу всей этой либерально-консервативной травли,—какъ много скрыто свирѣпой грубости въ утонченной, образованной свѣтскости и, Боже, даже въ такомъ человѣкѣ, котораго свѣтъ признаетъ благороднымъ и честнымъ».

Если собрать и оглянуть все вмѣстѣ, то зрѣлище представляется единственное: Гоголь объявленъ «мерзавцемъ» за то, что пробирался въ воспитатели къ великимъ князьямъ

посредствомъ «Переписки»; цензура рѣжетъ ее; свободолюбивый наслѣдникъ сочувствуетъ цензурѣ; «лучшіе друзья»^d распространяютъ и даже самому Гоголю сообщаютъ слухъ о томъ, что онъ сошелъ съ ума («Меня встрѣчали даже добрые знакомые твои вопросами: — скажите, пожалуйста, правда это, что Гоголь съ ума сошелъ?») пишетъ ему Шевыревъ); Бѣлинскій «лаетъ собакою», «воетъ шакаломъ»; старушка Шеремстева молится у Иверской, а славянофилы отчитываютъ отъ семи бѣсовъ тлетворнаго Запада того, кого сами же скоро признаютъ «мученикомъ христіанства».

Въ самомъ дѣлѣ, что за «вихрь недоразумѣній»? Какъ будто не Гоголь, а все русское общество сошло съ ума. И въ этомъ сумасшествіи что-то фантастическое: не «чортъ» ли это, котораго Гоголь хотѣлъ осмѣять, плететь вокругъ него свою самую смѣшную и страшную сплетню, мстя смѣхомъ за смѣхъ?

Одно лишь ясное сознаніе правоты могло спасти Гоголя. *Чувство* правоты у него было, но *сознанія* не было. То положеніе, въ которое онъ поставилъ себя «Перепиской», требовало силы героя, «богатыря», какъ онъ самъ выражался. А по природѣ своей онъ былъ мученикъ, но не герой.

И Гоголь не выдержалъ, ослабѣлъ, отступилъ, запросилъ пощады.

«Ради самого Христа,—молилъ онъ, увы, злѣйшаго изъ враговъ-друзей своихъ, С. Т. Аксакова,—прошу васъ теперь не изъ дружбы, но изъ милосердія войти въ мое положеніе, потому что душа моя изныла... Какъ у меня еще совсѣмъ не закружилась голова, какъ я не сошелъ еще съ ума отъ всей этой безтолковщины—этого я и самъ не могу понять. Знаю только, что сердце мое разбито, и дѣятельность моя отнялась. Можно еще вести брань съ самыми ожесточенными врагами, но храни Богъ всякаго отъ этой страшной битвы съ друзьями! Тутъ все изнеможетъ, что ни есть въ тебѣ. Другъ мой, я изнемогъ... Тяжело очутиться въ этомъ вихрѣ недоразумѣній! Вижу, что мнѣ нужно надолго отказать отъ пера и отъ всего удалиться...»

Онъ сдѣлалъ худшее, что могъ сдѣлать въ своемъ положеніи: не только усомнился въ правотѣ своей, но и высказалъ свое сомнѣніе; а видъ сомнѣнія въ подобныхъ умственныхъ травляхъ возбуждаетъ такую же ярость въ нападающихъ, какъ въ гончихъ видъ крови на затравленномъ звѣрѣ. Гоголь самъ называетъ книгу свою «чудовищной». — Я точно моею книгой показалъ исполинскіе замыслы на что-то въ родѣ вселенскаго учительства... А діаволъ, который какъ тутъ, раздулъ до чудовищной преувеличенности даже и то, что было безъ умысла учительствовать... — «Я не имѣлъ духу заглянуть въ нее («Переписку»), когда получилъ ее отпечатанною: я краснѣлъ отъ стыда и закрывалъ лицо себѣ руками»... Онъ видитъ въ книгѣ своей «публичную оплеуху, которою попотчевалъ себя въ виду всего русскаго царства». — Появленіе книги моею разразилось точно въ видѣ какой-то оплеухи: оплеуха публикѣ, оплеуха друзьямъ моимъ и, наконецъ, еще сильнѣйшая оплеуха мнѣ самому... Я размахнулся Хлестаковымъ»...

Отъ этого страшнаго позора утѣшаетъ онъ себя еще болѣе страшнымъ утѣшеніемъ: «О, какъ намъ бываетъ нужна публичная, данная въ виду всѣхъ оплеуха!...» — «Мнѣ также нужна публичная оплеуха, и даже, можетъ-быть, болѣе, чѣмъ кому-либо другому».

Это неимовѣрно, это переступаетъ всѣ границы литературы: такъ никто никогда не писалъ; тутъ въ самомъ дѣлѣ—или «мерзавецъ», или «святой».

Всѣ отреклись отъ него, и онъ самъ отъ себя отрекся, палъ, какъ только можетъ пасть человѣкъ.

И все-таки онъ былъ правъ.

V.

Главная ошибка его обвинителей заключалась въ предположеніи, будто бы передъ изданіемъ «Перепиской», произошло съ нимъ что-то особенное, какой-то религіозный переворотъ, тогда какъ ничего подобнаго не происходило

въ дѣйствительности. Въ «Перепискѣ» онъ шелъ тѣмъ же путемъ, которымъ шелъ всегда. Мысль религіозная, главная, можно сказать, единственная мысль всей жизни его выразилась здѣсь яснѣе, чѣмъ въ другихъ произведеніяхъ, потому что, именно, въ то время мысль эта передъ нимъ выступила яснѣе, чѣмъ когда-либо.

Въ 1825 году изъ Нѣжина пятнадцатилѣтній Гоголь пишетъ матери: «Хотѣлъ даже посягнуть на жизнь свою, но Богъ удержалъ меня отъ сего... Благословляю тебя, священная вѣра! Въ тебѣ только и нахожу источникъ утѣшенія и утоленія своей горести». — «Внутренно я не измѣнялся никогда, — писалъ онъ уже въ зрѣлые годы. — Съ 12-лѣтняго, можетъ-быть, возраста я иду тою же дорогою, какъ и нынѣ, не шатаюсь и не колеблюсь никогда во мнѣніяхъ главныхъ». — «Вы въ заблужденіи, подозрѣвая во мнѣ какое-то новое направленіе. Отъ ранней юности моей у меня была одна дорога, по которой иду». — «Изъ всѣхъ писателей, которыхъ мнѣ ни случилось читать біографіи, я еще не встрѣчалъ ни одного, кто бы такъ упрямо преслѣдовалъ разъ избранный предметъ».

Не друзья-враги, въ родѣ славянофиловъ, а настоящіе друзья Гоголя, которые, если и не совсѣмъ понимали, то все-таки любили его искренно и просто, какъ человѣка, въ «Перепискѣ» узнали подлинную живую личность, живое лицо друга: хорошъ или дурень, но такимъ онъ былъ въ дѣйствительности; онъ сказалъ о себя правду, по крайней мѣрѣ, ту, которую умѣлъ сказать, которую самъ зналъ о себѣ. «Я васъ совершенно узнаю въ вашихъ письмахъ; для меня въ нихъ все просто, понятно, — писала ему графиня Вѣльгорская. — Мнѣ кажется, что, читая ихъ, я васъ слышу, какъ вы часто съ нами говорили... Вы высказали вашу душу, и мы васъ поняли». Жуковскій, который присутствовалъ при возникновеніи «Переписки», прямо говоритъ: «когда ты мнѣ читалъ и то и другое, имѣя тебя самого передъ глазами, я былъ занятъ твоей личностью, зная, какъ все, слышанное мною, было искреннимъ выраженіемъ тебя самого». Такъ думала и А. Ѳ. Смирнова,

подруга Пушкина; такъ думалъ бы, конечно, и самъ Пушкинъ. Онъ посовѣтовалъ однажды Гоголю написать *исторію русской критики*. Изъ этого совѣта выросла «Переписка», точно такъ же, какъ изъ двухъ пушкинскихъ анекдотовъ выросли «Ревизоръ» и «Мертвыя души».

Кажется, Пушкинъ, предсказавшій, всю дѣятельность Гоголя, гениальнымъ чутьемъ своимъ чуялъ, что дѣятельность эта не можетъ вмѣститься въ чисто-художественномъ творествѣ, что Гоголь созданъ не для однихъ «звуконъ сладкихъ и молитвъ», но и для какой-то новой «битвы», для какого-то новаго, самому Пушкину невѣдомаго дѣйствія. «Переписка» и есть первый, еще слабый, потому что слишкомъ ранній, опытъ, завѣщанный Пушкинымъ русской критикѣ не въ старомъ, узкомъ смыслѣ публицистики, какъ поняли критику славянофилы и западники Аксаковы, Шевыревъ, Добролюбовъ, Писаревъ, Чернышевскій и даже въ значительной мѣрѣ Бѣлинскій, а въ смыслѣ новомъ, *нашемъ*, какъ его никто не понималъ до насъ, — критики, какъ вѣчнаго и всемірнаго *религіознаго сознанія*, какъ неизбѣжнаго перехода отъ поэтическаго созерцанія къ религіозному дѣйствию — отъ слова къ дѣлу. Надо было реально испытать этотъ *критическій* переходъ, какъ мы его испытали за послѣдній полувѣкъ; надо было увидѣть, какъ мы видѣли въ Л. Толстомъ и Достоевскомъ, конецъ русской литературы, т.-е. конецъ чисто-художественнаго, безсознательнаго, пушкинскаго творчества («звуконъ сладкихъ и молитвъ») и, вмѣстѣ съ тѣмъ, начало новаго религіознаго сознанія, новой «битвы», новаго дѣйствія, для того, чтобы понять все огромное, въ этомъ смыслѣ, пророческое значеніе «Переписки».

Въ Пушкинѣ была донинѣ вся Россія; но «нельзя повторять Пушкина», «другія дѣла начались для поэзіи», вотъ главная мысль Гоголя-критика. Тутъ увидѣлъ онъ дальше, чѣмъ Достоевскій, который все-таки желалъ повторять Пушкина, и не видѣлъ за нимъ ничего.

Другъ Пушкина, старикъ Плетневъ, высказалъ однажды поразительную мысль, какъ будто внушенную ему изъ-

за гроба вѣщимъ другомъ: «Переписка» есть начало русской литературы. Если замѣнить здѣсь слово «литература» словомъ критика, разумѣется не въ старомъ, а въ вѣчномъ и новомъ смыслѣ, то-есть въ смыслѣ перехода отъ безсознательнаго творчества къ творческому сознанию, то это и будетъ наша мысль. Въ «Перепискѣ» намъ слышится именно конецъ, совершенство, «неповторяемость» Пушкина, т.-е. конецъ всей русской литературы и начало того, что за Пушкинымъ, за русской литературой,—конецъ поэзіи—начало религіи.

«Мнѣ ставятъ въ вину, что я говорилъ о Богѣ... Что жъ дѣлать, если говорится о Богѣ?.. Что жъ дѣлать, если наступаетъ такое время, что невольно говорится о Богѣ? Какъ молчать, когда и камни готовы завопить о Богѣ?.. Нѣтъ, умники не смутятъ меня тѣмъ, что я недостойнъ, и не мое дѣло и не имѣю права: всякъ изъ насъ до единаго имѣетъ это право» (Изд. Кулиша, VI, 373). Вотъ и до сей поры никѣмъ не опровергнутое, неопровержимое право, правота Гоголя. Онъ первый заговорилъ о Богѣ не отвлеченно, не созерцательно, не догматически, а жизненно, дѣйствительно — такъ, какъ еще никто никогда не говорилъ въ русскомъ свѣтскомъ обществѣ. Правду или неправду онъ говоритъ, неотразимо все-таки чувствуетъ, что вопросъ о Богѣ есть для него самого вопросъ жизни и смерти, полный безконечнаго ужаса, вопросъ его собственнаго личнаго и общаго русскаго всемірнаго спасенія.

«Дѣло идетъ теперь не на шутку»,—предостерегаетъ онъ,—и для него это дѣйствительно такъ. Мудрость ли это или безуміе, — онъ, во всякомъ случаѣ, не только говорилъ о Богѣ, но и дѣлалъ, по крайней мѣрѣ, желалъ сдѣлать, отчасти и сдѣлалъ для Бога то, о чемъ говорилъ.

Въ духовномъ завѣщаніи обращается къ «друзьямъ и своимъ», т.-е. ко всѣмъ русскимъ людямъ: «будьте не мертвые, а живые души. Нѣтъ другой двери, кромѣ указанной Иисусомъ Христомъ». Это послѣднія слова Гоголя, обращенныя къ намъ: въ нихъ весь смыслъ его жизни,

и онъ имѣлъ право ихъ сказать, потому что заплатилъ за это право жизнью.

Онъ почувствовалъ до смертной боли и смертнаго ужаса, что христіанство для современнаго человѣчества все еще остается чѣмъ-то сказаннымъ, но не сдѣланнымъ, обѣщаннымъ, но не исполненнымъ. «Церковь,—говоритъ онъ,—созданную для жизни, мы до сихъ поръ не ввели въ нашу жизнь». — «Христіане!... Выгнали на улицу Христа, въ лазареты, и больницы, на мѣсто того, чтобы призвать его въ дома, подъ родную крышу свою и думаютъ, что они христіане».

Христіанство не входитъ въ жизнь, и жизнь не входитъ въ христіанство: они разошлись и съ каждымъ днемъ все болѣе расходятся. Христіанство оказалось величайшимъ отрицаніемъ жизни, жизнь—величайшимъ отрицаніемъ христіанства. Христіанство сдѣлалось безжизненнымъ, безплотнымъ, бездѣйственнымъ, а жизнь, плоть, дѣйствіе—не-христіанскими. Все современное европейское человѣчество раздирается этимъ противорѣчіемъ.

«И не понятною тоскою, — говоритъ Гоголь,—уже загорѣлась земля; черствѣе и черствѣе становится жизнь; все мельчаетъ и мелѣетъ, и возрастаетъ только въ виду всѣхъ одинъ исполинскій образъ скуки, достигая съ каждымъ днемъ неизмѣримѣйшаго роста. Все глухо, могила повсюду. Боже! Пусто и страшно становится въ твоемъ мірѣ».

Положеніе Россіи, утверждаетъ Гоголь, ничѣмъ не лучше положенія Западной Европы. «Лучше ли мы другихъ народовъ? Ближе ли жизнью ко Христу, чѣмъ они?—Никого мы не лучше, а въ жизни еще неустроеннѣй и безпорядочнѣй всѣхъ ихъ. Хуже мы всѣхъ прочихъ—вотъ что мы должны всегда говорить о себѣ».—Россіи угрожаютъ тѣ же «страхи и ужасы», какъ Европѣ: «если бы я вамъ разсказалъ то, что я знаю, тогда бы помutilись ваши мысли, и вы подумали бы, какъ бы убѣжать изъ Россіи. Но куда бѣжать?—вотъ вопросъ. Европѣ пришлось еще труднѣе, нежели Россіи. Разница въ томъ, что тамъ никто еще этого вполнѣ не видитъ».

И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ хотя, повторяю, и не сознаетъ, но зато предчувствуетъ съ такою силою, какъ никто изъ людей современной Европы, что въ христіанствѣ заключена возможность новаго соединенія, новаго синтеза, «возможность примиренія тѣхъ противорѣчій, которыя не въ силахъ примирить» человѣчество помимо Христа.

«Церковь, — говоритъ онъ, — можетъ произвести неслыханное чудо въ виду всей Европы»... она «одна въ силахъ разрѣшить всѣ узлы недоумѣнія и вопросы наши». Здѣсь Гоголь противопоставляетъ церковь восточную—западной, впадая, такимъ образомъ, въ противорѣчіе съ самимъ собою: онъ вѣдь только что сказалъ, что мы вовсе не лучше, а *«хуже всѣхъ прочихъ»*, что и на Востокѣ, такъ же, какъ на Западѣ, церковь не вошла въ жизнь. Слишкомъ ясно, что въ этомъ смыслѣ односторонняго аскетизма, отреченіе отъ жизни, отрицанія жизни, подмѣны святой плоти безплотною святостью восточное христіанство шло тѣмъ же путемъ, какъ и западное; можно даже сказать, что тѣнь христіанской ночи, монашество распространялось, именно, съ Востока на Западъ, а не съ Запада на Востокъ. Гоголь подъ «церковью восточною православною» разумѣетъ не прошлую или настоящую, историческую, а грядущую, сверхъ-историческую, мистическую церковь христіанства *воистину вселенскаго*. Не даромъ И. С. Аксаковъ утверждалъ, что Гоголь въ религіозныхъ исканіяхъ своихъ стремился разрѣшить задачу «исполино-страшную», *«которой не разрѣшили всѣ 1847 лѣтъ христіанства»*.

Это такъ: Гоголь дѣйствительно, хотя и въ очень рѣдкихъ, но самыхъ свѣтлыхъ точкахъ религіознаго сознанія своего противопоставлялъ свой собственный взглядъ на Христа всему историческому христіанству, *какъ западному, такъ и восточному*.

Правда, онъ дѣлалъ это еще слишкомъ неясно, безсознательно, слишкомъ часто смѣшивалъ православіе византійское или русское съ дѣйствительно вселенскимъ, католическимъ, церковь настоящую съ будущею. Но для насъ теперь уже ясно, что только въ этой послѣдней дѣй-

ствительно заключенъ, какъ утверждаетъ Гоголь, «полный и всесторонній (а не односторонне-монашескій) взглядъ на жизнь, видимо сбереженный для позднѣйшаго и полнѣйшаго образованія челоуѣка. *Въ ней просторъ не только душѣ и сердцу челоуѣка, но и разуму во всѣхъ его верховныхъ силахъ.* Въ ней дорога и путь—какъ устремить *все* въ челоуѣкѣ въ одинъ согласный гимнъ».

Послѣдняя цѣль христіанства для Гоголя есть всемірное «просвѣщеніе». — «Просвѣтитъ не значитъ научить, или наставить, или образовать, или даже освѣтитъ, но всего насквозь высвѣтлитъ челоуѣка *во всѣхъ его силахъ, а не въ одномъ умѣ* (значитъ, могли бы мы прибавить, и не только въ духѣ, но и въ плоти, не только въ небесномъ, но и въ земномъ), пронести *всю природу его* сквозь какой-то очистительный огонь. Слово это взято изъ нашей церкви: «Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ!»

Гоголь не притивополагаетъ ни христіанства просвѣщенію, какъ славянофилы, ни просвѣщенія — христіанству, какъ западники,—онъ соединяетъ эти «два начала» въ одно. Гоголь, съ такою силою, какъ никто изъ людей современной Европы, почувствовалъ, что первая и послѣдняя сущность христіанства—не мракъ, а свѣтъ, не отрицаніе, а утвержденіе міра, не распятіе, а воскресеніе плоти, не безплотная святость, а святая плоть.

Онъ первый почувствовалъ «весеннее дыханіе» самаго древняго и новаго изъ праздниковъ христіанства: «Праздникъ Свѣтлаго Воскресенія воспразднуется какъ слѣдуетъ прежде у насъ, нежели у другихъ народовъ... Мечта ли это? Но зачѣмъ же эта мечта не приходитъ ни къ кому другому, кромѣ русскаго? Что значитъ, въ самомъ дѣлѣ, что самый праздникъ исчезъ, а видимые призраки его такъ ясно носятя по лицу земли нашей: раздаются слова: *Христосъ воскресъ!* и поцѣлуй, и всякій разъ такъ же торжественно выступаетъ святая полночь, и гулы всезвонныхъ колоколовъ гудятъ и гудятъ по всей землѣ, точно какъ бы будятъ насъ. Гдѣ носятя такъ очевидно признаки, тамъ не царомъ носятя; гдѣ будятъ, тамъ разбудятъ... И твердо

говорить это душа моя; и это не мысль, выдуманная въ головѣ. Такія мысли не выдумываются. Внушеніемъ Божьимъ порождаются онѣ разомъ въ сердцахъ многихъ людей, другъ друга не видавшихъ, живущихъ въ разныхъ концахъ земли, и въ одно время, какъ бы изъ однихъ устъ, изглашаются. Знаю я твердо, что не одинъ человѣкъ въ Россіи, хотя я его и не знаю, твердо вѣрить тому и говорить: у насъ прежде, нежели во всякой другой землѣ, воспразднуется Свѣтлое Воскресеніе Христово!»

Не даромъ этими словами кончается «Переписка» Гоголя. Здѣсь достигъ онъ высшей точки прозрѣнія, которой когда-либо вообще достигалъ, здѣсь онъ почти видитъ то, что мы уже совсѣмъ увидѣли. Это еще не мысль, не сознаніе, а только пророческое предчувствіе, только смутное чаяніе. Но устремленіе этого чаянія уже совпадаетъ съ нашимъ послѣднимъ религіознымъ сознаніемъ: отъ христіанства стараго, темнаго, исключительно монашескаго, уединяющаго, къ христіанству новому, свѣтлому, соединяющему, вселенскому, отъ умерщвленія къ воскресенію плоти, отъ перваго—въ немощи и безславіи—ко второму Пришествію—*«въ силу и славу»*—таковъ путь, общій у Гоголя съ нами.

VI.

Гоголь говоритъ: «изъ двухъ началъ явился Пушкинъ», т.-е. вся русская, по существу своему, уже вселенская поэзія; онъ могъ бы прибавить: изъ тѣхъ же самыхъ двухъ началъ явится и новое вселенское христіанство; въ немъ высшій синтезъ, соединеніе, равновѣсіе этихъ двухъ началъ—плотскаго и духовнаго, человѣческаго и божескаго, земнаго и небеснаго.

Но геніальнымъ прозрѣніемъ своимъ прикоснувшись къ синтезу только въ одной точкѣ своего религіознаго сознанія, Гоголь не устоялъ на ней. Равновѣсіе, тотчасъ же нарушившись и здѣсь, такъ же, какъ во всемъ остальномъ существѣ его, нарушалось все болѣе и болѣе—до совершеннаго хаоса. Искра сознанія потухла, и онъ остался еще

въ большей тѣмѣ. Какъ могли другіе увидѣть его, когда онъ самъ себя не видѣлъ? Все смѣшалось опять: новое со старымъ, вѣчное, вселенское съ временнымъ, византійскимъ или русскимъ; послѣднее соединеніе съ послѣднимъ раздвоеніемъ. вмѣсто обѣщаннаго синтеза плоти и духа, земли и неба, является болѣе неразрѣшимая, чѣмъ когда-либо, антитеза, противорѣчіе.

«Жить въ Богъ значитъ уже жить внѣ самаго тѣла, а это невозможно на землѣ, ибо тѣло съ нами». Если это такъ, то и само христіанство невозможно. «Чтобы отселѣ въ вашихъ глазахъ, какъ бы вовсе не существовало васъ самихъ». — «Позабудьте о себѣ, какъ бы васъ и не было вовсе на свѣтѣ». Ни какая-либо часть или свойство плоти, земли, любви къ себѣ, — а вся плоть въ существѣ своемъ, какъ мистическое начало, противоположна другому началу, какъ зло—добру, вѣчное да—вѣчному нѣтъ, какъ проклятое, бѣсовское—святому, божескому.

Здоровье тѣла—состояніе скотское. «Заплыветъ тѣломъ душа... Человѣкъ такъ способенъ оскотиниться, что даже страшно желать ему здоровья и счастья».

Или Богъ, или Звѣрь, — но не Богочеловѣкъ. вмѣсто святой плоти—безплотная святость. Духъ есть отрицаніе плоти, Богъ—отрицаніе міра. Не отрицаніе для утвержденія, а голое отрицаніе.—«Вѣчная жизнь передъ временной—то же, что *все* передъ *ничто*».

Нѣкогда Гоголь вѣриль, что «есть страсти, которыхъ избраніе не отъ человѣка... Высшими начертаніями онѣ ведутся, и есть въ нихъ что-то вѣчное, зовущее, неумолкающее во всю жизнь... Все равно, въ мрачномъ ли образѣ или пронеслись свѣтлымъ явленіемъ — одинаково вызваны онѣ для невѣдомаго человѣкомъ блага»... Въ нихъ мудрость небесъ»; въ нихъ какая-то божественная «тайна».

Когда Гоголь это писалъ, онъ понялъ бы, почему страданія Самого Господа названы «страстями»; понялъ бы, что здѣсь не одно совпаденіе словъ. Теперь для него страсть значитъ грѣхъ, безстрастіе—святость. «Берегитесь всего страст-

наго, — твердитъ Гоголь, — берегитесь даже въ Божественное внести что-нибудь страстное. Совершеннаго небснаго безстрастія требуетъ отъ насъ Богъ, и въ немъ только даетъ узнать Себя».

Нѣкогда христіанство было для него величайшимъ дѣланіемъ, новымъ героизмомъ, «богатырствомъ». Теперь становится оно величайшимъ буддѣйскимъ «недѣланіемъ», отреченіемъ отъ міра, бездѣйственнымъ созерцаніемъ

Проповѣдникъ *католичества* восточнаго долженъ выступать такъ передъ народомъ, чтобы уже отъ одного его смиреннаго вида, потухнувшихъ очей и тихаго, потрясающаго голоса, исходящаго изъ души, въ которой *умерли всѣ желанія міра*, все бы подвинулось... «Здѣсь католичество восточное, утреннее сливается съ западнымъ, вечернимъ въ одинъ вселенскій мракъ». «Религія наша и католическая совершенно одно и то же»,—говоритъ самъ Гоголь. Не даромъ Шевыревъ предостерегалъ его: «берегитесь этой заразы». Старая пѣснь скорби и ужаса, звучащаго сквозь грозный гулъ органа въ средневѣковыхъ соборахъ *Dies irae, dies illa*—заглушаетъ новую пѣснь, которая должна бы прозвучать сквозь радостный гулъ, «всезвонныхъ колоколовъ» въ солнечно-свѣтломъ храмѣ грядущаго христіанства, во вселенскомъ соборѣ св. Софіи, Премудрости Божіей: «Христось воскресе».

Не умерщвленіе для воскресенія, а умерщвленіе безъ воскресенія. Не страхъ къ веселію сердца, а только страхъ къ страху, одинъ безконечно-растущій страхъ: «*страшусь всего*», опредѣляетъ самъ Гоголь источникъ всего христіанства. — «Я ни во что теперь не вѣрю и, если встрѣчаю что прекрасное, тотчасъ же жмурю глаза и стараюсь не глядѣть на него. Отъ него несетъ мнѣ запахомъ могилы». — «Оно на краткій мигъ», шепчетъ глухо внятный мнѣ голосъ... Радостью своей мы можемъ только оскорбить Бога; не такое время, чтобы кому-либо теперь радоваться. Никакой радости, никакой свободы: «Богъ хочетъ насъ *заставить насильно* вспомнить о томъ, что нужно поведи другую жизнь, *насильно* хочетъ насъ спасти».

Сущность христіанства — не свѣтъ, а мракъ: «Свѣту далеко до небесныхъ истинъ христіанства. Оно ихъ испугается, какъ *мрачнаго монастыря*». Но все же послѣдняя цѣль этихъ «небесныхъ истинъ» — обратить весь міръ въ одинъ «мрачный монастырь». Христіанство—это какъ бы нависшій сводъ могилы, черное, неземное, земляное небо надъ черною, мертвою землей; христіанство—не всемірное «просвѣщеніе», а всемірное помраченіе; не свѣтъ во тьмѣ, а тьма во свѣтѣ міра».

И въ бездонной глубинѣ этой тьмы шевелятся исполнскія страшилища: «въ бездонномъ провалѣ мертвецы грызутъ мертвеца»: «еще одинъ всѣхъ выше, всѣхъ страшнѣе, хотѣлъ подняться отъ земли, но не могъ, не въ силахъ былъ этого сдѣлать — такъ великъ выросъ онъ въ землѣ» (*Страшная мѣсть*). Понималъ ли самъ Гоголь, кто этотъ «выросшій въ землѣ великій, великій Мертвецъ», который хочетъ и не можетъ воскреснуть, «смертью смерть побѣдить»?

Бѣлый цвѣтъ новыхъ брачныхъ одеждъ, обѣщанныхъ въ Апокалипсисѣ, бѣлый цвѣтъ Воскресенія, въ которомъ всѣ цвѣта радуги сливаются въ одинъ, снова подмѣненъ чернымъ цвѣтомъ старыхъ безбрачныхъ одеждъ, монашескимъ чернымъ цвѣтомъ смерти, въ которомъ всѣ цвѣта радуги — жизни уничтожаются. — «Христіанство не удалось». Женихъ не пришелъ. Гасите свѣтильники. Христіанство оказалось не огнемъ, котораго никакая вода не погаситъ, а водою, которая гаситъ всякій огонь. Погасли свѣтильники. Женихъ не пришелъ.

«Вы очень односторонни и стали недавно такъ односторонни... Не будьте похожи на тѣхъ святошей, которые желали бы разомъ уничтожить все, что ни есть на свѣтѣ, видя во всемъ одно бѣсовское», предостерегалъ Гоголь другихъ, а себя самого не предостерегъ. Замѣчательно, что самый глубокій и вѣрный отзывъ о «Перепискѣ» принадлежитъ одному изъ ближайшихъ друзей Пушкина, брату женщины, которую онъ любилъ, — А. О. Россетъ, такъ что и здѣсь опять, какъ въ отзывѣ Плетнева, зву-

читать какъ бы загробный голосъ самого Пушкина: «какой господствующій тонъ книги? Тонъ болѣзненной слабости тѣлесной, напуганнаго воображенія, какого-то унынія... Мнѣ кажется, что, представляя христіанство въ его настоящемъ духѣ, въ духѣ свѣта крѣпости и силы, нынѣ скорѣе обратишь человека ко Христу. Когда церковь просвѣтитъ или высвѣтитъ всего насквозь человека,—человѣкъ этотъ выразится въ противоположной вамъ формѣ... Онъ покажетъ примѣромъ, что человѣкъ можетъ жить въ мірѣ Христомъ и для Христа — безъ унынія и безъ страха, ибо «любовь изгоняетъ страхъ».—Въ одномъ только ошибался Россетъ, именно въ томъ, что видѣлъ причины этой слабости, унынія и страха» въ личныхъ свойствахъ Гоголя, а не въ общихъ свойствахъ всего историческаго христіанства, всего «католичества восточнаго», такъ же какъ и западнаго.

Если бы у Гоголя не было вовсе прозрѣній въ новое христіанство, онъ могъ бы остановиться и успокоиться на старомъ. Но слишкомъ стремительно рванулся онъ впередъ. Слишкомъ многое увидѣлъ для того, чтобы это прошло для него безнаказанно. Движеніе назадъ равно было движенію впередъ. Не достигнувъ сверхъисторическаго, онъ упалъ ниже, чѣмъ историческое христіанство. Не найдя будущаго въ будущемъ, сталъ искать его въ настоящемъ и въ прошломъ.

Отъ бѣлаго цвѣта соединенія, черезъ черный цвѣтъ уединенія, монашества, къ сѣрому цвѣту смѣшенія, середины, пошлости; отъ Іоанна Сына Громова, черезъ Іоанна Лѣствичника къ московскому царю Ивану, къ попу Сильвестру съ его «Домостроемъ», — таковъ обратный путь Гоголя, его истинная «реакція». «Въ идеалахъ «Домостроя»,— говоритъ онъ, слышна возможность основанія гражданскаго и на чистѣйшихъ законахъ христіанскихъ». Лучше Домостроя нечего искать. Онъ усматриваетъ въ немъ одно изъ самыхъ отрадныхъ явленій русскаго духа: «мы видѣли соединеніе Марѳы и Маріи вмѣстѣ или, лучше, видимъ Марѳу, не ропчущую на Марію, но согласившуюся въ томъ,

что она избрала благую часть». Кажется, онъ искренно вѣрилъ въ реальную возможность вернуться къ «Домострою»; онъ даже придумывалъ способы перестроить всю новую Россію въ хозяйственныя клѣтушки, кремлевскіе терема и часовни по плану благовѣщенскаго попа Сильвестра.

«Какъ сдѣлать, — спрашиваетъ Гоголь, — чтобы за Церковью вновь утверждено было то, что должно принадлежать Церкви? Словомъ, какъ возвратить все на свое мѣсто? Въ Европѣ это сдѣлать невозможно. Она оболъется кровью, изнеможетъ въ напрасныхъ бореніяхъ и ничего не успѣетъ. Въ Россіи можетъ этому дать начало всякій генераль-губернаторъ... и такъ просто... Патриархальною жизнью своей и простымъ образомъ обращенія со всѣми онъ можетъ вывести вонъ моду съ ея пустыми этикетами и укрѣпить тѣ русскіе обычаи, которые въ самомъ дѣлѣ хороши и могутъ быть примѣнены съ пользой къ нынѣшнему быту... Такъ же какъ на водвореніе обычаевъ, *можетъ подѣйствовать генераль-губернаторъ и на законное водвореніе Церкви въ нынѣшнюю жизнь русскаго чловѣка*: во-первыхъ, примѣромъ собственной жизни, и во-вторыхъ, самими мѣрами»...—«Христось научить васъ, — обращается Гоголь къ одному изъ этихъ таинственныхъ избранниковъ, — будьте отецъ истинный всѣмъ».

Такъ вотъ кто рѣшить «исполиски-страшную задачу, которой не рѣшили 1847 лѣтъ христіанства», вотъ кто спасетъ вселенское православіе — патриархальные русскіе генераль-губернаторы, живущіе по «Домострою», преобразенные Сквозники-Дмухановскіе!

Отсюда оправданіе крѣпостного права, какъ учрежденія глубоко-народнаго и христіанскаго. Если бы Чичиковъ сошелъ съ ума и обратился въ христіанство, онъ придумалъ бы что-нибудь подобное. Слишкомъ понятно, что Бѣлинскій долженъ былъ просто взбѣситься, «залаять собакою, завыть шакаломъ», отъ такого «христіанства». Здѣсь—безсознательная правота Бѣлинскаго, которая, во всякомъ случаѣ, стоитъ противоположной, столь же безсознательной, правоты Гоголя. Въ своемъ простодушномъ

безбожіи («русскій народъ самый атеистическій изъ всѣхъ народовъ»), въ своемъ антихристіанствѣ Бѣлинскій все-таки ближе ко Христу, чѣмъ Гоголь.

Гора родила мышь. Начальъ гладью, кончилъ гадью. Отъ хлестаковской «легкости» — къ чичиковской «основательности». «Размахнулся Хлестаковымъ», обернулся Чичиковымъ. Въмѣсто громового удара звонкая на всю Россію «оплеуха самому себѣ». Не столько исполинское «страшилище», сколько исполинская карикатура. Не ликъ Христовъ, а какъ въ письмѣ сумасшедшаго Кириллова въ «Бѣсахъ» у Достоевскаго — какая-то «рожа съ высунутымъ языкомъ», едва ли не рожа самого «чорта безъ маски».

VII.

Итакъ, внутренній провалъ «Переписки» соответствовалъ внѣшнему. Теперь, когда всѣ покинули Гоголя, онъ остался наединѣ со своимъ чортомъ для послѣдней битвы.

Сознаніе говорило ему: умертви свое тѣло: «жить въ Богѣ значитъ уже жить внѣ самого тѣла. — Но это невозможно, пока человѣкъ на землѣ, ибо тѣло съ нами», — возражала сознанію бессознательная стихія, «первозданный элементъ», заложенный въ Гоголя и казавшійся ему теперь «языческимъ», — «грѣшною плотью». Чѣмъ больше подавлялъ, умерщвлялъ онъ своимъ «христіанскимъ» сознаніемъ эту бессознательную стихію, тѣмъ глубже скрывалась она, уходила отъ свѣта сознанія и здѣсь становилась, дѣйствительно, грѣшною, темною, демоническою — скрывалась до времени, копилась въ тишинѣ, изрѣдка только обнаруживалась взрывами.

По рассказамъ очевидца, послѣ долгихъ мѣсяцевъ болѣзни, унынія, страха, именно въ то время, когда этого, казалось, можно было всего менѣе ожидать, овладѣвали Гоголемъ «порывы неудержимой веселости»; — въ эти рѣдкія минуты онъ болталъ безъ-умолку, острога слѣдовала за острогой, и веселый смѣхъ его слушателей не умолкалъ

ни на минуту». Онъ казался вдругъ совсѣмъ здоровымъ; такъ же внезапно исцѣлялся, какъ внезапно заболѣвалъ точно «припадки» здоровья, чрезмѣрной силы жизни—обратно-подобные припадкамъ болѣзни. Въ изможденномъ постникѣ, монахѣ, «со смиреннымъ видомъ, съ потухнувшими очами и тихимъ потрясающимъ гласомъ, исходящимъ изъ души, въ которой умерли всѣ желанія міра»,—мелькаетъ прежній Гоголь, «вольный казакъ», который «глядитъ на жизнь, какъ на трынъ-траву», и способенъ, «вставъ по утру съ постели, хватить въ одной рубашкѣ трепака по всей комнатѣ». Цѣлые мѣсяцы смотритъ «букою», твердитъ уныло: все прахъ, все грѣхъ, боюсь всего,—пока вдругъ опять не проснется, «какъ встрепанный». — «Проходя однажды съ Анненковымъ въ Римѣ по глухому переулку, онъ до того воодушевился, что, наконецъ, пустился просто вплясъ и сталъ вывертывать зонтикомъ на воздухъ такія штуки, что не долѣе двухъ минутъ ручка зонтика осталась у него въ рукахъ, а остальное полетѣло въ сторону». Въ деревнѣ у Смирновой огорчаетъ и пугаетъ всѣхъ своей угрюмостью, какъ вдругъ затѣваетъ игру съ дѣтьми—«выдумываетъ» луну: «достааетъ пустой круглый чщикъ, въ которомъ были привезенныя изъ Константинополя лакомства (халва и рахатъ-лукумъ), вынимаетъ дно ящика, наклеиваетъ бумагу, намазываетъ ее масломъ, приклеиваетъ огарокъ» — и луна готова. «Дѣти внѣ себя отъ восторга», подвѣшиваютъ ящикъ на дерево и говорятъ, что это луна для ихъ будущаго театра.

Дѣти вообще любятъ Гоголя больше, чѣмъ взрослые. Съ дѣтьми забываетъ онъ о своемъ христіанствѣ. Но, кто знаетъ,—не ближе ли онъ именно въ эти минуты ко Христу, чѣмъ когда-либо, не ближе ли ко Христу Гоголь пляшущій, чѣмъ плачущій. Если бы только онъ это понялъ, то, можетъ-быть, спасся бы. Но въ томъ-то и дѣло, что всѣ «1847 лѣтъ христіанства» стояли между нимъ и такимъ пониманіемъ Христа. И даже въ послѣніе годы жизни, когда онъ, повидимому, уже совсѣмъ измолился, испостился,

вдругъ вспомнить дѣтскій смѣхъ Пушкина, жгучій полдень въ Кампаньи, родную казацкую пѣсню—и опять всё «страшилища» какъ-будто ему «только снились», вотъ-вотъ, кажется, проснется, страхнетъ ихъ съ плечъ.

Уже передъ самымъ концомъ, среди смертной тоски ужаса, по какой-нибудь нежданной усмѣшкѣ, «скоромной» шуткѣ, коротенькой записочкѣ къ матери о посадкѣ деревьевъ, огородныхъ овощей, любимой имъ цвѣтной капусты и брунколей, чувствуется, что онъ все еще не оторвался отъ земли, любить землю, тянется къ «матери сырой землѣ». Неимовѣрное здоровье борется съ неимовѣрною болѣзнью; сила здоровья равна силѣ болѣзни, такъ что до послѣдней минуты неизвѣстно, что побѣдитъ.

Это-то безсознательная «языческая» стихія задерживаетъ христіанское сознание Гоголя, не пускаетъ его, тянетъ назадъ; сознание его, точно привязанная птица: едва взлетая, тотчасъ падаетъ на землю и бьется крыльями. Онъ возсталъ на плоть свою, и плоть возстала на него. Умерщвляемая, но неумертвимая, она мститъ ему страшною местию; проклятая становится дѣйствительно проклятою и, какъ изсохшая земля, перестаетъ питать корни всей его христіанской «духовности», парализуетъ ее, поражаетъ безсиліемъ, бесплодіемъ, мертвенной сухостью, черствостью.—«Крестъ тягчайшій всѣхъ крестовъ—крестъ *черствости* душевной», стонетъ Гоголь.— «Молись рыданіемъ и плачемъ. Молись не такъ, какъ молится сидящій въ комнатѣ, но какъ молится утопающій въ волнахъ, ухватившійся за послѣднюю доску».

Но чѣмъ больше онъ молится, старается плакать, умилять, умягчать себя, тѣмъ становится суше и суше, черствѣе и черствѣе. Ни слезинки, ни капли небесной росы. Сердце его ожесточается, каменѣетъ въ этой мертвящей судорогѣ.

«Какъ растопить мнѣ мою душу холодную, черствую?.. Что это за молитва безкрылая?.. Увы, молиться не легко! Какъ молиться, если Богъ не захочетъ?—Чувствую, что нѣтъ силъ молиться самому; силы мои какъ бы ослабѣли, сердце черство, малодушна душа...» «Мнѣ кажется даже, что во мнѣ и вѣры нѣтъ вовсе...» «Дивлюсь тому, какъ Богъ не

порази́лъ меня и не стеръ съ лица земли...» «Я требую отъ всѣхъ васъ помощи, какъ погибающій братъ просить у братьевъ!..» «О, молитесь обо мнѣ... Молитесь, молитесь крѣпко обо мнѣ, и Богъ вамъ да поможетъ обо мнѣ молиться!..» «Малодушнѣе меня, я думаю, нѣтъ въ мірѣ человѣка...» «Часто въ душевномъ безсиліи восклицаешь: Боже! гдѣ же, наконецъ, берегъ всего?»

VIII.

Отчаявшись во внутреннемъ просвѣтлѣніи, онъ сталъ надѣяться на внѣшнее чудо: ему казалось, что только въ Святой Землѣ, у Гроба Господня, сойдетъ на него благодатное умиленіе, и онъ помолится тамъ какъ слѣдуетъ. Цѣлые годы мечталъ объ этомъ путешествіи, видѣлъ въ немъ единственную надежду на спасеніе, собирался и все откладывалъ, считая себя не готовымъ; наконецъ собрался, но въ послѣднюю минуту уже въ Неаполѣ передъ тѣмъ, чтобы сѣсть на корабль, опять упалъ духомъ на этотъ разъ окончательно, и вдругъ почувствовалъ, что ему не зачѣмъ ѣхать въ Іерусалимъ, что онъ почти не вѣритъ въ возможность чуда.

«Признаюсь, часто даже находить на меня мысль: зачѣмъ я поѣду теперь въ Іерусалимъ? Прежде я былъ, по крайней мѣрѣ, въ заблужденіи насчетъ самого себя. Я думалъ, что я хоть немного лучше того, что я есмь... я думалъ, что молитвы мои что-нибудь будутъ значить у Бога... Теперь думаю, *не будетъ ли оскорбленіемъ святыни мой пріѣздъ и поклоненіе мое?*.. Въ груди моей равнодушно и черство. Вотъ какая мысль приходитъ мнѣ на умъ, а прежде она не приходила».—«Не показывай, пожалуйста, никому этой странички моего письма», прибавляетъ онъ въ письмѣ къ Шевыреву отъ 20 ноября 1847 года.

И почти тотчасъ по пріѣздѣ въ Іерусалимъ, въ письмѣ къ матери: «Не переставайте молиться обо мнѣ... Теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, чувствую безсиліе моей молитвы...» Жуковскому, вскорѣ послѣ пріобщенія у Гроба Господня:

«Литургія совершалась на самомъ Гробовомъ Камнѣ... Я стоялъ одинъ... Все это было такъ чудно! Я не помню, молился ли я. Мнѣ кажется, я только радовался тому, что помѣстился на мѣстѣ, такъ удобномъ для моленья и такъ располагающемъ молиться; молиться же собственно я не успѣлъ... Я не успѣлъ почти опомниться, какъ очутился передъ Чашей, вынесенной священникомъ изъ Вертепа...»

И уже изъ Одессы, на возвратномъ пути:

«Скажу вамъ, что еще никогда не былъ я такъ мало доволенъ состояніемъ сердца своего, какъ въ Іерусалимѣ и послѣ Іерусалима. Только что развѣ больше увидѣлъ черствость свою и свое себялюбіе,—вотъ весь результатъ!.. Была одна минута... Но какъ смѣть предаваться какой бы то ни было минутѣ, испытавши уже на дѣлѣ, какъ близко отъ насъ искуситель!..»

Все замерло въ немъ, даже болѣзнь; онъ чувствовалъ себя физически почти здоровымъ,—«я былъ здоровъ во все время, больше здоровъ, чѣмъ когда-либо прежде»—почти спокойнымъ, но какое это страшное спокойствіе, страшная пустота! — У самага Св. Гроба мои молитвы даже не въ силахъ были вырваться изъ груди моей, не только возлетѣть, и никогда еще такъ ощутительно, не видѣлась мнѣ моя безчувственность, черствость, деревянность...» «Итакъ, далеко отъ меня то, что я прежде полагалъ чуть не близко... Я и доселѣ также лепечу холодными устами и черствымъ сердцемъ ту же самую молитву, которую лепеталъ и прежде».

«Мое путешествіе въ Палестину точно было совершено мною затѣмъ, чтобы узнать лично и какъ бы узрѣть собственными глазами, какъ велика черствость моего сердца. Другъ, велика эта черствость! Я удостоился провести ночь у Гроба Спасителя, я удостоился приобщиться отъ Святыхъ Таинъ, стоявшихъ на самомъ Гробѣ вмѣсто алтаря, — и при всемъ томъ, я не сталъ лучшимъ, тогда какъ *все земное* должно бы во мнѣ сгорѣть и остаться одно небесное. Что могутъ доставить тебѣ мои сонныя впечатлѣнія? Видѣлъ я, какъ во снѣ, эту Землю...» Въ Назаретѣ, застигнутый

дождемъ, просидѣлъ два дня, позабывъ, что сижу въ Назаретѣ, точно, какъ бы это случилось въ Россіи, на станціи».

Эта унылая сѣрая слякоть въ Назаретѣ не напоминала ли Гоголю заключенія «Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ»?—«Дождь лиль ливмя на жида, накрывшагося рогожкой. Сырость меня проняла насквозь... Опять то же поле, мѣстами изрытое, черное, мѣстами зеленѣющее, мокрыя галки и вороны, однообразный дождь, слезливое, безъ просвѣту, небо!.. Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!»

Что значить эта сѣрая паутина дождя, эта стѣна сонной сѣрой мглы, точно сѣраго пепла между христіанствомъ Гоголя, можетъ-быть, всѣмъ нашимъ христіанствомъ и подлиннымъ Христомъ — «отрокомъ изъ Назарета»? Не есть ли это стѣна всѣхъ «1847 лѣтъ» историческаго христіанства? Вѣдь и Гоголь въ христіанствѣ своемъ отрекся отъ земли, проклялъ землю; — не потому ли и въ Святой Землѣ нашель онъ землю не святую? Искаль на землѣ только неба и не нашель ни неба, ни земли, а лишь то, что въ вѣчной *серединѣ* между небомъ и землей—сѣрую холодную мглу, сѣрый стынущій пепель христіанства, которое «не удалось», «не выгорѣло»

Гоголь въ Назаретѣ, странѣ Благовѣщенія, тамъ, гдѣ впервые небо стало земнымъ, земля—небесною, застигнутый сѣрою слякотью, какъ бы это случилось въ Россіи, «на станціи», глядящій на «мокрыхъ галокъ и воронъ», на «слезливое, безъ просвѣта небо» и даже не плачущій, а только зѣвающій: «скучно на этомъ свѣтѣ!»—Не символъ ли это всего современнаго, срединнаго, ни холоднаго, ни горячаго, а лишь теплаго, ни чернаго, ни бѣлаго, а лишь сѣраго, ни пляшущаго, ни плачущаго, а лишь «зѣвающаго» христіанства?

«И непонятною тоскою уже загорѣлась земля, черствѣе и черствѣе становится жизнь; все мельчаетъ и мелѣетъ и возрастаетъ только въ виду всѣхъ одинъ исполинскій образъ скуки, достигая съ каждымъ днемъ неизмѣримѣйшаго роста.

Все глухо, могила повсюду. Боже! Пусто и страшно становится въ Твоемъ мірѣ!»

Исполинская скука, оцѣпенѣніе, сонная зѣвота, которая страшнѣе самаго безумнаго отчаянія, все болѣе и болѣе овладѣваютъ Гоголемъ, по возвращеніи въ Россію, въ три, четыре послѣдніе года жизни.

«Отчего, зачѣмъ нашло на меня такое оцѣпенѣніе, этого не могу понять... Не пишется... не хочется говорить ни о чемъ... Можетъ-быть оттого, что не стало, наконецъ, ничего любопытнаго на свѣтѣ». — «Право, скучно, какъ посмотришь кругомъ, на этомъ свѣтѣ», вырывается у него однажды въ разговорѣ, съ обычною, должно-быть, зѣвотою.

Все чаще жалуется онъ на «умственную спячку», «недвижность», «непостижимую лѣнь и бездѣйствіе силъ». — «У меня все лѣниво и сонно... Миѣ нужно большое усиліе, чтобы написать не только письмо, но даже короткую записку. Что это—старость или временное оцѣпенѣніе силъ? сплю ли я, или такъ сонно бодрствую, что бодрствованіе хуже сна?»

— Работа (надъ «Мертвыми душами») не подвигается; иное слово точно вытягиваешь клещами... «Не работается, не живется, хотя покуда это и не видно другимъ».

Это и есть та страшная летаргія, о которой онъ писалъ. «Слышу въ себѣ силу и слышу, что она не можетъ двинуться». — «Мы видѣли Гоголя въ Москвѣ, — пишетъ Аксаковъ осенью 1848 года, — онъ мало наружно перемѣнился, но кажется такъ, какъ будто не тотъ Гоголь».

Снаружи кажется онъ почти спокойнымъ, болѣе здоровымъ и крѣпкимъ, чѣмъ когда-либо. Но у него, по собственному признанію, «все разстроено внутри»; это наружное спокойствіе и есть зловѣщій признакъ того, что вся сила болѣзни ушла внутрь.

«Какъ онъ перемѣнился, — пишетъ сестра его въ дневникѣ изъ родной усадьбы Васильевки, недалеко отъ знаменитой Диканьки, куда Гоголь пріѣхалъ гостить весною 1848 года. — Какъ онъ перемѣнился! Такой серьезный сдѣлался; ничто, кажется, его не веселитъ, и такой холодный и равнодушный

къ намъ! Какъ мнѣ это было больно!»—И на слѣдующій день 10 мая: «все утро мы не видѣли брата! Грустно: не видѣли шесть лѣтъ, и не сидить съ нами».—13.—«Братъ все такой же холодный, серьезный, рѣдко когда улыбнется».—20.—«Сегодня у меня сильное раздраженіе нервовъ, и я все плачу». — «У насъ съ братомъ были маленькія непріятности, но сегодня все забыто: онъ мнѣ далъ крестики изъ Іерусалима». — 25. — «Такъ было грустно; все что-то тревожить». — И уже черезъ два мѣсяца, 22 іюля, передъ отъѣздомъ Гоголя: «вчера мы всѣ плакали. Тоска ужасная! Какъ я его сильно люблю, хотя часто и непріятности дѣлаеть, но все же я его люблю, какъ отца». — 24.—«Ахъ, какъ грустно!.. Всѣ плакали...»

Вотъ настроеніе, которое распространяется, какъ *темные лучи*, отъ Гоголя, «христіанина», того самага Гоголя, который, во дни своего «язычества», былъ источникомъ лучезарнѣйшаго свѣта, смѣха и радости: теперь у всѣхъ на душѣ какая-то невыразимая тяжесть, тоска; одни плачутъ, другіе пугаются; а Гоголь только зѣваетъ да раздаетъ «крестики изъ Іерусалима». Любовь матери и сестеръ, рассказываетъ біографъ, выводила Гоголя изъ себя, «заставляя его подозревать не христіанскую, но земную, распаленную любовь, къ нему».

«При крестѣ Іисуса стояли Матерь Его и сестра Матери Его. Іисусъ, увидѣвъ Матерь и ученика (Іоанна), тутъ стоящаго, котораго любилъ, говоритъ Матери Своей: Жено! се, сынъ Твой. — Потомъ говоритъ ученику: се, Матерь твоя.— И съ этого времени ученикъ сей взялъ ее къ себѣ» (Іоанна XIX, 26—27). Такъ Сынъ Человѣческій и на крестѣ любитъ Мать Свою любовью земною, человѣческой; когда Плоть Его ломима и Кровь изливаема, утверждаетъ онъ уже не во времени, а въ вѣчности, плотскую, кровную связь материнства и сыновства. Таковъ первоначальный солнечный *бѣлый* свѣтъ христіанства, который сіяетъ и отъ Креста въ ночи Голговы, устремляясь отъ Перваго ко Второму Пришествію; но когда бѣлый свѣтъ христіанства сдѣлается *темнымъ*, то сыновство и материнство, отчество и братство,

все кровное, плотское, все живое умереть безъ воскресенія въ этомъ «темномъ свѣтѣ» безплотной и безкровной святости.

«Неужели чувство любви къ родинѣ у тебя *высохло?*»—спрашиваетъ Гоголя одинъ изъ его старыхъ малороссійскихъ пріятелей. Да, именно «высохло», вымерло въ немъ все, или, по крайней мѣрѣ, онъ хотѣлъ бы, чтобы все въ немъ высохло: въ этой-то мертвенной сухости, страшной духовной сухотки и заключается, по мнѣнію его—его ли одного?—христіанская святость, «высота небеснаго безстрастія».

Въ одномъ послѣобѣденномъ разговорѣ съ дамами зашла рѣчь о тогдашнихъ изобрѣтеніяхъ, — стеаринѣ, дагерротипѣ.—«И на что это все надобно? лучше ли отъ этого люди?» зѣваетъ Гоголь. Всѣ молчатъ. — «Я прежде любилъ краски, когда очень молодъ былъ!» опять вдругъ начинаетъ онъ, точно спросонокъ.—«Да, вы могли бы быть живописцемъ,—замѣчаетъ какая-то дама.—А прежде что любили?» — «А прежде маленькимъ еще—карты». Дама: «это означаетъ дѣятельность духа»... Гоголь: «какая дѣятельность духа! Половина Россіи только и дѣлаетъ... Это бездѣйствіе духа»... Другая дама: «Николай Васильевичъ, скоро ли выйдетъ окончаніе Мертвыхъ душъ?»—Гоголь, опять зѣвая: «Я думаю, черезъ годъ».—«Такъ онѣ не сожжены?»—Гоголь: «Да-а-а. Вѣдь это только нача-ало было!..»—Онъ былъ сонный въ этотъ день отъ русскаго обѣда»,—прибавляетъ авторъ записокъ.

Въ этомъ разговорѣ все обыкновенно, но именно своею обыкновенностью, «пошлостью, доходящею почти до фантастическаго»—страшно, можетъ-быть, страшнѣе всѣхъ исполинскихъ «загробныхъ страшилищъ». Это продолженіе сѣрой слякоти надъ холмами Назарета; та сѣрая паутина скуки, которая залѣпила намъ глаза и которую мы называемъ нашимъ «христіанскимъ просвѣщеніемъ».

«Иногда страхъ врывается въ сонную душу», признается Гоголь. Но это уже не прежній, а какой-то новый страхъ. Въ немъ зарождается самая «христіанская» и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самая чудовищная мысль о томъ, что ему нельзя спа-

стись, что все равно, что бы ни дѣлалъ, какъ бы ни каялся,— онъ погибъ, что какое-то особое таинственное отверженіе тяготѣетъ на немъ. «Мнѣ трудно спасись, чѣмъ кому другому». — «Страшусь, видя ежеминутно, какъ хожу опасно». — «Обо мнѣ нужно молиться болѣе, чѣмъ обо всякомъ другомъ человѣкѣ. Если Богъ меня не вразумить... участь моя будетъ страшнѣе участи всѣхъ прочихъ людей». — «Молитесь, молитесь обо мнѣ всѣ!» — это однообразный неумолкаемый вопль его въ теченіе многихъ лѣтъ.

Въ духовномъ завѣщаніи Гоголя сказано: «я бы хотѣлъ, чтобы по смерти выстроенъ былъ храмъ, въ которомъ бы производились поминки по грѣшной душѣ... Я бы хотѣлъ, чтобы тѣло мое было погребено, если не въ церкви, то въ оградѣ церковной, и чтобы панихиды по мнѣ не прекращались». Это напоминаетъ колдуна въ «Страшной мести»: «не могъ бы не одинъ человѣкъ въ свѣтѣ рассказать, что было въ душѣ у колдуна; а если бы онъ заглянулъ и увидалъ, что тамъ дѣялось, то уже не досыпалъ бы онъ ночей и не засмѣялся бы ни разу». Передъ смертью колдунъ бѣжалъ въ Кіевъ ко святымъ мѣстамъ, въ пещеру схимника.

«— Отецъ, молись! молись! — закричалъ онъ отчаянно, — молись о погибшей душѣ! — и грянулся на землю.

Святой схимникъ перекрестился, досталъ книгу, развернулъ и въ ужасѣ отступилъ назадъ и выронилъ книгу. — Нѣтъ, неслыханный грѣшникъ! нѣтъ тебѣ помилованія! бѣги отсюда! не могу молиться о тебѣ!

«— Нѣтъ? — закричалъ, какъ безумный, грѣшникъ

«— Гляди: святыя буквы въ книгѣ налились кровью...

Еще никогда въ мірѣ не было такого грѣшника!

«— Отецъ, ты смѣешься надо мною!

«— Иди, окаянный грѣшникъ! Не смѣюсь я надъ тобою. Боязнь овладѣваетъ мною. *Не добро быть человѣку съ тобою вмѣстѣ!*»

Въ этомъ видѣніи какъ будто предсказана судьба Гоголя; колдунъ и схимникъ — это самъ Гоголь и его духовникъ отецъ Матѳей Ржевскій.

Вопросъ о вліяніи отца Матѣея на Гоголя рѣшается большинствомъ критиковъ съ чрезмѣрною легкостью: ржевскій протоіерей — грубый изувѣръ, которому Гоголь подчинялся, будто бы, вслѣдствіе своей душевной болѣзни, «мистическаго бреда». Стоитъ, однако, нѣсколько пристальнѣе взглянуть въ то, что произошло между этими двумя людьми, для того, чтобы не удовлетвориться подобнымъ рѣшеніемъ вопроса.

«Что вамъ сказать о немъ? (объ о. Матѣеѣ) — пишетъ Гоголь гр. Толстому. — По-моему, это умнѣйшій человекъ изъ всѣхъ, какихъ я доселѣ зналъ, и если я спасусь такъ, это вѣрно вслѣдствіе его наставленій, если только, нося ихъ передъ собой, буду больше входить въ ихъ силу». И самому о. Матѣею изъ Іерусалима: «у Гроба Господня я помянулъ ваше имя... Молитва моя состояла въ изъявленіи благодарности Богу за то, что послалъ мнѣ васъ, безцѣнный другъ и богомолецъ мой... Примите же еще разъ мою благодарность отсюда, изъ этого мѣста, освященнаго стопами Того, Кто принесъ намъ искупленіе наше».

Мы знаемъ, что Гоголь такъ дорожилъ письмами духовника, что «носилъ ихъ всегда при себѣ»: «прочиталъ нѣсколько разъ ваше письмо; прочиталъ потомъ еще въ минуту другихъ расположеній душевныхъ. Смыслъ намъ не вдругъ открывается, а потому нужно повторять чтеніе». — «Ваши два послѣднія письма держу при себѣ неотлучно. Всякій разъ, когда ихъ въ тишинѣ перечитываю, вижу новое въ нихъ... Не забывайте меня въ молитвахъ вашихъ. Знаете и сами, какъ онѣ мнѣ нужны... Одна мысль о томъ, что вы молитесь обо мнѣ, поселяетъ въ душу надежду». — «Можетъ-быть, вамъ душа моя извѣстна больше, чѣмъ мнѣ самому... Вопію о помощи: молитесь, добрая душа!» — «О, какъ бы мнѣ хотѣлось открыть вамъ всю мою душу!»

Послѣднее письмо о. Матѣею за двѣ недѣли до смерти, уже со смертию въ душѣ, Гоголь подписываетъ: «Обязан-

ный вамъ вѣчно благодарностью и здѣсь и за гробомъ вашъ весь Николай».

Мы знаемъ, чѣмъ былъ Пушкинъ для Гоголя. И вотъ, однако, этотъ никому неизвѣстный, мало образованный и кажется даже, несмотря на увѣренія Гоголя, не особенно умный священникъ имѣетъ большее вліяніе на судьбу его, чѣмъ Пушкинъ. Отъ Пушкина — жизнь, отъ о. Матѳея — смерть Гоголя, и жизнь явно побѣждена смертью: о. Матѳея оказывается сильнѣе Пушкина — какою силою? вотъ вопросъ.

Ему было лѣтъ подъ шестьдесятъ. Большую часть жизни онъ провелъ въ деревенской глуши, среди простого народа. «Смолоду наклоненъ былъ къ подвижнической жизни. Онъ былъ не высокъ ростомъ, немножко сутуловатъ; у него были сѣрые нисколько не красивые и даже не особенно выразительные глаза, немножко вьющіеся свѣтлорусые съ просѣдью волосы, довольно широкой носъ, — однимъ словомъ, по наружности и по внѣшнимъ приемамъ, это былъ самый обыкновенный мужичокъ, котораго отъ крестьянъ села Езъска или Діева отличалъ только покрой его одежды... Правда, во время проповѣди (онъ говорилъ прекрасно, восхищавшимъ Гоголя, живымъ народнымъ языкомъ), а также при совершеніи литургіи, лицо его озарялось и свѣтлѣло; но это были преходящія послѣдствія внезапнаго восхищенія, по минованію коихъ наружность его принимала свой обычный незначительный видъ» (*Жизнь и труды Погодина*, Н. Барсукова, VIII, 564—566).

Таковъ, по свидѣтельству очевидца, внѣшній обликъ о. Матѳея. Облику внѣшнему соотвѣтствуетъ внутренній, насколько мы знаемъ по его собственнымъ письмамъ и по отраженію личности его въ представленіи Гоголя: во всемъ существѣ о. Матѳея — не только ничего геніальнаго, поразительнаго, но и ничего выдающагося, особеннаго, даже почти ничего личнаго, ничего своего. Но въ этомъ-то, именно, отсутствіи личнаго и заключалась главная сила, тайна власти его. О. Матѳея для Гоголя не чело-вѣкъ, а священникъ — только, но за то и во вѣсей полно-

тѣ — священникъ. Человѣкъ со своими личными особенностями какъ бы окончательно растворился въ безличномъ священствѣ; оно поглотило въ себя человѣка. О. Матеей для Гоголя чистѣйшій представитель чистѣйшаго православія; онъ, во всякомъ случаѣ, не перетолковывалъ, не окрашивалъ его въ свой цвѣтъ, въ цвѣтъ своей личности; какъ сквозь совершенно прозрачное стекло, сквозь личность или, вѣрнѣе, безличность о. Матеея можно заглянуть въ самую глубину подлиннаго историческаго и народнаго христіанства: таково оно было, таково оно есть, не на словахъ, а на дѣлѣ, потому что этотъ деревенскій попъ былъ прежде всего человѣкъ дѣла; христіанство его — не словесное, не отвлеченное, а въ высшей степени дѣйственное, жизненное. Другіе говорятъ о томъ, что дѣлать; о. Матеей дѣлаетъ то, о чемъ говоритъ и ничего не прибавляетъ отъ себя: что принялъ отъ церкви, на томъ и стоитъ; не идетъ, какъ другіе, болѣе «современные и просвѣщенные» истолкователи преданія, ни на какія уступки, смягченія, лукавыя сдѣлки съ лукавымъ духомъ времени. Гоголь чувствовалъ въ о. Матееѣ непоколебимую крѣпость, каменный кряжъ православія. Это нѣсколько плоское и сѣрое мужичье лицо ржевскаго протопopa было лицомъ всей русской церкви, всего «восточнаго католичества». Въ голосѣ о. Матеея слышался подлинный голосъ «1847 лѣтъ» историческаго христіанства.

О. Матеей весь единъ; Гоголь весь раздвоенъ. Какъ твердый дубовый клинъ въ расщепленное дерево, это единство о. Матеея врѣзалось въ раздвоенное существо Гоголя и расколело его окончательно. Вникая въ подвижническія творенія великихъ отцовъ, Златоуста, Василія, Исаака, Ефрема Сирина, Іоанна Лѣствичника, Гоголь имѣлъ возможность провѣрить о. Матеея и убѣдиться въ его совершенномъ согласіи съ этими столпами церкви, на коихъ вѣдь и донынѣ вся она зиждется, какъ на своемъ глубоко скрытомъ подземномъ, по все же единственно-твердомъ основаніи.

Въ чемъ же, собственно, главная мысль о. Матѳея, его исходная точка?

Это — главная мысль всего уединяющаго, монашескаго, «чернаго» христіанства. Мысль самого Гоголя: *«жить въ Бога, значитъ жить внѣ самаго тѣла»*; святость значитъ безтѣлесность; плоть значитъ грѣхъ; духъ противоплагается плоти, какъ одна абсолютная сущность другой, столь же абсолютной, какъ начало божеское началу бѣсовскому, какъ вѣчное добро вѣчному злу—въ неразрѣшимомъ противорѣчїи. Отсюда выводъ: «не любите міра, ни того, что въ мірѣ: кто любитъ міръ, въ томъ нѣтъ любви Отчей; ибо все, что въ мірѣ—похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть отъ Отца, но отъ міра сего. Весь міръ лежитъ во злѣ».

Міръ есть отрицаніе Бога; Богъ есть отрицаніе міра—не какой-либо части міра, а міра, какъ цѣлаго, какъ, опять-таки, абсолютной сущности. То, что было только *однимъ изъ двухъ* началъ, *однимъ изъ двухъ* полюсовъ въ ученїи Христовомъ, становится началомъ *единственнымъ*, всепоглощающимъ, отрицающимъ другое начало.

Такова исходная точка о. Матѳея: отправляясь отъ нея, онъ только дошелъ до конца, только сдѣлалъ изъ этихъ первыхъ аскетическихъ посылокъ послѣдній, страшный, но, въ сущности неизбѣжный выводъ въ своемъ судѣ надъ Гоголемъ; тѣ, у кого черный монашескій цвѣтъ христіанства, слинявъ, сдѣлался не бѣлымъ, а лишь сѣрымъ, полусвѣтлымъ, полусвѣтскимъ, уклонились бы, конечно, отъ этого слишкомъ страшнаго вывода. Но вотъ вопросъ: подвижники чистаго «чернаго христіанства древніе великіе отцы пустыни, Исаакъ, Ефремъ, Лѣствичникъ, не согласились ли бы съ безпощадной логикой о. Матѳея, который призналъ, что не только все «язычество Гоголя, его художественное творчество, смѣхъ, радость жизни, любовь къ міру, но и все его «христіанство», скорбь, покаяніе, отреченіе отъ міра, какъ недостаточныя, неполныя, неокончательныя, слишкомъ свѣтлыя, суть ложь, соблазнъ, то, что на языкѣ аскетизма называется «прелестью», и что

все это мнимое, будто бы, христіанство внушено ему не духомъ, а плотью, не Богомъ, а дьяволомъ?

Именно здѣсь, въ отношеніи къ аскетизму о. Матѳея, обнаружилась вся религіозная двойственность Гоголя, въ такой мѣрѣ, какъ еще никогда.

Съ одной стороны, онъ какъ будто соглашается съ нимъ во всемъ, выдаетъ себя головой, только молить о послѣдней пощадѣ, отражаетъ послѣднія, слишкомъ страшныя, обвиненія въ «прелести», хотя уже и въ томъ, какъ онъ защищается отъ этихъ обвиненій, чувствуется его беззащитность.

«Нѣтъ, не допустить Богъ меня впасть въ ту прелесть, въ которую подозрѣваютъ меня впадшимъ». — «Не могу скрыть отъ васъ, что меня очень испугали слова ваши, что книга моя (*Переписка*) должна произвести вредное дѣйствіе, и что я дамъ за нее отвѣтъ Богу. Я нѣсколько времени оставался послѣ этихъ словъ въ состояніи упасть духомъ. Книга моя не отъ дурного умысла: мое недоразуміе всему причиною; за то Богъ и наказалъ мня... Что же до вліянія на другихъ, то мнѣ какъ-то не вѣрится, чтобы отъ книги моей распространился вредъ на нихъ. За что Богу такъ ужасно меня наказывать? Нѣтъ, Онъ отклонить отъ меня такую страшную участь, если не ради моихъ бессильныхъ молитвъ, то ради молитвъ тѣхъ, которые Ему молятся обо мнѣ, — ради молитвъ моей матери, которая изъ-за меня вся превратилась въ молитву». — «Я, точно, моей опрометчивой книгой, показалъ какіе-то исполинскіе замыслы на что-то въ родѣ вселенскаго учительства... А дьяволъ, который какъ тутъ, раздулъ до чудовищной превеличенности даже и то, что было и безъ умысла учительствовать... Теперь только дивлюсь своей гордости, дивлюсь тому, какъ Богъ не поразилъ меня и не стеръ съ лица земли...»

Съ другой стороны, за этою, какъ будто безконечною, покорностью скрывается безконечное сопротивленіе: уступая, шагъ за шагомъ, Гоголь все-таки за что-то отчаянно борется съ о. Матѳеемъ, что-то отстаиваетъ, чѣмъ-то не мо-

жетъ или не хочетъ пожертвовать, хотя бы грозила ему клятва церковная и вѣчная гибель. Онъ клонится, гнется, и въ самой это гибкости — почти неодолимая сила упорства. На черное христіанство о. Матѳея возражаетъ онъ иногда, какъ будто нечаянно, но все-таки слишкомъ по существу, въ слишкомъ глубокой исходной точкѣ, отъ которой зависить весь уклонъ христіанства отъ «бѣлаго» цвѣта къ «черному», отъ воскресенія къ умерщвленію, отъ святой плоти къ безплотной святости.

Онъ пишетъ ближайшему другу и духовному сыну о. Матѳея, гр. Толстому: «вы очень *односторонни* и стали недавно такъ односторонни... Вы почитаете все, что ни есть въ мірѣ, соблазномъ и препятствіемъ къ спасенію. Монахъ не строже васъ... Не будьте похожи на тѣхъ святошей, которые *желали бы разомъ уничтожить все, видя въ всемъ одно бѣсовское*».

Развѣ это не острый ножъ въ сердце о. Матѳея? Тутъ рѣчь идетъ о театрѣ, о литературѣ, о Пушкинѣ, о всей плоти міра, «свѣта», который не хочетъ быть мракомъ, «мрачнымъ монастыремъ». — «Среди свѣта,—говоритъ Гоголь,—есть много такого, что служитъ незримою ступенью къ христіанству». И далѣе, уже самому о. Матѳею: «я подалъ вамъ поводъ думать, что посылаю людей въ театръ, а не въ церковь. Храни меня Богъ отъ такой мысли!.. Я только думалъ, что нельзя отнять совершенно отъ общества увеселеній ихъ, но надобно такъ распорядиться съ ними, чтобы у человѣка возрождалось желаніе итти къ Богу, а не итти къ чорту».

Чѣмъ уступчивѣе Гоголь, тѣмъ требовательнѣе о. Матѳея. Когда же онъ высказалъ, наконецъ, свое послѣднее, ужасающее, но, въ сущности, для него логически-неизбѣжное требованіе, чтобы Гоголь «бросилъ имя литератора и пошелъ въ монастырь», тотъ возразилъ ему такъ, что это возраженіе, несмотря на свою внѣшнюю почтительность, было для о. Матѳея опять, какъ острый ножъ въ сердце: «признаюсь вамъ, я до сихъ поръ увѣренъ, что законъ Христовъ можно внести съ собой повсюду, даже въ

стѣны тюрьмы, и можно исполнять его, пребывая во всякомъ званіи и во всякомъ сословіи; его можно исполнить также и въ званіи писателя... Если бы я зналъ, что на какомъ-нибудь другомъ поприщѣ могу дѣйствовать лучше во спасеніе души моей и во исполненіе всего того, что должно мнѣ исполнить, чѣмъ на этомъ, я бы перешелъ на то поприще. Если бы я узналъ, что я могу въ монастырѣ уйти отъ міра, я бы пошелъ въ монастырь. Но и въ монастырѣ тотъ же міръ окружаетъ насъ, тѣ же искушенія вокругъ насъ... Словомъ, *нѣтъ поприща и мѣста въ мірѣ, на которомъ мы бы могли уйти отъ міра*. — «Если писателю данъ талантъ, то, вѣрно, не даромъ и не на то, чтобы обратить его во злое. Если въ живописцѣ есть склонность къ живописи, то, вѣрно, не даромъ и не на то, чтобы обратить его во злое». — «Не знаю, брошу ли я имя литератора, потому что не знаю, *есть ли на это воля Божія*»

Ежели сущность христіанства—умерщвленіе плоти, безплотная духовность (а вѣдь такъ именно и была понята эта сущность всѣми вѣками односторонне-аскетическаго христіанства отъ Исаака Сирина до о. Матеея), то искусство не можетъ быть святымъ въ христіанскомъ смыслѣ, потому что всякій художественный образъ есть, все-таки, не безплотная духовность, а одухотворенная плоть или воплощенный духъ. Гоголь не сознавалъ съ ясностью (и въ этомъ недостаткѣ признанія заключается главная причина его гибели), только смутно прозрѣвалъ въ искусствѣ начало религіи, начало святой плоти.

Но этого-то и не могъ понять о. Матеей, который такъ же, какъ всѣ стоявшіе за нимъ вѣка, подмѣнилъ святую плоть безплотною святостью.

Х.

Надо понять всю глубину вопроса, который поднять былъ здѣсь между міряниномъ и священникомъ, между міромъ и церковью.

Нельзя въ мірѣ уйти отъ міра, утверждаетъ Гоголь. Если это такъ, то одно изъ двухъ: или христіанство не-

возможно; или оно вовсе не требуетъ, чтобы мы ушли отъ міра, въ томъ смыслѣ, какъ этого требовалъ о. Матеей. *Міръ весь лежитъ во злѣ* — это одно подлинное начало христіанства; но вотъ и другое столь же подлинное: *Богъ такъ возлюбилъ міръ, что Сына Своего Единороднаго принесъ за него въ жертву*. Богъ не можетъ любить зло; значить, кромѣ того міра, который «весь лежитъ во злѣ», или, по выраженію Гоголя, «идеть къ чорту», есть и другой міръ, который идетъ къ Богу. Какъ отдѣлить одинъ изъ этихъ двухъ міровъ отъ другою? Есть грѣшная плоть, но есть и плоть святая, иначе Слово не стало бы Плотью. Какъ отличить плоть грѣшную отъ святой?

Гоголь опять-таки не сознавалъ, а лишь смутно предчувствовалъ эти вопросы, которые не только разрѣшить, но и услышать не могъ о. Матеей.

Гоголь отрекался отъ «вселенскаго учительства»; но одно мгновенье, одна точка религіознаго пути его имѣеть дѣйствительно вселенское значеніе; дѣйствительно стоялъ онъ, по выраженію Аксакова, передъ «исполинскою задачею, которой не разрѣшили 1847 лѣтъ христіанства». Онъ предчувствовалъ, что христіанство остается донинѣ словеснымъ, отвлеченнымъ, что оно уходитъ отъ міра и не возвращается въ міръ. Онъ утверждаетъ, что праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія нигдѣ еще не празднуется, какъ слѣдуетъ — почему это такъ, онъ не могъ бы сказать, онъ только смутно прозрѣвалъ, что тайна Воскресенія Плоти не открывается въ «черномъ» христіанствѣ, и что окончательное откровеніе тайны этой предстоить лишь будущему «бѣлому», воистину вселенскому христіанству.

Здѣсь, можетъ-быть, нечаянно, коснулся Гоголь той оси, на которой держится, и отъ колебанія которой зависитъ міровой поворотъ христіанства отъ Перваго ко Второму Пришествію; сдвигалъ тотъ камень, на которомъ зиждется вся крѣпость церкви неподвижной.

О. Матеей и Гоголь (не въ своемъ сознаніи, а только въ своемъ пророческомъ ясновидѣніи) — это неподвижность и движеніе, преданіе и пророчество, прошлое и буду-

щее всего христіанства—въ ихъ неразрѣшимомъ противорѣчїи. О. Матеей преступилъ завѣтъ апостольскій: *духа не угашайте*, когда требовалъ, чтобы Гоголь отрекся отъ искусства; онъ «угашалъ духъ», умерщвлялъ духовную плоть во имя безплотной духовности. Въ анаемѣ надъ Гоголемъ и Пушкинымъ, устами о. Матеея историческое христіанство произносило анаемѣ надъ всею русскою литературою, надъ всѣмъ «просвѣщеніемъ», «свѣтомъ», «міромъ», анаемѣ надъ всею плотью, анаемѣ надъ всею тварью, еще не избавленной, но «совокупно стенающей объ избавленіи».

Споръ о. Матеея съ Гоголемъ былъ таковъ, что между обѣими сторонами не могло быть никакой середины, никакого примиренія: ежели одинъ былъ въ абсолютной истинѣ, то другой—въ абсолютной лжи; ежели за однимъ была «воля Божія», то за другимъ воля, идущая противъ Бога.

Съ Богомъ ли онъ, или противъ Бога въ этомъ спорѣ,—Гоголь не имѣлъ силы рѣшить окончательно: не только вся исторія, но и собственное сознаніе Гоголя были слишкомъ на сторонѣ о. Матеея. И потому, что Гоголь не имѣлъ силы этого рѣшить, онъ погибъ.

«Не писать для меня совершенно, значило бы то же, что не жить». Отреченіе отъ литературы для Гоголя было не только самоумерщвленіе, но и самоубійство.

О. Матеей потребовалъ отъ него этого самоубійства. Гоголь предвидѣлъ, что, если бы онъ не согласился, то о. Матеей сказалъ бы ему то, что святой схимникъ говоритъ колдуну въ *Страшной мести*: «иди, окаянный грѣшникъ! не могу о тебѣ молиться — нѣтъ тебѣ помилованія! Еще никогда въ мірѣ не было такого грѣшника!» Этой анаемы, которая носилась надъ Гоголемъ всю жизнь и преслѣдовала его въ вѣщихъ снахъ, онъ такъ боялся, что готовъ былъ на все.

Голосъ о. Матеея былъ для него голосомъ церкви, всего христіанства, самого Христа. Ему предстояло одно изъ двухъ—или жить внѣ церкви отступникомъ, или со всѣмъ не жить. Онъ выбралъ послѣднее.

Въ концѣ декабря 1851 года, меньше, чѣмъ за два мѣсяца до смерти, Гоголь писалъ о. Матеею: «извѣстіе, что вы будете сюда, меня много обрадовало. Вы напрасно думали, что пріѣздъ вашъ на праздникъ Рождества можетъ быть не въ пору. А. П. (гр. Толстой) живетъ такъ уединенно и такимъ монастыремъ, что и я, любящій тоже тишину, переѣхалъ къ нему на время пребыванія моего въ Москвѣ. Онъ проситъ васъ прямо взѣхать на дворъ къ нему... Комната для васъ готова».

Въ это время, несмотря на обычныя физическія и духовныя страданія, заложенная въ существѣ Гоголя огромная жизненная сила все еще борется съ болѣзнью.

Несмотря на всѣ отреченія отъ жизни, онъ все еще любить жизнь, любить землю, тянется къ землѣ, безсознательно, какъ дитя къ матери. «За посадку деревъ тебя очень благодарю, за наливки также, — пишетъ онъ сестрѣ. — Какъ только сдѣлается потеплѣе, пришлю тебѣ сѣмянъ для посѣва кое-какой огородинь».

Кажется, онъ все еще способенъ къ одной изъ этихъ шутокъ, которыя, три года назадъ, позволялъ себя неожиданно, среди безконечныхъ унылыхъ разсужденій о постѣ, о безстрастїи, объ умерщвленїи плоти. — «Любезный другъ, Сергѣй Тимоѣевичъ, — писалъ онъ Аксакову, — имѣютъ къ вамъ сегодня подвергнуться къ обѣду два прїятеля: Языковъ и я, оба грѣховодники и скромники. Упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ по той причинѣ, чтобы вы могли приказать прибавить кусокъ бычачины на лишнее рыло». — Какъ радуешься, какъ отдыхаешь на этой шуткѣ! Точно блѣдный лучъ солнца въ гробовомъ склепѣ. Какъ узнаешь и привѣтствуешь прежняго Гоголя, милаго «язычника», неисправимаго обжору, творца «старосвѣтскихъ помѣщиковъ», для которыхъ вся жизнь—ѣда! Какъ начинаешь снова надѣяться, что онъ еще не погибъ! И насколько этотъ кусокъ грѣшной бычачины ближе ко Христу, чѣмъ та страшная сухая просфора, которую впослед-

ствѣи запостившійся Гоголь будетъ глотать, умирая отъ истощенія и упрекая себя въ обжорствѣ!»

Главное — онъ все еще пишетъ, а писать, для него значить жить. Мучительно, медленно, но неустанно работаетъ надъ вторымъ томомъ «Мертвыхъ душъ». Пока не порвана эта связь съ жизнью черезъ искусство, есть еще надежда на спасеніе. — «Второй томъ, можетъ-быть, тебѣ привезу лѣтомъ самъ, а можетъ-быть, и въ началѣ весны». — «Я работаю въ тишинѣ попрежнему. Иногда хвораю, иногда же милость Божія даетъ мнѣ чувствовать свѣжесть и бодрость, тогда и работа идетъ свѣжѣе». — «Если Богъ будетъ милостивъ и пошлетъ нѣсколько днейковъ, подобныхъ тѣмъ, какіе иногда удаются, то, можетъ-быть, и я какъ-нибудь управлюсь». — «Сижу попрежнему надъ тѣмъ же, занимаюсь тѣмъ же,—пишетъ онъ Жуковскому за девятнадцать дней до смерти.—Помолись обо мнѣ, чтобы работа моя была истинно добросовѣстна, и чтобы я хоть сколько-нибудь былъ удостоенъ пропѣть гимнъ красотѣ небесной».

Таково душевное настроеніе Гоголя до пріѣзда о. Матѳея; черезъ двѣ недѣли послѣ его отъѣзда Гоголь умеръ. Конечно, то, что произошло между ними, было причиной смерти.

«Что это за странная смерть!—говоритъ С. Т. Аксаковъ.— Онъ умеръ, мнѣ кажется, только потому, что былъ убѣжденъ, что умираетъ. Физическаго разстройства въ немъ не было».—Это было въ субботу на первой недѣлѣ поста,—разсказываетъ другой очевидецъ.—Увидавъ его, я ужаснулся. Не прошло мѣсяца, какъ я съ нимъ обѣдалъ вмѣстѣ,—онъ былъ цвѣтущаго здоровья, бодръ, свѣжъ, крѣпокъ, — и теперь предо мною человѣкъ какъ бы изнуренный до крайности чахоткою или доведенный продолжающимся тифомъ до необыкновеннаго изнеможенія. Глаза его тусклы и впалы, лицо совершенно осунулось, щеки ввалились, голосъ слабъ, языкъ трудно шевелится отъ сухости во рту, выраженіе лица неопредѣленное, необъяснимое. Мнѣ онъ показался мертвецомъ съ перваго взгляда».—«Онъ чувствовалъ, что боленъ тою самою болѣзнию, отъ которой умеръ отецъ его,—именно,

что на него *нашелъ страхъ смерти*».—«Страшна минута смерти!» повторялъ Гоголь. Когда однажды о Матеей. обличалъ его и грозилъ небесною карою, Гоголь, потрясенный, не владѣя собою, прервалъ рѣчь и воскликнулъ:

«— Довольно! оставьте, не могу далѣе слушать—слишкомъ страшно!»

Должно-быть, передъ самымъ отъѣздомъ о. Матеея, произошла послѣдняя рѣшительная бесѣда, во время которой Гоголь, по собственному выраженію, «оскорбилъ» своего духовнаго отца, друга и благодѣтеля. Какъ могъ онъ его оскорбить? По всей вѣроятности, о. Матеей въ послѣдній разъ потребовалъ отвѣта, желаетъ ли онъ съ точностью исполнить правила святыхъ отцовъ, уйти отъ міра, «бросить имя литератора и сдѣлаться монахомъ». И въ послѣдній разъ Гоголь возмутился, со смертнымъ ужасомъ, отчаяніемъ и, можетъ-быть, даже злобнымъ ожесточеніемъ противосталъ о. Матеею, возразилъ, что не долженъ этого дѣлать, потому что *«не знаетъ, есть ли на то воля Божія»*

Но только что духовникъ уѣхалъ, Гоголь послалъ вслѣдъ ему письмо, въ которомъ молилъ о прощеніи; это послѣднія строки, написанныя Гоголемъ: «6 февраля 1852.—Уже написалъ было къ вамъ одно письмо вчера, въ которомъ просилъ извиненія въ томъ, что оскорбилъ васъ; но вдругъ милость Божія чьими-то молитвами посѣтила и меня, жестокосерднаго, и сердцу моему захотѣлось васъ благодарить крѣпко, такъ крѣпко! но объ этомъ что говорить?»

Обязанный вамъ вѣчно благодарностью здѣсь, и за гробомъ,
вашъ весь *Николай*».

Борьба была кончена, о. Матеей побѣдилъ. «Благодать», внезапно осѣнившая Гоголя «чьими-то молитвами», открыла ему, что «воля Божія» требуетъ, что бы онъ отрекся отъ литературы. По всей вѣроятности, Гоголь въ ту минуту, когда писалъ духовнику, уже рѣшилъ окончательно сжечь всѣ свои рукописи и больше «не писать—не жить»

«Уставъ церковный написанъ для всѣхъ, — говоритъ о. Матеей.—Всѣ обязаны непрекословно слѣдовать ему:

неужели мы будемъ равняться только со всѣми и не захотимъ исполнить ничего болѣе? Ослабленіе тѣла не можетъ насъ удерживать отъ пощенія; какая у насъ забота? Для чего намъ нужны силы? Много званыхъ, но мало избранныхъ...

Гоголь рѣшилъ исполнить нѣчто большее, чѣмъ уставъ церковный.

«На масляной началъ онъ говѣть и поститься: сталъ ѣсть все меньше и меньше, хотя, повидимому, не терялъ аппетита и жестоко страдалъ отъ лишенія пищи. За обѣдомъ употреблялъ только нѣсколько ложекъ овсянаго супа или капустнаго разсола. Когда ему предлагали что-либо другое, отказывался болѣзною. Нѣсколько дней питался одною просфорою. Свое пощеніе не ограничилъ пищею, но и сонъ умѣрилъ до чрезмѣрности: послѣ ночной продолжительной молитвы, рано вставалъ и шелъ къ заутрени. Наконецъ, онъ такъ ослабъ, что едва держался на ногахъ. Однажды цѣлый день ничего не хотѣлъ ѣсть; когда же послѣ съѣлъ просфору, то назвалъ себя обжорою, окаяннымъ, нетерпѣливцемъ и сокрушался сильно».

На первой недѣлѣ Великаго поста, въ ночь съ понедѣльника на вторникъ, за девять дней до смерти, Гоголь велѣлъ своему мальчику-слугѣ раскрыть печную трубу и затопить печку. Собралъ всѣ свои рукописи и бросилъ ихъ въ огонь. Онъ «сжегъ все, что написалъ», между прочимъ, и весь, уже почти готовый, второй томъ «Мертвыхъ душъ». — «Ничего не осталось, даже ни одного черноваго лоскутка», замѣчаетъ Хомяковъ. Мальчикъ глядя на горящія рукописи, возражалъ ему: «зачѣмъ вы это дѣлаете? можетъ, онѣ пригодятся еще». Но Гоголь не слушалъ. А когда почти все сгорѣло, онъ долго сидѣлъ, задумавшись, потомъ заплакалъ, велѣлъ позвать гр. Толстого, показалъ ему догорающіе углы бумаги и сказалъ: «вотъ что я сдѣлалъ! хотѣлъ было сжечь нѣкоторыя вещи, давно на то приготовленныя, а сжегъ все. Какъ лукавый силенъ! Вотъ онъ до чего меня довелъ...» — «Вѣдь вы можете все припомнить?» — сказалъ Толстой, желая его утѣшить. — Да, — отвѣчалъ Гоголь, положивъ руку на лобъ, —

могу, могу, у меня все это въ головѣ, — и повидимому, сдѣлался спокойнѣе, пересталъ плакать».

Прежде чѣмъ у Гоголя явилась мысль о сожженіи рукописей, онъ завѣщалъ, чтобы послѣ смерти его гр. Толстой всѣ его сочиненія передалъ митрополиту Филарету: «пусть онъ наложитъ на нихъ свою руку: чтó ему покажется ненужнымъ, пусть зачеркиваетъ немилосердно».

Вотъ главный вопросъ, съ которымъ Гоголь обращался къ Церкви: онъ хотѣлъ, чтобы она научила его отдѣлять нужное отъ ненужнаго, святое отъ грѣшнаго, божеское отъ бѣсовскаго, не только въ искусствѣ, но и во всемъ вообще «мірскомъ», «свѣтскомъ», «плотскомъ» во всей живой *плоти* міра, во всей твари, еще не избавленной, но «совокупно стенающей объ избавленіи»; *онъ хотѣлъ чтобы церковь научила его отдѣлять міръ, который «весь лежитъ во злѣ», отъ мира, который Богъ такъ возлюбилъ, что Сына Своего Единороднаго принесъ за него въ жертву.*

Увы, на этотъ вопросъ не сумѣлъ бы отвѣтить Гоголю не только митрополитъ Филаретъ, но и все историческое христіанство отъ Іоанна Лѣствичника до о. Матѳея; оно сдѣлало бы только одно изъ двухъ; или, уклоняясь отъ прямого отвѣта, измѣняя себѣ, какъ оно, въ дѣйствительности, слишкомъ часто себѣ измѣняло, согласилось бы только на случайныя уступки, только на лукавыя сдѣлки съ лукавымъ духомъ времени, которыя не могъ и не хотѣлъ принять Гоголь и которыя дѣлаютъ христіанство изъ чернаго не бѣлымъ, а только сѣрымъ, серединнымъ, похожимъ на осеннюю слякоть надъ холмами Назарета;—или, оставаясь вѣрнымъ себѣ до конца, повторило бы еще разъ устами о. Матѳея то, что уже восемнадцать вѣковъ повторяло на всѣ лады: «не любите міра, ни того, что въ мірѣ, ибо *все, что въ мірѣ, похоть плоти, похоть очей и гордость житейская; все—тлѣнъ, все—прахъ, все — грѣхъ. Бѣги же отъ міра, брось имя литератора и будь монахъ*».

Когда Гоголь, не умѣя отдѣлать святое отъ грѣшнаго въ своемъ искусствѣ, въ своей плоти, отъ *всего* отрекся, проклялъ *все, сжегъ все,*—тогда вдругъ почувствовалъ, что ис-

полнилъ волю не Божію, совершилъ преступленіе, кощунство которому нѣтъ имени,—похулилъ въ святой плоти Духъ Святой: «вотъ, что я сдѣлалъ! хотѣлъ было сжечь *нѣкоторыя* вещи, а сжегъ все. Какъ лукавый силенъ!—вотъ онъ до чего меня довелъ».

Кто же собственно довелъ его до этого—лукавый, или о. Матеей?

Въ ту минуту, когда Гоголь сидѣлъ у печки и смотрѣлъ, какъ буквы тлѣющихъ рукописей рдѣютъ, точно кровью наливаются («смотри, окаянный грѣшникъ, святыя буквы на книгѣ налились кровью»), въ этомъ страшномъ кровавомъ отблескѣ не предсталъ ли ему образъ о. Матеея, не захотѣлось ли Гоголю закричать ему, какъ въ «Страшной мести» колдунъ кричитъ святому схимнику: «Отецъ, ты смѣешься надо мною!»

Не понялъ ли онъ, наконецъ, *кто* скрывается подъ этимъ образомъ, образомъ «ангела свѣтла»? Не узналъ ли подъ этою послѣднею, самую соблазнительною маскою того, съ кѣмъ онъ боролся всю жизнь оружіемъ смѣха?

Борьба была окончена, совершилась «Страшная мечь»: не человѣкъ побѣдилъ человѣка, посмѣялся надъ тѣмъ, кто думалъ надъ нимъ посмѣяться.

XII

Мы знаемъ, что въ послѣдніе дни преслѣдовали Гоголя какія-то ужасныя видѣнія. Дня за два, за три до сожженія рукописей онъ «поѣхалъ на извозчикѣ въ Преображенскую больницу къ одному юродивому, подѣхалъ къ воротамъ, подошелъ къ нимъ, воротился, долго ходилъ взадъ и впередъ, долго оставался въ полѣ на вѣтру, въ снѣгу, стоя на одномъ мѣстѣ, и потомъ, не входя на дворъ, опять сѣлъ на лошадь и возвратился». Что онъ думалъ, что онъ видѣлъ тамъ, въ полѣ, ночью, одинъ, или въ старинной маленькой церкви Симеона Столпника, гдѣ, въ темнотѣ, молился цѣлыми часами? Не проносились ли передъ нимъ снова тѣ видѣнія, которыми въ юношескихъ сказкахъ своихъ, особенно

въ самой страшной и вѣщей изъ нихъ — «Віѣ», напороочилъ онъ себѣ судьбу свою? Герой «Віа», «философъ» Хома Брутъ, тоже остается ночью одинъ въ церкви. «Посрединѣ стоялъ черный гробъ; свѣчи теплились передъ темными образами; свѣтъ отъ нихъ освѣщаль только иконостасъ и слегка средину церкви; отдаленные углы притвора были закутаны мракомъ. Высокій старинный иконостасъ уже показываль глубокую ветхость... Лики святыхъ, совершенно потемнѣвшіе, глядѣли какъ-то мрачно.—«Нужно освѣтить всю церковь такъ, чтобы видно было, какъ днемъ», подумаль философъ. И онъ принялся прилѣплять восковыя свѣчи ко всѣмъ карнизамъ, наоямъ и образамъ, и скоро вся церковь наполнилась свѣтомъ. Вверху только мракъ сдѣлался какъ будто сильнѣе, и мрачные образа глядѣли угрюмѣй... Онъ подошелъ къ гробу, съ робостью посмотрѣлъ въ лицо умершей—и не могъ не зажмурить, нѣсколько вздрогнувши, своихъ глазъ: такая страшная сверкающая красота!»

Эта вѣдьма, съ которою нѣкогда веселый молодой казакъ леталь въ «бѣсовски сладкомъ, томительно-страшномъ полетѣ, эта мертвая вѣдьма въ черномъ гробу среди церкви—не языческая ли красота, не сладострастная ли плоть міра, убитая и отпѣваемая Гоголемъ въ старой церкви, въ церкви Симеона Столпника или о. Матѣея?

«Вдругъ... среди тишины... съ трескомъ лопнула желѣзная крышка гроба и поднялся мертвецъ... Вихрь поднялся по церкви, попадали на землю иконы, полетѣли внизъ разбитыя стекла окошекъ. Двери сорвались съ петель, и несмѣтная сила чудовищъ влетѣла въ Божью церковь. Страшный шумъ отъ крылъ и отъ царапанья когтей наполнилъ всю церковь. Все летало и носилось, ища повсюду философа... Онъ только крестился да читаль, какъ попало, молитвы... Всѣ глядѣли на него, искали и не могли увидѣть его, окруженнаго таинственнымъ кругомъ.—«Приведите Віа, ступайте за Віемъ!..» И вдругъ настала тишина въ церкви; слышалось вдали волчье завываніе, и скоро раздались тяжелые шаги, звучавшіе по церкви. Взглянувъ искоса, увидѣлъ онъ, что ведутъ какого-то приземистаго, дюжаго,

косолапаго человѣка. Весь былъ онъ чернѣй земли. Какъ жилистые, крѣпкіе корни, выдавались его, засыпанныя землею, ноги и руки. Тяжело ступалъ онъ, поминутно оступаясь. Длинные вѣки опущены были до самой земли. Съ ужасомъ замѣтилъ Хома, что лицо было на немъ желѣзное».

Желѣзное лицо, земляное тѣло Вія—противъ безплотныхъ лицъ, неземного тѣла святыхъ, бездушная плотскость—противъ безплотной духовности. За умерщвленную плотъ мститъ мертвая плотскость. Вій — это самое противоположное духу, движенію, сознанію; это — тяжесть, косность, мертвость первозданнаго вещества, матеріи; это въ человѣкѣ инстинктъ, прикрѣпляющій его не только къ земному и тѣлесному, но и къ подземному, до-тѣлесному—къ матеріи—инстинктъ слѣпой и ясновидящій: длинныя вѣки Вія опущены до земли; онъ самъ не можетъ ихъ поднять; но когда другіе подымутъ ихъ—онъ видитъ то, чего никто не видитъ

«— Подымите мнѣ вѣки: не вижу!—сказалъ подземнымъ голосомъ Вій, — и все сонмище кинулось подымать его вѣки.

— Не гляди! — шепнулъ какой-то внутренней голосъ философу. Не вытерпѣлъ онъ и глянулъ

— Вотъ онъ! — закричалъ Вій и уставилъ на него желѣзный палецъ, и всѣ, сколько ни было, кинулись на философа. Бездыханный, грянулся онъ о землю, и тутъ же вылетѣлъ духъ изъ него отъ страха».

Онъ «умеръ отъ страха», такъ же, какъ Гоголь. И святыня Божія не спасла его отъ дьявольской нечисти; церковь, бѣдная, ветхая, вся дрожитъ подъ напоромъ чудовищъ и не можетъ имъ противиться: они побѣждаютъ ее; безплотная духовность оскверняется бездушною плотскостью—и предсказанная «мерзость запустѣнія становится на мѣстѣ святомъ»:

Когда наступило утро, «вошедшій священникъ,—рассказываетъ Гоголь,—остановился при видѣ такого посрамленія Божьей святыни и не посмѣлъ служить... Такъ на-

вѣки и осталась церковь, съ завязнувшими въ дверяхъ и окнахъ чудовищами, обросла лѣсомъ, корнями, бурьяномъ, дикимъ терновникомъ, и никто не найдетъ теперь къ ней дороги». Она заустѣла—и мѣръ не найдетъ къ ней дороги, такъ же, какъ она сама не нашла дороги въ мѣръ.

Каковы бы ни были предсмертныя видѣнїя Гоголя, таковъ именно долженъ былъ быть ихъ пророческій смыслъ: его собственная имъ самимъ убитая муза, сверкающая страшной красотой, вѣдьма въ гробу, среди церкви, и уставленный на него, убійцу, желѣзный палецъ Вія.

ХІІІ.

Съ той самой ночи, какъ сжегъ свои рукописи, сдѣлался онъ еще мрачнѣе прежняго. Сидѣлъ въ креслахъ по цѣлымъ днямъ въ халатѣ, протянувши ноги на другой стулъ передъ столомъ, не пускалъ къ себѣ почти никого и еще меньше говорилъ. Замѣчательны слова, которыя онъ въ это время сказалъ Хомякову: «надобно же умирать, и я уже готовъ и умру».

По удостовѣренію врачей, «никакихъ важныхъ болѣзненныхъ симптомовъ съ нимъ не было». Онъ только продолжалъ «поститься», или, вѣрнѣе, морить себя голодомъ. Духовникъ! не о. Матѣей, а другой приходскій священникъ, приходилъ ежедневно; при немъ нарочно подавали кушать саго, черносливъ. Священникъ начиналъ первый и убѣждалъ его ѣсть вмѣстѣ съ нимъ. Но Гоголь большею частью отказывался». — «Въ воскресенье священникъ убѣдилъ его принять ложку клещевиннаго масла; онъ проглотилъ, но послѣ этого пересталъ вовсе слушаться его и не принималъ ужъ въ послѣднее время никакой пищи. Когда гр. Толстой для разсѣянїя начиналъ съ нимъ говорить о предметахъ, весьма близкихъ къ нему, и которые не могли не занимать его прежде, онъ возражалъ съ благоговѣйнымъ изумленіемъ: «что́ это вы говорите? можно ли разсуждать объ этихъ вещахъ, когда я готовлюсь къ такой страшной минутѣ?» Потомъ молчалъ и заставлялъ графа умолкать». —

«Во вторникъ являюсь я,—разсказываетъ очевидецъ,—и встрѣчаю гр. Толстого, встревоженнаго черезъ мѣру.— «Что Гоголь?»—«Плохо; лежитъ. Ступайте къ нему. Теперь можно входить». Я вошелъ въ его комнату; онъ лежалъ на широкомъ диванѣ, на боку, съ открытыми глазами, отвернувшись къ стѣнѣ; противъ лица—образъ Богоматери, въ рукахъ—четки». Лицо его было «спокойно» или, вѣрнѣе, безчувственно: «онъ смотрѣлъ, какъ человѣкъ, для котораго всѣ задачи разрѣшены, всякое чувство замолкло, всякія слова напрасны». Рѣшенъ былъ главный вопросъ: «жить въ Богѣ значитъ жить внѣ тѣла—надо умереть, и я готовъ и умру».

Но неужели это «христіанская» смерть, та «безболѣзненная и мирная кончина живота», о которой молится Церковь?—Всѣ окружающіе смутно чувствовали, что происходитъ нѣчто ужасное и *преступное*: это не смерть, а самоубійство, что нельзя это такъ оставить, надо что-то сдѣлать. Но что? Бѣдный батюшка, который начинаетъ ѣсть черносливъ, доказывая Гоголю, что можно жить въ Богѣ и въ тѣлѣ, не такъ же ли символически страшенъ со своею безсильною добротою, со своимъ «поинялымъ», «сѣренькимъ» христіанствомъ, какъ и о. Матеей со своею беспощадною силою и христіанствомъ истиннымъ «чернымъ»?—Но что же, что же людямъ было дѣлать?

Когда они увидѣли, что религія не помогаетъ, то обратились за помощью къ наукѣ. Изъ рукъ священниковъ Гоголь попадаетъ въ руки докторовъ, изъ безплотной духовности—въ бездушную плотскость, изъ ветхаго идеализма въ современный позитивизмъ. Съ точно такимъ же насиліемъ и грубостью спасали душу Гоголя, не заботясь о тѣлѣ его; другіе начинаютъ спасать тѣло его, не заботясь о душѣ. Отъ неразумнаго Бога — къ безбожному разуму.

Врачи собрались для консиліума. Поставленъ былъ вопросъ: «оставить больного безъ пособій, или поступить съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, не владѣющимъ собою, и не допускать его до умерщвленія себя?» — Рѣшили: да,

надобно его кормить насильно». — «Пошли осматривать больного; стали его спрашивать. Гоголь или не отвѣчалъ, или отвѣчалъ коротко: «нѣтъ», — не открывая глазъ; наконецъ проговорилъ съ напряженіемъ: «не тревожьте меня, ради Бога!» Стали давить животъ. Онъ былъ, какъ доска, вообще, безъ содержимаго, мягкій, вялый, позвоночникъ черезъ него ощущался легко. Гоголь закричалъ, застоналъ. Доктора предписали пиявки и холодное обливаніе головы въ теплой ваннѣ». Нашли также успокоительное латинское названіе болѣзни: *gastroenteritis ex inanitione*.

«Когда его раздѣвали и сажали въ ванну, онъ сильно стоналъ, кричалъ, говорилъ, что это дѣлають напрасно. Когда ставили пиявки, онъ повторялъ: «не надо!». Потомъ, когда онѣ уже были поставлены, твердилъ: «снимите пиявки, поднимите отъ рта пиявки!» Его руку держали съ силою, чтобы онъ до нихъ не касался».

Доктора велѣли поставить, кромѣ пиявокъ, горчичники на конечности, потомъ мушку на затылокъ, ледъ на голову и давать внутрь отваръ алтейнаго корня съ лавровишневою водой. Обращеніе ихъ было безжалостное: они распоряжались съ нимъ, какъ съ сумасшедшимъ, кричали передъ нимъ, какъ передъ трупомъ. Приставали къ нему, мяли, ворочали, поливали на голову какой-то ѣдкій спиртъ, и больной отъ этого стоналъ; спрашивали, продолжая поливать: «что болитъ, Николай Васильевичъ? Говорите же!» Но тотъ стоналъ и не отвѣчалъ. За нѣсколько часовъ до смерти, когда онъ уже былъ почти въ агоніи, ему «обкладывали все тѣло горячимъ хлѣбомъ, при чемъ опять возобновился стонъ и пронзительный крикъ».

Какое-то фантастическое безобразіе! Мы видѣли, впрочемъ, что во всей личности, въ жизни Гоголя иногда мелькаетъ это фантастическое, исполински-карикатурное, самое смѣшное въ самомъ страшномъ; и вотъ это же повторяется въ смерти.

Тутъ какъ будто въ послѣдній разъ смѣется чортъ надъ человѣкомъ, нарочно съ самымъ унижительномъ по

ложеніи тѣла и духа тащитъ свою жертву. Доктора должны были казаться Гоголю въ предсмертномъ бреде его чѣмъ-то въ родѣ той нечисти, которая задушила Хому Брута въ оскверненной церкви. *«Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся»*, эти слова пророка Іереміи начертаны на гробовомъ камнѣ Гоголя. Увы, теперь мы знаемъ, кто надъ кѣмъ посмѣялся.

Часу въ одиннадцатомъ ночи умирающій Гоголь закричалъ громко: «лѣстницу! поскорѣе, давай лѣстницу!..» Это были послѣдніе слова его. Почти тѣ же слова о лѣстницѣ сказалъ передъ смертью великій русскій подвижникъ св. Тихонъ Задонскій. Гоголь много думалъ о таинственныхъ ступеняхъ, о духовной «лѣстницѣ» другого подвижника, Іоанна Лѣстничника. Въ послѣдней главѣ *«Переписки»*, *«Свѣтлое Воскресеніе»*, Гоголь также говорилъ о лѣстницѣ: «Богъ вѣсть, можетъ-быть, за одно это желаніе (любви воскрешающей) уже готова сброситься съ небесъ намъ лѣстница и протянуться рука, помогающая взлетѣть по ней».

XIV.

Всѣ мы знаемъ лицо мертваго Гоголя — нечеловѣчески-странное, бѣлое, тонкое, острое-острое, какъ слишкомъ отточенное лезвее; тутъ какъ будто въ самой неподвижности — движеніе, стремленіе, полетъ безконечный; теперь ему уже не надо «лѣстницы» — онъ летитъ. И ни одной тѣни того «чернаго христіанства», которымъ пугалъ его о. Матѳей, въ сіяющей бѣлизнѣ этого лица: это бѣлый свѣтъ Христа Грядущаго — не смерть, а Свѣтлое Воскресеніе.

И все-таки для насъ, живыхъ, какая загадка въ этомъ лицѣ! Мы не только ея не разгадали, но и не задумались надъ нею. Закрывъ глаза, чтобы не видѣть, прошли мимо.

«Миѣ всегда казалось, что въ жизни моей миѣ предстоитъ какое-то большое самопожертвованіе». И дѣйствительно, въ самоумерщвленіи Гоголя совершилось «великое самопожертвованіе» за всѣхъ насъ — за русское обще-

ство, за русскую церковь. Но мы не приняли и не поняли этой жертвы. Въ нашемъ движеніи впередъ, въ нашемъ «прогрессѣ», не останавливаясь, даже не оглядываясь, мы перешагнули черезъ эту жертву — черезъ мертвое тѣло Гоголя. «Слышно страшное въ судьбѣ нашихъ поэтовъ», говоритъ онъ о гибели другихъ, но съ еще большимъ правомъ можно бы это сказать о его собственной гибели.— «И никого это не поразило, даже не содрогнулось вѣтреное племя!»

Понятно, впрочемъ, и отчасти даже извинительно отношеніе русскаго общества къ христіанству Гоголя: тутъ вѣдь вся жизнь, вся плоть міра защищала себя безсознательно отъ величайшаго самоумерщвленія, самоубійства — отъ анаемы о. Матѳея. Гораздо менѣе понятно отношеніе церкви къ Гоголю, если вообще тутъ было какое-либо отношеніе, такъ какъ, собственно говоря, церковь не приняла и не отвергла, она просто не замѣтила Гоголя, — то-есть не замѣтила, можетъ-быть, самаго главнаго, что произошло за послѣдніе два вѣка ея существованія.

По поводу «Переписки» митрополитъ Филаретъ сказалъ: «хотя Гоголь во многомъ заблуждается, но надо радоваться его христіанскому направленію». Узнавъ о послѣдней болѣзни и объ упорномъ постѣ Гоголя, Филаретъ «прослезился и съ горестью сообщилъ мысль, что на него надо было *дѣйствовать* иначе: слѣдовало убѣждать, что спасеніе не въ постѣ, а въ послушаніи».

Ежели слѣдовало «дѣйствовать», то почему же онъ и не дѣйствовалъ? Мы вѣдь знаемъ, что Гоголь къ Филарету обращался за помощью. Гдѣ же былъ пастырь, когда волкъ похищаль овцу? И что такое значить: «спасеніе не въ постѣ, а въ послушаніи»? Сожженіе рукописей и постъ Гоголя — не отъ чрезмѣрнаго ли послушанія о. Матѳея, не отъ послушанія ли даже до смерти? Какъ же еще больше слушаться? Зналъ ли самъ Филаретъ, чему онъ радуется, по поводу «Переписки», и надъ чѣмъ плачетъ, по поводу смерти Гоголя? Если бы зналъ, то не могъ бы не почувствовать нѣкоторой отвѣтственности, не преминулъ бы высказаться съ большею определен-

ностью о тѣхъ «заблужденіяхъ», которыя обратили слишкомъ раннюю радость его въ слишкомъ позднюю скорбь. И неужели, неужели же для утоленія этой скорби верховный пастырь церкви не нашелъ въ себѣ ничего, кромѣ слезъ, можетъ-быть, и добрыхъ, но столь же бесполезныхъ, какъ тотъ черносливъ, который ѣлъ передъ умирающимъ Гоголемъ приходскій батюшка?

Ежели кровь жертвы падеть на чью-нибудь голову, то вода этихъ слезъ не смоетъ крови.

Что почувствовалъ о. Матѳей, узнавъ о смерти Гоголя?— прослезился ли, такъ же какъ Филаретъ, или остался невозмутимымъ на высотѣ своего «небеснаго безстрастья»?

Съ большею опредѣленностью по поводу «Переписки» высказался знаменитый Иннокентій, архіепископъ Херсонскій: «Гоголя читалъ... Онъ проситъ отвѣчать... Но что писать?.. Радуюсь перемѣнѣ съ нимъ, только прошу его *не парадировать набожностью*: она любитъ внутреннюю клѣтѣ... Голосъ его нуженъ; но если онъ будетъ *неумѣренъ*, то молодежь подниметъ его на-смѣхъ, и плода не будетъ».

Неумѣренъ — это значить слишкомъ черенъ или слишкомъ бѣлъ; умѣренное христіанство — не черное и не бѣлое, а сѣрое; христіанство — и нашимъ, и вашимъ, въ которомъ и волки сыты, и овцы цѣлы; съ одной стороны, забота о «внутренней клѣтѣ», съ другой—о смѣшливой русской молодежи.

Не имѣлъ ли, однако, основанія Гоголь предпочесть, можетъ-быть, и неумѣренное, но зато подлинное черное христіанство о. Матѳея этому сѣрому?

Съ еще большею опредѣленностью высказался преосвященный Григорій, епископъ калужскій.— «Однажды за обѣдомъ въ одномъ высокопоставленномъ семействѣ разговоръ зашелъ о Гоголѣ и коснулся «Переписки». Споры были большіе; кто pro, кто contra. Кто-то выразился: «читая эту переписку, удивляешься тому, что Гоголь даже богословъ». — На это преосвященный Григорій, со свойственнымъ ему добродушіемъ и голосомъ, полнымъ какъ

бы сожалѣнія, сказалъ: «Э, полноте, какой онъ богословъ! Онъ просто сбившійся съ истиннаго пути пустословъ!»

Итакъ, не одни свѣтскіе люди отнеслись къ христіанству Гоголя съ чичиковскою вѣскою или хлестаковскою легкостью.

Въ лицѣ Гоголя весь русскій «свѣтъ», все русское просвѣщеніе обратилось къ Церкви съ вопросомъ, отъ котораго зависитъ будущее не только этого просвѣщенія, но и всего вообще христіанства. Церковь на вопросъ этотъ отвѣтила только проклятіемъ, слезами и шуткою.

«Знаю,—говоритъ Гоголь,—что дамъ сильный отвѣтъ Богу за то, что не исполнилъ, какъ слѣдуетъ, своего дѣла; но знаю, что дадутъ за меня отвѣтъ и другіе, и говорю это не даромъ; видитъ Богъ, говорю не даромъ!» — Ежели предсказаніе это исполнится, то тѣ, кому придется давать отвѣтъ за Гоголя, уже не отдѣлаются ни проклятіями, ни слезами, ни шутками.

«Скажите мнѣ: зачѣмъ мнѣ, вмѣсто того, чтобы молиться о прощеніи всѣхъ прежнихъ грѣховъ моихъ, хочется молиться о спасеніи Русской земли?» писалъ о. Матеею Гоголь передъ отъѣздомъ въ Іерусалимъ. Онъ сочинилъ и послалъ друзьямъ своимъ особую молитву, которою просилъ ихъ помолиться за него: «Исправи молитву и дай ему силу помолиться у Гроба Святого о кровныхъ своихъ, о всѣхъ людяхъ земли нашей, о ея мирномъ времени, о примиреніи всего въ ней враждующаго и негодующаго, о водвореніи въ ней любви и воцаренія въ ней Твоего Царствія, Боже!—И сподоби его, Боже, возстать отъ Святого Гроба съ обновленными силами, бодростью и рвеніемъ, возвратиться къ дѣлу и труду своему, на добро землѣ своей и на устремленіе сердець къ прославленію святого имени Твоего!»

Объ этой молитвѣ о. Матеей могъ бы сказать только то, что онъ, дѣйствительно, говорилъ Гоголю, если не этими словами, то въ этомъ духѣ: молитва твоя внушена не христіанскимъ смиреніемъ, а сатанинскою гордостью; ты впалъ въ прелесть. Прежде, чѣмъ думать о спасеніи Россіи, по-

думай о собственномъ твоёмъ спасеніи, окаянный грѣшникъ!

Почему же, однако, теперь, черезъ полвѣка, такъ хочется, чтобы не праведный о. Матѳей, уклончивый Филаретъ, умѣренный Иннокентій, богословный Григорій, а грѣшный, непреклонный, неумѣренный, небогословный Гоголь помолился именно этою новою молитвою о нашемъ спасеніи, о спасеніи Россіи, у Престола Господня? Почему такъ вѣрится, что молитва эта болѣе, чѣмъ какая-либо другая, будетъ услышана?

«Будьте не мертвые, живыя души»—это послѣдній завѣтъ Гоголя всѣмъ намъ, не только русскому обществу, но и русской церкви.

Что же намъ дѣлать, чтобы исполнить этотъ завѣтъ? Одни говорятъ: нельзя быть живымъ, не отрекшись отъ Христа. Другіе: нельзя быть христіаниномъ, не отрекшись отъ жизни. Или жизнь безъ Христа, или христіанство—безъ жизни. Мы не можемъ принять ни того, ни другого. Мы хотимъ, чтобы жизнь была во Христѣ и Христосъ въ жизни. Какъ это сдѣлать?

Гоголю на вопросъ этотъ церковь ничего не отвѣтила.— Можетъ-быть, тогда еще не исполнились времена и сроки. Но теперь они исполняются.

Пусть же церковь отвѣтитъ. Мы спрашиваемъ.

Примѣчанія къ XIV тому.

Грядущій хамъ. Первый отрывокъ этой статьи, соотвѣтствующій главамъ III—V настоящаго изданія, помѣщенъ былъ подъ названіемъ «*Мъщанство и интеллигенція*» въ журналѣ «Полярная Звѣзда» за 1905 г. (редакторъ—П. Б. Струве), № 1, стр. 32—42. Дальнѣйшія главы (VI—VIII) были напечатаны въ № 3-мъ того же журнала за тотъ же годъ, стр. 185—192 подъ названіемъ «Грядущій хамъ». Въ отдѣльномъ изданіи (М. В. Пирожкова) статья появилась въ 1906 г. СПБ., 8°, стр. 185+1. Въ полномъ собраніи сочиненій Д. С. Мережковскаго, изданномъ товариществомъ М. О. Вольфъ въ 1911 г., статья помѣщена въ т. XI.

Желтолицыя позитивисты. Въ собраніи сочиненій Д. С. Мережковскаго статья появляется впервые въ настоящемъ изданіи. Напечатана была въ журналѣ «Вѣстникъ иностранной литературы» за 1895 г. (редакторъ—Ө. И. Булгаковъ), № 3, стр. 71—84.

Чеховъ и Горькій. Отрывокъ этой статьи былъ напечатанъ подъ названіемъ «О Чеховѣ» въ журналѣ «Вѣсы» за 1905 г., № 11, стр. 1—26. Статья вошла въ сборникъ изданія 1906 г. Въ изданіи т-ва М. О. Вольфъ помѣщена въ т. XI.

Теперь или никогда. Статья впервые появилась въ печати съ подзаголовкомъ «О церковномъ соборѣ» въ журналѣ «Вопросы Жизни» за 1905 г. (редакторъ—Н. О. Лосскій), № 4—5, стр. 295—319. Перепечатана была въ сборникъ статей Д. С. Мережковскаго подъ общимъ названіемъ «Грядущій хамъ» въ 1906 г. Въ изданіи т-ва М. О. Вольфъ помѣщена въ т. XI.

О новомъ религіозномъ дѣйствіи. Первоначально появилось въ журналѣ «Вопросы Жизни» за 1905 г., № 11, стр. 358—376. Перепечатано въ сборникъ статей въ 1906 г. Въ изданіи т-ва М. О. Вольфъ помѣщено въ т. XI.

Пророкъ русской революціи. Впервые появилось въ журналѣ «Вѣсы» за 1906 г., № 2, стр. 27—45 и № 3—4, стр. 19—47. Въ томъ же году вышло отдѣльнымъ изданіемъ (М. В. Пирожкова) СПБ., 1906, 8°, стр. 152+1. Въ изданіи т-ва М. О. Вольфъ помѣщено въ т. XI.

Примѣчанія къ XV тому.

I.

Сборникъ статей подъ общимъ названіемъ «Большая Россія» вышелъ въ 1910 г. Большая часть статей, вошедшихъ въ этотъ сборникъ, была издана въ 1909 г. подъ названіемъ «Зимнія радуги». Въ изданіи Вольфа статьи помѣщены въ т. XII. До выхода въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ статьи были напечатаны:

Зимнія радуги. «Рѣчь», 1908 г., № 314 отъ 21 декабря. Первоначальное заглавіе—«Петербургу быть пусту».

Конь блѣдный. «Рѣчь», 1909 г. №№ 265 и 266 отъ 27 и 28 сентября.

Иванычъ и Глѣбъ. «Рѣчь». 1909 г., № 188 отъ 12 іюля (подъ заглавіемъ «Иванычъ и Глѣбъ»), № 279 отъ 11 октября («Царство Глѣба») и № 286 отъ 18 октября («Власть земли и власть неба»).

Головка виснеть. «Рѣчь», 1909 г., № 79 отъ 22 марта.

Семь смиренныхъ. «Рѣчь», 1909 г., № 112 отъ 26 апрѣля.

Къ соблазну малыхъ сихъ. «Рѣчь», 1909 г., № 244 отъ 6 сентября.

Сердце человѣческое и сердце звѣриное. «Рѣчь», 1909 г., № 38 отъ 8 февраля.

Борьба за догматъ. «Рѣчь», 1908 г., № 307 отъ 14 декабря.

Аракчеевъ и Фотій. «Рѣчь», 1909 г., № 65 отъ 8 марта.

Елизавета Алексѣевна. «Рѣчь», 1909 г., № 17 отъ 18 января.

Пророчество и провокація. «Рѣчь», 1909 г., № 3 отъ 4 января

Свинья Матушка «Рѣчь», 1909 г., № 300 отъ 1 ноября.

Земля во рту. «Рѣчь», 1909 г., № 314 отъ 15 ноября.

Когда воскреснеть. «Рѣчь», 1909 г., № 86 отъ 29 марта.

II. Гоголь.

Впервые появилось въ печати въ журналѣ «Новый Путь», за 1903 г., № 1, стр. 37—81 (Творчество), № 2, стр. 1—42 (Жизнь и религія), и № 3, стр. 123—161 (продолженіе предыдущаго). Отдѣльной книгой появилось подъ названіемъ «Гоголь и чортъ» въ изд. «Скорпіонъ», Москва, 1906 г., 8°, стр. 219. Подъ названіемъ «Гоголь» было издано въ СПБ. въ 1909 г. Въ изданіи Вольфа помѣщено въ т. X.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

І. Больная Россія.

	<i>Стр.</i>
Зимнія радуги	5
Конь блѣдный.	15
Иванычъ и Глѣбъ	32
Головка виснетъ.	60
Семь смиренныхъ	71
Къ соблазну малыхъ сихъ	84
Сердце человѣческое и сердце звѣриное.	92
Борьба за догматъ	102
Аракчеевъ и Фотій	110
Елизавета Алексѣевна.	122
Пророчество и провокація.	133
Душа Сахара	141
Свинья Матушка	145
Земля во рту	167
Когда воскреснетъ.	179

II. Гоголь.

І. Творчество	187
II. Жизнь и религія	233
Примѣчанія къ XIV и XV т.	313
